

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

IV

2021

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 4 / 2021

DOI: 10.31143/2542-212X-2021-4

*Свидетельство о
регистрации*

Эл № ФС77-59844
от 17 ноября 2014

ISSN

2542-212X

Периодичность

4 раза в год

Учредитель/Издатель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Кабардино-Балкарский
государственный университет
им. Х.М. Бербекова»

E-mail редакции

caucasology.kbsu@gmail.com

URL-адрес издания

[http://www.kbsu.ru/nauchnye-
izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/](http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/)

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, директор Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афаковна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллари Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, Director, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Grozny, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор

Боров Аслан Хажисмелович

Редакционная коллегия

Кажаров А.Г. (заместитель главного редактора),
Азикова Ю.М. (ответственный секретарь),
Аккиева С.И., Аствацатурова М.А., Баразбиев М.И.,
Бауаев К.К., Берберов Б.А., Бозиева Н.Б., Борова А.Р.,
Бугай Н.Ф., Бухуров М.Ф., Геграев Х.К., Гутов А.М.,
Дзамихов К.Ф., Иванова С.Ю., Канукова З.В.,
Кочесоков Р.Х., Кудаета З.Ж., Кузьминов П.А.,
Кучукова З.А., Мамсиров Х.Б., Муратова Е.Г.,
Нальчикова Е.А., Прасолов Д.Н., Сабанчиев Х.-М.А.,
Тамазов М.С., Текуева М.А., Тимижев Х.Т.,
Тхагапсоев Х.Г., Тенов Т.З., Узнародов Д.И.,
Узнародов И.М.

Editor-in-Chief

Borov Aslan Hazhismelovich

Editorial board

Kazharov A.G. (Deputy Editor-in-Chief),
Azikova Yu.M. (Executive Secretary),
Akkieva S.I., Astvatsaturova M.A., Barazbiev M.I.,
Bauaev K.K., Berberov B.A., Bozieva N.B., Borova A.R.,
Bugay N.F., Buhurov M.F., Gegraev Kh.K., Gutov A.M.,
Dzamiyov K.F., Ivanova S.Yu., Kanukova Z.V.,
Kochesokov R.Kh., Kudayeva Z.Z., Kuzminov P.A.,
Kuchukova Z.A., Mamsirov Kh.B., Muratova E.G.,
Nalchikova E.A., Prasolov D.N., Sabadchiev Kh.-M.A.,
Tamazov M.S., Tekueva M.A., Timizhev Kh.T.,
Thagapsoev Kh.G., Tenov T.Z., Uznarodov D.I.,
Uznarodov I.M.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Средневековая и новая история

Мирзоев А.С.

Воинский класс и военная организация традиционного черкесского общества (XV – середина XIX в.) 12-32

Алхасова Д.М.

Судебные полномочия начальника Центра кавказской линии в 30–50-е гг. XIX в. 33-47

Боров А.Х., Муратова Е.Г., Азикова Ю.М.

Центральный Кавказ как пространство социально-политических взаимодействий: итоги и перспективы изучения 48-85

Прасолов Д.Н.

«Вся Кабарда встретит этот акт с чувством великого нравственного удовлетворения...». Статья Г. Баева «О присоединении Малой Кабарды к Большой» 86-107

Новейшая история

Дзамихов К.Ф., Кажаров А.А., Тамазов М.С.

«Разногласия в самой массе нет. В верхах есть...». Документы и материалы о выходе Балкарии из состава Горской республики и образовании Кабардино-Балкарской автономной области 108-153

Бабич И.Л., Шнелле Й.

Джамал Бей Албогачиев: общественно-политическая жизнь в эмиграции 154-170

Чернявский И.В.

Военнослужащие восточных легионов вермахта в рядах партизан Западной Беларуси: переходы, деятельность, дальнейшая судьба (1941–1944 гг.) 171-184

Кушхабиев А.В.

Земельный вопрос в деятельности кабардинских общественных объединений в начале XXI века 185-204

Тумов А.А.

Нелиберальное миротворчество и региональная политическая динамика в постсоветской России 205-232

Татаров А.А.

Постсоветское государство и институционализация ислама в Кабардино-Балкарии 233-245

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

Хавжокова Л.Б., Атласкирова Р.С.

Жанр баллады в кабардинской литературе: генезис и эволюция **246-259**

Кажарова И.А.

Литература как «форма работы на идеологическом фронте» и ценностные основания интерпретации идеологизированного творчества **260-280**

Хашир К.О.

Басенное наследие Барасби Тхамокова: поэтика и проблематика **281-295**

Наши авторы

296-298

CONTENTS

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY

Medieval and modern history

Mirzoev A.S.

Military class and military organization of traditional Circassian society (15 – mid 19th century) **12-32**

Alkhasova D.M.

The Judicial Powers of the Head of the Center of Caucasian Line in the 1830–1850s **33-47**

Borov A.Kh., Muratova E.G., Azikova Yu.M.

Central Caucasus as a Space of Socio-Political Interactions: Historiographical Results And Research Prospects **48-85**

Prasolov D.N.

"The Whole Kabarda will Greet this Act with a Sense of Great Moral Satisfaction...". Article of G. Bayev "About Joining of Minor Kabarda to the Great Kabarda" **86-107**

Contemporary history

Dzamikhov K.F., Kazharov A.G., Tamazov M.S.

“There are no Disagreements Among the Masses. There are on the Top...”. Documents and Materials on the Exit of Balkaria from the Gorsk Republic and the Formation of the Kabardin-Balkar Autonomous Region **108-153**

Babich I.L., Schnelle J.

Jamal Bey Albogachiev: Public and Political Life in Emigration **154-170**

Charniauski I.V.

Soldiers of the Eastern Legions of the Wehrmacht in the Ranks of the Partisans of Western Belarus: Transitions, Activities, Further Destines (1941–1944) **171-184**

Kushkhabiev A.V.

Land Question in the Activities of the Kabardian Civic Associations in the Early 21st Century **185-204**

Tumov A.A.

Illiberal Peace-building and Regional Political Dynamics in Post-Soviet Russia **205-232**

Tatarov A.A.

The Post-Soviet State and Institutionalization of Islam in Kabardin-Balkaria **233-245**

FOLKLORE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS

Khavzhokova L.B., Atlaskirova R.S.

Ballad Genre in Kabardian Literature: Genesis and Evolution **246-259**

Kazharova I.A.

Literature as a “Form of Work in the Ideological Front” and Value Bases for the Interpretation Ideologized Creativity **260-280**

Khashir K.O.

Fables in the Literary Heritage of Barasbi Tkhamokov: Poetics and Problems **281-295**

Our authors

296-298

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

УДК 930.8 (471.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-12-32

**ВОИНСКИЙ КЛАСС И ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО
ЧЕРКЕССКОГО ОБЩЕСТВА
(XV – СЕРЕДИНА XIX в.)****А.С. МИРЗОЕВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр 'Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук'»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: marzeibach@mail.ru*

Аннотация. Предметом исследования в статье является эволюция структуры, социального состава, численности, мобилизационных возможностей, принципов формирования воинского класса Черкесии в период с XV по 60-е гг. XIX столетия. Изучение этих вопросов способствует пониманию историко-политических и социально-экономических процессов, происходивших на Центральном и Северо-Западном Кавказе в период с Позднего Средневековья по Новое время. Указанные цели рассматриваются с использованием принципа историзма, историко-сравнительного, ретроспективного, сравнительного и других методов. В статье анализируются состояние источников и историографии, различные оценки исследователей по обозначенной проблеме, высказывается своя точка зрения. Научная новизна предлагаемой статьи заключается в том, что в ней определяются главные факторы, повлиявшие на эволюцию воинского класса Черкесии: распространение в XVII в. огнестрельного оружия в виде фитильных ружей и смена комплекса вооружения в течение XVIII в., ставшего следствием появления ружей с нарезным стволом и кремниевым замком. Рассматриваются вопросы роста численности воинского класса в XVII в. за счет крестьянских сословий; формирования в XVIII в. из крестьянского ополчения, ранее использовавшегося исключительно в пехоте, конного бездоспешного войска; увеличения удельного веса дворянства в структуре населения феодальных владений Черкесии. Отмечаются специфика и различия в составе воинского класса, способах мобилизации, принципах формирования войск и военной организации в аристократических и демократических полициях Черкесии. На основе анализа источников определяется реальный и потенциальный воинский ресурс аристократических и демократических политий Черкесии, демографический потенциал и их эволюция в течение периода XVII–XIX вв. Если в XV–XVI вв. основу вооруженных сил всех политий Черкесии составляло немногочисленное, профессиональное конное дворянское войско, то в период XVII–XIX вв. воинский класс Черкесии увеличился за счет различных категорий крестьянства. Реальный воинский ресурс

Черкесии для XVII в. оценен в 70 тыс. человек, для XVIII и XIX вв. – около 90 тыс. человек. Общий демографический потенциал Черкесии в XVIII – середине XIX в. оценивается в 900 тыс. чел.

Ключевые слова: воинский класс; мобилизационный ресурс; способы мобилизации; смена комплекса вооружения.

MILITARY CLASS AND MILITARY ORGANIZATION OF TRADITIONAL CIRCASSIAN SOCIETY (15 – MID 19th CENTURY)

A.S. MIRZOEV

*Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budget Scientific Establishment
«Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of
Sciences'»*

360000, Nalchik, Pushkin st., 18

E-mail: marzeibach@mail.ru

Abstract. The subject of research in the article is the evolution of the structure, social composition, number, mobilization capabilities, principles of the formation of the military class of Circassia in the period from the 15th to the 60s of the 19th century. The study of these issues contributes to the understanding of the historical-political and socio-economic processes that took place in the Central and North-Western Caucasus during the period from the Late Middle Ages to the New Age. These goals are considered using the principle of historicism, historical-comparative, retrospective, comparative and other methods. The article analyzes the state of sources and historiography, various assessments of researchers on the indicated problem, and expresses its own point of view. The scientific novelty of the proposed article lies in the fact that it defines the main factors that influenced the evolution of the military class of Circassia: the spread in the 17th century. firearms in the form of wick guns and a change in the armament complex during the 18th century, which was the result of the appearance of guns with a rifled barrel and a flint lock. The article deals with the growth of the military class in the 17th century. at the expense of the peasant classes; formation in the 18th century. from the peasant militia, previously used exclusively in the infantry, mounted armless troops; increase in the proportion of the nobility in the structure of the population of the feudal possessions of Circassia. The specifics and differences in the composition of the military class, methods of mobilization, principles of the formation of troops and military organization in the aristocratic and democratic polities of Circassia are noted. On the basis of the analysis of sources, the real and potential military resource of the aristocratic and democratic politicians of Circassia, the demographic potential and their evolution during the period of the 17–19th centuries are determined. In the 15–16th centuries the basis of the armed forces of all the polities of Circassia was a small, professional equestrian army of the nobility. In the period of the 17–19th centuries, the military class of Circassia increased at the expense of various categories of the peasantry. The real military resource of Circassia for the 17th century estimated at 70 thousand people, for the 18 and 19th centuries – about 90 thousand people. The general demographic potential of Circassia in the 18 – mid 19th centuries is estimated at 900 thousand people.

Keywords: military class; mobilization resource; methods of mobilization; change of the armament complex.

Введение

Начиная с раннего средневековья и вплоть до последних дней независимого существования базовая личность адыгского общества – это воин, а доминирующая тема – военная культура, милитаризованный быт. Это было обусловлено как перманентным силовым давлением извне, так и внутренними социальными процессами. Военизированный быт стал основой сложения военной культуры, как определяющего фактора всей социальной организации [Мирзоев 2013: 73].

Здесь сложился специфический воинский культ и многочисленный воинский класс [Марзей 2004: 26]. Его костяк составляли черкесские князья (пши) и многочисленное, возглавляемое ими, сословие дворян (уорков). Военное ремесло составляло исключительное занятие уорков: им было предосудительно заниматься любой производственной деятельностью, торговлей и даже религией. Надо заметить, что подобный образ жизни вела и часть крестьянства. Война была важным средством социальной мобильности: крестьянин, неоднократно проявлявший храбрость во время сражений, мог быть возведен в дворянское звание [Марзей 2004: 28].

Особенностью социальной структуры феодальных социально-политических образований Черкесии было то, что воинский класс в них составляли не только представители высших сословий, но и различные категории крестьянства, пользовавшиеся правом ношения и использования оружия. Но их роль и место в составе воинского класса в разные исторические периоды была различна. Объектом исследования является в целом воинский класс всех территориальных единиц этносоциального пространства Черкесии, условия его формирования и эволюция в ходе исторического развития. Предметом исследования являются такие аспекты как численность, структура, демографический и воинский потенциал, влияние новых видов вооружения в виде различных типов огнестрельного оружия на динамику численности и структуры воинского класса.

Вопросы, связанные с военной организацией традиционного адыгского (черкесского) общества, структурой и численностью воинского класса освещаются в работах как ранних авторов (Хан-Гирей [Хан-Гирей 1992], С. Броневский [Броневский 1823], И. Бларамберг [Бларамберг 1992], В.А. Потто [Потто 1994], Н. Дубровин [Дубровин 1991]), так и представителей советской исторической школы (Е.Н. Кушева [Кушева 1963], В.К. Гарданов [Гарданов 1956; Гарданов 1967], Е.Д. Налоева [Налоева 2015]), а также современных ученых (Б.Х. Бгажноков [Бгажноков 2004], Т.Х. Алоев [Алоев 2008], Дж.Я. Рахаев [Рахаев 2009], З.А. Кожев [Кожев 1998; Кожев 2019; Кожев 2020] и др.).

В этих работах указанные параметры (потенциал, структура, численность) рассматриваются в исторической динамике, но не рассматривается основная причина происходивших изменений – смена комплекса вооружения, произошедшая в XVII и XVIII вв. Задача настоящей статьи – показать взаимосвязь между изменениями потенциала, структуры и

численности воинского класса и вышеуказанным фактором, а именно – распространением огнестрельного оружия.

Воинский класс и его структура

Начиная с XV в. место воинского класса в этносоциальном пространстве Черкесии можно проследить по письменным источникам. В первом в средневековой литературе этнографическом описании адыгов, принадлежащем перу Дж. Интериано, «страна зихов, именуемых черкесами» предстает как ряд самостоятельных феодальных владений с разделением общества на князей, дворян, крестьян и рабов. Первые два сословия образуют, по сути, особый воинский класс, для которого занятие каким-либо видом деятельности, кроме военной и административно-управленческой, было неприемлемо. Это были исключительно конные воины, обладавшие дорогостоящим наступательным и оборонительным вооружением [Интериано 1974: 47, 49]. Крестьянам было запрещено иметь в своей собственности кольчуги и верховых коней. Они привлекались к военным действиям только в случае серьезной внешней угрозы: князья раздавали им оружие, которое забирали сразу же после завершения военных действий. В феодальных междоусобных войнах крестьяне участия не принимали. У Интериано нет сведений о военном и демографическом потенциале Черкесии, но в его повествовании есть свидетельства высокого уровня военной подготовки черкесских воинов [Интериано 1974: 50].

Из русских источников известно, что в XVI в. огнестрельное оружие не было распространено среди черкесов. Кабардинские князья прорусской политической ориентации постоянно просили московское правительство о присылке им в помощь стрельцов «с огненным боем» для участия в войнах со своими политическими противниками [Кушева 1963: 131]. Такая помощь им неоднократно оказывалась, но на просьбы о покупке в Москве огнестрельного оружия они получали неизменно отказ.

Со второй пол. XVII в. на Кавказ из Крыма и Османской империи через торговые связи и как трофеи массово поступает огнестрельное оружие в виде фитильных ружей. Конструкция, габариты, тяжелый вес фитильных ружей не позволяли использовать их в среде конных воинов. Поэтому элитная черкесская кавалерия продолжала делать ставку в бою на клинковое оружие – длинную черкесскую саблю. Огнестрельное же оружие адаптировалось в среде пеших воинов, которые в Черкесии набирались исключительно в крестьянской среде [Кушхабиев, Наков 2017: 114].

Пехота в феодальных политиях Черкесии формировалась всегда из крестьянских сословий, но в предыдущий исторический период (XV–XVI вв.) она широко не использовалась. Теперь же, в письменных источниках второй пол. XVII в. среди воинских контингентов феодальных владений часто наряду с конными воинами упоминаются многочисленные отряды пехоты, вооруженной ружьями. В частности, по свидетельству турецкого путешественника Э. Челеби, жанинский князь Антонико – «владелец 10 тысяч богатырей-всадников с колчанами и пеших черкесов-джигитов с ружьями» [Челеби 1979: 63]. «Бей

хегаков Энджерук-бей» владеет 3 тысячами конных и пеших воинов [Челеби 1979: 62]. Представители черкесской феодальной аристократии сражались исключительно верхом, конь и защитное вооружение были маркерами рыцарской культуры. Конная панцирная кавалерия именовалась по-черкесски «уэркъыдзэ» (дворянское войско), вооруженное крестьянское ополчение обозначалось, согласно фольклорным данным, термином «шхъуэ».

С этого времени в воинских контингентах увеличивается численность необученных, лишенных защитных доспехов, но многочисленных масс пехоты, набираемых из числа крестьянских сословий [Челеби: 1979: 52–98].

Таким образом, в XVII в. в составе воинского класса черкесских феодальных владений происходят важные изменения – крестьянские сословия, вооруженные огнестрельным оружием, наряду с дворянством включаются в состав воинского класса. Как и раньше, они использовались при внешней угрозе, в междоусобных внутренних конфликтах принимала участие только панцирная дворянская кавалерия.

Как отмечает З.А. Кожев, Кабарда в XVII в. представляла собой яркий образец феодального общества, в котором основной боевой силой в феодальных войнах выступало немногочисленное, но высокопрофессиональное рыцарское дворянское конное войско [Кожев 2019: 118, 122, 123, 127, 129].

В феодальных войнах того времени легкая кавалерия, набранная из крестьян, не вооруженных защитным доспехом, не могла бы противостоять дворянской панцирной коннице. По этой причине простая недоспешная конница из т.н. «черных людей» в это время не использовалась.

В XVIII в. на Кавказ из Турции поступают ружья с искровым кремниевым замком. Со временем местные мастера налаживают производство ружей, обладавших рядом специфических черт, что позволило дать им определение «кавказский тип ружья». В отличие от турецких образцов, это были облегченные ружья с тонкой ложей, узким длинным прикладом, нарезным стволом и кремниевым замком. Конструкция кремниевого замка и самого ружья, система ношения его в бурочном чехле позволили адаптировать его к использованию в кавалерии [Аствацатурян 1995: 10]. Именно в это время из крестьян начинают формировать отряды легкой недоспешной кавалерии. Происходит окончательная смена комплекса вооружения. На смену комплексу, использовавшемуся сугубо в аристократической среде (кольчуга, шлем, налокотники, длинная черкесская сабля, лук со стрелами, кинжал), приходит новый комплекс, сформировавшийся в крестьянской среде (ружье, шашка, кинжал) [Кушхабиев, Наков 2017: 113–114].

Появление кремневых ружей с нарезными стволами и их широкое распространение имели серьезные последствия, приведшие к изменениям в социально-политическом устройстве и в структуре воинского класса черкесских политий. Но эти процессы развивались по-разному в Западной и Восточной Черкесии.

В Западной Черкесии свободные общинники – тфокотли, владея собственными крепостными крестьянами, активно занимаясь торговлей, которой пренебрегали аристократические сословия, сделались богаче и

зажиточнее большинства князей и дворян. Верхушка тфокотлей, находясь по сословной принадлежности за пределами адыгского дворянства, фактически приближалась к классу феодалов [Гарданов 1967: 200]. Наравне с уорками тфокотли считались воинами, обладавшими необходимыми этикетными качествами, высоко ценимыми в черкесском обществе. Дворяне из аристократических черкесских субэтносов охотно отправляли своих детей на воспитание к старшинам-тфокотлям из числа шапсугов, абадзехов и натухайцев, так как аталычество, наряду с наездничеством, было ключевым институтом воинского воспитания черкесской молодежи из аристократических сословий.

Широкое распространение в крестьянской среде огнестрельного оружия ускорило упадок военного могущества местных феодальных династий, основанного на исключительном праве владения дорогостоящим комплексом рыцарского вооружения.

Вышеперечисленные факторы привели в XVIII в. к крестьянской революции в Западной Черкесии. Тфокотли не только освободились от всякой формы феодальной зависимости, но и лишили князей и дворян привилегий в политической и военной сфере. На этнополитической карте Черкесии в первой четверти XVIII в. появились политии с народно-демократической формой правления – Абадзехия, Шапсугия и Натухай [Гарданов 1967: 143–144]. Военная, политическая, судебная власть в них была сосредоточена в руках выборных старейшин. При избрании руководящих органов учитывался как территориальный, так и клановый принцип. Образовавшиеся демократические политии были очень привлекательны для зависимых крестьян Темиргоя, Бжедугии, других равнинных феодальных княжеств, и они массово туда переселялись, обретая свободу и становясь полноправными членами так называемых «адыгских братств» [Гарданов 1967: 252–264]. Поэтому численность шапсугов, натухайцев и абадзехов в XVIII в. значительно выросла, соответственно сократился по сравнению с XVII в. демографический и военный ресурс соседних с ними аристократических феодальных владений Черкесии.

Смена комплекса вооружения со второй пол. XVIII в. в Восточной Черкесии (Кабарде), напротив, способствовала увеличению удельного веса дворянства в социальной структуре общества. Дорогостоящие кольчуги, легко пробиваемые пулями из нарезных ружей, потеряли свое значение как оборонительный доспех и перестали быть обязательным компонентом «уэркъ тын» (узденской дани) – даров, получаемых дворянами при поступлении на службу к князю. При этом крепостные крестьяне (одна или несколько семей) оставались составной частью «узденской дани», так как без них дворяне, которым хозяйственная деятельность была запрещена, не могли поддерживать свой социальный статус. У князей, чье военное и политическое могущество прямо зависело от количества находящихся у них на службе дворян, появилось больше материальных возможностей обращать в дворянское сословие представителей крестьянства и переселенцев из других обществ, принимая их к себе на службу. Общая доля уорков в социальной структуре Кабарды увеличилась с 10 % в XVII в. до 20 % во второй пол. XVIII – первой пол. XIX в.

[Бгажноков 2004: 52]. По оценке Дж. Я. Рахаева, численность дворянства в Кабарде в XVIII в. достигала трети населения страны [Рахаев 2009: 126].

Геополитическое положение Кабарды, расположенной в центре Северного Кавказа, имевшей врагов и союзников на многих фронтах, необходимость контроля над пограничными пространствами требовали ресурсного напряжения и численного роста воинского класса [Рахаев 2009: 126].

В Западной Черкесии по свидетельству Р. Скасси все мужчины «с возраста 13–15 лет и до старости приучены носить оружие» [Скасси 1974: 285]. Он не делает никаких оговорок для различных сословий, однако вряд ли домашние рабы (унауты) обладали правом ношения оружия.

В феодальных владениях Черкесии крепостное крестьянство (пшитли) делилось на чагаров (огов) и холопов (лагунапытов). Термины «чагары» и «холопы» использовались в русских документах. Наименования оги (Іуэгу) и лагунапыты (лэгъунэІут) – черкесского происхождения [Думанов 1990: 132]. Оги жили отдельными дворами за пределами усадьбы своего господина, вели собственное хозяйство, выплачивали фиксированный адатами натуральный оброк и выполняли сравнительно незначительную барщину [Гарданов 1967: 220–221]. Особенностью феодальных отношений в Черкесии было то, что крепостные крестьяне из сословия огов могли владеть крепостными крестьянами из сословия лагунапытов. Последние либо захватывались в плен в ходе военных предприятий, в которых участвовали оги, либо приобретались ими покупкой [Правовые нормы... 1997: 62, 87, 173]. Зажиточные оги, владеющие лагунапытами, могли высылать их вместо себя на работы, связанные с отработочной рентой. Частично освобождая себя от производительного труда, оги получали возможность уделять время военному ремеслу. Они занимались наездничеством, воспринимали воинский образ жизни, и их можно отнести к воинскому классу. В русских источниках они фигурируют как токашавы (черкесское лъхукъуэщауэ или лъхукъуэщо – букв.: «крестьянские витязи»).

Поэтому они привлекались феодальными владельцами к воинской повинности: «Чагары княжеские должны из каждого дома всякий день являться верхом на собственной лошади и с оружием к князю для услуг и исполнять все приказания его...» [Правовые нормы... 1997: 46, 169]. При этом в нормах обычного права оговаривается, что «крепостные люди участвуют в набегах и сражениях не иначе как с дозволения своего владельца, совместно с ним, который имеет оных при себе как телохранителей своих...» [Правовые нормы... 1997: 147, 174].

Часть зажиточной верхушки чагаров, сама эксплуатировавшая холопов, с помощью института аталычества сближалась со знатью и постепенно порывала связь со своим классом. Из чагаров обычно пополнялась промежуточная прослойка между дворянами и крестьянами – сословия бейголей (бейгуэл) и пшичеу (пщыкІэу) [Налоева 2015: 132]. Бейголи несли военную службу у князей и выполняли полицейско-административные функции (взымали штрафы, собирали налоги, следили за порядком и др.). Пшичеу выполняли

функции личных телохранителей князей в мирное и военное время. Другая часть чагаров, откупаясь на волю, пополняла сословие азатов – крестьян-вольноотпущенников. Со второй половины XVIII в. их число в Кабарде заметно увеличилось. Освобожденные от отработочной и натуральной ренты, азаты привлекались к военной службе своими бывшими владельцами [Налоева 2015: 257]. Из среды азатов, как правило, пополнялось сословие исламского духовенства, ставшее довольно многочисленным в первой половине XIX в. Представители духовенства, согласно адатам, обязаны были «непременно участвовать в сражениях, делаемых черкесами, быть всегда впереди и даже нередко предводительствовать оными» [Правовые нормы... 1997: 139].

Несмотря на то, что крестьяне были широко представлены в воинском классе, основу военного могущества адыгских феодальных владений составляло дворянское войско во главе с князьями. Военные силы западночеркесских демократических политий формировали свободные общинники-тфокотли, представлявшие собой большинство населения. Но и здесь дворянам, в силу их узкого профессионализма и превосходства в военной сфере, на время войны предоставлялись командные полномочия, доверялось руководство военными предприятиями.

Мобилизационные возможности и демографический потенциал

О расселении, численности, социальной организации, военном ресурсе адыгских народностей с княжеским правлением ценные сведения сообщает турецкий сановник Эвлий Челеби.

В описании путешествия по Северному Кавказу он констатирует, что к XVII в. многие этнические группы черкесов оформились как самостоятельные политические единицы – княжества со своей территорией, населением, специфическими названиями областей и их жителей: Хегак и хегаки, Жанэ и жанейцы, Хатукай и хатукайцы, Адами и адамийцы, Болоткай (Темиргой) и болоткайцы (темиргоевцы), Бжедуг и бжедуги, Махош и махоши, Бесленей и бесленейцы, Кабарда и кабардинцы и др. Мобилизационный ресурс феодальных владений Черкесии Э. Челеби оценивает в 64 тыс. воинов. Жанеевцы имеют 13 тысяч отборных воинов, хатукайцы – 8 тысяч, бжедуги – 3 тысячи, болоткайцы (темиргойцы) – 10 тысяч, бесленейцы – 5 тысяч, хегаки – 3 тысячи конных и пеших воинов. У князей Кабарды – 10 тысяч, у владетелей Талостанея (удела, впоследствии известного как Малая Кабарда) – 12 тысяч вооруженных ружьями воинов [Челеби 1979: 56, 62]. С учетом неупомянутых Э. Челеби адамиевцев и «темрюкских черкесов», известных в более поздних источниках как адале и хетук, Б.Х. Бгажноков полагает, что общая численность воинов всех черкесских политий в XVII в. составляла около 76 тысяч [Бгажноков 2004: 51].

Среди современных исследователей существуют различные оценки демографии, воинского потенциала Черкесии, удельного веса представителей дворянства и податных сословий в структуре воинского класса.

Т.Х. Алоев, основываясь на данных архивных источников первой половины XVII в., общую численность войск всех кабардинских удельных княжеств оценивает в 10 тыс. человек [Алоев 2008: 189]. Он считает, что эти силы представляли собой профессиональную панцирную уоркскую конницу, готовую к войне как на своей территории, так и за ее пределами. Общий демографический ресурс всех кабардинских княжеств определяется им в 200 тыс. человек, а мобилизационный военный ресурс – в 40 тыс. человек (10 тыс. дворянской конницы и 30 тыс. крестьянского ополчения) [Алоев 2008: 191, 199].

Численность воинского класса всей Кабарды в XVII в., по расчетам З.А. Кожева, составляла 7,5 тыс. чел. [Кожев 2019: 118, 122, 123]. Численность военно-служилого сословия, состоящего из уорков и его долю в воинском классе и населении Кабарды З.А. Кожев определяет на основе подсчета количества селений (кабаков) в каждом уделе и среднего количества уорков, выставляемых из одного «кабака», – 20 конных панцирников [Кожев 2019: 118, 122, 123]. Так, самый крупный кабардинский удел Казыева Кабарда состоял из 50 селений с мобилизационным ресурсом «узденей добрых с тысячу с лишком, конных, да черных людей с две тысячи с лишком» [КРО 1957а: 385]. Мобилизационный ресурс, как и количество селений Джиляхстаней, в росписи «кабардинских князей и мурз» не обозначены, но если данные за 1744 г. экстраполировать на этот период (2 княжеских и 13 уоркских селений), то он составлял 300 уорков [КРО 1957b: 115]. Талостаней в это время мог выставить 700 человек уоркской конницы [КРО 1957а: 385–386]. Мобилизационный ресурс Идаровой Кабарды в XVII в. не превышал 500 уорков из 22 сел [Кожев 2019: 118, 122, 123]. Если взять за основу соотношение дворянского войска и крестьянского ополчения, указанное в источниках относительно Казыевой Кабарды, как 1 к 2 («узденей добрых с тысячу с лишком, конных, да черных людей с две тысячи с лишком»), то для всей Кабарды в XVII в. численность воинского класса должна была составлять 7,5 тыс. человек, слагаемых из 2500 уорков-панцирников и 5000 крестьянского конного ополчения, вооруженного ружьями. То есть дворяне составляли 30 % воинского класса. Если оценивать численность кабардинцев в XVII в. в 180–200 тыс. человек и считать, что от одной дворянской семьи в 5 человек выставлялся один воин (это минимальный показатель), то дворяне составляли около 7 % населения. Надо отметить, что это достаточно высокий показатель по сравнению с Европой.

Данная оценка З.А. Кожевым количества панцирной дворянской конницы для XVII в. нам представляется вполне достоверной, учитывая дороговизну защитного доспеха. Кольчуги, входившие в «дворянский подарок», стоили от одной до нескольких семей крепостных крестьян. Хан-Гирей, например, упоминает кольчугу, за которую было уплачено 30 душ крепостных обоего пола [Хан-Гирей 1992: 231]. Однако, по нашему мнению, в XVII в. крестьянское ополчение представляло собой исключительно пехоту, вооруженную ружьями, но не конницу. Существовавшие тогда фитильные ружья, которыми было вооружено крестьянское ополчение, не были адаптированы к использованию в кавалерии. Массовое использование конного

бездеспешного крестьянского ополчения имело место не ранее XVIII в., с появлением нового комплекса вооружения – нарезного облегченного ружья с кремниевым замком и пашки.

Численность военно-служилого сословия Кабарды на конец XVIII в. З.А. Кожев определяет в 4200 совершеннолетних мужчин-уорков (2800 в Большой Кабарде и 1400 в Малой Кабарде). Общая численность сословия уорков в Кабарде к концу XVIII в. с учетом женщин и несовершеннолетних детей, по мнению З.А. Кожева, не могла превышать 14–15 тыс. человек [Кожев 2020: 21–22]. При оценке им численности населения Большой и Малой Кабарды к концу XVIII в. в 110–135 тыс. человек, уорки должны были составлять 11 %. Эти расчеты произведены им на основе списков выборщиков из числа князей и дворян, имевших право выбирать и быть избранными в Родовые суды и расправы и Верхний пограничный суд в Моздоке, содержащихся в рапорте генерал-майора Ю.Б. Бибикова от 14 сентября 1793 г. [Сборник документов... 2003: 7–24]. По нашему мнению, эти данные учитывают только фамилии знатных дворян – владельцев деревень, сельских кварталов из дворянских сословий тлекотлеш, дыженуго и беслен-уорк. Между тем, самым многочисленным дворянским сословием были уорки-шаотлегуса, а они, по всей видимости, в этих списках не зафиксированы.

Самые достоверные данные о демографии и удельном весе всех категорий дворянского сословия в социальной структуре содержатся в переписи населения Большой и Малой Кабарды первой четверти XIX в. По данным этой переписи, численность населения всей Кабарды в 1825 г. составляла 25 тыс. человек. Резкое сокращение численности населения Кабарды по сравнению с XVIII в. произошло из-за катастрофических демографических потерь в результате череды войн, а также занесенных в Кабарду эпидемий чумы и холеры. Из этих 25 тыс. человек – 2470 чел. мужского пола из числа узденей третьей степени (беслен-уорки и уорк-шаотлегуса), 368 – узденей первой степени (тлекотлеш и дыженуго), 74 – князей [Сборник документов... 2003: 71–144]. Общая численность всего дворянского сословия составляла 5826 чел. (мужчин и женщин), или 23 % населения. Если это соотношение экстраполировать на XVIII в., то при предполагаемой численности кабардинцев в XVIII в. в 200000 чел., 23 % населения из дворянских сословий должно было составить 46 тыс. чел. При минимальном количестве дворянской семьи, составлявшей одного воина, в 5 человек, численность дворянского войска в Кабарде в XVIII в. составляла 9200 чел. Эти цифры подтверждаются данными русских источников. В частности, в документе 1775 г. из Коллегии иностранных дел сообщается: «Большая Кабарда в состоянии была выставить конного войска в поле до 6000 человек, состоящего из одних беков и узденей, а Меньшая до 3000» ... [КРО 1957b: 318]. При этом надо заметить, что в XVIII в. дворянское войско включало в себя уже не только одних панцирников. Число таковых могло достигать 3 тыс. человек. Данная ситуация, как уже отмечалось, была связана с появлением нарезных кремневых ружей и обесцениванием защитных функций кольчуг. Панцири продолжали использовать в это время, но их уже не производили.

Для XVIII в. вопрос о военном потенциале Кабарды имеет значение для определения общего воинского потенциала Черкесии. В это время тремя наиболее крупными по численности черкесскими субэтносами были кабардинцы, шапсуги и абадзехи. Остальные значительно уступали им по численности и соответственно по воинскому ресурсу. Источников этого времени о численности шапсугов и абадзехов нет, они появляются позже – в XIX в. Если брать за основу тезис о приблизительном равенстве демографического потенциала кабардинцев, шапсугов и абадзехов, то данные о воинском потенциале кабардинцев XVIII в. можно экстраполировать на эти два субэтноса Северо-Западного Кавказа.

Источники о демографическом и военном потенциале кабардинцев сообщают сильно различающиеся цифры. Соответственно различается и мнение исследователей на этот счет. Численность населения Кабарды в первой половине XVIII в. определялась В.К. Гардановым в 130–160 тыс. [История... 1967: 133], Е.Д. Налоевой – в 250–300 тыс. [Налоева 2015: 228]. Население Кабарды к концу XVIII в. оценивалось В.К. Гардановым – 180–200 тыс. [История... 1967: 133], Т.Х. Кумыковым – 300–350 тыс. [Кумыков 1965: 57], З.А. Кожевным – 110–135 тыс. [Кожев 1998: 119]. При оценке военного людского потенциала Кабарды исследователи берут за основу или непосредственные сведения источников о количестве военных сил, или же высчитывают его исходя из общего демографического потенциала. Считается, что во время войны в среднем может быть мобилизовано 10 % населения страны. К примеру, если население составляет 200 тыс. человек, то к военной мобилизации могут быть привлечены 20 тыс. человек.

Также расходятся данные русских источников XVIII в. относительно военного потенциала Кабарды. В донесении азовского губернатора Ф.М. Апраксина (1711 г.) сообщается, что в ходе переговоров представитель кабардинской делегации Али-мурза Алеев военный потенциал Кабарды оценивал так: «Князей-де их и мурз, и узденей, и черкес, которые всегда готовы к войне, конницы, оружейных, кроме черных работных людей, тысяч с пятнадцать, а в нужный случай с работными людьми их соберется тысяч с тридцать или больше; и те-де работные их люди к войне заобычны ж и всегда будут в готовности» [Кудашев 1913: 42]. Если брать 10 % населения как средний мобилизационный ресурс, то 30 тыс. воинов для Кабарды должно соответствовать демографическому потенциалу в 300 тыс. человек. Удельный же вес дворянского сословия, если брать за минимальный состав одной дворянской семьи 5 человек, составит для XVIII в. 25 % населения страны.

Согласно документу 1718 г. («Распросные речи в посольском приказе кабардинского посла Султан-Али Абашева») «черкесских кабардинских войск выходит в поле до 10 тысяч» [КРО 1957b: 19]. В «Протоколе расспроса кабардинского посла Магомета Атажукина в Коллегии иностранных дел о Большой и Малой Кабарде» 1732 г. записано: «В Большой Кабарде военных людей собирается 10 тысяч человек, половина конных, другая пехоты... А в Малой Кабарде конного войска с 700 человек конных, а сколько пехоты, того он, Магомет-бек не знает» [КРО 1957b: 60].

В «Записке о кабардинцах из материалов Коллегии иностранных дел...» отмечено, что в 1739 г. «Большая Кабарда в состоянии была выставить конного войска в поле до 6000 человек, состоящего из одних беков и узденей, а Маленькая до 3000» ... [КРО 1957b: 318]. В случае необходимости этот ресурс мог быть увеличен за счет воинов из крестьянских сословий, формировавших легкую кавалерию. В таком случае кабардинское войско могло вырасти в численности до 15 тысяч воинов [КРО 1957b: 316].

Документ от 1748 г. сообщает: «в Большой Кабарде на Баксане военных людей собраться может слишком 6 тысяч человек. А в Малой Кабарде у Татартюпа военных людей собраться может с небольшим три тысячи человек» [КРО 1957b: 158].

Для определения общей численности и состава воинского класса Кабарды в первой половине XVIII в. важное значение имеют данные о количестве чагаров, которые приводит Е.Д. Налоева. Это самое многочисленное крестьянское сословие, зажиточные представители которого, наряду с уорками, формировали военные возможности кабардинских князей. По расчетам Е.Д. Налоевой, общее число чагаров составляло 144 тыс. человек – абсолютное большинство населения Кабарды – около 60 % [Налоева 2015: 256].

В документе 1747 г. сообщается, что в отдельных чагарских дворах «бывают мужеска и женска полу душ по 30–40 и 50» [АВПР. Ф. Кабардинские дела. Д. 6. Л. 43]. Проживание большого количества людей в чагарских дворах Е.Д. Налоева объясняет тем, что состоятельные чагары имели своих холопов, которые жили с семьями в одном с ними дворе. Кроме того, в одном дворе могли жить большие патриархальные семьи, состоящие из двух, трех и более колен [Налоева 2015: 226–227]. Если взять в среднем 20 человек в одном чагарском дворе, то 144 тыс. человек дают 7200 дворов. По нормам обычного права с каждого чагарского двора для военной службы минимально выделялся один всадник. Исходя из этих данных, мы пришли к выводу, что минимальное количество крестьянского ополчения составляло 7200 всадников.

Состав княжеско-дворянской семьи, как полагал В.К. Гарданов, и с ним солидарна в этом Е.Д. Налоева, не превышал 10–12 человек мужского и женского пола [Налоева 2015: 227]. В Кабарде было всего 7 княжеских фамилий и, как свидетельствуют источники, общее количество всех взрослых князей обычно не превышало 50–60 человек. Также были немногочисленны сословия личных княжеских телохранителей пшичеу и бейголей, которых было положено иметь удельным князьям. То есть количество воинов, выставяемых князьями, пшичеу и бейголями, было несущественным в масштабах всей Кабарды.

Основу феодального войска в Кабарде составляли дворяне. Данные о количестве дворянских семей в Кабарде XVIII в. могли бы помочь в определении численности ее воинского класса. Но такие данные отсутствуют. Вышеуказанный документ из материалов Коллегии иностранных дел 1739 г. сообщает только, что «Большая Кабарда в состоянии была выставить конного войска в поле до 6000 человек, состоящего из одних беков и узденей, а Маленькая до 3000»... [Кудашев 1913: 318]. Если в XVII в. один кабардинский

«кабак» выставлял в среднем 20 воинов, то в XVIII в. для того, чтобы мобилизовать 9000 уорков, каждый из 140 населенных пунктов Большой и Малой Кабарды должен был выставить около 60 воинов. Эти расчеты говорят о том, что численность дворянства по сравнению с XVII в. должна была вырасти в три раза.

Источники XVIII в. не содержат сведений о мобилизационных возможностях и демографическом потенциале демократических политий Северо-Западного Кавказа.

Общий мобилизационный ресурс как демократических, так и аристократических обществ Черкесии в первой половине XIX в. российские военные историки оценивали по-разному. В частности, В.А. Потто [Потто 1994: 349], И. Бларамберг [Бларамберг 1992: 110] говорят о 50.000–60.000 отборных, хорошо вооруженных конных воинах.

Во время Кавказской войны в первой половине XIX в. Генеральным штабом российской армии проводился сбор разведывательных данных о демографическом и военном ресурсе черкесов. Но эта информация, собранная с помощью шпионов на неподконтрольной российским властям территории, всегда носила приблизительный, неточный характер. На наш взгляд, доверия заслуживают сведения полковника Т. Лапинского, находившегося на Северо-Западном Кавказе с 1859 по 1861 гг. Расчеты Т. Лапинского касаются шапсугов, абадзехов, нутухайцев и убыхов, составлявших основную массу населения Северо-Западного Кавказа. Их общая численность, по его данным, достигала около 800.000–900.000 человек, а общий мобилизационный потенциал – от 80.000 до 150.000 воинов, из которых на пехоту приходилось от 50000 до 100000 человек, а на конницу – от 30000 до 50000 всадников [Лапинский 1995: 79–80, 142–143; АКАК 1904: 849]. С этими цифрами согласуются показания, полученные российским правительством от Магомет-Амина, – наиба Шамиля на Северо-Западном Кавказе, прекратившего борьбу после пленения Шамиля и находившегося на российском денежном содержании с конца 1859 г. По его сведениям, численность только абадзехов, шапсугов и убыхов, без учета нутухайцев, закубанских кабардинцев, бесленеевцев, темиргоевцев, махошевцев, егерукаевцев, бжедуг, хатукаевцев, составляла не менее 720 тыс. человек [Трагические последствия 2000: 115].

Численность не учтенных Магомет-Амином черкесских субэтносов, чья территория к 50–60-м гг. XIX в. находилась уже под контролем российской администрации, составляла 130 тыс. человек. Сюда входили закубанские кабардинцы – 7400, бесленеевцы – 5000, махошевцы – 4000, темиргоевцы, егерукаевцы, мамхеговцы – 15000, гатюкаевцы – 3000, бжедуги – 4000, нутухайцы – 60000, население Кабарды – 30000 человек [Анучин 2001: 279–280; Кабузан 1996: 145, 147]. Таким образом, численность всего черкесского населения Центрального и Северо-Западного Кавказа в середине XIX в. составляла около 900 тыс. чел.

Эта цифра, выводимая для конца 50-х – начала 60-х годов XIX в. может быть отнесена и к середине – концу XVIII в. Катастрофические последствия Кавказской войны, сопровождавшейся не только гибелью населения, но и

подрывом всей системы жизнеобеспечения, различных отраслей народного хозяйства, снижением рождаемости, привели к тому, что за сто лет, с середины XVIII по середину XIX вв., общее население Черкесии не увеличилось, а сохранилось на прежнем уровне. Численность же отдельных субэтносов резко сократилась, например, кабардинцев в 10 раз.

Способы мобилизации и формирования войска

Способы мобилизации, уровень военной организации черкесских политий зависели от социальной структуры народонаселения и политической системы. Воинская дисциплина, организованность, управляемость войск, собранных в феодальных владениях, были на порядок выше, чем в войсках демократических черкесов. Это обуславливалось не только системой вассалитета, феодальной психологией дворянства, считавшего выполнение вассального военного долга и уважение сословной иерархии делом чести. Большую роль играл фактор политической интеграции черкесской феодальной элиты в военно-государственную систему Хазарии, Золотой Орды, а позднее Османской империи, Крыма, русского государства и других стран через институты выезда на службу и военного отходничества. Служба отдельных лиц и целых подразделений из феодальных владений Черкесии в армиях иностранных держав, участие в войнах за пределами этнической территории обогащали военный опыт черкесских князей и их дружин, знакомили с военным искусством, стратегическими и тактическими приемами армий соседних государств и народов, способствовали выработке профессионализма в среде черкесской военной аристократии. В отличие от Кабарды, Бесленея, Темиргоя, Бжедугии, военная активность горных черкесов – шапсугов, абадзехов, нутхайцев, убыхов – имела место в основном в границах их этнических территорий, реже в пределах Северного Кавказа. Высокие воинские качества черкесских князей и дворян совершенствовались в рамках института наездничества, в то время как в среде тфокотлей демократических политий Черкесии занятие наездничеством не являлось широко распространенным явлением [Марзей 2004: 50-51, 273-275].

Военная организация аристократических политий была построена в соответствии с иерархической системой феодального вассалитета и патроната. В черкесских княжествах действовал достаточно эффективный феодальный способ мобилизации. Рассмотрим его на примере Кабарды. В военное время верховный князь Большой Кабарды (пщышхуэ, уалиипщ) автоматически становился главнокомандующим войском – дзэпщ. По его призыву все удельные князья и их вассалы – тлехотлеши и дыженуго обязаны были явиться со своими дружинами в указанное место и время. За невыполнение военного долга, неявку в срок на сборный пункт уалиипщ имел право наложить «штраф с каждого узденя по ясырю, а с протчего народа по два быка» [Налоева 2015: 292]. Военные сборы производились в очень сжатые сроки. Кабардинский князь Магомед Атажукин в беседе с вице-канцлером России Остерманом в 1732 г. сообщал, что «когда от них повестка военным людям учинится, то в одне сутки

все, со всякою готовостию, собраться могут» [КРО 1957b: 55]. В черкесских демократических обществах доминировал территориально-клановый принцип формирования войска. Небольшие отряды от патронимических поселений объединялись в более крупные отряды от ущелий и долин. В 40-х гг. XIX в., в связи с преобразованиями административной системы под влиянием набов Шамиля, стали формировать регулярные военно-полицейские отряды «муртазаков» по примеру военной системы имамата. Делались попытки введения призывной системы: каждые 100 дворов должны были выставять по 5 вооруженных всадников. Однако отсутствие сильной центральной власти, строгой военно-феодальной иерархии, присущей военно-политической организации черкесских княжеств, делали военную организацию черкесских демократических обществ менее эффективными по сравнению с таковой у аристократических. Т. Лапинский, говоря о недостатках военной организации демократических политий Северо-Западного Кавказа, чей общий военный потенциал оценивался им в 150 000 воинов, уточнял: «150000 вооруженных – еще не 150000 солдат, которых можно по желанию перемещать и направлять. Надо принять во внимание, что не все могут идти на войну, потому что в таком случае их семьи и они сами должны были бы умереть с голоду, что концентрация больших масс в настоящее время невозможна, т.к. народ не имеет ни военной организации, ни продовольственных магазинов, ни начальника, ни запаса пороха, и даже если бы эти трудности были устранены, то незнание правил ведения войны, недостаток в артиллерии ... делает для адыгов невозможным наступательное движение вперед против русских и сопротивление в открытом сражении» [Лапинский 1995: 143].

В княжеских владениях полководцы, на время военной кампании, наделялись особыми полномочиями – за невыполнение приказов они имели право предать смерти любого ослушника, невзирая на звание [Броневский 1823: 121]. У шапсугов и абадзехов за нарушение дисциплины военный предводитель мог только конфисковать оружие и изгнать из войска [Лапинский 1995: 166].

В силу вышеперечисленных факторов уровень военной дисциплины, военного искусства, профессионализма, военной организации аристократических субэтнотетосов был гораздо выше, чем у демократических. При меньшем демографическом и мобилизационном потенциале феодальных владений, в структуре их военных сил удельный вес профессионального воинского класса – уорков был выше. Освобожденные от производственных функций, уорки были организованной военной силой, спаянной дисциплиной, корпоративным духом, понятиями вассальной верности и дворянской чести. Политическая и военная элита черкесских княжеств в отличие от демократических обществ могла оперировать контингентами, формируемыми уорками, планировать их использование не только в оборонительных сражениях на своей территории, но и в регионе всего Северного Кавказа, а также за его пределами.

Заключение

Структура, социальный состав и количество воинского класса Черкесии менялись в ходе исторического развития. Его эволюция в период феодализма прослеживается по письменным источникам конца XV – 60-х гг. XIX столетия.

В XV–XVI вв. основу вооруженных сил всех политий Черкесии составляло немногочисленное, профессиональное конное дворянское войско. Владение комплектом дорогостоящего оборонительного и наступательного оружия было привилегией аристократии и маркером рыцарской культуры. Крестьяне привлекались к военным действиям исключительно в случае серьезной внешней угрозы.

В XVII в. распространение на Северном Кавказе огнестрельного оружия привело к увеличению численности воинского класса за счет крестьянских сословий, вооруженных ружьями и формировавших исключительно пехоту. Конструкции фитильного ружья и черкесской сабли не позволяли эффективно адаптировать огнестрельное оружие в элитной черкесской кавалерии, и она по-прежнему оставалась немногочисленной дворянской панцирной конницей.

В XVIII в. происходит распространение ружей с нарезным стволом и кремниевым замком. Конструкция кремниевого замка и самого ружья, система ношения его в бурочном чехле позволили адаптировать его к использованию в кавалерии. На смену комплексу вооружения, использовавшемуся сугубо в аристократической среде (кольчуга, шлем, налокотники, длинная черкесская сабля, лук со стрелами, кинжал), приходит новый комплекс, сформировавшийся в крестьянской среде (ружье, шашка, кинжал).

Распространение в крестьянской среде нарезных ружей способствовало упадку военного могущества феодальных династий на Северо-Западном Кавказе, основанного на исключительном праве владения дорогостоящим комплексом рыцарского вооружения, что привело к демократическому перевороту у шапсугов, абадзехов и натухайцев. В демократических обществах основной контингент вооруженных сил формировало многочисленное здесь сословие свободных общинников-тфокотлей.

В аристократических политиях Черкесии основой вооруженных сил являлось профессиональное дворянское войско во главе с князьями. Смена комплекса вооружения привела к увеличению удельного веса дворянства в структуре воинского класса. Дешевизна и широкое распространение нарезных ружей обесценили кольчуги как защитное вооружение. Дорогостоящая кольчуга перестала быть обязательным элементом «уэркъ тын», и у князей появилось больше материальных возможностей принимать на службу и обращать в дворянское сословие представителей крестьянства и переселенцев из других обществ. К примеру, в XVIII в. общая доля уорков в социальной структуре Кабарды увеличилась с 10 до 20 % населения.

В XVII в. реальный воинский ресурс Черкесии, при опоре на данные Э. Челеби и при отсутствии других источников, может быть оценен в 70–75 тыс. человек.

В XVIII и XIX вв., если брать за основу сведения Т. Лапинского и Магомет-Амина, реальный воинский ресурс Закубанской Черкесии и Кабарды составлял около 90 тыс. человек, потенциальный ресурс (все взрослое вооруженное мужское население) – 300 тыс. человек.

Общий демографический потенциал Закубанской Черкесии и Кабарды в середине XIX в. оценивается нами в 900 тыс. чел. Данные за XIX в. можно экстраполировать на XVIII в., так как в течение столетия, со второй половины XVIII в. – до второй пол. XIX в., вследствие демографических потерь, связанных с Кавказской войной, отсутствовал прирост населения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АКАК 1904 – *Акты Кавказской археографической комиссии*: в 12 томах. Т. 12. – Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1904. – 1558 с.

Алоев 2008 – *Алоев Т.Х.* Факторы резистентности Большой Кабарды военному натиску Крымского ханства (вторая четверть XVII – первая треть XVIII в.) // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII в. Исследования и материалы. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. – С. 186–219.

Анучин 2001 – *Анучин Д.Г.* Очерк горских народов Правого крыла Кавказской линии // Русские авторы о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик: Издательский центр «ЭЛЬ-ФА», 2001. – Т. 2. – С. 245–298.

Аствацатурян 1995 – *Аствацатурян Э.* Оружие народов Кавказа. История оружия. – Москва-Нальчик: Хобикнига, Эль-Фа, 1995. – 191 с.

Бгажноков 2004 – *Бгажноков Б.Х.* Воинский класс и демографическое пространство Черкесии в XVII – середине XIX в. // Вестник КБИГИ. – 2004. – № 11. – С. 45–82.

Бларамберг 1992 – *Бларамберг И.* Кавказская рукопись. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1992. – 240 с.

Броневский 1823 – *Броневский С.* Кавказцы (Репринтная печать: Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М.: В типографии С. Селивановского, 1823). – Майкоп: ИПКПО «Адыгея». – 465 с.

Гарданов 1956 – *Гарданов В.К.* К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII в. // Ученые записки КБНИИ. – 1956. – Т. XXIII. – С. 78–111.

Гарданов 1967 – *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – перв. пол. XIX в.). – М: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1967. – 332 с.

Дубровин 1991 – *Дубровин Н.* Черкесы (адыге) // Материалы для истории черкесского народа. – Вып. 1. – Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1991. – С. 13–249.

Думанов 1990 – *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Первая половина XIX в. – Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1990. – 262 с.

Интерьяно 1974 – *Интерьяно Дж.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост., ред. переводов, введ. и вступ. ст. к текстам В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 43–52.

История... 1967 – *История Кабардино-Балкарской АССР* в двух томах. – М.: Издательство «Наука», 1967. – Т. I. – 482 с.

КРО 1957а – *Кабардино-русские отношения* в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в двух томах. Т. 1. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – 478 с.

КРО 1957б – *Кабардино-русские отношения* в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в двух томах. Т. 2. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – 424 с.

Кабузан 1996 – *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX вв. Этностатистическое исследование. Российская академия наук. Институт российской истории. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. – 223 с.

Кожев 1998 – *Кожев З.А.* Динамика численности населения Кабарды (XVIII – первая четверть XIX в.) // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 2. – С. 116–126.

Кожев 2019 – *Кожев З.А.* Битва на Малке (1641 г.): классический пример феодальной войны // Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVI вв. – Нальчик: Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский», 2019. – С. 115–130.

Кожев 2020 – *Кожев З.А.* Численность военно-служилого сословия Кабарды в эпоху зрелости традиционного общества (XVI–XVIII вв.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 4. – С. 12–26. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-12-26>

Кудашев 1913 – *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев: Типография С.В. Шульженко, 1913. – 283 с.

Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик: Каб.- Балк. кн. изд-во, 1965. – 420 с.

Кушева 1963 – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 371 с.

Кушхабиев, Наков 2017 – *Кушхабиев А.В., Наков Ф.Р.* К проблеме перехода черкесских феодальных сословий на комплекс вооружения, сформировавшегося в крестьянской среде (конец XVII–XIX вв.) // Вестник Адыгейского Государственного Университета. – 2017. – № 4 (209). – С. 111–118.

Лапинский 1995 – *Лапинский Т.* (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1995. – 463 с.

Марзей 2004 – *Марзей (Мирзоев) А.С.* Черкесское наездничество «ЗекIуэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. – Нальчик: Издательский центр ЭЛЬ-ФА, 2004. – 302 с.

Мирзоев 2013 – *Мирзоев А.С.* Некоторые особенности черкесской (адыгской) цивилизации и традиционной этнической культуры // История науки и техники. – 2013. – № 7. – С. 69–76.

Налоева 2015 – *Налоева Е.Д.* Кабарда в первой половине XVIII в. // Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – С. 213–353.

Потто 1994 – *Потто В.А.* Кавказская война: в 5 томах. Т. 5. – Ставрополь: Кавказский край, 1994. – 398 с.

Правовые нормы... 1997 – *Правовые нормы* адыгов и балкаро-карачаевцев в XV–XIX веках. – Майкоп: Издательство «Меоты», 1997. – 296 с.

Рахаев 2009 – *Рахаев Дж.Я.* Кабарда в системе международных отношений в начале XVIII в. // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа. Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. – Нальчик: Издательство Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. – С. 123–182.

Сборник документов... 2003 – *Сборник документов* по сословному праву народов Северного Кавказа (1793–1897 гг.). – Нальчик: Эль-фа, 2003. – Т. 2. – 488 с.

Скасси 1974 – *Скасси Р.* Извлечение из записки о делах Черкесии, представленной господином Скасси в 1816 г. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост., ред. переводов, введ. и вступ. ст. к текстам В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 281–285.

Трагические последствия... 2000 – *Трагические последствия* Кавказской войны для адыгов (вторая половина XIX – начало XX вв.): сборник документов и мат-лов / сост. Р. Х. Гугов, Х. И. Касумов, Д. В. Шабаетов. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 464 с.

Хан-Гирей 1992 – *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. – Нальчик: «Эльбрус», 1992. – 346 с.

Челеби 1979 – *Челеби Э.* Книга путешествия / Под ред. А.П. Григорьева, А.Д. Прим. и комм. А.П. Григорьева и А.Д. Желтякова. – Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Донья. – М.: Наука, 1979. – 287 с.

АВПП – Архив внешней политики России.

REFERENCES

Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii: v 12 tomakh. T. 12 [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 vols. Vol. 12]. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1904. – 1558 p. (In Russian)

ALOEV T.Kh. *Fakty rezistentnosti Bol'shoi Kabardy voennomu natisku Krymskogo khanstva (vtoraya chetvert' XVII – pervaya tret' XVIII v.)* [Factors of resistance of Big Kabarda to the military onslaught of the Crimean Khanate (second quarter of the 17th – first third of the 18th century)]. IN: *Kanzhal'skaya bitva i politicheskaya istoriya Kabardy pervoi poloviny XVIII v. Issledovaniya i materialy* [Battle of Kanzhal and the political history of Kabarda in the first half of the 18th century. Research and materials]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2008. – P. 186–219. (In Russian)

ANUCHIN D.G. *Ocherk gorskikh narodov Pravogo kryla Kavkazskoi linii* [Essay of the mountain peoples of the right wing of the Caucasian line]. IN: *Russkie avtory o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Russian authors about the peoples of the Central and Northwestern Caucasus]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «EL'-FA», 2001. – T. 2. – P. 245–298. (In Russian)

ASTVATSATURYAN E. *Oruzhie narodov Kavkaza. Istoriya oruzhiya* [Weapons of the peoples of the Caucasus. The history of weapons]. – Moscow-Nalchik: Khobikniga, El'-Fa, 1995. – 191 p. (In Russian)

BGAZHNOKOV B.Kh. *Voinskii klass i demograficheskoe prostranstvo Cherkessii v XVII – seredine XIX v.* [The military class and the demographic space of Circassia in the 17th – mid 19th centuries]. IN: *Vestnik KBIGI*. – 2004. – No. 11. – P. 45–82. (In Russian)

BLARAMBERG I. *Kavkazskaya rukopis'* [Caucasian manuscript]. – Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izd-vo, 1992. – 240 p. (In Russian)

BRONEVSKY S. *Kavkaztsy* [Caucasians]. – Maikop: IPKPO «Adygeya». – 465 p. (In Russian)

CHELEBI E. *Kniga putestestviya*. – Iss. 2: *Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Don'ya* [Travel book. – Issue. 2: Lands of the North Caucasus, the Volga and Don regions]. – M.: Nauka, 1979. – 287 p. (In Russian)

DUBROVIN N. *Cherkesy (adyge)* [Circassians (Adyge)]. IN: *Materialy dlya istorii cherkesskogo naroda* [Materials for the history of the Circassian people]. – Nalchik: Poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 1991. – Iss. 1. – P. 13–249. (In Russian)

DUMANOV Kh.M. *Sotsial'naya struktura kabardintsev v normakh adata. Pervaya polovina XIX v.* [The social structure of the Kabardians in the adat norms. First half of the 19th century]. – Nalchik: Izdatel'stvo «El'brus», 1990. – 262 p. (In Russian)

GARDANOV V.K. *K voprosu ob ekonomicheskom razvitii Kabardy v XVIII v.* [On the question of the economic development of Kabarda in the 18th century]. IN: *Uchenye zapiski KBNI*. – 1956. – T. XXIII. – P. 78–111. (In Russian)

GARDANOV V.K. *Obshchestvennyi stroi adygskikh narodov (XVIII – perv. pol. XIX v.)* [The social system of the Adyghe peoples (XVIII – first half of the XIX century)]. – M.: Izdatel'stvo «Nauka». Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1967. – 332 p. (In Russian)

INTERIANO G. *Byt i strana zikhov, imenuemykh cherkesami. Dostoprimechatel'noe povestvovanie* [Life and country of zikhs called Circassians. Interesting storytelling]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Sost., red. perevodov,*

vved. i vstup. st. k tekstam V.K. Gardanova [Adygs, Balkars and Karachais in the reports of European authors of the XIII–XIX centuries. Ed. by V.K. Gardanov]. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 43–52. (In Russian)

Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR v dvukh tomakh [History of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic in two volumes]. – M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1967. – Vol. I. – 482 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.: Dokumenty i materialy v dvukh tomakh. T. 1 [Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries.: Documents and materials in two volumes. Vol. 1]. – M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. – 478 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.: Dokumenty i materialy v dvukh tomakh. T. 2 [Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries.: Documents and materials in two volumes. Vol. 2]. – M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. – 424 p. (In Russian)

KABUZAN V.M. *Naselenie Cevernogo Kavkaza v XIX–XX vv. Etnostatisticheskoe issledovanie. Rossiiskaya akademiya nauk. Institut rossiiskoi istorii* [Population of the North Caucasus in the XIX – XX centuries. Ethno-statistical research]. – SPb.: Izdatel'stvo «Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr BLITs», 1996. – 223 p. (In Russian)

KHAN-GIREI. *Zapiski o Cherkessii* [Notes about Circassia]. – Nalchik: «El'brus», 1992. – 346 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Bitva na Malke (1641 g.): klassicheskii primer feodal'noi voiny* [Battle of Malka (1641): a classic example of feudal warfare]. IN: *Ocherki voenno-politicheskoi istorii Cherkessii XV–XVI vv.* [Essays on the military and political history of Circassia in the 15th – 16th centuries.]. – Nalchik: Institut gumanitarnykh issledovaniy – filial Federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo nauchnogo uchrezhdeniya «Federal'nyi nauchnyi tsentr «Kabardino-Balkarskii», 2019. – P. 115–130. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Chislennost' voenno-sluzhilogo sosloviya Kabardy v epokhu zrelosti traditsionnogo obshchestva (XVI–XVIII vv.)* [The number of the military-service class of Kabarda in the era of maturity of traditional society (XVI–XVIII centuries)]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2020. – No. 4. – P. 12–26. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-12-26> (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Dinamika chislennosti naseleniya Kabardy (XVIII – pervaya chetvert' XIX v.)* [Dynamics of the population of Kabarda (XVIII – first quarter of the XIX century)]. IN: *Etnograficheskoe obozrenie*. – 1998. – No. 2. – P. 116–126. (In Russian)

KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode* [Historical information about the Kabardian people]. – Kiev: Tipografiya S.V. Shul'zhenko, 1913. – 283 p. (In Russian)

KUMYKOV T.Kh. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX veke* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century]. – Nalchik: Kab.-Balk. kn. izd-vo, 1965. – 420 p. (In Russian)

KUSHEVA E.N. *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei. Vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka* [The peoples of the North Caucasus and their ties with Russia. Second half of the 16th – 30s of the 17th century]. – M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1963. – 371 p. (In Russian)

KUSHKABIEV A.V., NAKOV F.R. *K probleme perekhoda cherkesskikh feodal'nykh soslovii na kompleks vooruzheniya, sformirovavshegosya v krest'yanskoi srede (konets XVII–XIX vv.)* [On the problem of the transition of the Circassian feudal estates to a complex of weapons formed in the peasant environment (late 17th – 19th centuries)]. IN: *Vestnik Adygeiskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. – 2017. – No. 4 (209). – P. 111–118. (In Russian)

LAPINSKY T. (Teffik-bei). *Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh* [Highlanders of the Caucasus and their liberation struggle against the Russians]. – Nalchik: Izd. tsentr «El'-Fa», 1995. – 463 p. (In Russian)

MARZEI A.S. *Cherkesskoe naezdnichestvo «ZekIue». Iz istorii voennogo byta cherkessov v XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Circassian equestrianism "ZekIue". From the history of the

military life of the Circassians in the 18th – first half of the 19th century]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr EL'-FA, 2004. – 302 p. (In Russian)

MIRZOEV A.S. *Nekotorye osobennosti cherkesskoi (adygskoi) tsivilizatsii i traditsionnoi etnicheskoi kul'tury* [Some features of the Circassian (Adyghe) civilization and traditional ethnic culture]. IN: *Istoriya nauki i tekhniki*. – 2013. – № 7. – P. 69–76. (In Russian)

NALOEVA E.D. *Kabarda v pervoi polovine XVIII v.* [Kabarda in the first half of the 18th century]. IN: NALOEVA E.D. *Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodal'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-politicheskoi istorii* [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and problems of socio-political history]. – Nalchik: OOO «Pechatnyi dvor», 2015. – P. 213–353. (In Russian)

POTTO V.A. *Kavkazskaya voyna: v 5 tomakh. T. 5* [Caucasian war: in 2 vols. Vol. 5]. – Stavropol': Kavkazskii krai, 1994. – 398 p. (In Russian)

Pravovye normy adygov i balkaro-karachaevtsev v XV–XIX vekakh [Legal norms of the Circassians and Balkar-Karachais in the 15th – 19th centuries]. – Maikop: Izdatel'stvo «Meoty», 1997. – 296 p. (In Russian)

RAKHAEV Dzh.Ya. *Kabarda v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii v nachale XVIII v.* [Kabarda in the system of international relations at the beginning of the 18th century]. IN: *Aktual'nye problemy istorii i etnografii narodov Kavkaza. Sbornik statei k 60-letiyu V.Kh. Kazharova* [Actual problems of history and ethnography of the peoples of the Caucasus. Collection of articles dedicated to the 60th anniversary of V.Kh. Kazharov]. – Nalchik: Izdatel'stvo Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNTs RAN, 2009. – P. 123–182. (In Russian)

Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza (1793–1897 gg.) [Collection of documents on the estate law of the peoples of the North Caucasus (1793–1897)]. – Nalchik: EL'-fa, 2003. – T. 2. – 488 p. (In Russian)

SKASSI R. *Izвлечение из записки о делах Черкесии, представленной господином Скасси в 1816 г.* [Extract from a note on the affairs of Circassia presented by Mr. Scassi in 1816]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Sost., red. perevodov, vved. i vstup. st. k tekstam V.K. Gardanova* [Adygs, Balkars and Karachais in the reports of European authors of the XIII–XIX centuries. Ed. by V.K. Gardanov]. – Nalchik: EL'brus, 1974. – P. 281–285. (In Russian)

Tragicheskie posledstviya Kavkazskoi voyny dlya adygov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.): sbornik dokumentov i mat-lov / sost. R. Kh. Gugov, Kh. I. Kasumov, D. V. Shabaev [Tragic consequences of the Caucasian war for the Circassians (second half of the XIX – early XX centuries): a collection of documents and materials. Comp. by R.H. Gugov, H.I. Kasumov, D.V. Shabaev]. – Nalchik: EL'-Fa, 2000. – 464 p. (In Russian)

AVPR – *Arkhiv vneshnei politiki Rossii* [Russian foreign policy archive]. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

УДК 349.417

DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-33-47

**СУДЕБНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ НАЧАЛЬНИКА ЦЕНТРА КАВКАЗСКОЙ
ЛИНИИ В 30-50-Е ГГ. XIX ВВ.****Д.М. АЛХАСОВА**

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный
центр 'Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук'»*

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Балкарова, д. 2

E-mail: alkhasova.dinara@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается динамика судебных полномочий начальника Центра Кавказской линии в 30–50-х гг. XIX в. Исследование основано на анализе делопроизводственных документов управления Центром Кавказской линии и подведомственных организаций. Приводится общий обзор деятельности начальника Центра Кавказской линии. Обращается внимание на порядок его взаимодействия с подведомственными учреждениями локального судебно-административного контроля. Анализируются особенности осуществления правосудия в процессе взаимодействия представителей местного населения и Кавказского линейного командования. Анализируется набор судебных полномочий начальника Центра, характер дел, подлежавших его подсудности. Судебные функции начальника Центра рассматриваются в рамках судебно-административной системы, складывавшейся на Кавказе во второй четверти XIX в. Обращается внимание, что наделение судебными полномочиями представителей исполнительных структур было характерно для большинства национальных окраин империи и соответствовало уровню развития российской правовой культуры того времени. Обращается внимание на роль начальника Центра в регулировании деятельности Временного Кабардинского суда, рассматриваются судебные функции, исполняемые в рамках взаимодействия с приставскими учреждениями, роль начальника Центра в регулировании деятельности традиционных органов осуществления правосудия как у коренного населения Центрального Кавказа, так и у переселенцев (жителей Александровской немецкой слободы и Нальчикской горской еврейской колонии). Делается вывод, что исполнение начальником Центра Кавказской линии целого ряда судебных полномочий объяснялось низкой эффективностью деятельности учреждений локального судебно-административного контроля, сложностями адаптации местных жителей к российскому присутствию в регионе, поиском оптимальных моделей управления.

Ключевые слова: Центральный Кавказ; Центр Кавказской линии; начальник Центра Кавказской линии; Кабардинский временный суд; военные суды; приставские управления; Вольный аул; Александровская немецкая слобода; Нальчикская горская еврейская колония; правосудие; кабардинцы; балкарцы; судопроизводство.

THE JUDICIAL POWERS OF THE HEAD OF THE CENTER OF CAUCASIAN LINE IN THE 1830-1850s

D.M. ALKHASOVA

*Federal State Budget Scientific Establishment «Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
360000, KBR, Nalchik, Balkarova, 2
E-mail: alkhasova.dinara@mail.ru*

Abstract. This article is about the dynamics of the judicial powers of the head of the Center for the Caucasian Line in the 30s – 50s. XIX century. A general overview of the activities of the head of the Caucasian Line Center is given. The study is based on an analysis of the administrative documents of the Caucasian Line Center and subordinate organizations. Attention is drawn to his order of interaction with subordinate institutions of local judicial and administrative control. The features of the administration of justice in the process of interaction between representatives of the local population and the Caucasian line command are analyzed. The article analyzes the set of judicial powers of the head of the Center, the nature of the cases subject to his jurisdiction. The judicial functions of the head of the Center are considered within the framework of the judicial and administrative system that took shape in the Caucasus in the second quarter of the 19th century. Attention is drawn to the fact that the granting of judicial powers to representatives of executive structures was characteristic of most of the national outskirts of the empire and corresponded to the level of development of the Russian legal culture of that time. Attention is drawn to its role in regulating the activities of the Provisional Kabardinsky Court, the judicial functions performed in the framework of interaction with bailiff institutions, the role of the head of the Center in regulating the activities of traditional bodies of administration of justice both among the indigenous population of the Central Caucasus and among migrants (residents of the Aleksandrovskaya German settlement and the Nalchik mountain Jewish colony). It is concluded that the execution of a number of judicial powers by the head of the Caucasian Line Center was explained by the low efficiency of the institutions of local judicial and administrative control, the difficulties of adapting local residents to the Russian presence in the region, and the search for optimal management models.

Keywords: Central Caucasus; Center of the Caucasian Line; Head of the Center of the Caucasian Line; Kabardinsky Temporary Court; military courts; bailiff departments; Volny aul; Aleksandrovskaya German settlement; Nalchik Mountain Jewish colony; justice; Kabardians; Balkars; legal proceedings.

Во второй четверти XIX в. продолжились мероприятия российских властей, связанные с установлением и закреплением имперских институтов судебного и административного контроля на территории Центрального Кавказа. Административно-судебные преобразования на территории, находившейся под управлением начальника Центра Кавказской линии, протекали в сложных условиях, связанных с трудностями адаптации коренного населения к новому режиму.

Особенностью этого периода развития российского аппарата власти было отсутствие четкого разграничения полномочий между административными и судебными учреждениями. Часть своих административных полномочий начальник Центра Кавказской линии был вынужден делегировать

подведомственным ему учреждениям (например, Временному Кабардинскому суду). И, в то же самое время, сложность общественных отношений на территории участка, вверенного начальнику Центра, диктовала необходимость контролировать некоторые элементы судопроизводства. Поэтому полагаем, что изучение судебных полномочий начальника Центра Кавказской линии открывает широкие перспективы как в научно-теоретическом, так и в практическом плане. В научно-теоретическом плане разработка этой темы дает возможность глубже изучить процесс становления российской судебно-административной аппарата на территории Центрального Кавказа, вникнуть в особенности устройства судебных и административных учреждений на Кавказе в переходный период. В практическом – глубже изучить и уточнить детали административного процесса, связанного с включением территории региона в состав имперского государства, понять особенности формирования многоуровневой системы управления, оценить эффективность деятельности многопрофильных учреждений, а также наметить перспективы дальнейшего изучения особенностей взаимодействия органов власти с подведомственным населением.

Предметом статьи являются судебные полномочия начальника Центра Кавказской линии – лица, исполнявшего функции административного контроля – в период развития и дальнейшего закрепления на Центральном Кавказе российского судебно-административного аппарата.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы, на основе анализа судебных полномочий начальника Центра Кавказской линии, составить представление о его месте в системе судопроизводства и определить его место и роль в вертикали судебного контроля, продолжавшей развиваться на Центральном Кавказе в 30–50-е гг. XIX в..

Вопросы судостроительства и судопроизводства на Центральном Кавказе во второй четверти XIX в. рассматривались в трудах Г.А. Кокиева [Кокиев 2005], Т.Х. Кумыкова [Кумыков 1967], Х.М. Думанова [Думанов 1976; Думанов 1988], [Думанов, Кушхов 1986], С.Н. Бейтуганова [Бейтуганов 1993], Ж.А. Калмыкова [Калмыков 1995], Ю.М. Кетова [Думанов, Кетов 2000], Г.Н. Малаховой [Малахова 2001], Ю.Ю. Клычникова [Клычников 2004], З.М. Блиевой [Блиева 2005], А.Х. Абазова [Абазов 2007; Абазов 2010; Абазов 2016], П.А. Кузьминова [Кузьминов 2009], Е.И. Кобахидзе [Кобахидзе 2010], Е.Г. Муратовой [Муратова 2012], С.А. Кубатко [Кубатко 2015], А.Н. Маремкулова [Маремкулов 2016]. В работах указанных авторов судебные учреждения на Центральном Кавказе рассматриваются как самостоятельные структуры с большим набором полномочий, а также определяется их роль во взаимодействии с органами административного контроля. Также сведения о судостроительстве на Центральном Кавказе во второй четверти XIX в. содержатся в ряде обобщающих трудов [Дзамихов 1995], [Века... 2017], [История... 2007].

По вопросам функционирования системы правосудия на Центральном Кавказе в 30–50-е гг. XIX в. имеется обширная источниковая база. Некоторые материалы по истории деятельности судебных учреждений введены в научный оборот в опубликованных сборниках архивных документов ([АКАК 1904],

[Гарданов 1956], [Из документальной... 2000], [Из истории... 2008], [Документы... 2011] и др.). Значительный объем материалов был извлечен нами из фондов Центрального Государственного архива КБР. Изучены материалы из делопроизводственной документации начальника Центра Кавказской линии и Временного Кабардинского суда (рапорты начальников кордонных линий, извлечения из переписок начальника Центра Кавказской линии с Временным Кабардинским судом и военными судами, жалобы и прошения, адресованные как во Временный Кабардинский суд, так и начальнику Центра напрямую). Таким образом, доступная нам источниковая база позволяет изучить объем и характер судебных полномочий начальника Центра Кавказской линии в динамике и взаимодействии с подведомственными учреждениями.

Характеристика судебных функций начальника Центра Кавказской линии

Управление Центра Кавказской линии было образовано 24 ноября 1830 г. [Документы... 2011: 4]. Военно-стратегическое назначение этого участка Кавказской линии заключалось в «разделении непокорных народов Правого и Левого флангов», которое являлось важным для Кавказского линейного командования [ВСОРИ 1851: 118]. К концу 50-х гг. XIX в. в военном отношении Центр был разделен на 4 кордонные линии: «Кисловодская (участок Волжских казаков), Внутренняя Кабардинская или участок Горского полка, передовая Кабардинская и часть Военно-грузинской до пределов Владикавказского военного округа» [ВСОРИ 1851: 118].

К числу народов, относившихся к подведомственности начальника Центра Кавказской линии, относились кабардинцы, балкарцы, осетины-дигорцы, карачаевцы и абазинцы. В административном отношении в подведомственности Центра Кавказской линии относились Малокабардинское, Дигорское, Балкарское и Карачаево-абазинское приставства и отдельное управление Большой Кабарды.

Порядок подчинения судебных учреждений на Кавказе в 30-е гг. XIX в. определялся «Высочайше утвержденным учреждением для управления Кавказской Областью», принятым в 1827 г. [Административная... 2012: 121–137] (далее – «Учреждения» 1827 г.). Согласно Учреждению 1827 г., в подсудности линейных начальников находились, преимущественно, уголовные преступления. Особо может быть выделена группа дел о нападениях на Кавказскую линию [Документы... 2011: 28–29]. Эти дела относились к числу тяжелых преступлений и подлежали рассмотрению Кавказским линейным командованием? Имущественные претензии и незначительные правонарушения рассматривались самими горцами «...на основании древних обычаев и законов их» [Административная... 2012: 133]. Соответственно, в этот период отправление некоторых судебных полномочий начальником Центра Кавказской линии осуществлялось в соответствии с Учреждением 1827 г. Согласно п. 148 Учреждения 1827 г., начальник Центра обладал полномочиями разбирать и

имущественные тяжбы, но только в том случае, когда обе тяжущиеся стороны обращались к его посредничеству.

Судебные полномочия начальник Центра осуществлял в процессе взаимодействия с Временным Кабардинским судом, военными судами, подведомственными приставами (Балкарским – с 1846 г., Карачаево-Абазинским – до 1840 г., Малокабардинским – до 1847 г.), органами народного правосудия, институтами народного правосудия жителей Вольного аула, еврейского и немецкого населения региона.

Анализ делопроизводственной документации начальника Центра Кавказской линии показал, что его судебные функции заключались в: 1) нормативно-правовом регулировании деятельности подведомственных ему судебных органов; 2) осуществлении им роли высшей инстанции, к которой апеллировали при рассмотрении дел, предусмотренных «Учреждением» 1827 г.

Взаимодействие начальника Центра Кавказской линии с учреждениями локального судебно-административного контроля

Кабардинский временный суд.

Одним из учреждений, во взаимодействии с которым осуществлялись судебные полномочия начальника Центра Кавказской линии, был *Временный Кабардинский суд*. Он был учрежден в 1822 г. А.П. Ермоловым и изначально задумывался в качестве инстанции, которая должна была находиться и действовать в теснейшей взаимосвязи с Кавказским линейным командованием. Это подтверждает порядок его комплектования, который предусматривал существование должности секретаря, фактически контролировавшего деятельность суда [Кокиев 2005: 602–603].

Ряд исследователей подчеркивает, что сословный принцип комплектования Временного Кабардинского суда крайне негативно сказывался на качестве отправления им своих прямых функций [Блиева 2005: 258; Абазов 2007: 51; Кобахидзе 2010: 360]. Эту точку зрения подтверждают и материалы деятельности Временного Кабардинского суда. Анализ документов показывает, что прошения о возбуждении разбирательств от представителей зависимых слоев населения направлялись напрямую начальнику Центра Кавказской линии, минуя Временный Кабардинский суд [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–1 об.]. Так, в 30-е гг. XIX в. начальник Центра выступал в качестве «посредника» при урегулировании споров между представителями кабардинской аристократии [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–2 об.]. Начальник Центра также занимался урегулированием претензий, направленных от представителей зависимых слоев кабардинского общества против князей и дворян, подвергавших их притеснениям [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–1 об.]. В подобных вопросах управление Центра Кавказской линии выступало в качестве высшей инстанции.

В компетенцию начальника Центра Кавказской линии входила также координация взаимодействия Временного Кабардинского суда с другими учреждениями [Абазов 2016: 71]. Это было связано с тем, что круг вопросов,

которые подлежали рассмотрению Временным Кабардинским судом, с течением времени расширился, включая разбирательство отдельных дел, относящихся к подведомственности комиссии Полкового правления Кавказского линейного казачьего войска [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Д. 31. Л. 2], приставства Закубанских народов [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 33. Л. 1], комиссии Кавказского линейного батальона, Балкарского приставства и др.

Анализ судебных дел, разбиравшихся на протяжении 1841–1848 гг. позволяет сделать вывод, что сословный принцип комплектования Временного Кабардинского суда являлся одной из причин обращения горцев непосредственно к начальнику Центра Кавказской линии. Достаточно ярким примером подобной ситуации могут послужить прошения и жалобы вольноотпущенных кабардинцев на незаконное присвоение их «узденями» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 36. Л. 1–2].

К отдельной группе дел можно отнести и те, в которых уголовные правонарушения влекли за собой имущественные иски. Особую категорию представляют дела, связанные с имуществом абреков. В некоторых случаях для рассмотрения подобных случаев создавались специальные комиссии. Наглядно это явление может быть прослежено на примере дела о переселении аула Анзоровых. Комиссия была создана для урегулирования земельного вопроса в отношении аулов, принадлежавших абреку М.-М. Анзорову и территорий, отведенных под военные поселения. В ее обязанности входило определение нового места жительства Анзоровых, какие из земель должны быть переданы казне, определение объема денежной компенсации кабардинским «владельцам» за участки, взятые под строительство военных поселений на Военно-Грузинской дороге [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 562. Л. 4–4 об.]. Создание комиссии было инициировано командующим войска на Линии, а начальник Центра, назначенный председателем комиссии, координировал ее работу и Временного Кабардинского суда [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 562. Л. 7–8]. Необходимо отметить, что подобные комиссии на постоянных условиях не работали, а создавались для решения конкретного вопроса (например, для определения принадлежности стратегически значимых земель вдоль Военно-Грузинской дороги [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 562. Л. 3]). Деятельность временных комиссий находилась под контролем Кавказского линейного командования.

Комиссия военного суда при Кабардинском Егерском полку.

Еще одним механизмом отправления судебных полномочий начальником Центра было его взаимодействие с военными судами. Например, анализ материалов дела о привлечении к ответственности за ранение казака Зивина узденем Отвановым и князем Атажукиным позволяет охарактеризовать такое взаимодействие.

Причиной разбирательства стало столкновение узденя Отванова и князя Атажукина с казаком Солдатской станицы при попытке угнать лошадь. Подсудность казачьих полков военным судам определила участие Комиссии при Кабардинском Егерском полку в рассмотрении дела. Начальник Центра

имел право направлять дела для расследования и вынесения приговора в Комиссию военного суда, учрежденного при Кабардинском Егерском полку [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 27. Л. 1–1 об.]. Военный суд мог затребовать материалы других учреждений, в подведомственности которых находились как потерпевший, так и обвиняемые. Так, анализ делопроизводственной документации позволяет сделать вывод о том, что в Комиссию военного суда поступали показания от командира Горского Казачьего полка и от Временного Кабардинского суда. После рассмотрения дела и вынесения решения, оно направлялось начальнику Центра Кавказской линии для утверждения. Таким образом, выстраивалась вертикаль судебного контроля, которая выглядела следующим образом: 1) начальник Центра; 2) учреждение, разбирающее дело по поручению начальника Центра Кавказской линии; 3) прочие судебные органы, которые предоставляли необходимые сведения.

Взаимодействие начальника Центра с приставскими управлениями по вопросам отправления функций правосудия

Рассмотренная выше модель судебного контроля применялась и в процессе взаимодействия начальника Центра с приставскими управлениями. Специфика приставских учреждений на Центральном Кавказе во второй четверти XIX в. заключалась в их многофункциональности, что, впрочем, было характерно для большинства учреждений переходного периода. Приставства осуществляли не только административный контроль над вверенными им территориями, но также обладали судебными полномочиями. Наглядно это можно проследить на примере Карачаевского и Балкарского приставства.

Карачаевское приставство.

Карачаевское приставство находилось в подведомственности начальника Центра до 1840 г., после чего было передано в управление начальнику Правого фланга Кавказской линии. Проживание карачаевцев вблизи кубанской границы определяло характер ряда следственных дел: многие карачаевцы обвинялись в связях с закубанцами и вынуждены были отправлять в Нальчик аманатов [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 5. Л. 6]. Дела, связанные с воровством, находились на рассмотрении кордонного начальника Кисловодской линии.

Балкарское приставство.

На протяжении 30-х гг. XIX в. правосудие в горских обществах осуществлялось при помощи традиционных судебных институтов и Временного Кабардинского суда. Вместе с тем, анализ прошений от балкарцев о решении споров и конфликтов показывает, что в компетенцию Кавказского линейного командования входил разбор уголовных дел и вытекающих из них имущественных вопросов. В 1822–1830 гг. прошения от балкарцев поступали командующему Кабардинской линии, минуя Временный Кабардинский суд. Например, прошение чегемского старшины Балкарокова о возмещении ему материальной компенсации «за кровь» убитого подвластного крестьянина было направлено на имя командующего Кабардинской линии [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 2. Л. 2 об.]. Командующий Кабардинской линией передал

прошение во Временный Кабардинский суд, предписав рассмотреть его в соответствии с «народным обычаем» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 2. Л. 3].

В 1846 г. по инициативе начальника Центра Кавказской линии князя В.С. Голицына было учреждено Балкарское пристаство. Круг полномочий Балкарского пристава был достаточно широким. В основном он занимался сбором информации о намерениях и настроениях балкарцев, организацией милиции, осуществлял посреднические административно-судебные функции между горскими обществами и кавказской администрацией [Муратова 2012: 65].

В 40-е гг. XIX в. судопроизводство у балкарцев осуществлялось в основном старшинами того или иного общества и эфенди. Штрафы, взимаемые деньгами или скотом за различные виды преступлений, делились между судьями. Такой порядок вполне соответствовал уровню традиционной правовой культуры балкарцев и признавался российскими военными властями функциональным и легитимным. Народное балкарское правосудие осуществлялось без привлечения казенных средств. Это не освобождало пристава от обязанности подробно отчитываться перед начальником Центра Кавказской линии о содержании рассматриваемых дел. Приставы имели право взимать штрафы за правонарушения только после разрешения начальника Центра Кавказской линии [Муратова 2012: 65]. Вместе с тем, анализ делопроизводственной документации Балкарского пристаства и переписка с управлением Центра Кавказской линии позволяет сделать вывод о том, что начальник Центра на протяжении 40-х гг. XIX в. выступал в качестве высшей инстанции при решении тяжб, связанных в балкарских обществах с землевладением и землепользованием и незаконным барантованием [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 4. Л. 1].

Традиционные институты правосудия народов Центра Кавказской линии

Во второй четверти XIX в. на Центральном Кавказе при решении споров и конфликтов широко применялись *традиционные институты правосудия* (барантование, медиаторский и шариатский суды и др.).

Как указывает А.Х. Абазов, традиционные судебные институты являлись особой формой отправления правосудия, деятельность которой, тем не менее, отражалась в материалах Временного Кабардинского суда. Они не входили в общую судебную систему, не функционировали на постоянной основе, собираясь по мере поступления жалоб. Во второй четверти XIX в. правосудие в медиаторских судах осуществлялось на основе норм обычного права и шариата в случаях разбора семейных и имущественных споров [Абазов 2016: 91]. Начальник Центра Кавказской линии мог утвердить или отклонить ходатайство местных жителей о направлении дел для рассмотрения в Временный Кабардинский суд в тех случаях, когда решение, принятое медиаторскими судами, ими обжаловалось [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 25. Л. 3–4].

Традиция имущественных захватов в счет оплаты понесенного ущерба (барантование) стала одной из сфер традиционного судопроизводства, испытывавшей на себе сильное влияние со стороны Кавказского линейного командования. В 30–50-е гг. XIX в. смысловое наполнение термина «баранта» («барамта») в целом соответствовало определению, предложенному Е.Д. Налоевой. Баранта представляла собой одну из традиционных форм штрафования, широко распространенную в XVIII в. и продолжавшую существовать в рассматриваемый период [Налоева 2015: 289].

Так как процесс взимания баранты открывал широкие возможности для злоупотребления представителями социальных верхов народов Центра, в случаях, «...если князь или уздень признает необходимым забарантовать у своих подвластных какого-либо скота, он не вправе к этому приступить сам по себе, а обязан просить через суд разрешение начальника Центра» [Абазов 2010: 56]. В случае положительного решения по делу, начальник Центра Кавказской линии специальным предписанием налагал обязанность на экзекутора Кабардинского временного суда произвести барантование в соответствующем населенном пункте [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Д. 4. Л. 5; Абазов 2010: 56].

Решение споров и конфликтов у отдельных категорий жителей Центра Кавказской линии

Судопроизводство у жителей Вольного аула.

В 1825 г. по инициативе генерала А.П. Ермолова на землях вблизи крепости Нальчик был образован Вольный нальчикский аул – поселение для горцев-крестьян, получивших свободу в результате несанкционированного переселения их владельцев на неподконтрольные России территории. Территориально располагаясь рядом с крепостью Нальчик, Вольный аул не был включен в общую систему управления Кабардой. С.Н. Бейтуганов и Р.Р. Нагоева предполагают, что обособление Вольного аула диктовалось соображениями защиты его населения от бывших владельцев [Бейтуганов 1993: 223; Нагоева 2009: 68]. Судебные полномочия начальника Центра Кавказской линии в отношении жителей Вольного нальчикского аула определялись прямым административным подчинением поселения начальнику Центра.

Политика Центра Кавказской линии в отношении правонарушений, совершавшихся жителями Вольного аула, в целом, соответствовала установленному порядку: рассмотрению начальником Центра подлежали дела, касавшиеся уголовных правонарушений, а имущественные тяжбы разбирались горцами в соответствии с нормами обычного права.

Вольный аул имел определенное значение для осуществления российской политики на Кавказе, поэтому вопрос о внесении людей в список жителей Вольного аула решался по приказу начальника Центра Кавказской линии [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 28. Л. 4]. Порядок этого процесса можно проследить на примере переселения братьев Насыповых, пожелавших отделиться от своего владельца узденя Х-И. Жерестиева [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 28. Л. 2]. Дозволение проживать в Вольном ауле являлось

подтверждением получения свободы [Гарданов 1956: 358], и неизбежно связывало вопрос мобильности населения со сферой судебного влияния начальника Центра в тех случаях, когда жители Вольного аула обращались с жалобами на князей, стремившихся восстановить свои права на бывших подвластных.

Судопроизводство у еврейского и немецкого населения.

Судебные полномочия начальника Центра Кавказской линии распространялись также на еврейское и немецкое население региона.

Еврейское население на территории Северного Кавказа было представлено горскими и ашкеназскими евреями, которые, в основном, занимались торговлей и выделкой кож. До 1847 г. положение еврейского населения на территории, подведомственной начальнику Центра Кавказской линии, было нестабильным и постоянного места проживания у них не было. В 1830-е гг. несколько десятков андреевских горских евреев поселились в ауле князя Бековича-Черкасского в Малой Кабарде. В апреле 1846 г., после похода Шамиля в Кабарду, горские евреи ушли в Моздок, а затем, спасаясь от эпидемии холеры, переселились в Нальчик. В 1847 г. последовало официальное разрешение начальника Центра Кавказской линии В.С. Голицына, на поселение близ крепости Нальчик горских евреев из Дагестана, и с тех пор они находились в подведомственности начальника Центра Кавказской линии [Мурзаханов, Норкина 2020: 132].

Немецкое население на территории Центра Кавказской линии было представлено переселенцами из Саратовской губернии, которые в 1852 г. разместились возле крепости Нальчик и образовали Александровское поселение [Дзагов 2015: 165].

Политика Центра Кавказской линии в отношении еврейского и немецкого населения в области судопроизводства, в целом, отвечала той, что была принята в отношении горцев. Так, например, разбор дел евреев занимались двое человек из числа почетных стариков и старшины селения. Важные дела (уголовные правонарушения) рассматривались в соответствии с российским законодательством [ВСОРИ 1851: 121].

А.Х. Абазов указывает, что для жителей Александровской немецкой слободы и Нальчикской горской еврейской колонии в качестве судебных инстанций могли выступать Кабардинский Временный суд и Полковое правление Кавказского линейного казачьего войска. «Кабардинский временный суд привлекался только по вопросам координации и проведения некоторых следственных мероприятий, участниками которых становились этнические кабардинцы» [Абазов 2016: 74].

Таким образом, в 30–50-е гг. XIX в. на Центральном Кавказе продолжался процесс формирования новых и развития уже существовавших органов судебно-административного контроля. В этих условиях четкое разграничение полномочий между административными и судебными учреждениями отсутствовало. Складывалась ситуация, когда судебный орган обладал элементами административного контроля (Временный Кабардинский суд), а административное учреждение исполняло судебные функции.

В 30–50-е гг. XIX в. судебные полномочия начальника Центра распространялись на такие структуры, как Временный Кабардинский суд, военные суды, подведомственные пристава, органы народного судопроизводства. Начальник Центра исполнял регулятивную роль в процессе осуществления правосудия у коренных народов Центрального Кавказа (в том числе жителей Вольного аула), еврейского и немецкого населения региона, и следил за тем, чтобы деятельность традиционных институтов судопроизводства согласовывалась с принципами российских законов.

Локальные судебные органы, укомплектованные за счет представителей привилегированных сословий местного населения, обладали низкой эффективностью, особенно в отношении разбора дел, касавшихся подвластных. Зависимые крестьяне и вольноотпущенники были вынуждены адресовать свои прошения напрямую начальнику Центра. Наиболее наглядно это проявилось на примере деятельности Временного Кабардинского суда.

Судебные полномочия начальника Центра в отношении правонарушений в 30–50-е гг. XIX в. осуществлялись в соответствии с Учреждением 1827 г.: рассмотрению начальником Центра подлежали дела, касавшиеся уголовных правонарушений, а имущественные тяжбы разбирались горцами в соответствии с нормами обычного права. Осуществляя регулирование деятельности подведомственных судебных органов, начальник Центра курировал и работу специальных комиссий, собиравшихся по мере необходимости для рассмотрения спорных вопросов, направлял предписания и распоряжения о разборе тех или иных адресованных ему тяжб в подведомственные ему судебные органы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абазов 2007 – *Абазов А.Х.* К вопросу о деятельности Временного Кабардинского суда // *Архивы и общество.* – 2007. – № 3. – С. 50–57.

Абазов 2010 – *Абазов А.Х.* Обычаи имущественных захватов в системе правосудия Кабарды в конце XVIII – XIX вв. // *История науки и техники.* – 2010. – №1. – С. 64–70.

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 264 с.

Административная... 2012 – *Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов.* Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. – ФГБУН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В.И. Абаева. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 399 с.

АКАК 1904 – *Акты Кавказской Археологической комиссии.* Т. XII. – Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1904. – 1558 с.

Антология... 2013 – *Антология памятников права народов Кавказа. Памятники права черкесов (адыгов).* Т. 5 / Сост.: Ажахов К.М., Ажахов А.К., Бэрзедж Н., Гарданов Б.А., Кузьминов П.А., Схатум Б.А., Шапсугов Д.Ю. – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2013. – 812 с.

Бейтуганов 1993 – *Бейтуганов С.Н.* Кабарда и Ермолов. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 302 с.

Блиева 2005 – *Блиева З.М.* Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века: дисс. ... док. ист. наук. – Владикавказ, 2005. – 476 с.

Века... 2017 – *Века* совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 514 с.

ВСОРИ 1851 – *Военно-статистическое обозрение Российской империи*. Т. XVI. Ч. I. – СПб.: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1851. – 288 с.

Гарданов 1956 – *Гарданов В.К.* Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1956. – 426 с.

Дзагов 2015 – *Дзагов Р.Н.* Полиэтническое население Нальчика: опыт экономической адаптации и интеграции (XIX – начало XX в.) // Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX в.: направления и динамика интеграционных процессов. Сборник научных статей по материалам региональной научной интернет-конференции (г. Нальчик 19–30 октября 2015 г.). – Нальчик, 2015. – С. 164–175.

Дзамихов 1995 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги – вехи истории. – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 816 с.

Документы... 2011 – *Документы* по истории адыгов 20–50-х гг. XIX в. (по материалам ЦГА КБР) / сост. З.М. Кешева. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. – 203 с.

Думанов 1976 – *Думанов Х.М.* Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX – нач. XX в.). – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 140 с.

Думанов 1988 – *Думанов Х.М.* Якуб Шарданов: Из истории изучения обычного права кабардинцев. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 84 с.

Думанов, Кетов 2000 – *Думанов Х.М., Кетов Ю.М.* Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII–XIX в. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2000. – 130 с.

Думанов, Кушхов 1986 – *Думанов Х.М., Кушхов Р.С.* К вопросу о судопроизводстве и судоустройстве в Кабарде во второй половине XIX – начале XX века // Культура и быт адыгов: этнографические исследования. – Майкоп, 1986. – Вып. VI. – С. 41–51.

Из документальной... 2000 – *Из документальной* истории кабардино-русских отношений (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) / Сост. Х.М. Думанов. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 480 с.

Из истории... 2008 – *Из истории Кабардинского временного суда (1822–1858)* / Сост. А.Х. Каров, Х.А. Каров. – Пятигорск: Изд-во РИА-КМВ, 2008. – 228 с.

Кумыков 1967 – *Кумыков Т.Х.* История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. – Москва: Наука, 1967. – 439 с.

История... 2007 – *История* многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. – Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых, 2007. – 720 с.

Калмыков 1995 – *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX веков). – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 126 с.

Клычников 2004 – *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840): дисс. ... док. ист. наук. – Пятигорск. 2004. – 636 с.

Кобахидзе 2010 – *Кобахидзе Е.И.* Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления: дисс. ... док. ист. наук. – Владикавказ, 2010. – 484 с.

Кокиев 2005 – *Кокиев Г.А.* Кабардинский Временный суд // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетов. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – С. 602–609.

Кубатко 2015 – *Кубатко С.А.* Историко-правовой и экономический аспект развития банковских институтов в России и на Северном Кавказе // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 5. – С. 96–99.

Кузьминов 2009 – *Кузьминов П.А.* Эпоха реформ 50–70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. – Нальчик: КБГУ, 2009. – 236 с.

Малахова 2001 – Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв.: дисс. ... док. ист. наук. – М., 2001. – 504 с.

Маремкулов 2016 – Маремкулов А.Н. К вопросу изучения теоретических аспектов изучения экономического фактора геополитики России // Вестник НГИЭИ. – 2016. – № 9 (64). – С. 162–169.

Муратова 2012 – Муратова Е.Г. Балкарские общества на пути от традиций к современности (XVII – начало XX в.). – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2012. – 157 с.

Мурзаханов, Норкина 2020 – Мурзаханов Ю.И., Норкина Е.С. Правовое положение нальчикских горских евреев (вторая половина XIX – начало XX в.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 3. – С. 129–139. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-3-129-139>

Нагоева 2009 – Нагоева Р.Р. Трансформация сословной структуры кабардинцев в 20-60-е гг. XIX в.: дисс. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2009. – 128 с.

Налоева 2015 – Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / Сост. А.С. Мирзоев. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – 368 с.

УЦГА АС КБР – Управление центрального государственного архива архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

REFERENCES

ABAZOV A.Kh. *K voprosu o deyatel'nosti Vremennogo Kabardinskogo suda* [On the issue of the activities of the Provisional Kabardian Court]. IN: *Arkhiy i obshchestvo*. – 2007. – No. 3. – P. 50–57. (In Russian)

ABAZOV A.Kh. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late XVIII – early XX centuries]. – Nalchik: ООО «Pechatnyi dvor», 2016. – 264 p. (In Russian)

ABAZOV A.Kh. *Obychai imushchestvennykh zakhvatov v sisteme pravosudiya Kabardy v kontse XVIII – XIX vv.* [The customs of property seizures in the Kabardian justice system at the end of the 18th – 19th centuries]. IN: *Istoriya nauki i tekhniki*. – 2010. – No. 1. – P. 64–70. (In Russian)

Administrativnaya praktika Rossiiskoi imperii na Tsentral'nom Kavkaze s kontsa XVIII v. do 1870 g. (na materiale Osetii): Sbornik dokumentov. Sost., vstup. st., komment. E.I. Kobakhidze [Administrative practice of the Russian Empire in the Central Caucasus since the end of the 18th century. before 1870 (based on Ossetia): Collection of documents. Comp. by E.I. Kobakhidze]. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. – 399 p. (In Russian)

Akty Kavkazskoi Arkheograficheskoi komissii. T. XII [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. 12]. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1904. – 1558 p. (In Russian)

Antologiya pamyatnikov prava narodov Kavkaza. Pamyatniki prava cherkessov (adygov). T. 5 / Sost.: Azhakhov K.M. I dr. [Anthology of monuments of the rights of the peoples of the Caucasus. Monuments of the right of the Circassians. Comp. by Azhakhov K.M. and others]. – Rostov-na-Donu: Al'tair, 2013. – 812 p. (In Russian)

BEITUGANOV S.N. *Kabarda i Ermolov* [Kabarda and Ermolov]. – Nalchik: El'brus, 1993. – 302 p. (In Russian)

BLIEVA Z.M. *Rossiiskii byurokraticheskii apparat i narody Tsentral'nogo Kavkaza v kontse XVIII – 80-e gody XIX veka: diss. ... dok. ist. nauk* [Russian bureaucratic apparatus and the peoples of the Central Caucasus at the end of the 18th – 80s of the 19th century: Dissertation for the Doctor of Historical Sciences degree]. – Vladikavkaz, 2005. – 476 p. (In Russian)

Dokumenty po istorii adygov 20–50-kh gg. XIX v. (po materialam TsGA KBR) / sost. Z.M. Kesheva [Documents on the history of the Circassians of the 20s – 50s. XIX century (based on

materials from the Central State Archives of the KBR). Comp. by Z.M. Kesheva]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2011. – 203 p. (In Russian)

DUMANOV Kh.M. *Obychnoe imushchestvennoe pravo kabardintsev (vtoraya polovina XIX – nach. XX v.)* [Customary property law of the Kabardians (second half of the 19th - early 20th centuries)]. – Nalchik: El'brus, 1976. – 140 p. (In Russian)

DUMANOV Kh.M. *Yakub Shardanov: Iz istorii izucheniya obychnogo prava kabardintsev* [Yakub Shardanov: From the history of the study of the customary law of the Kabardians]. – Nalchik: El'brus, 1988. – 84 p. (In Russian)

DUMANOV Kh.M., KETOV Yu.M. *Adyge khabze i sud v Kabarde vo vtoroi polovine XVIII–XIX v.* [Adyghe khabze and the court in Kabarda in the second half of the 18th – 19th centuries]. – Nalchik: Izd-vo KBNTs RAN, 2000. – 130 p. (In Russian)

DUMANOV Kh.M., KUSHKHOV R.S. *K voprosu o sudoproizvodstve i sudoustroistve v Kabarde vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [On the issue of legal proceedings and judicial system in Kabarda in the second half of the XIX – early XX century]. IN: *Kul'tura i byt adygov: etnograficheskie issledovaniya* [Culture and everyday life of the Circassians: Ethnographic studies]. – Maikop, 1986. – Iss. VI. – P. 41–51. (In Russian)

DZAGOV R.N. *Polietnichnoe naselenie Nal'chika: opyt ekonomicheskoi adaptatsii i integratsii (XIX – nachalo XX v.)* [The multiethnic population of Nalchik: the experience of economic adaptation and integration (XIX – early XX centuries)]. IN: *Sotsial'no-politicheskoe i kul'turnoe prostranstvo Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza v XVI – nachale XX v.: napravleniya i dinamika integratsionnykh protsessov. Sbornik nauchnykh statei po materialam regional'noi nauchnoi internet-konferentsii (g. Nalchik 19–30 oktyabrya 2015 g.)* [Socio-political and cultural space of the Central and North-Western Caucasus in the 16th – early 20th centuries: directions and dynamics of integration processes. Collection of scientific articles based on the materials of the regional scientific Internet conference (Nalchik, October 19–30, 2015)]. – Nalchik, 2015. – P. 164–175. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F. *Adygi – vekhi istorii* [Adygs – milestones in history]. – Nalchik: El'brus, 1995. – 816 p. (In Russian)

GARDANOV V.K. *Materialy po obychnomu pravu kabardintsev. Pervaya polovina XIX v.* [Materials on the customary law of the Kabardians. First half of the 19th century]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1956. – 426 p. (In Russian)

Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva. K 450-letiyu soyuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii i Rossii / Otv. red. B.Kh. Bgazhnokov [The history of the centuries-old commonwealth. To the 450th anniversary of the union and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria and Russia. Ed. by V.Kh. Bgazhnokov]. – Nalchik: Izd. M. i V. Kotlyarovykh, 2007. – 720 p. (In Russian)

Iz dokumental'noi istorii kabardino-russkikh otnoshenii (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX vv.) / Sost. Kh.M. Dumanov [From the documentary history of Kabardino-Russian relations (second half of the 18th – first half of the 19th centuries). Comp. by Kh.M. Dumanov]. – Nalchik: El'brus, 2000. – 480 p. (In Russian)

Iz istorii Kabardinskogo vremennogo suda (1822–1858) / Sost. A.Kh. Karov, Kh.A. Karov [From the history of the Kabardian temporary court (1822–1858). Comp. by A.Kh. Karov, Kh.A. Karov]. – Pyatigorsk: Izd-vo RIA-KMV, 2008. – 228 p. (In Russian)

KALMYKOV Zh.A. *Ustanovlenie russkoi administratsii v Kabarde i Balkarii (konets XVIII – nachalo XX vekov)* [Establishment of the Russian administration in Kabarda and Balkaria (late 18th – early 20th centuries)]. – Nalchik: El'brus, 1995. – 126 p. (In Russian)

KLYCHNIKOV Yu.Yu. *Rossiiskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840): diss. ... dok. ist. nauk* [Russian policy in the North Caucasus (1827–1840): Dissertation for the Doctor of Historical Sciences degree]. – Pyatigorsk. 2004. – 636 p. (In Russian)

KOBAKHIDZE E.I. *Osetiya kontsa XVIII – nachala XX v.: opyt istoricheskogo vzaimodeistviya traditsionnogo i gosudarstvenno-administrativnogo upravleniya: diss. ... dok. ist. nauk* [Ossetia at the end of the 18th - beginning of the 20th century: the experience of the historical

- interaction of traditional and state-administrative management: Dissertation for the Doctor of Historical Sciences degree]. – Vladikavkaz, 2010. – 484 p. (In Russian)
- KOKIEV G.A. *Kabardinskii Vremennyi sud* [Kabardian Provisional Court]. IN: *Istoriya Kabardino-Balkarii v trudakh G.A. Kokieva. Sbornik statei / Vyyavlenie, arkheografiya, sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya G.X. Mambetov* [History of Kabardino-Balkaria in the works of G.A. Kokiev. Digest of articles. Ed. by G.H. Mambetov]. – Nalchik: El'-Fa, 2005. – P. 602–609. (In Russian)
- KUBATKO S.A. *Istoriko-pravovoi i ekonomicheskii aspekt razvitiya bankovskikh institutov v Rossii i na Severnom Kavkaze* [Historical, legal and economic aspects of the development of banking institutions in Russia and the North Caucasus]. IN: *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. – 2015. – No. 5. – P. 96–99. (In Russian)
- KUMYKOV T.Kh. *Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei. T. 1* [History of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present day. Vol. 1]. – Moskva: Nauka, 1967. – 439 p. (In Russian)
- KUZ'MINOV P.A. *Epokha reform 50–70-kh godov XIX veka u narodov Severnogo Kavkaza v dorevolutsionnom kavkazovedenii* [The era of reforms in the 50s – 70s of the XIX century among the peoples of the North Caucasus in pre-revolutionary Caucasian studies]. – Nalchik: KBGU, 2009. – 236 p. (In Russian)
- MALAKHOVA G.N. *Stanovlenie i razvitie rossiiskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v kontse XVIII – XIX vv.: diss. ... dok. ist. nauk* [Formation and development of Russian state administration in the North Caucasus at the end of the 18th – 19th centuries: Dissertation for the Doctor of Historical Sciences degree]. – M., 2001. – 504 p. (In Russian)
- MAREMKULOV A.N. *K voprosu izucheniya teoreticheskikh aspektov izucheniya ekonomicheskogo faktora geopolitiki Rossii* [On the issue of studying theoretical aspects of studying the economic factor of Russian geopolitics]. IN: *Vestnik NGIEI*. – 2016. – No. 9 (64). – P. 162–169. (In Russian)
- MURATOVA E.G. *Balkarskie obshchestva na puti ot traditsii k sovremennosti (XVII – nachalo XX v.)* [Balkarian societies on the way from tradition to modernity (XVII – early XX century)]. – Nalchik: Kab.-Balk. un-t, 2012. – 157 p. (In Russian)
- MURZAKHANOV Yu.I., NORKINA E.S. *Pravovoe polozhenie nal'chikskikh gorskikh evreev (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Legal Status of the Nalchik Settlement Highlander Jews (Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2020. – No. 3. – P. 129–139. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-3-129-139> (In Russian)
- NAGOEVA R.R. *Transformatsiya soslovnoi struktury kabardintsev v 20-60-e gg. XIX v.: diss. ... kand. ist. nauk* [Transformation of the estate structure of the Kabardians in the 20-60s of the XIX century: Dissertation for the Candidate of Historical Sciences degree]. – Nalchik, 2009. – 128 p. (In Russian)
- NALOEVA E.D. *Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodal'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-politicheskoi istorii / Sost. A.S. Mirzoev* [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and problems of socio-political history. Comp. by A.S. Mirzoev]. – Nalchik: ООО «Pechatnyi dvor», 2015. – 368 p. (In Russian)
- Veka sovместnoi istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse (1557–1917 gg.)* [Centuries of joint history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilization process (1557–1917)]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2017. – 514 p. (In Russian)
- Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii. T. XVI. Ch. I* [Military Statistical Review of the Russian Empire. Vol. 16. Part 1]. – SPb.: Tip. Dep. Gen. Shtaba, 1851. – 288 p. (In Russian)
- UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Administration of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Средневековая и новая история

УДК 93/94(470.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-48-85

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАВКАЗ КАК ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

А.Х. БОРОВ

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
‘Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук’»
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

Е.Г. МУРАТОВА

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173*

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
‘Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук’»
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: lens_gm@mail.ru*

Ю.М. АЗИКОВА

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173*

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
‘Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук’»
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: i.azikova@kbsu.ru*

Аннотация. Частью подготовительной работы к написанию обобщающей истории Кабардино-Балкарии является подведение итогов научного изучения ее ключевых проблем, к которым принадлежит интерпретация традиционной системы социально-политических или

интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе. В предшествующей публикации было рассмотрено становление историографической традиции в XVIII – начале XX в. Предлагаемая статья имеет целью продолжить исследование этой темы на материале советской и постсоветской историографии. Рассмотренный в статье материал свидетельствует, что построение обобщенной концепции традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе представляет собой сложную проблему, затрагивающую фундаментальные вопросы изучения региональной истории. Первый из них – это вопрос о применимости категорий, выработанных в других социальных науках или на историческом материале других эпох и регионов к северокавказской реальности XVI–XVIII вв. При этом отдельные элементы и взаимосвязи отождествляются со структурой системы в целом. Интер-социальные взаимодействия, которые развертываются как в пространстве, так и во времени, получают статичное, исключительно пространственное представление. Второй вопрос связан с необходимостью дифференцировать этническую и социально-политическую номенклатуру в представлении Центрального Кавказа как пространства интер-социальных взаимодействий. Современная историография в явной или неявной форме помещает социальные взаимодействия владельцев и обществ региона в «межэтнический» и/или «этнополитический» контекст. Исторические концепции в известной степени отрываются от источниковых данных XVI–XVIII вв., в которых субъектами интер-социальных взаимодействий никогда не выступают этнические общности – «народы». Обобщенная интерпретация исторического опыта интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе возможна на основе соединения «нарративного», описательного подхода с «надэтническим» представлением региона как пространства, имеющего сложный природный и социальный ландшафт. Наиболее устойчивой общей функцией традиционной системы интер-социальных взаимодействий выступает поддержание порядка, понятного всем их участникам и обеспечивавшего воспроизводство каждой этносоциальной единицы, занимающей собственную природно-экологическую нишу.

Ключевые слова: Россия; Центральный Кавказ; XVI–XVIII вв.; интер-социальные взаимодействия; история; советская историография; современная историография.

CENTRAL CAUCASUS AS A SPACE OF SOCIO-POLITICAL INTERACTIONS: HISTORIOGRAPHICAL RESULTS AND RESEARCH PROSPECTS

A.Kh. BOROV

*FSBSE «Federal Scientific Center
‘Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’»
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

E.G. MURATOVA

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173*

*FSBSE «Federal Scientific Center
‘Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’»
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18*

E-mail: lena_gm@mail.ru**Yu.M. AZIKOVA***Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173**FSBSE «Federal Scientific Center
‘Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’»
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: i.azikova@kbsu.ru*

Abstract. Part of the preparatory work for writing a generalizing history of the Kabardin-Balkaria is summing up the results of a scientific study of its key problems, which include the interpretation of the traditional system of socio-political or inter-social interactions in the Central Caucasus. In the previous publication, the formation of the historiographical tradition in the 18th – early 20th centuries was considered. The proposed article aims to continue the study of this topic using the material of Soviet and post-Soviet historiography. The material considered in the article shows that the construction of a generalized concept of the traditional system of inter-social interactions in the Central Caucasus is a complex problem that touches upon the fundamental issues of the study of regional history. The first of them is the question of the applicability of categories developed in other social sciences or on historical material from other eras and regions to the North Caucasian reality of the 16th – 18th centuries. In this case, individual elements and relationships are identified with the structure of the system as a whole. Inter-social interactions that unfold both in space and in time receive a static, exclusively spatial representation. The second question is related to the need to differentiate ethnic and socio-political nomenclature in the representation of the Central Caucasus as a space of inter-social interactions. Contemporary historiography explicitly or implicitly places the social interactions of the owners and societies of the region in an “interethnic” and / or “ethnopolitical” context. Historical concepts to a certain extent are divorced from the sources of data of the 16th – 18th centuries, in which ethnic communities – “peoples” are never the subjects of inter-social interactions. A generalized interpretation of the historical experience of inter-social interactions in the Central Caucasus is possible on the basis of combining a “narrative”, descriptive approach with a “supra-ethnic” representation of the region as a space with a complex natural and social landscape. The most stable general function of the traditional system of inter-social interactions is the maintenance of order that is understandable to all their participants and ensured the reproduction of each ethno-social unit that occupies its own natural-ecological niche.

Keywords: Russia; Central Caucasus; 16th – 18th centuries; inter-social relations; history; soviet historiography; modern historiography.

Введение

В последнее время в региональном сообществе историков все более активно поднимается вопрос о необходимости начать работу над созданием обобщающей академической истории Северного Кавказа. Разумеется, это масштабная задача, решение которой должно быть подготовлено выполнением конкретных исследований по широкому кругу проблем, относящихся к различным аспектам и периодам исторического развития. Но даже при наличии

достаточного материала требуется предварительное решение сложной проблемы методологического синтеза.

Специфика этой проблемы связана с полисубъектностью регионального исторического процесса. В обобщающих историях Северного Кавказа и ее республик должен быть осуществлен синтез национальных историй народов региона. Дополнительную трудность здесь создает выход проблемы на актуальную общественно-политическую ситуацию, в которой большое место все еще занимает проблематика межнациональных отношений. Но одновременно это делает ее решение еще более настоятельным, в частности, для Центрального Кавказа и Кабардино-Балкарской Республики.

Частью подготовительной работы к написанию обобщающей истории региона является подведение итогов научного изучения ее ключевых проблем, к которым принадлежит интерпретация традиционной системы социально-политических или интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе. Анализ историографии проблемы присутствует в работах авторов, исследовавших различные ее аспекты [Муратова 2007; Бегеулов 2009; Кожев 2016]. Наиболее полный обзор и общие оценки подходов и концепций затрагивавших ее авторов, начиная с XVIII и заканчивая началом XXI в., дан в монографии З.А. Кожева. По его оценке «в отечественной историографии практически не существует специальных работ, посвященных комплексному изучению многообразных форм межэтнического взаимодействия автохтонных народов Северного Кавказа» и, соответственно, в ней «отсутствует связная, развернутая концепция кабардино-горских отношений» помимо «несколько упрощенных схем», предполагающих «классовый союз» их привилегированных сословий и братскую дружбу «народных масс» [Кожев 2016: 10, 14]. Следует согласиться с первой частью этой оценки, но при этом бросается в глаза, что в рассматриваемом обзоре пропущены весьма важные работы, включая монографии В.М. Батчаева, Е.Г. Муратовой и Р.М. Бегеулова [Батчаев 2006; Муратова 2007; Бегеулов 2009]. Что касается итоговой оценки продуктивности «традиционного подхода к изучению истории и этнографии края», то не вполне правомерно строить ее только на идейно-теоретических выводах, которые извлекались из исторического материала в советский период.

Представляется назревшим специальное изучение отечественной историографической традиции исследований системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе во всем ее объеме. В предшествующей публикации было рассмотрено становление историографической традиции в XVIII – начале XX в. [Боров и др. 2020]. Предлагаемая статья имеет целью продолжить исследование этой темы на материале советской и постсоветской историографии. Обозначение объекта анализируемых в статье работ как «пространства социально-политических взаимодействий» отражает то обстоятельство, что мы отвлекаемся от хозяйственно-экономических и этнокультурных аспектов темы. В качестве синонима используется понятие «традиционная система интер-социальных взаимодействий», что позволяет дать аутентичное представление материала источников, говорящих большей частью о взаимоотношениях не «народов», а

«владельцев» и «обществ» региона, и, вместе с тем, не подчинять собственный анализ категориям «межэтнических» или «этнополитических» отношений, превалирующим в современном общественно-научном дискурсе.

От политико-идеологических оценок к академическому канону советской историографии

Представление в общественно-научном дискурсе традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе с середины XIX в. и вплоть до наших дней в значительной степени определялось актуальными запросами общества и задачами государственной политики в регионе.

В имперский период образованные представители горских этнических элит доказывали, что степень влияния кабардинских князей на горские общества и их привилегированные сословия в представлениях властей сильно преувеличена; что в прошлом притязания кабардинских князей установить свое господство имели место, но горские общества в целом отстаивали свою независимость; что политика государства по отношению к этим обществам должна строиться на понимании их потребностей в земельных ресурсах для поддержания достойного существования в условиях роста населения. В представлении системы интер-социальных взаимодействий усилилось влияние элементов этнополитической конкуренции. Но имперская администрация действовала в этой сфере весьма осторожно и неспешно.

Идеологические установки советской власти в вопросе о земле и специфика ее организации на Центральном Кавказе имели гораздо более глубокое влияние на систему интер-социальных взаимодействий. Парадоксальным образом, сугубо социально-классовый подход к решению вопроса о земле, воплотившийся в принципе ее уравнительного перераспределения, вылился в Терской советской республике 1918 г. в практику перекраивания этнических территорий. После восстановления советской власти в регионе в 1920 г. в земельно-территориальном вопросе органы советской власти продолжили ту же политику, что осуществлялась в Терской республике [Кажаров 2019: 146]. Таким образом, социально-классовое и хозяйственно-экономическое содержание земельного вопроса на Центральном Кавказе приобрело национально-политическую форму, а его решение в начале 1920-х гг. осуществлялось через территориальное разграничение национальных автономий.

В таком контексте реализовался первый опыт концептуализации исторических и актуальных проблем интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе. Развернутое воплощение он нашел в давно известной историкам, но впервые опубликованной А.Г. Кажаровым в 2010 г., обширной докладной записке «История межнациональной розни между Карачаем и Кабардой и земельный вопрос» [Улигов 1972: 128–129; Докладная записка... 2010: 376–400]. Она была подготовлена У.Д. Алиевым и представлена в Совет народных комиссаров РСФСР в декабре 1921, когда решался вопрос о создании

Карачаево-Черкесской автономной области, что предполагало и необходимость определения границ Карачая с Кабардой [Кажаров 2010: 77].

В качестве предмета своей записки У.Д. Алиев обозначает «начало и развитие национального антагонизма между карачаевским и кабардинским народами». Признавая, что марксистский подход предполагает «его обоснование на экономических причинах», автор считает необходимым предварить его анализом основных аспектов «их исторического прошлого как в политическом, так поземельном и сословном отношении» ибо они «служат для перспективы правильных выводов» [Докладная записка... 2010: 376].

Относительно традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе в записке воспроизводятся характерные для XVIII – первой половины XIX в. представления о доминировании кабардинских князей. Буквально У.Д. Алиев говорит о «владычестве кабардинских «пши» над горскими племенами» [Докладная записка... 2010: 377]. Подчинение Кабарды российской власти не положило конец, а только изменило формы эксплуатации других горских племен кабардинскими пши и дворянством [Докладная записка... 2010: 378].

Бросается в глаза, что в оценке традиционной системы интер-социальных взаимодействий позиция У.Д. Алиева прямо противоположна той, которую отстаивали за 10–12 лет до этого М.К. Абаев и Б.А. Шаханов. По оценке М.К. Абаева, все балкарские общества сумели в постоянной борьбе «с почти кочевым народом – Кабардою» сохранить свою независимость и самостоятельность [Абаев 1992: 13–14]. Б.А. Шаханов отвергал преувеличенные представления о «господстве кабардинцев», заявляя, что «пора оставить рассказы о том, что будто бы карачаевцы и горцы (за исключением балкарцев) находились как бы в состоянии рабства у кабардинских князей» [Шаханов 1991: 165]. У.Д. Алиев не просто воспроизводил эти «рассказы», но действительно доводил их до неправдоподобия, добавляя ничем не подтвержденные описания унижительных для горцев проявлений произвола кабардинских князей. Это вело к некорректному толкованию свидетельств, искажению фактов и логическим противоречиям. Но они компенсировались политической последовательностью и прагматической целесообразностью. Задача, которая решалась в записке заключалась в том, чтобы убедить руководство Советской России разрешить земельный вопрос на началах уравнительного землепользования путем масштабного перераспределения земельных ресурсов между Кабардой и Карачаем и зафиксировать это в административных границах создаваемых автономных областей.

С этой точки зрения логична была акцентировка эксплуататорской и угнетательской природы отношений Кабарды с соседними горскими народами. Но «классовый» анализ приобрел у У.Д. Алиева своеобразный характер. Речь шла не только о кабардинских феодалах и русском царизме как носителях эксплуататорского начала, но о кабардинцах в целом [Докладная записка... 2010: 378, 383].

В обширном историко-этнологическом и культурно-экономическом описании Карачая, изданном в 1927 г., У.Д. Алиев в целом воспроизвел

основные тезисы Записки 1921 г., но с некоторыми изменениями. Так, он несколько модифицирует характеристику последствий вхождения Центрального Кавказа в состав Российской империи. Повторяя тезис о стремлении кабардинских князей сохранить право «на эксплуатацию – управление карачаевцами», У.Д. Алиев уже не говорит об отчуждении земель у горцев в пользу Кабарды. Напротив, он свидетельствует, что русское правительство в 1860-х гг., определяя «общее пространство земель для Карачая», добавило ему по смежности земли, на которых построило новые селения, носившие впоследствии название «Новый» или «Малый Карачай» [Алиев 1991: 52]. Равным образом, повторяя тезис о связи межнациональной розни с «издавна обостренными земельными отношениями между карачаевцами и кабардинцами», У.Д. Алиев акцентирует роль царской администрации в разжигании ее [Алиев 1991: 75].

Если в записке 1921 г. У.Д. Алиев акцентировал социально-классовый аспект проблемы, чтобы обосновать необходимость безотлагательного решения земельного вопроса на уравнительных началах и соответствующего разграничения территорий национальных автономий, то в очерке 1927 г. более явно проступает мысль о национальных интересах, как самостоятельном факторе в процессах национально-государственного строительства. У.Д. Алиев указывает, что Горская республика пыталась разрешить земельный вопрос «внутри себя, за счет одной группы горцев для других», и что «[е]динственные среди горских народов более или менее обеспеченные землей, кабардинцы прежде всего не соглашались на урезку своей национальной территории, ибо это похоже было бы не на получение от революции, а на потерю того, что они имели раньше» [Алиев 1991: 202, 204].

Таким образом, в работах У.Д. Алиева 1920-х гг. отразилась и была определенным образом осмыслена вся сложность взаимосвязей истории и актуальной политики, традиций землепользования и этнотерриториальной структуры региона, классовых и национальных интересов в контексте глубокой реорганизации социального и политико-административного пространства Центрального Кавказа. Однако упорядочивалось это многообразие явлений не столько в соответствии с исторической реальностью их взаимосвязей или с определенным теоретическим подходом, сколько в соответствии с прагматическим интересом конкретной национальной группы населения региона.

Стабилизация системы национально-территориальных автономий и аграрный переворот, связанный с коллективизацией в 1930-е гг. как бы разорвали преемственность социально-экономических и национально-политических форм существования народов Центрального Кавказа с традиционным порядком интер-социальных взаимодействий. Одновременно шло становление профессиональной исторической науки в регионе, крупнейшим представителем которой в довоенный период был Г.А. Кокиев. Первый опыт собственно академического изучения традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе был осуществлен в его работах. Наиболее показательна в этом плане статья о кабардино-

осетинских взаимоотношениях в XVIII в., опубликованная в 1938 г. в Исторических записках института истории АН СССР. Работу характеризуют опора на критически интерпретированный источниковый материал, последовательная реализация определенных теоретических принципов (в данном случае – марксистского классового анализа), полнота и системность рассмотрения предмета.

Критический пафос статьи направлен против двух внешне противоположных точек зрения, оформившихся в недрах «великодержавной русской историографии». Первая развивала тезис о «притеснении» осетин кабардинцами вообще, подменяя классовый гнет национальным, тогда как в действительности следовало говорить о притеснении и эксплуатации осетинского трудового крестьянства осетинскими и кабардинскими феодалами. Вторая точка зрения вовсе снимала вопрос о феодально-вассальной зависимости осетин от кабардинских феодалов. Ее также Г.А. Кокиев считает совершенно несостоятельной и объясняет ее возникновение в XVIII в. необходимостью соблюдать ограничения, налагаемые Белградским мирным договором, при экономической и стратегической заинтересованности царизма в колониальном захвате Осетии [Кокиев 2005а: 123, 124].

Давая характеристику социальной структуры осетинского и кабардинского обществ, Г.А. Кокиев констатирует, что во всей Осетии «еще задолго до завоевания Осетии царской Россией сложились классовые отношения», и в осетинском обществе той эпохи «совершенно четко различаются два класса с резко выраженными противоположными классовыми интересами: класс феодалов-эксплуататоров и класс трудового крестьянства, эксплуатируемого феодалами». Но процесс классового расслоения в Западной Осетии, в силу внутренних и внешних причин, проходил более интенсивно, чем в восточных районах Осетии. К внешним причинам Г.А. Кокиев относил установившиеся довольно рано «вассальные отношения между дигорскими феодалами и кабардинскими князьями, которые, несомненно, оказывали дигорским феодалам всяческую, в том числе и вооруженную, помощь в деле подчинения дигорского трудового крестьянства местным бадедям [Кокиев 2005а: 125]. А феодальный строй Кабарды по степени своего развития стоял выше феодализма в Осетии, и в период накануне царского завоевания его можно считать установившимся, отмечает Г.А. Кокиев [Кокиев 2005а: 132].

Исторические известия XVIII в. о независимости осетин от кабардинских феодалов, которые исходили от осетинских феодалов, добивавшихся подданства царской России, Г.А. Кокиев считает необъективными и недостаточно убедительными [Кокиев 2005а: 145–148]. С другой стороны, по оценке Г.А. Кокиева, целый ряд исторических сведений свидетельствует о кабардино-осетинских феодально-вассальных отношениях. [Кокиев 2005а: 149, 151].

Для наших целей важна трактовка Г.А. Кокиевым генезиса и природы кабардино-горских отношений. Установление зависимых отношений между кабардинскими князьями и горскими племенами Центрального Кавказа – чеченцами, ингушами, осетинами он относил к середине – второй половине

XVI в., когда произошел распад Кабарды на Большую и Малую и последняя заняла предгорную равнину к востоку от Терека [Кокиев 2005b: 200–204]. По оценке Г.А. Кокиева, установившиеся тогда зависимые отношения между кабардинскими феодалами и горскими племенами длились на протяжении нескольких столетий и «укрепились настолько, что уже в XVIII в. кабардинские князья могли говорить об этих народах, как о своих подданных» [Кокиев 2005a: 148–149; Кокиев 2005b: 205].

Но Г.А. Кокиев не ограничивается воспроизведением таких общих суждений о «подданстве народов», создающих впечатление об этнополитической природе интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе. За этой внешней картиной он видит более сложную внутреннюю структуру классовых взаимоотношений. Последовательно классовый подход к изучаемому явлению выражается в том, что он отдельно рассматривает отношения кабардинских феодалов с осетинскими крестьянами и с осетинскими феодалами.

В качестве фундаментальной причины установления зависимости осетинских обществ и крестьян от кабардинских феодалов Г.А. Кокиев указывает на то, что равнинные земли Центрального Кавказа находились «в монопольном владении кабардинских феодалов» [Кокиев 2005a: 163]. Это обстоятельство двояким образом обусловило «закабаление осетинского крестьянства кабардинскими феодалами». Во-первых, живя «исключительно в нагорной полосе, где они занимались земледелием и скотоводством» осетины «испытывали исключительную нужду в покосной и особенно в пахотной земле». Необходимость вести сезонное хлебопашество и сенокосение «на низких местах» вынуждала их платить подать кабардинским феодалам, а переселение на предгорную равнину вело к углублению и расширению феодальной эксплуатации осетинского крестьянства кабардинскими князьями [Кокиев 2005a: 152–154]. Во-вторых, все торговые пути, соединявшие осетинские ущелья с пограничными русскими городами, проходили через владения кабардинских князей. С течением времени дорожные платежи, которые кабардинские феодалы взимали с осетинского крестьянства, могли принять характер постоянной и обязательной повинности [Кокиев 2005a: 155–156].

Таким образом, отношения кабардинских феодалов с осетинскими крестьянами это отношения эксплуатации. Г.А. Кокиев подчеркивает, что источники позволяют с определенностью установить имена и фамилии кабардинских феодалов, у которых осетинские крестьяне отдельных районов и ущелий находились в феодальной зависимости и кому они платили феодальные повинности с каждого крестьянского двора. Он фиксирует также, что эти повинности определялись нормами обычного права осетинских обществ, но во второй половине XVIII в. кабардинские феодалы перестали довольствоваться прежними нормами феодальных повинностей и стали требовать от осетин повинностей, значительно превышавших прежние нормы [Кокиев 2005a: 149–152]. При этом, если взимание феодальных повинностей с осетинского крестьянства в нагорной полосе носило, видимо, эпизодический характер, то в

предгорной равнине, куда переселялись страдавшие от малоземелья осетинские крестьяне, феодальные повинности носили систематический характер и охватывали все отрасли крестьянского хозяйства [Кокиев 2005а: 154].

Отношения кабардинских и осетинских феодалов Г.А. Кокиев характеризует как сюзеренно-вассальные: «Осетинские феодалы на основе вассальной зависимости от кабардинских князей имели ряд обязательств перед своими сюзеренами. Каждый из осетинских феодалов обязан был в подвластных ему селах собирать с осетинского крестьянства положенные феодальные повинности для себя и для своего сюзерена. Осетинские феодалы обязаны были также оказывать своему сюзерену помощь вооруженной силой. В свою очередь кабардинские князья оказывали своим вассалам всяческую помощь, в том числе и вооруженную, против эксплуатируемых крестьянских масс» [Кокиев 2005а: 156]. Эти взаимные обязательства формировали определенный классовый союз, который скреплялся: установлением родственных связей; общностью религии и социокультурных норм (Г.А. Кокиев отмечает, что осетинские феодалы из классовой солидарности со своим сюзереном поголовно все исповедывали одинаковую с кабардинскими князьями мусульманскую религию, а знание кабардинского языка и соблюдение чрезвычайно сложного этикета кабардинских князей для осетинских феодалов считались обязательными и являлись признаком хорошего тона и «благородного» происхождения); древним обычаем аталычества; широко практикуемой материальной взаимопомощью; постоянным живым общением (приезды кабардинских князей к осетинским феодалам и ответные визиты последних носили систематический характер) [Кокиев 2005а: 160–161].

Общность интересов и многообразие связующих институтов не означали полной гармонии межфеодальных отношений. Г.А. Кокиев указывает на факторы, ослаблявшие и подрывавшие классовый союз кабардинских и осетинских феодалов. Стремление осетинских феодалов освободиться от вассальной зависимости от кабардинских князей основано было на нежелании делиться со своим сюзереном получаемыми от осетинского крестьянства доходами. По мере приближения царской России к горским пределам борьба осетинских феодалов за освобождение от вассальной зависимости от кабардинских князей все более усиливалась. Земельная теснота в горных ущельях могла быть разрешена лишь путем выселения их на предгорную Северо-Кавказскую равнину, которой владели кабардинские феодалы. После того, как осетины стали выселяться с гор на предгорную равнину, осетинские феодалы стали претендовать на эти земли [Кокиев 2005а: 147, 162–164].

Таким образом, основным фактором эволюции системы интерсоциальных взаимоотношений на Центральном Кавказе в XVIII в. выступало все более активное вмешательство в них Российской империи. Осетинские верхи ориентировались на Россию, настаивая на своей независимости от кабардинских князей и добиваясь доступа к землям предгорной равнины. Для России установление контроля над Дарьяльским ущельем и территориями, населенными осетинами и ингушами было стратегически и экономически

необходимо. Но «вмешательство царской России во внутренние дела не только Кабарды, но и подвластных феодальной Кабарде горских народов не могло не рассматриваться Оттоманской Портой иначе, как нарушение суверенных прав Кабарды, а следовательно, и как нарушение Белградского мирного трактата» [Кокиев 2005а: 169]. Активизация колониальной политики России на Центральном Кавказе стала возможной после начала русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора [Кокиев 2005а: 172–173].

Можно видеть, что Г.А. Кокиев разработал цельную концепцию генезиса, природы и эволюции традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, выдержанную в духе ортодоксального классового подхода. Ее ключевые положения сводились к тому, что контроль кабардинских князей над предгорной равниной с ее пастбищными угодьями и пролежавшими по ней торгово-стратегическими путями вынудил горцев признать над собой их власть; отношения феодальных верхов Кабарды и горских обществ строились на началах вассалитета и представляли собой классовый союз, не отменявший противоречий и конфликтов между ними; горское крестьянство подвергалось двойному феодальному гнету, обеспечивавшемуся экономическим и внеэкономическим принуждением; основным фактором эволюции/эрозии системы интер-социальных взаимоотношений в XVIII в. выступало все более активное вмешательство в них Российской империи.

Фактически здесь был задан канон советской историографии традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе. В послевоенный период он в меньшей степени нашел воплощение в специальных исследованиях и в большей – в общих работах по истории отдельных автономий и народов региона.

Проблема интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе в национально-региональных нарративах 1950–1980-х гг.

Характер представления традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе в обобщающих работах по региональной истории определялся тем, что строясь на марксистской классовой методологии, они представляли собой по сути очерки национальной истории тех или иных народов. Определяющее значение придавалось внутренним социально-классовым отношениям, интер-социальные взаимодействия относились к «внешним» и, в этом смысле, второстепенным связям и факторам. Отсюда – сравнительно небольшой удельный вес в них соответствующего материала.

Сам Г.А. Кокиев в кратком историческом очерке Кабарды для юбилейного издания 1946 г. «Кабардинская АССР» затрагивал тему только в связи с описанием мотивов завоевания Кабарды, одним из которых было «ее политическое значение»: «Кабарда на Северном Кавказе играла ведущую культурно-политическую роль. Многие горские племена находились от

Кабарды в полной или частичной зависимости. Исторические судьбы горских народностей теснейшим образом были связаны с Кабардой» [Кокиев 2005с: 442]. Как видно, здесь он ограничивается констатацией «полной или частичной зависимости» многих горских племен от Кабарды. Т.е. на первый план выступает не классовое содержание, а этнополитическая «оболочка» интерсоциальных взаимодействий.

В академическом издании «История Кабарды» 1957 г. содержался небольшой параграф о взаимоотношениях «кабардинцев с другими народами Кавказа». В нем отмечалась зависимость в XVIII в. части осетин, «от кабардинских князей», что имело экономические основания. Осетинские крестьяне «находились под двойным гнетом местных и кабардинских феодалов», а осетинские феодалы, «будучи вассалами кабардинских князей», участвовали в их политических интригах, вступали с ними в родственные связи. Относительно других соседей Кабарды автор главы ограничился одной фразой: «В вассальной зависимости от кабардинских князей находилась также значительная часть абазинцев, частично ингуши, балкарцы и некоторые другие народности Северного Кавказа» [История Кабарды... 1957: 65–66].

В академической истории Северо-Осетинской АССР (1959) осетино-кабардинским отношениям в XVI – первой половине XVIII в. был посвящен отдельный параграф. Интересно, что исходным пунктом описания осетино-кабардинских отношений служила характеристика феодальной иерархии в Кабарде, на высшей ступени которой находились князья, «власть которых в кабардинском обществе была исключительно велика» [История Северо-Осетинской... 1959: 105]. Вместе с тем авторы отмечали, что вассальные кабардино-осетинские отношения носили поверхностный характер. Они сводились к тому, что осетинские феодалы стремились получить в лице кабардинских князей и их вассалов покровительство и защиту, а в ответ должны были нести известные повинности, которые зависели от степени силы кабардинских феодалов, с которыми они находились в вассальных отношениях и со временем ослабевали [История Северо-Осетинской... 1959: 106–107].

В «Очерках истории балкарского народа» (1961) особенно тесная связь балкарцев «с братским кабардинским народом» объяснялась «как географическими условиями, так и исторически сложившейся обстановкой». Подчеркивалась глубокая экономическая основа развития балкаро-кабардинских связей. Пользуясь тем, балкарцы весной и осенью должны были пасти свои стада на Кабардинской равнине и получать продукты земледелия «из Кабарды или через Кабарду», кабардинские феодалы «старались подчинить своему политическому влиянию балкарских таубиев, часть которых стремилась установить классовый союз с кабардинскими феодалами, с тем чтобы с их помощью укрепить свое господство над крестьянами» [Очерки истории... 1961: 38, 39].

В первом томе академической «Истории Кабардино-Балкарской АССР» взаимоотношения Кабарды и Балкарии с соседними народами в XVI-XVIII вв. была посвящена отдельная глава. В параграфе о кабардино-балкаро-осетинских отношениях подчеркивалось, что решающую роль в укреплении их взаимных

связей играла земля. Осетины, жившие в горах, остро нуждались в земле, но чтобы получить участок земли на равнине для пользования или для поселения необходимо было согласие кабардинских владельцев, в руках которых находились северные предгорные равнины до самых входов в осетинские ущелья. Кроме того, владельцев Кабарды и Осетии сближала взаимная заинтересованность в пользовании горными пастбищами и степными просторами. Констатировалась вассальная зависимость части осетинских феодалов от кабардинских князей. Она характеризовалась как классовый союз феодальных верхов Кабарды и Осетии, направленный против кабардинского и осетинского крестьянства. Первые, опираясь на осетинские верхи, получала подати с осетинских обществ, а вторые «стремились укрепить свое положение с помощью кабардинских сеньоров». При этом оговаривалось, что зависимость отдельных осетинских обществ от князей Кабарды не была постоянной и устойчивой, нередко она носила чисто номинальный характер, а некоторые осетинские общества вовсе не испытывали этой зависимости [История Кабардино-Балкарской... 1967: 176–177].

В той же логике построен параграф о связях Кабарды и Балкарии с Чечней и Ингушетией в XVI–XVIII вв. Дополнительно в нем отмечалось, что в процессе переселения чеченцев и ингушей на равнину в бассейне Терека постепенно образовались смешанные поселения из чеченцев, кабардинцев и ингушей. А вассальная зависимость части чеченских и ингушских владельцев от князей Кабарды была непрочной, постепенно становилась чисто формальной и к концу XVIII в. перестала существовать [История Кабардино-Балкарской... 1967: 179–182].

Обрисованная выше комплексная интерпретация традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, присутствовала во всех обобщающих трудах по истории народов Северного Кавказа, издававшихся в конце 1950-х – 1980-х гг. Она имела общую логическую структуру, включающую в себя положения: о хозяйственно-экономической обусловленности тесной взаимосвязи обществ горной и предгорно-равнинной зон; о центральном месте в этих взаимосвязях Кабарды, занимавшей территорию равнин и предгорий Центрального Кавказа; о значении феодальных практик кабардинского княжеского сословия, обусловивших институционализацию сюзерен-вассальной формы интер-социальных взаимодействий; о социально-классовой, а не национальной природе противоречий, генерируемых в сфере интер-социальных взаимодействий; о самостоятельной ценности тесного человеческого и хозяйственного общения, способствовавшего взаимообогащению культур и сближению народов Центрального Кавказа. Вместе с тем изложенная общая концепция дополнялась в различных изданиях некоторыми акцентами и нюансами.

В очерках истории Карачаево-Черкесии (1967) привлекает внимание специфическая ситуация абазин, по отношению к которым сталкивались притязания кабардинских князей и крымских ханов. В результате абазин-тапанта периодически «переводили на поселение» то на Кубань, то в Кабарду. Подчеркивается, что абазины в «принципе неохотно признавали власть

кабардинцев над собой и при всяком удобном случае пытались уйти от этой зависимости». Зависимость карачаевцев от кабардинских феодалов определялась как «политическая», выражавшаяся в «тяжелой дани», против которой «карачаевцы также всегда протестовали» [Очерки истории Карачаево-Черкесии... 1967: 244, 259].

Авторы очерков истории Чечено-Ингушской АССР (1967) связывали факты зависимости чечено-ингушских обществ от кабардинских феодалов с тем, что с ослаблением Золотой Орды и после походов Тимура кабардинцы расселились, в том числе, «в западных районах плоскостной зоны Чечено-Ингушетии» [Очерки истории Чечено-Ингушской... 1967: 45]. А в XVI в. уже вайнахи, нуждавшиеся в землях на северокавказской низменности стали селиться в притеречной полосе и отдельные переселившиеся чечено-ингушские общества «оказались в некоторой экономической и политической зависимости от кабардинских и дагестанских феодалов, контролировавших северные районы равнинных земель» [Очерки истории Чечено-Ингушской... 1967: 48–49]. Акцентировалась народная традиция борьбы чеченских и ингушских обществ с притеснениями кабардинских князей, дагестанских шамхалов и аварских нусалов. Специфика этой борьбы заключалась в том, что пришлые (кабардинские, кумыкские и др.) феодалы пользовались поддержкой русского царизма [Очерки истории Чечено-Ингушской... 1967: 59, 64, 280].

В учебном пособии по истории Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней (1968) еще более четко был выражен исторический контекст становления отношений «феодальной Кабарды» и осетинских обществ. Он связывался с многократными нашествиями монголо-татар, особенно в конце XIV и начале XV в. Кабардинские феодалы заняли покинутую аланами равнину, затруднив горцам-осетинам свободный выход на плоскость. В результате, осетино-кабардинские отношения в XVI–XVIII вв. «развивались не только по линии расширения экономических и культурных связей, но и установления вассальной зависимости части осетинских феодалов от некоторых феодалов Кабарды». Одновременно «начинается новый этап в истории Осетии, этап непрерывной борьбы осетинского народа как со своими феодалами, так и с феодалами соседних государств за свободу и независимость, за право пользования предгорными и степными землями» [История Северо-Осетинской... 1968: 28–29].

В истории Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней (1987) последовательно рассматриваются осетино-кабардинские отношения в XIV–XV, XVI–XVII и XVIII вв. Взаимная заинтересованность в использовании летних горных и зимних равнинных пастбищ лежала в основе осетино-кабардинских отношений. Но это привело к установлению вассальной зависимости части осетинских феодалов от кабардинских князей. Этот вассалитет характеризуется в работе как классовый союз феодальных верхов Кабарды и Северной Осетии, который не был постоянным и зачастую носил чисто номинальный характер, «однако позволял феодалам Кабарды и Северной Осетии усилить эксплуатацию народных масс» [История Северо-Осетинской... 1987: 160]. В период установления русско-осетинских отношений в XVIII в.

осетины вышли из-под влияния Кабарды, однако особой была ситуация в Дигории, которая и в начале XIX в. платила дань кабардинским князьям. Большую зависимость Дигории от кабардинских князей авторы объясняют «более высоким по сравнению с другими осетинскими обществами уровнем развития феодальных отношений: дигорские владельцы для закабаления крестьян нуждались в поддержке кабардинских «верхов» [История Северо-Осетинской... 1987: 160].

Можно видеть, что выполненные в рамках классовой и интернационалистской идеологической парадигмы истории автономных республик несли зародышевые элементы национально-политических интерпретаций прошлого. Применительно к рассматриваемой в данной статье проблеме внимание привлекают мотивы монополизации кабардинскими князьями равнинно-предгорных земель Центрального Кавказа, ранее принадлежавших горским народам или их ближайшим предкам, а также народно-освободительной борьбы против своих и чужих феодалов. Таким образом, изучение интер-социальных взаимодействий в перспективе истории отдельных народов неизбежно несло потенциал «этно-политизации» интерпретаций. Эта возможность нивелировалась в случаях, когда предмет анализа выводится за пределы узко-национальных рамок.

Так, в академической «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.» (1988), которая обобщила достижения советского исторического кавказоведения, проблематика интер-социальных взаимодействий рассматривалась в более широком и «полиэтничном» пространственном масштабе – в контексте анализа социальных отношений и территориально-политической организации Центрального Кавказа в XVI–XVII вв., а также взаимоотношений «народов Северного Кавказа между собой и с Закавказьем». В социально-политическом плане взаимоотношения обществ и владений региона структурировались экономическими и внеэкономическими феодальными практиками: «Феодалы, используя право сильного, сосредоточив в своих руках большие массивы летних и зимних пастбищ, подвергали эксплуатации крестьян не только своего владения, но и оказывавшееся под их властью население соседних народов. Причем зависимость части чечено-ингушского, карачаевского, балкарского, осетинского и другого населения от феодалов Кабарды и Дагестана была установлена внеэкономическим путем» [История народов... 1988: 284]. С другой стороны, часть сельских обществ нагорной полосы соглашалась нести определенные обязанности перед более сильными феодальными владениями в обмен на покровительство и защиту или доступ к пастбищным землям на равнине [История народов... 1988: 284].

Другим измерением традиционного режима интер-социальных взаимодействий выступала феодальная раздробленность: «Ни у одного из народов, населяющих территорию нагорной зоны Центрального Кавказа, в описываемое время не было объединяющей власти. Осетины, балкарцы и карачаевцы были разделены на мелкие и мельчайшие политические объединения, причем этот процесс дробления имел тенденцию к еще большему углублению» [История народов... 1988: 296]. Будучи верховными правителями

подвластных им территорий многие феодальные владельцы Осетии, Балкарии, Карачая, «Абазинской земли» находились в вассальной зависимости от кабардинских князей [История народов... 1988: 296, 298].

Таким образом, взаимодействие социально-политических субъектов регионального исторического процесса XVI–XVII вв. – феодалов и крестьян, владельцев и обществ рассматривалось в контексте иерархических отношений доминирования и зависимости. Но это видение никак не распространялось на трактовку отношений между собой народов Северного Кавказа. Здесь шла речь о многообразных и тесных связях в «горизонтальной» плоскости равенства, обмена, взаимного обогащения культур, накопления элементов культурной общности. В качестве фундаментального фактора, обусловившего тесные взаимоотношения народов региона авторы рассматриваемого труда указывают на отсутствие между ними «резко очерченных границ», чересполосное проживание, наличие поселений со смешанным населением, а также на экономическую взаимозависимость. Этим предопределялось развитие добрососедства, укрепление дружественных отношений, куначества, возникновение родственных связей между ними. Представители разных народов совместно использовали пастбищные и иные угодья, отдавали своим кунакам на выпас скот, перенимали друг у друга и трудовые навыки ведения хозяйства [История народов... 1988: 301, 302].

В целом, многосторонняя комплексная характеристика интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, закрепившаяся в историографии к концу советской эпохи не позволяет загнать их в категориальную сетку «этнополитики», неоправданно «модернизируя» их традиционные исторические формы.

Однако уже в начале 1970-х гг. был сформирован подход, который имплицитно нес глубокий поворот в интерпретации природы интер-социального взаимодействия в регионе. В кандидатской диссертации, а затем в неопубликованной тогда монографии Е.Дж. Налоевой проблема рассматривалась в контексте вопроса о «государственно-политическом строе Кабарды в первой половине XVIII в.» [Налоева 1973; Налоева 2015]. В разделе монографии, посвященном взаимоотношениям «кабардинских удельных княжеств с соседними народами», говорилось о «кабардинских князьях», как одной стороне этих отношений, но в качестве их «вассалов» зачастую назывались целые «народы», обозначаемые терминами «вассальные народы», «вассально-зависимые народы» [Налоева 2015: 276, 279, 280]. Вывод о том, что в первой половине XVIII в. «удельные княжества Кабарды сложились в типичные феодальные государства с присущими им специфическими особенностями», а «удельные князья были полновластными владельцами в своих уделах» обосновывался не только тем, что каждый из них располагал своей территорией, подвластным населением, с которого взыскивал определенные повинности, своими вассалами, управленческим аппаратом, судом, войском, собственной резиденцией, но и тем, что «удельные князья распространяли свою власть над соседними народами, разделяли их на сферы влияния, держали там своих представителей, собирали с них также дань,

охраняя их в случае опасности, а при надобности призывая к оружию для отражения внешних врагов» [Налоева 2015: 283].

Интерпретация иерархических форм интер-социальных отношений на Центральном Кавказе сквозь призму взаимодействия государственных образований с «догосударственными» социально-территориальными единицами присутствует и в статье В.Б. Виноградова о региональных закономерностях и локальных особенностях генезиса феодализма у населения горных районов Центрального Кавказа [Виноградов 1981]. Для периода IX – первой половины XIII вв. феодальные отношения у обитателей лесистых предгорий региона, предполагает автор, определялись более всего зависимостью от плоскости, принимая вид данничества или иных обязательств, диктуемых особенностями хозяйства и «племенной разобщенностью перед лицом аланской государственности». В XIII–XV вв. внутренняя слабость социально-политической базы обусловила превращение обществ горной полосы Центрального Кавказа в объект «активной политики Кахетии, дагестанских государственных образований, Золотой Орды». Наконец, в XVI в. «значительная часть горского населения Карачая, Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии находилась в вассальной зависимости от кабардинцев, уже переступивших порог создания своей государственности» [Виноградов 1981: 40, 44–45].

Региональная историография постсоветского периода: «методологический национализм» или историзм?

Ситуация государственного «полураспада» 1990-х гг. резко актуализировала потребность различных групп населения Северного Кавказа в национально-политическом самоутверждении, в закреплении за собой территориальных, политико-правовых, экономических и прочих ресурсов, от которых зависят их относительные позиции или даже самосохранение. Такая потребность питалась отсутствием институализированного этнополитического равновесия и остротой стоящих на повестке дня проблем. Она повлияла на состояние региональной историографии двояким образом. Во-первых, общим элементом в подходах различных школ постсоветской региональной историографии стал своего рода «методологический национализм», т.е. интерпретация ключевых явлений прошлого сквозь призму национальной истории и национальных интересов того или другого народа. Дело тут не в «национализме» вообще, как некоей личной или политической позиции историка. Речь идет именно о «методологическом национализме», т.е. о том, что культурно-лингвистические общности, «этноты», «народы» рассматриваются как социально-политические единицы регионального пространства и субъекты взаимных отношений. Во-вторых, именно в контексте «методологического национализма» как общей базы этнорегиональных исторических исследований возникают существенно различные, порой несовместимые концептуализации изучаемого явления. Постсоветская

историография традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе ярко иллюстрирует данное обстоятельство.

В новейших обобщающих трудах по истории отдельных народов и республик Центрального Кавказа можно обнаружить и преемственность по отношению к советской историографии и явную новизну трактовок, связанную с тем, что проблемы интер-социальных взаимодействий рассматриваются в контексте национальной истории того или другого из современных народов региона. В них, как правило, не содержатся общие формулы, однозначно определяющие историческую природу традиционного социально-политического порядка в регионе, но его описание имплицитно несет интерпретацию, противостоящую концепциям безусловного доминирования Кабарды.

В академическом издании «Истории Осетии» (2012 г.) воспроизводится положение о том, что остатки аланов-асов, изолированные в постмонгольский период в горных ущельях Центрального Кавказа, были вынуждены приспособливаться к новым условиям: «Необходимость пользоваться зимними пастбищами на равнине обусловила их зависимость от кабардинских феодалов, особенно в Дигории...» [История Осетии... 2012: 329]. Для XVI–XVII вв. отмечается трудность описания характера взаимоотношений осетинских обществ и кабардинских князей с точным определением статуса сторон в XVI–XVII вв., но делается предположение о приоритете дружеских взаимоотношений [История Осетии... 2012: 349]. Осетино-кабардинские взаимосвязи в XVIII в. не оцениваются однозначно. Подтверждается использование осетинами равнинных пастбищ кабардинских князей, за что, естественно, осетины платили «пошлину». Но данный факт не рассматривается «как показатель политической зависимости» [История Осетии... 2012: 471]. Некоторые источники XVIII в. интерпретируются как свидетельства совместного участия «в феодальных блоках осетинской и кабардинской знати» Переориентация осетинских владельцев с ослаблением князей Малой Кабарды на князей Большой Кабарды рассматривается, как инициатива со стороны осетинских владельцев [История Осетии... 2012: 471–472]. Также отношения между кабардинскими князьями и осетинскими владельцами описываются в категориях сюзеренно-вассальных отношений и ратной дружбы [История Осетии... 2012: 472–473].

В новейшем обобщающем издании по истории Чечни [2008 г.] отмечается, что в XVI–XVII вв. в исторических границах Чечни появляется «инонациональное население», «полукочевые временные поселения кабардинских феодалов» [История Чечни... 2008: 141]. Характеризуя «политический строй» отдельных пограничных чеченских обществ и аулов, авторы издания обращают внимание на то, что последние признавали «порой сюзеренитет глав феодальных образований с пестрым этническим составом, таких как Тарковское шамхальство, Аварское ханство, Эндерейское владение и Малая Кабарда» [История Чечни... 2008: 147]. Подчеркивается взаимный характер соглашений чеченских аулов и кабардинских князей, номинальный и эпизодический характер их зависимости от последних, «так как чеченские аулы

по собственному произволу меняли одних «владельцев» на других или отказывались от них вовсе. Это был типичный институт «призванных князей», известный практически всем горским народам» [История Чечни... 2008: 147].

В коллективной монографии по истории Ингушетии (2013 г.) в качестве отправной точки складывания кабардино-ингушских отношений выделяется XV в., время «проникновения кабардинцев на территории, лежащие восточнее современной Кабарды, т.е. появления их на землях ингушей». Вместе с тем отмечается, что «контроль над этими землями кабардинские феодалы установили и окончательно закрепились на них лишь во второй половине XVI в.» при Темрюке Идарове [История Ингушетии... 2013: 144]. В целом этнополитические процессы на Северном Кавказе в XVI–XVIII вв. описывается в неразрывном единстве с перманентными миграционными процессами, на которые оказывали значительное влияние кабардинцы. Отмечается, что «полукочевой образ жизни и развитые феодальные отношения способствовали сложению высокого уровня этнической мобильности, позволявшего кабардинцам на протяжении нескольких столетий доминировать в регионе». По мнению авторов «перманентное противостояние с «хозяевами плоскости», каковыми начиная со второй половины XVI и до второй половины XVIII в. являлись кабардинцы», явилось важнейшим внешним фактором динамики миграционных процессов ингушей [История Ингушетии... 2013: 188–189].

В 1990-е – 2000-е гг. появился ряд авторских работ, в которых предлагались специально разработанные и явно выраженные концепции исторической природы интер-социальных взаимодействий XVI–XVIII вв. в регионе Центрального Кавказа.

Намеченная в работах Е.Дж. Налоевой и В.Б. Виноградова тенденция в 1990-х гг. была доведена до логического предела в работах В.Х. Кажарова [Кажаров 1992; Кажаров 1994; Боров и др. 1999]. Если Е.Дж. Налоева ставила вопрос о взаимоотношениях удельных княжеств Кабарды с соседними народами, то В.Х. Кажаров сосредоточил внимание на хасе. Хаса или «совет всех удельных князей с их уорками» и Е.Дж. Налоевой рассматривался как институт «общекабардинской публичной власти» [Налоева 2015: 284]. В трактовке В.Х. Кажарова она представляла собой не просто княжеский совет, а сословно-представительное собрание – высший законодательный и распорядительный орган. Однако его функционирование не воплощало объединительной тенденции: «Напротив, дух «феодалного индивидуализма» был весьма развит в Кабарде и, по существу сделал невозможным ее объединение в одно прочное централизованное государство» [Кажаров 1994: 228, 255]. Государственно-политический строй Кабарды в XVI–XVIII вв. он определял как «сословно-представительную монархию в форме федеративной княжеской республики» [Кажаров 1994: 267]. Сторонами или субъектами интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе у В.Х. Кажарова выступают «кабардинские князья» и соседние «подвассальные народности», а хаса в ряде случаев функционирует как институт в рамках которого осуществлялось регулирование их отношений. Некоторые сообщения источников начала 1770-х гг. свидетельствуют, по его мнению, что до этого

времени сохранялась «традиция созыва «полных» собраний князей и дворян для рассмотрения тех или иных аспектов взаимоотношений с подвассальными народностями». При этом «старшины подвассальных народностей на таких собраниях обладали в лучшем случае правом совещательного голоса», в основном их собирали для объявления уже принятых решений [Кажаров 1994: 268].

В коллективной монографии, изданной в 1999 г. В.Х. Кажаров сформулировал положение о том, что Кабарда XVI–XVIII вв. по своему государственному устройству представляла собой «малую феодальную империю». Согласно его рассуждению, нашествия татаро-монголов и Тимура привели к изменению не только этнической карты, но и политической доминанты в Центральном Предкавказье, где устанавливается политическое господство кабардинцев: «Отныне и до начала XIX в. – вплоть до утраты ими своей политической самостоятельности – горские племена и народности данного субрегиона (абазины, карачаевцы, балкарцы, осетины, ингуши и западные чеченцы) входят в состав одной политической общности под названием “Кабарда”» [Боров и др. 1999: 9–10]. При оценке политической системы Кабарды XVI–XVIII вв. он призывал абстрагироваться от обыденных ассоциаций и привычных пространственно-географических параметров и «обращать внимание только на сущностные признаки». Если исходить из них, то «Кабарда по своему государственному устройству являлась малой феодальной империей, объединявшей различные этносоциальные и политические организмы под властью одного княжеского дома Иналовичей. Она представляла собой конгломерат, который состоял из главенствующего центрального государства и присоединенных (или завоеванных) народов, не имевших или утративших свою государственность, но располагавших определенными формами политического самоуправления» [Боров и др. 1999: 10]. При этом В.Х. Кажаров отмечал, что «имперская» по отношению к окраинам власть «внутри кабардинского этнического социума» характеризовалась «полицентризмом», что в Кабарде XVI–XVIII вв. «существовала феодальная раздробленность» [Боров и др. 1999: 11]. Но в этом случае реальным центром «феодальной империи» оказываются не столько государственные институты, сколько «кабардинский этнический социум». В.Х. Кажаров не усматривал в этом противоречия и проблемы. В работе о территории феодальной Кабарды он обращал внимание на то, что «Кабарда» как территориально-политическое образование не тождественна этнической территории кабардинцев, т.е. территории, на которой располагаются в данный момент их поселения с близлежащими земельными угодьями. Таким образом, констатировал В.Х. Кажаров, Кабарда – это «полиэтническое государственное образование, а не только этническая территория кабардинцев» [Кажаров 2014: 572–573].

Описанная концепция могла быть сформулирована только в контексте сведения исторических реалий интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе к сугубо политическим отношениям, субъектами которых выступают этносы. На первый план неизбежно выступало этническое

измерение заложенных в понятие империи отношений господства и подчинения. Такая операция подразумевала концептуальный разрыв с предшествующей (дореволюционной и советской) академической традицией.

В региональной историографии получили развитие трактовки традиционной системы интер-социальных взаимодействий близкие, но альтернативные концепции В.Х. Кажарова или предлагающие критический «ответ» на нее, как в имплицитной, так и в явно выраженной форме.

В ряде работ с конца 1990-х работ традиционный порядок взаимоотношений владений и обществ Центрального Кавказа З.А. Кожев рассматривал сквозь призму сюзеренно-вассальных отношений, как базовой формы институализации иерархических социальных связей в феодальных обществах. Согласно его концепции господствующие классы Кабарды и других княжеских владений Черкесии, связанные сеньориально-вассальными отношениями, составляли мощную и достаточно консолидированную силу, дееспособность и военный профессионализм которой позволял ей претендовать на политическую власть не только в пределах собственно черкесских феодальных владений, но и в соседних областях Северного Кавказа. Реальным проявлением этой власти были сеньориально-вассальные отношения, которые черкесская аристократия на протяжении столетий последовательно пыталась навязать своим более слабым соседям [Кожев 2016: 75–76].

Поскольку материальным выражением вассальной зависимости от кабардинских князей даже крупных самостоятельных дворян-вотчинников была феодальная рента, получаемая с населения всех земель подвластных княжеской фамилии, постольку требование уплаты «дани» с соседних народов З.А. Кожев считает «попыткой включения последних в сферу действия обычно-правовых норм, на основе которых строилось кабардинское феодальное общество» [Кожев 2016: 78–79].

Вместе с тем он в полной мере учитывает реалии социальной и политической жизни народов Северного Кавказа, значительно усложнявшие характер сеньориально-вассальных отношений между их субъектами.

Во-первых, речь идет о том, что феодальные владения Кабарды не составляли единого государственного организма [Кожев 2016: 79–80]. Во-вторых, минимальным необходимым условием для установления прочных сеньориально-вассальных отношений, отмечает З.А. Кожев, было наличие в том или ином горском обществе феодального сословия способного, в силу своего социального статуса, взять на себя (не всегда добровольно) определенные вассальные обязательства по отношению к черкесским владетелям. Но далеко не у всех народов Северного Кавказа, которым в разное время довелось испытать на себе военно-политическое давление Кабарды, феодальные институты были достаточно развитыми для того, чтобы вхождение в систему черкесского феодализма воспринималось ими безболезненно [Кожев 2016: 82–83]. Таким образом, социальное содержание взаимоотношений владельцев Большой Кабарды с горцами Осетии (особенно куртатинцами, алагирцами) и вайнахскими субэтносами (ингушами, карабулаками) во многом не соответствовало сеньориально-вассальным, приобретая более простые

формы даннической эксплуатации [Кожев 2016: 92].

Что касается высших сословий таких северокавказских народностей, как абазины-тапанта, дигорские и тагаурские осетины, карачаевцы и балкарцы, то они, по оценке автора, непосредственно входили «через сеньориально-вассальные отношения в общую структуру кабардинского феодального общества». Но их место в этом обществе оказывалось амбивалентным. С одной стороны «иноэтничные» вассалы кабардинских князей, приравнивались в своем статусе с первостепенными кабардинскими дворянами, «сохраняли все права и привилегии в управлении собственными подвластными в границах своих владений». С другой, З.А. Кожев принимает тезис В.Х. Кажарова о том, что представители социальных верхов «подвассальных народностей» не могли участвовать на равных правах с кабардинскими тлекотлешами и дижинуго в сословно-представительных собраниях, а «приглашались на эти собрания лишь для объявления им уже принятых решений» [Кожев 2005: 118, 124, 130].

В статье 2005 г. З.А. Кожев усматривал в этом обстоятельстве не только выражение относительной слабости интеграционных функций кабардинских сословно-представительных собраний, но и «следствие значительной их [горских владельцев – А.Б., Е.М., Ю.А.] самостоятельности, автономности от Кабарды». В монографии 2016 г. тезис о значительной самостоятельности горских владельцев был им снят. Вместе с тем сохранилось положение о том, что горцы Северного Кавказа не могли не тяготиться зависимостью от черкесских князей и последним зачастую приходилось силой вновь и вновь утверждать свои притязания на сюзеренную власть констатирует он [Кожев 2005: 130; Кожев 2016: 84].

Очевидна близость, своего рода параллелизм концепций интеграции «подвассальных» народов Центрального Кавказа либо в состав кабардинской «феодальной империи», либо в сеньориально-вассальную иерархию «кабардинского феодального общества». Вторая имеет более широкую источниковую и эмпирическую базу и стоит ближе к социальной реальности XVI–XVIII вв., прежде всего, в той ее части, которая выражает феодальные притязания кабардинского княжеского сословия.

Положения, концептуально противостоящие представлениям о существовании на Центральном Кавказе кабардинской «феодальной империи» и об интеграции высших сословий ряда северокавказских народностей «через сеньориально-вассальные отношения в общую структуру кабардинского феодального общества» были сформулированы в работах М.С. Баразбиева, Р.Т. Хатуева, Р.С. Тебуева, И.С. Кипкеева, Р.М. Бегеулова [Баразбиев 2000; Хатуев 1999; Тебуев, Хатуев 2002; Кипкеев 2005; Бегеулов 2009].

М.И. Баразбиев рассматривает проблему в контексте хозяйственных связей балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа. Исходным фактором здесь выступала потребность балкаро-карачаевцев в привозном хлебе и в сезонных пастбищных угодьях, приводившая к необходимости в весенне-осенний период арендовать пастбища у соседних народов Кавказа. Кабардинские князья, контролировавшие равнинные пастбищные угодья, старались подчинить балкаро-карачаевцев своему политическому влиянию и превратить плату за

аренду пастбищных земель в ежегодную обязательную дань [Баразбиев 2000: 20]. На основании некоторых свидетельств XVIII – начала XIX в., автор с уверенностью констатирует, что «кабардинские князья все-таки не сумели превратить арендные взаимоотношения с балкаро-карачаевцами в отношения даннические», хотя «нельзя полностью отрицать сведения о имевших место элементах политической зависимости балкаро-карачаевцев от кабардинских князей» [Баразбиев 2000: 21]. М.И. Баразбиев акцентирует две фундаментальные и константные характеристики взаимоотношений балкаро-карачаевцев и кабардинцев. Во-первых, в их основе лежало не столько «право сильнейших», сколько хозяйственные причины, связанные с различием природно-климатических условий гор и степей. Во-вторых, они имели характер взаимовыгодного соглашения, крайне необходимого для балкарцев и карачаевцев и позволявшего кабардинским князьям извлекать политические и экономические выгоды [Баразбиев 2000: 21–22].

В работе 1999 г. Р.Т. Хатуев указывал среди причин, обусловивших «расширение кабардинского влияния на общества Нагорной полосы (Осетия, Балкария, Карачай, отчасти Ингушетия и Чечня)» на отгонно-скотоводческий характер экономики горских обществ и их потребность в обеспечении «безопасности путем обретения военно-политического покровительства со стороны самых могущественных в тот период на Центральном Кавказе феодалов, каковыми и были определенное время князья Кабарды» [Хатуев 1999: 84–85]. Но каждое из горских обществ, «входивших в союз с Кабардой» сохраняло территориальную обособленность от нее, самостоятельное внутреннее управление, самостоятельную внешнюю политику, возможность добровольно выйти из союза. В конечном счете, Р.Т. Хатуев полагает правомерным описывать характер взаимосвязей горских обществ и Кабарды как «конфедерацию» [Хатуев 1999: 85–86].

Этот подход получил развитие в совместной работе Р.С. Тебуева и Р.Т. Хатуева, опубликованной в 2002 г. Сущность взаимоотношений «между горскими обществами Карачая и Балкарии (и не только их), с одной стороны, и кабардинскими феодалами, с другой» определяется в ней понятием «горско-кабардинская конфедерация» [Тебуев, Хатуев 2002: 94]. Авторы подчеркивают, что в «добрососедстве нуждались обе стороны – и горские общества и кабардинские феодалы». Для кабардинцев горские общества являлись своеобразным тылом, укрытием в случае сторонней агрессии со стороны крымских, ногайских и тарковских феодалов. Горцы, в свою очередь, были заинтересованы в существовании надежного «буфера» между ними и все теми же внешними силами. Также горские общества были заинтересованы в зимних пастбищах на кабардинской плоскости [Тебуев, Хатуев 2002: 97, 98].

Развернутое представление концепция конфедеративной природы взаимоотношений владений и обществ Центрального Кавказа получила в монографии Р.М. Бегеулова [Бегеулов 2009]. Он исходит из того, что на территории Центрального Кавказа в XVII – начале XIX в. сложились политические связи между различными обществами, которые не всегда носили равноправный характер. Наиболее сильными и влиятельными на Центральном

Кавказе были территориально-политические образования кабардинцев. Их военный и экономический потенциал был выше, чем у высокогорных обществ. Скотоводческое хозяйство горцев нуждалось в предгорных и равнинных пастбищах, а они находились под контролем кабардинских феодалов. Безусловные экономические преимущества провоцировали кабардинскую социальную верхушку на усиление политического нажима на горские общества, на активное вмешательство в их внутренние дела, с целью подчинения их своей власти [Бегеулов 2009: 13, 14, 15].

Вслед за Р.Т. Хатуевым Р.М. Бегеулов перечисляет все признаки независимости горских обществ и приводит ряд аргументов против попыток концептуализации «взаимоотношений феодалов Кабарды с другими соседними этнополитическими объединениями Центрального Кавказа» по схеме «сюзерен-вассал» и считает «более уместным и корректным назвать систему взаимоотношений этнополитических объединений Центрального Кавказа – конфедерацией». Причем аналогия проводилась со структурой Швейцарской конфедерации – с кантонами условно сравнивались кабардинские феодальные уделы, а с союзными землями – горские и большая часть абазинских обществ [Бегеулов 2009: 17, 26, 27, 28].

Интересным представляется «функциональный аргумент» в пользу рассмотрения сложной системы межэтнических и общественно-политических взаимоотношений, сформировавшейся на Центральном Кавказе в XVII – первой четверти XIX в. через призму конфедерации: оно позволяет гораздо легче и точнее объяснить тот факт, что «долгое время система взаимоотношений, сложившаяся на Центральном Кавказе устраивала всех, все этнополитические группы региона», а также то, почему «в период завоевания Кавказа российским властям так долго не удавалось разрушить союз кабардинцев с их соседями, создать «антикабардинские» настроения в регионе?» [Бегеулов 2009: 28, 29].

В диссертации о правовой культуре этнополитических отношений на Северо-Западном Кавказе XVI–XIX вв. И.С. Кипкеев выступает против «узкоэтнического» подхода, заключающегося в изучении «правовых систем, действовавших во внутренней жизни народов», без учета влияния «правовых систем соседних народов как результата международных отношений» [Кипкеев 2005: 5]. Предметом его исследования являются «основные компоненты исторически сложившейся системы международных правоотношений» в ареале Северо-Западного Кавказа [Кипкеев 2005: 8]. В качестве одной из форм «этнополитических союзов» в регионе наряду с сюзеренно-вассальными связями и военно-политическими союзами он рассматривает «отношения протектората», как имевшие место в регионе на протяжении длительного периода. В роли протекторов выступали Ногайская орда, Крымское ханство, Тарковское шамхальство, Кабарда. «Протекторальные отношения» автор определяет как форму «военно-политического покровительства одного этнополитического объединения над другим, не предусматривавшей включения территории народа-протее в состав подвластных протектору земель», причем такие отношения могли быть «договорными». «Кабардинский протекторат»

И.С. Кипкеев характеризует на материалах отношений кабардинских князей с горскими обществами Балкарии и Карачая [Кипкеев 2005: 24–28]. Содержательно они соответствуют тому, что другие авторы описывают как «сюзеренно-вассальные» отношения. Но для их описания автор использует такие категории как «международные отношения», «международные съезды представителей правящих элит», «международные связи» или «правоотношения между народами» региона.

Можно видеть, что каждый из вариантов обобщенной концептуализации интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе XVI–XVIII вв., претендующий на строгость и завершенность, содержит больше того, о чем свидетельствуют источники и как бы выводит интерпретацию проблемы за пределы эпохи и региона, к которому она принадлежит. В этом смысле они методологически выходят за рамки принципов историзма. Однако нет необходимости проводить жесткую грань между ними и источником-ориентированными исследованиями, направленными на конкретно-историческую реконструкцию содержания, форм и эволюции интер-социальных взаимодействий в регионе в XVI–XVIII вв. Так, в своем исследовании историко-культурного развития Балкарии в XV – начале XIX вв. В.М. Батчаев поддерживает концепцию о том, что горскую и кабардинскую знать связывали сеньориально-вассальные связи, а институт вассалитета «означал инкорпорацию горской знати в феодальную иерархию Кабарды», что было обусловлено стадийной «совместимостью» двух систем [Батчаев 2006: 78]. В целом, автор соглашается с тем, что «различные «общества» Осетии, Ингушетии, Балкарии и др. все же находились в большей или меньшей зависимости от феодалов Кабарды» [Батчаев 2006: 115].

Однако подчеркивается взаимовыгодность связей, первичность «классового союза» горской и кабардинской знати: «Скажем, для отдельных балкарских таубиев или осетинских алдаров кабардинский князь был порой не только сюзереном, но и гарантом незыблемости их классового господства над «своими» общинниками; первое тяготило, второе же отвечало их коренным интересам. Чаша весов колебалась в соответствии с давлением извне и темпами стабилизации социальной структуры обществ» [Батчаев 2006: 143]. Таким образом, В.М. Батчаев солидаризируется с авторами, объясняющими «классовой солидарностью кабардино-горской знати ... стабильность социально-политической ситуации в горах на протяжении всего позднего средневековья» [Батчаев 2006: 84]. Однако нет оснований преувеличивать ее уровень и прочность. В.М. Батчаев обращает внимание на свидетельства источников о конфликтах между горской и кабардинской знатью, видя в них не характеристику межэтнических отношений, но «причины социального свойства – стремление того или иного феодала расширить владения и круг своих подданных, множить свои богатства за счет дани, грабежей и т.д.» [Батчаев 2006: 106]. Не только знать кабардинская, но и знать горских обществ, на которые претендовали кабардинские князья, отличались определенным уровнем военизованности. В.М. Батчаев описывает ситуации успешной организации балкарскими обществами сопротивления притязаниям

кабардинских князей, указывает на факты «отлагательства» соседей от кабардинских князей, и нужду последних в посторонней помощи для восстановления статус-кво [Батчаев 2006: 107–116]. В целом, «экспансионизм политически доминировавших групп» постоянно подвергал солидарность кабардинских и горских верхов испытанию на прочность, в то время как «блокада ущелий и дефицит экологической базы скотоводческого хозяйства объективно способствовали солидаризации горских феодалов с подданными и осознанию этой проблемы как общеэтнической» [Батчаев 2006: 186]. К концу XVIII столетия «нарастающая агрессивность соседей предопределила политический выбор горских феодалов и возобладание в горах наметившихся ранее пророссийских настроений» [Батчаев 2006: 143]. Логика развития событий и процессов неизбежно актуализировала сближение балкарских обществ с Россией в обход Кабарды и без учета мнения кабардинских князей [Батчаев 2006: 186].

Работа В.М. Батчаева демонстрирует, что каждый элемент традиционной структуры интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе имеет как «одну», так и «другую» стороны. Не случайно, исследователи относят вопрос о характере отношений балкарских обществ с кабардинскими князьями к числу наиболее сложных и дискуссионных проблем политической истории Балкарии XVIII в. В последние десятилетия рассмотрение балкарских обществ в системе политических связей северокавказского региона привело исследователей к формулированию различных, порой взаимоисключающих, выводов. При этом обсуждение соответствующих проблем в историографии ведется практически на одной и той же источниковой базе и в значительной степени опирается на интерпретацию одних и тех же событий середины XVIII в. [Муратова 2007: 141, 142].

Эта сложность и неоднозначность взаимоотношений горских обществ с окружающей этносоциальной средой требует, в первую очередь, внимательного прочтения свидетельств всего доступного круга источников. Прodelав такую работу в своем исследовании социально-политической истории Балкарии XVII – начала XX в., Е.Г. Муратова приходит к принципиально важному заключению, что взаимоотношения традиционного балкарского общества с соседними кабардинскими владениями не поддаются однозначной характеристике [Муратова 2007: 145]. Здесь констатируется не ограниченность наших знаний, а сложность и неоднозначность изучаемого явления. Именно стремление дать однозначную характеристику неоднозначному феномену порождает конфликт интерпретаций и поляризацию общественных позиций историков. Не вступая в полемику с авторами, постулирующими категориальные дефиниции для традиционного порядка интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, Е.Г. Муратова показывает, что историческая реальность не укладывается в их жесткие рамки. Напротив, предлагаемые историками обобщения должны быть вписаны в культурно-исторический контекст исследуемой эпохи. С этой точки зрения привлекает внимание еще один момент авторской интерпретации. Хотя имела место асимметрия во взаимоотношениях и «горские территории, безусловно,

находились в орбите политического влияния Кабарды», эти взаимоотношения подчинялись строго фиксированному обычаю правил, которые признавались всеми этнополитическими образованиями, нарушать которые не могла ни одна из сторон. Проницаемость социокультурных границ, наличие элементов единой соционормативной инфраструктуры, таких как гостеприимство, аталычество, покровительство, куначество, проводничество и т. п. формировало «особый социально-правовой континуум, обеспечивающий взаимодействие различных традиционных обществ» [Муратова 2007: 148, 151].

Обобщенная характеристика природы этих отношений в рассматриваемой работе заключается не в подведении их под какую-нибудь историко-политологическую или историко-социологическую категорию – «феодальной империи», сюзеренно-вассальных отношений, протектората или конфедерации, а в прослеживании исторического развертывания явления от его становления до изживания. В XVII–XVIII вв. в регионе сложился баланс сил феодализованных этнополитических образований, который обеспечивал преобладание Кабарды на Центральном Кавказе и обусловил определенную степень и специфические формы зависимости от нее соседних горских обществ, в том числе балкарских. Такой вариант коллективных отношений зависимости во многом происходил из-за неравномерного распределения производственных угодий на равнине и в горах. При отгонной системе животноводства горные общества были вынуждены вносить собственникам земли натуральную плату за зимние пастбища на плоскости. Этот порядок стал меняться в конце XVIII в. в связи с усилением военно-политического присутствия России на Северном Кавказе, разрушившим этнополитическое равновесие [Муратова 2007: 151].

Актуальные проблемы концептуализации традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе

Рассмотренный выше материал свидетельствует, что характерной чертой современной историографии проблемы является стремление «схватить» историческую природу традиционного интер-социального порядка на Центральном Кавказе с опорой на то или иное ключевое понятие, историко-социологический или историко-политологический концепт – «феодальная империя», «сюзеренитет-вассалитет», «протекторат», «конфедерация», «арендные отношения». Каждое из них находит то или иное подкрепление в исторической реальности XVI–XVIII вв. Но как представляется, одновременно схематизирует и модернизирует ее.

Знакомство с некоторыми положениями современных концепций империи – о «ядре» и «периферии» как основных элементах имперской структуры, о «ранних империях» с низкой степенью интегрированности подсистем, не всегда объединенных единой административной системой, о «даннических» империях в отличие от «завоевательных» – дает общее представление об основаниях, позволяющих говорить о Кабарде как о «малой феодальной империи» [Thapar 1981; Алаев 2000; Крадин 2006]. Этот подход опирается на типологическое сходство в неких предельно общих моментах,

позволяющие проводить аналогии между моделью взаимодействия Кабарды с соседними этническими социумами и, по меньшей мере, моделью «ранней империи». Тем не менее, если даже намеренно исключить оценочный характер значения слова «империя» и оставить в стороне тот резонанс, который вызвал этот тезис в актуальной общественно-политической ситуации в КБР, то все равно остаются вопросы к его концептуальному содержанию.

Во-первых, они связаны с характеристикой структуры имперского государства. Выход на предельный для данного случая социопропространственный уровень анализа «государственно-политического строя» (удел – Большая Кабарда – вся Кабарда – Центральный Кавказ?) заостряет вопрос о соотношении центра и периферии в системе властных отношений. Если говорить о феодальных (средневековых) империях, то их конституирующим признаком является сюзеренитет одного верховного носителя власти, «короны». В нашем случае обнаруживается, что «главенствующее центральное государство» характеризуется «определенным полицентризмом внутри кабардинского этнического социума». Это крайне затрудняет описание обсуждаемой «империи» в качестве централизованной государственной структуры. Реальным ее центром оказываются не столько государственные институты, сколько «кабардинский этнический социум».

Во-вторых, в таком контексте на первый план неизбежно выступает этническое измерение заложенных в понятие империи отношений господства и подчинения. Но феодальная власть вообще и феодальные отношения «надэтничны» по определению. С другой стороны, различные «этносоциальные и политические организмы» Центрального Кавказа, объединенные «под властью одного княжеского дома Иналовичей», нельзя отождествлять с «народами» ни в культурно-лингвистическом (этнографическом), ни в гражданско-политическом смысле этого слова. В ином случае пришлось бы типологически сближать «государственное устройство Кабарды» со структурой либо кочевых империй (когда этнический социум, в котором далеко не завершены процессы социальной стратификации, сам выступает как господствующий «класс-этнос» по отношению к подчиняемым обществам), либо колониальных империй (когда сложившееся национальное государство присоединяет, или подчиняет себе прилежащие или заморские территории с иноэтничным населением). Факторы, затрудняющие и ту, и другую интерпретацию, достаточно очевидны и не нуждаются в подробном обсуждении.

Если теория «малой феодальной империи» на Центральном Кавказе дает «сильную» версию природы иерархических социально-политических связей в регионе, то их интерпретацию в терминах «сюзеренитета-вассалитета» можно расценить как «слабую», но более реалистичную версию. Она опирается на прямые свидетельства источников, на глубокую историографическую традицию описания интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе в терминах сюзеренитета-вассалитета, а также отражает их типологическое сходство с классической моделью вассалитета.

Сюзеренно-вассальные связи в их классической форме носили исключительно добровольный характер. Элемент принуждения был несовместим с престижным обозначением «вассал». Сеньор гарантировал вассалу безопасность, покровительство, уважение. Вассал же должен был оказывать помощь сеньору оружием, советом и, со временем, материальными подношениями. Основанием установления вассальных связей могли быть как феодал, так и определенные вознаграждения, не связанные с землей. Подобно этому связи кабардинских князей и представителей привилегированных сословий горских обществ носили большей частью добровольный характер, основанный на принципе взаимности: с одной стороны, защита и покровительство кабардинских князей, с другой – «поземельная плата» и время от времени – участие в военных акциях, осуществляемых кабардинскими князьями; последние предоставляли земельные угодья в своих владениях для сезонного использования горскими обществами, а подарки-подношения кабардинским князьям, не связанные с землепользованием, становились со временем обязательными «по обычаю».

Вместе с тем связи между кабардинскими князьями и представителями горских обществ в ряде случаев носили непостоянный, неустойчивый характер; у «вассалов-соседей» кабардинских князей оставалась возможность отказать в военной помощи им; «вассалитет» плохо увязывается с тем обстоятельством, что ему не предшествовала инвеститура – верхи горских обществ не были «посажены» на землю кабардинскими князьями, горские этнические группы жили на своих исконных землях; только часть сельскохозяйственных работ осуществлялась горцами на землях кабардинских князей, причем часто они обеспечивали защиту своих «кошей» собственными силами.

Главное в том, что неочевидна применимость понятия «вассалитет», подразумевающего в строгом смысле личную связь и службу одного феодала другому (вассала сюзерену), к случаям зависимости от кабардинских князей тех или иных феодализованных этносоциальных единиц (горских обществ). Здесь возникает опасность либо «этнизации социально-политического», либо «политизации этнического».

Автор рассматриваемой концепции, казалось бы, расширяет «круг субъектов межэтнического взаимодействия», упоминая помимо собственно этносов «субэтносы», «этносоциальные единицы», «феодалы владения», «общества». Связи между ними в общем виде обозначаются как «этносоциальные отношения», но «система этносоциальных отношений» изучается «как фактор синергии в рамках Черкесии» [Кожев 2016: 12]. Поскольку социально-политическая дробность пространства, заключенного в «рамки Черкесии» неоспорима, то его единство (целостность) задается здесь только этнической маркировкой. Таким образом, иерархические сюзеренно-вассальные связи приобретают этническую «оболочку».

«Политизация этнического», т.е. представление этнических (этнотерриториальных и этносоциальных) единиц в качестве политических субъектов характерна для концепций, интерпретирующих интер-социальные

взаимодействия в регионе с использованием понятий конфедерации и протектората.

Сторонники концепции «горско-кабардинской конфедерации» справедливо указывают на «фактическую и терминологическую» некорректность утверждений о «вассально-зависимых» от Кабарды народах. Однако их аргумент о том, что «отношения сюзерен-вассал могут иметь место между иерархически организованными субъектами, составляющими с формально-правовой точки зрения единое государственно-территориальное образование» не отвечает многообразию реальности существования сюзеренно-вассальных связей в средневековую эпоху, к которой вообще мало применима «государственно-территориальная» терминология. Между тем, здесь создается впечатление, что на Центральном Кавказе существовала совокупность «государственно-территориальных образований», внутри которых могла иметь место вассальная иерархия, но взаимные отношения которых строились на иных началах. Это не утверждается прямо. Однако такие характеристики горских обществ, «входивших в союз с Кабардой», как территориальная обособленность, самостоятельное внутреннее управление, самостоятельная внешняя политика, возможность добровольно выйти из союза вполне применимы к описанию самостоятельного государства [Хатуев 1999: 85–86]. При таком видении социально-политического ландшафта Центрального Кавказа логично предложение обозначить традиционный порядок интерсоциальных взаимоотношений в регионе как конфедерацию. В современном употреблении словом «конфедерация» обозначается форма государственного устройства, при которой образующие союз государства сохраняют свою независимость, имеют собственные органы власти и управления, а для координации действий в определенных областях создаются специальные объединенные органы [Конфедерация... 2010: 161]. Иными словами, конфедерация – союз государств. Применять это понятие к традиционному порядку взаимоотношений социально-территориальных единиц, остающихся в общем и целом на догосударственной стадии развития, следовало бы с очень большими оговорками и уточнениями, чего сторонники этой концепции не сделали.

Кроме того, невозможно выстроить теорию о характере структуры «конфедерации» без учета самоопределения и самоощущения участников конфедеративного союза. Подобные вопросы возникают, когда идет речь о включенности в конфедерацию соседних с Кабардой горских обществ. Образование Швейцарской конфедерации (1291 г.) было результатом осознанного политического акта, оформленного письменным договором. Постепенно этот союз расширялся за счет присоединения как равноправных членов (кантоны), так и неравноправных (союзные земли). В любом случае это был процесс консолидации и члены конфедерации понимали, что они становятся частью союзного политического образования. В рассматриваемой концепции Кабарда выглядит центром горско-кабардинской конфедерации (уделы Кабарды – кантоны, горские общества – союзные земли). Но основная тенденция ее собственного политического развития вела не к консолидации, а к

углублению феодальной раздробленности (самостоятельность уделов, разделение на Большую и Малую Кабарду, феодальные войны, раскол Большой Кабарды на «партии»). Можно ли сказать, что вступая в те или иные отношения с удельными князьями либо Большой, либо Малой Кабарды горские владельцы и общества осознавали это как присоединение к некоему политическому целому? Представляется, что на данный вопрос трудно дать положительный ответ. И здесь недостаточно просто уподобить феодальные уделы Кабарды с кантонами, а горские общества с союзными землями, чтобы обозначить их отношения как конфедерацию.

Предложенное в качестве одного из средств концептуализации интер-социальных взаимодействий в регионе понятие «протекторат» также с неизбежностью несет коннотацию формы межгосударственных отношений. Автор не приписывает ему такое значение в явном виде. Он оговаривает, что использует слово «международный» в его прямом и изначальном значении – как производный от словосочетания «между народами» [Кипкеев 2005: 5]. Но используемые им категории «международные отношения», «международные съезды представителей правящих элит», «международные связи» или «правоотношения между народами» региона так или иначе представляют этнические общности в качестве квази-государственных субъектов. Происходит контаминация политико-правовых и этнических терминов. Тем самым не столько преодолевается «узкоэтнический» подход, сколько происходит еще более масштабная «этнизация» видения предмета исследования.

Казалось бы, уйти от нее позволяет рассмотрение проблемы интер-социальных взаимодействий в контексте хозяйственных связей кабардинских владений и горских обществ. Их взаимовыгодный характер не подлежит сомнению, так же как стремление кабардинских князей превратить их в отношения зависимости горских обществ. Вопрос заключается в том, возможно ли однозначное определение их природы в социально-политических (вассально-даннические отношения) или экономических (арендные отношения) терминах. О первом варианте решения проблемы достаточно говорилось выше. Второй же вариант (арендные отношения), возможно, применим к XIX в., когда феодальные притязания кабардинских князей по отношению к соседям были пресечены. Однако для Центрального Кавказа XVII–XVIII вв. однозначно экономическая трактовка интер-социальных взаимодействий выглядит упрощением и несет элемент неоправданной модернизации явления. Аренда и арендные платежи как сугубо экономические отношения возникают в условиях становления аграрного капитализма. Предполагать, что кабардинский князь XVII–XVIII вв. выступал в качестве землевладельца-арендодателя значило бы отождествлять его с английским лендлордом той же эпохи.

Заключение

Таким образом, построение обобщенной концепции традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе

представляет собой сложную проблему, затрагивающую фундаментальные вопросы изучения региональной истории.

Первый из них – это вопрос о применимости категорий, выработанных в других социальных науках или на историческом материале других эпох и регионов к северокавказской реальности XVI–XVIII вв. Рассмотренный выше историографический опыт показывает, что каждая из предложенных обобщающих категорий коррелирует с какими-то свойствами или состояниями системы интер-социальных взаимодействий, но абстрагируется от иных ее характеристик. Отдельные элементы и взаимосвязи отождествляются со структурой системы в целом. Интер-социальные взаимодействия, которые развертываются, демонстрируя многообразие как в пространстве, так и во времени, получают статичное, исключительно пространственное представление. Существенно больший потенциал обобщения несет опирающийся на источниковые данные исторический нарратив, реконструирующий ход событий, учитывающий все факты, охватывающий весь исторический период функционирования традиционной системы интер-социальных взаимодействий. В нем могут найти свое место явления, послужившие основанием для выдвижения каждой из рассмотренных выше концепций, в их полноте и реальной взаимосвязи. Обобщением становится история, т.е. описание бытия или движения региона во времени.

Второй вопрос связан с необходимостью дифференцировать этническую и социально-политическую номенклатуру в представлении Северо-Западного и Центрального Кавказа как пространства интер-социальных взаимодействий. Советская академическая традиция четко разводила их социально-классовое и этнокультурное содержание. Классовая трактовка явлений доминирования, конфликтов, эксплуатации, фиксируемых в прошлом, как бы и оставляла их в прошлом вместе с их носителями – эксплуататорскими классами. Современная историография в явной или неявной форме помещает социальные взаимодействия владельцев и обществ региона в «межэтнический» и/или «этнополитический» контекст. Это обстоятельство имеет двоякие последствия. Во-первых, исторические концепции в известной степени отрываются от источниковых данных XVI–XVIII вв., в которых субъектами интер-социальных взаимодействий никогда не выступают этнические общности – «народы». Во-вторых, «этно-центрированный» подход к проблеме несет высокую вероятность «переложения» на исторический материал современных этнополитических коллизий и попыток подведения «исторической базы» под актуальные притязания этнических активистов. Это обусловлено не только субъективными, но и глубинными, в известном смысле, объективными факторами. Этническая идентичность поддерживается, в том числе, представлением об универсальной преемственности нынешних поколений этноса по отношению к прошлым поколениям. Соответственно, этническая трактовка интер-социальных взаимодействий стирает грань между собственно академическим и психоэмоциональным либо политически мотивированным подходом к ним.

Конструктивный ответ на вопрос о возможности обобщенной интерпретации исторического опыта интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, как представляется, возможен на основе соединения обрисованного выше «нарративного», описательного подхода с «надэтническим» представлением региона как пространства, имеющего сложный природный и социальный ландшафт. Если пытаться найти одно понятие, способное выразить наиболее общую характеристику состояния этого пространства на протяжении XVI–XVIII вв., то таким понятием может быть «порядок». Участники взаимных отношений в регионе могли стремиться, в тех или иных обстоятельствах, к смещению баланса интересов в свою пользу, но подрыв хозяйственных, социальных и политических основ жизнедеятельности соседей не входил в круг устремлений кого-либо из них, если даже у него было достаточно сил для этого. Наиболее устойчивой общей функцией традиционной системы интер-социальных взаимодействий выступает поддержание порядка, понятного всем их участникам и обеспечивавшего воспроизводство каждой этносоциальной единицы, занимающей собственную природно-экологическую нишу. Фактически, рассмотренные выше концепции, которые иногда логически несовместимы, выступают как представление (иногда гиперболизированное) того или иного аспекта этого порядка. Преимущество общего и менее строгого концепта «порядок» состоит в том, что он «вмещает» в себя и многообразие форм интер-социальных взаимодействий в пространстве региона и их эволюцию во времени под воздействием преимущественно внешних факторов. Единственным дополнительным определением к нему может быть слово «традиционный», чтобы отличить его от пришедшего ему на смену в XIX в. нового порядка – административно-территориальной организации региона в рамках имперской системы управления. Определение «традиционный» коррелирует, во-первых, с постепенным «естественно-историческим» процессом складывания регионального интер-социального порядка и, во-вторых, с его оформлением в виде социально-правовых обычаев и норм.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абаев 1992 – *Абаев М.К.* Балкария: Исторический очерк. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 40 с.
- Алаев 2000 – *Алаев Л.Б.* Империя: феномен или этап развития? // Вопросы истории. – 2000. – № 4–5. – С. 148–156.
- Алиев 1991 – *Алиев У.* Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. – Черкесск: [Б.и.], 1991. – 320 с.
- Баразбиев 2000 – *Баразбиев М.И.* Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 112 с. С. 19–25.
- Батчаев 2006 – *Батчаев В.М.* Балкария в XV – начале XIX вв. – М.: Институт археологии Кавказа, 2006. – 239 с.
- Бегеулов 2009 – *Бегеулов Р.М.* Центральный Кавказ в XVII – первой четверти XIX века: очерки этнополитической истории. – 2-е изд., испр. – Карачаевск: КЧГУ, 2009. – 290 с.
- Боров и др. 2020 – *Боров А.Х., Муратова Е.Г., Азикова Ю.М.* Проблемы концептуализации традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе: становление историографической традиции (конец XVIII – начало XX

века) // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 2. – С. 68–110. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-2-68-110>

Виноградов 1981 – *Виноградов В.Б.* Генезис феодализма на Центральном Кавказе // Вопросы истории. – 1981. – №1. – С. 35–50.

Докладная записка... 2010 – *Докладная записка* товарища Алиева. История национальной розни между Карачаем и Кабардой и земельный вопрос / Подготовка к публикации и комментарии А.Г. Кажарова // Исторический вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – 2010. – Вып. IX. – С. 376–400.

История Ингушетии... 2013 – *История Ингушетии*: коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. – Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2013. – 600 с.

История Кабардино-Балкарской... 1967 – *История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней*: в 2-х т. Т. 1. – М.: Наука, 1967. – 482 с.

История Кабарды... 1957 – *История Кабарды с древнейших времен до наших дней* / Ред. колл.: Н.А. Смиронов (отв. редактор), З.В. Анчабадзе, Н.Е. Гуревич, В.П. Крикунов, Т.Х. Кумыков, И.Ф. Мужев, Х.М. Сабанчиев. – М.: Издательство АН СССР, 1957. – 395 с.

История народов... 1988 – *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.* / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1988. – 544 с.

История Осетии... 2012 – *История Осетии*: в 2-х т. Т. 1: История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века / Гл. ред. З.В. Канукова. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 498 с.

История Северо-Осетинской... 1959 – *История Северо-Осетинской АССР* / Отв. ред. С.К. Бушуев. – М.: Издательство АН СССР, 1959. – 335 с.

История Северо-Осетинской... 1968 – *История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней*: учебное пособие для учителей истории и для учащихся старших классов / Под ред. М.С. Тотоева. – Орджоникидзе: Типография Управления по печати при Совете Министров СО АССР, 1968. – 250 с.

История Северо-Осетинской... 1987 – *История Северо-Осетинской АССР: с древнейших времен до наших дней*: в 2-х т. Т. 1 / Гл. ред. А.П. Новосельцев. – Орджоникидзе: Ир, 1987. – 529 с.

История Чечни... 2008 – *История Чечни с древнейших времен до наших дней*: в 2-х т. Т. 1: История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. – Грозный: ГУП "Книжное издательство", 2008 – 828 с.

Кажаров 2010 – *Кажаров А.Г.* У.Д. Алиев и некоторые проблемы национально-государственного развития народов Северного Кавказа в начале 1920-х гг. // Исторический вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – 2010. – Вып. IX. – С. 76–90.

Кажаров 2019 – *Кажаров А.Г.* Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтернативы, итоги (1917–1920-е гг.). – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2019. – 408 с.

Кажаров 2014 – *Кажаров В.Х.* К вопросу о территории феодальной Кабарды // Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов / Сост. А.Х. Абазов. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. – С. 570–589.

Кипкеев 2005 – *Кипкеев И.С.* История правовой культуры этнополитических отношений на Северо-Западном Кавказе (XVI–XIX вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Черкесск, 2005. – 174 с.

Кожев 2005 – *Кожев З.А.* Иерархические связи кабардинцев с народами Северного Кавказа (XVI–XVIII) // Исторический вестник. – 2005. – Вып. 1. – С. 118–144.

Кожев 2016 – *Кожев З.А.* Социально-политическое и этнокультурное пространство Черкесии (XVI – нач. XIX в.): принципы самоорганизации. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. – 172 с.

Кокиев 2005a – *Кокиев Г.А.* Кабардино-осетинские отношения в XVIII в. // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетов. – Нальчик: ГП «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа». – С. 122–177.

Кокиев 2005b – *Кокиев Г.А.* Распад Кабарды на Большую и Малую и установившиеся отношения с соседними народами // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетов. – Нальчик: ГП «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа». – С. 198–206.

Кокиев 2005c – *Кокиев Г.А.* Краткий исторический очерк Кабарды // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетов. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа», 2005. – С. 411–469.

Конфедерация... 2010 – *Конфедерация* // Большая Российская Энциклопедия: в 30 т. Т. 15: Конго-Крещение / Отв. ред. С.Л. Кравец. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2010. – С. 161.

Крадин 2006 – *Крадин Н.Н.* Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. ст. / под ред. Л.Е. Гринина и др. – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 490–511.

Муратова 2007 – *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 419 с.

Налоева 1973 – *Налоева Е.Дж.* Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.: Автореф. дисс. ... к.и.н. – Нальчик: Б.и., 1973. – 22 с.

Налоева 2015 – *Налоева Е.Дж.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / сост. А.С. Мирзоев. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – 368 с.

Очерки истории... 1961 – *Очерки истории* балкарского народа (с древнейших времен до 1917 года) / Ред. колл.: А.В. Фадеев, Т.Х. Кумыков, В.П. Крикунов, Х.И. Хутуев. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1961. – 220 с.

Очерки истории Карачаево-Черкесии... 1967 – *Очерки истории Карачаево-Черкесии*: в 2-х т. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Отв. ред. В.П. Невская. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1967. – 600 с.

Очерки истории Чечено-Ингушской... 1967 – *Очерки истории Чечено-Ингушской АССР*: в 2-х т. Т. 1: С древнейших времен по март 1917 года / Гл. ред. Н.А. Смирнов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1967. – 316 с.

Тебуев, Хатуев 2002 – *Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев. – М.: Илекса; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. – 224 с.

Улигов 1972 – *Улигов У.А.* Из истории национально-государственного строительства в Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1972. – 164 с.

Хатуев 1999 – *Хатуев Р.Т.* Карачай и Балкария до второй половины XIX в.: Власть и общество // Карачаевцы и балкарцы (этнография, история, археология). – М.: ИЭА РАН, 1999. – С. 5–198.

Шаханов 1991 – *Шаханов Б.А.* Избранная публицистика / Предисл., сост. и коммент. Т.Ш. Биттировой. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 287 с.

Thapar 1981 – *Thapar R.* The State as Empire // The Study of the State / Ed. by H.J.M. Claessen, P. Skalnik. – The Hague: Mouton Publishers, 1981. – P. 409–426.

REFERENCES

- ABAEV M.K. *Balkariya: Istoricheskii ocherk* [Balkaria: A Historical essay]. – Nalchik: El'brus, 1992. – 40 p. (In Russian)
- ALAEV L.B. *Imperiya: fenomen ili etap razvitiya?* [Empire: Phenomenon or Stage of Development?]. IN: *Voprosy istorii*. – 2000. – No. 4–5. – P. 148–156. (In Russian)
- ALIEV U. *Karachai (Karachaevskaya avtonomnaya oblast'). Istoriko-etnologicheskii i kul'turno-ekonomicheskii ocherk* [Karachay (Karachay Autonomous Region). Historical-ethnological and cultural-economic essay]. – Cherkessk: [W.p.], 1991. – 320 p. (In Russian)
- BARAZBIEV M.I. *Etnokul'turnye svyazi balkartsev i karachaevtsev s narodami Kavkaza v XVIII – nachale XX veka* [Ethnocultural ties of Balkars and Karachais with the peoples of the Caucasus in the 18th – early 20th centuries]. – Nalchik: El'brus, 2000. – 112 p. (In Russian)
- BATCHAEV V.M. *Balkariya v XV – nachale XIX vv.* [Balkaria in the 15th – early 19th centuries]. – M.: Institut arkheologii Kavkaza, 2006. – 239 p. (In Russian)
- BEGEULOV P.M. *Tsentrall'nyi Kavkaz v XVII – pervoi chetverti XIX veka: ocherki etnopoliticheskoi istorii* [Central Caucasus in the 17th – first quarter of the 19th century: essays on ethnopolitical history]. – Karachaevesk: KChGU, 2009. – 290 p. (In Russian)
- BOROV A.Kh., MURATOVA E.G., AZIKOVA Yu.M. *Problemy kontseptualizatsii traditsionnoi sistemy inter-sotsial'nykh vzaimodeistvii na Tsentrall'nom Kavkaze: stanovlenie istoriograficheskoi traditsii (konets XVIII – nachalo XX veka)* [The Problems of Conceptualizing the Traditional System of Inter-Social Interactions in the Central Caucasus: the Formation of a Historiographical Tradition (the End of 18th – Early 20th Century)]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2020. – No. 2. – P. 68–110. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-2-68-110> (In Russian)
- Dokladnaya zapiska tovarishcha Alieva. Istoriya natsional'noi rozni mezhdu Karachaem i Kabardoi i zemel'nyi vopros / Podgotovka k publikatsii i kommentarii A.G. Kazharova* [Memorandum of Comrade Aliyev. The history of ethnic strife between Karachai and Kabarda and the land question. Preparation for publication and comments by A.G. Kazharov]. IN: *Istoricheskii vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNTs RAN*. – 2010. – Iss. IX. – P. 376–400. (In Russian)
- Istoriya Chechni s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 2-kh t. T. 1: Istoriya Chechni s drevneishikh vremen do kontsa XIX veka* [History of Chechnya from ancient times to the present day: in 2 volumes. Vol. 1: History of Chechnya from ancient times to the end of the 19th century]. – Grozny: GUP "Knizhnoe izdatel'stvo", 2008 – 828 p. (In Russian)
- Istoriya Ingushetii: kollektivnaya monografiya / Otv. red. N.D. Kodzoev* [History of Ingushetia: collective monograph. Exec. ed. N.D. Kodzoev]. – Rostov-na-Donu: Yuzhnyi izdatel'skii dom, 2013. – 600 p. (In Russian)
- Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 2-kh t. T. 1* [History of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present day: in 2 volumes. Vol. 1]. – M.: Nauka, 1967. – 482 p. (In Russian)
- Istoriya Kabardy s drevneishikh vremen do nashikh dnei / Red. koll.: N.A. Smironov I dr.* [History of Kabarda from ancient times to the present day. Ed. by N.A. Smirov and others]. – M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1957. – 395 p. (In Russian)
- Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. / Otv. red. A.L. Narochitskii* [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century. Exec. ed. A.L. Narochitsky]. – M.: Nauka, 1988. – 544 p. (In Russian)
- Istoriya Osetii: v 2-kh t. T.1. Istoriya Osetii s drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka / Gl. red. Z.V. Kanukova* [History of Ossetia: in 2 volumes. Vol. 1: History of Ossetia from ancient times to the end of the 18th century. Ch. ed. Z.V. Kanukova]. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. – 498 p. (In Russian)
- Istoriya Severo-Osetinskoi ASSR / Otv. red. S.K. Bushuev* [History of the North Ossetian ASSR. Exec. ed. S.K. Bushuev]. – M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959. – 335 p. (In Russian)

Istoriya Severo-Osetinskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei: uchebnoe posobie dlya uchitelei istorii i dlya uchashchikhsya starshikh klassov / Pod red. M.S. Totoeva [History of the North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present day: a textbook for history teachers and high school students. Ed. by M.S. Totoeva]. – Ordzhonikidze: Tipografiya Upravleniya po pechati pri Sovete Ministrov SO ASSR, 1968. – 250 p. (In Russian)

Istoriya Severo-Osetinskoi ASSR: S drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 2-kh t. T. 1 / Gl. red. A.P. Novosel'tsev [History of the North Ossetian ASSR: From ancient times to the present day: in 2 volumes. Vol. 1. Ch. ed. A.P. Novoseltsev]. – Ordzhonikidze: Ir, 1987. – 529 p. (In Russian)

KAZHAROV A.G. *Stanovlenie natsional'noi avtonomii Kabardino-Balkarii: predposylki, al'ternativy, itogi (1917–1920-e gg.)* [Formation of the national autonomy of Kabardino-Balkaria: preconditions, alternatives, results (1917–1920s)]. – Nalchik: Kab.-Balk. un-t, 2019. – 408 p. (In Russian)

KAZHAROV A.G. *U.D. Aliiev i nekotorye problemy natsional'no-gosudarstvennogo razvitiya narodov Severnogo Kavkaza v nachale 1920-kh gg.* [U.D. Aliyev and some problems of the national-state development of the peoples of the North Caucasus in the early 1920s.] IN: *Istoricheskii vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNTs RAN.* – 2010. – Iss. IX. – P. 76–90. (In Russian)

KAZHAROV V.Kh. *K voprosu o territorii feodal'noi Kabardy* [On the question of the territory of feudal Kabarda]. IN: KAZHAROV V.Kh. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov / Sost. A.Kh. Abazov* [Selected works on the history and ethnography of the Circassians. Comp. by A.Kh. Abazov]. – Nalchik: OOO «Pechatnyi dvor», 2014. – P. 570–589. (In Russian)

KHATUEV R.T. *Karachai i Balkariya do vtoroi poloviny XIX v.: Vlast' i obshchestvo* IN: *Karachaytsy i balkarttsy (etnografiya, istoriya, arkheologiya)* [Karachay and Balkaria until the second half of the 19th century: Power and Society]. – M.: IEA RAN, 1999. – P. 5–198. (In Russian)

KIPKEEV I.S. *Istoriya pravovoi kul'tury etnopoliticheskikh otnoshenii na Severo-Zapadnom Kavkaze (XVI–XIX vv.): Dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk* [History of the legal culture of ethno-political relations in the North-West Caucasus (XVI–XIX centuries): Dissertation ... of the candidate of historical sciences degree]. – Cherkessk, 2005. – 174 p. (In Russian)

KOKIEV G.A. *Kabardino-osetinskie otnosheniya v XVIII v.* [Kabardino-Ossetian relations in the 18th century]. IN: *Istoriya Kabardino-Balkarii v trudakh G.A. Kokieva. Sbornik statei i dokumentov / Vyyavlenie, arkheografiya, sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya G.Kh. Mambetov* [The history of Kabardino-Balkaria in the works of G.A. Kokiev. Collection of articles and documents / Identification, archeography, compilation, introductory article by G.Kh. Mambetov]. – Nalchik: GP «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.»; Izdatel'skii tsentr «El'-Fa». – P. 122–177. (In Russian)

KOKIEV G.A. *Kratkii istoricheskii ocherk Kabardy* [A brief historical outline of Kabarda]. IN: *Istoriya Kabardino-Balkarii v trudakh G.A. Kokieva. Sbornik statei i dokumentov / Vyyavlenie, arkheografiya, sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya G.X. Mambetov* [The history of Kabardino-Balkaria in the works of G.A. Kokiev. Collection of articles and documents / Identification, archeography, compilation, introductory article by G.Kh. Mambetov]. – Nalchik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.»; Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2005. – P. 411–469. (In Russian)

KOKIEV G.A. *Raspad Kabardy na Bol'shuyu i Maluyu i ustanovivshiesya otnosheniya s sosednimi narodami* [The disintegration of Kabarda into Big and Small and established relations with neighboring peoples]. IN: *Istoriya Kabardino-Balkarii v trudakh G.A. Kokieva. Sbornik statei i dokumentov / Vyyavlenie, arkheografiya, sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya G.Kh. Mambetov* [The history of Kabardino-Balkaria in the works of G.A. Kokiev. Collection of articles and documents / Identification, archeography, compilation, introductory article by G.Kh. Mambetov]. – Nalchik: GP «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.»; Izdatel'skii tsentr «El'-Fa». – P. 198–206. (In Russian)

Konfederatsiya [Confederation]. IN: *Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya*: v 30 t. T. 15: *Kongo-Kreshchenie* / *Otv. red. S.L. Kravets* [Great Russian Encyclopedia: in 30 volumes. Vol. 15: Kongo-Kreshchenie. Exec. ed. S.L. Kravets]. – M.: Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya, 2010. – P. 161. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Ierarkhicheskie svyazi kabardintsev s narodami Severnogo Kavkaza (XVI–XVIII)* [Hierarchical ties of Kabardins with the peoples of the North Caucasus (XVI–XVIII)]. IN: *Istoricheskii vestnik*. – 2005. – Iss. 1. – P. 118–144. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Sotsial'no-politicheskoe i etnokul'turnoe prostranstvo Cherkessii (XVI – nach. XIX v.): printsipy samoorganizatsii* [Socio-political and ethnocultural space of Circassia (16th – early 19th century): principles of self-organization]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2016. – 172 p. (In Russian)

KRADIN N.N. *Kochevniki, mir-imperii i sotsial'naya evolyutsiya* [Nomads, world-empires and social evolution]. IN: *Rannee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi: sb. st. / pod red. L.E. Grinina i dr.* [Early state, its alternatives and analogues: collection of articles. Edited by L.E. Grinin and others]. – Volgograd: Uchitel', 2006. – P. 490–511. (In Russian)

MURATOVA E.G. *Sotsial'no-politicheskaya istoriya Balkarii XVII – nachala XX v.* [Socio-political history of Balkaria in the 17th – early 20th centuries]. – Nalchik: El'-Fa, 2007. – 419 p. (In Russian)

NALOEVA E.Dzh. *Gosudarstvenno-politicheskii stroi i mezhdunarodnoe polozhenie Kabardy v pervoi polovine XVIII v.: Atoref. diss. ... k.i.n.* [The state-political system and the international position of Kabarda in the first half of the 18th century: Thesis of the dissertation ... of the candidate of historical sciences degree]. – Nalchik: W.p., 1973. – 22 p. (In Russian)

NALOEVA E.Dzh. *Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodal'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-politicheskoi istorii / sost. A.S. Mirzoev* [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and the problems of socio-political history. Comp. by A.S. Mirzoev]. – Nalchik: ООО «Pechatnyi dvor», 2015. – 368 p. (In Russian)

Ocherki istorii balkarskogo naroda (s drevneishikh vremen do 1917 goda) / Red. koll.: A.V. Fadeev, T.Kh. Kumykov, V.P. Krikunov, Kh.I. Khutuev [Essays on the history of the Balkar people (from ancient times to 1917). Ed. board: A.V. Fadeev, T.Kh. Kumykov, V.P. Krikunov, H.I. Khutuev]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. – 220 p. (In Russian)

Ocherki istorii Checheno-Ingushskoi ASSR: v 2-kh t. T. 1: S drevneishikh vremen po mart 1917 goda / Gl. red. N.A. Smirnov [Essays on the history of the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic: in 2 volumes. Vol. 1: From ancient times to March 1917. Ch. ed. N.A. Smirnov]. – Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. – 316 p. (In Russian)

Ocherki istorii Karachaevo-Cherkessii: v 2-kh t. T. 1: S drevneishikh vremen do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii / Otv. red. V.P. Nevskaya [Essays on the history of Karachay-Cherkessia: in 2 volumes. Vol. 1: From ancient times to the Great October Socialist Revolution. Exec. ed. V.P. Nevskaya]. – Stavropol: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. – 600 p. (In Russian)

SHAKHANOV B.A. *Izbrannaya publitsistika / Predisl., sost. i komment. T.Sh. Bittirovoi* [Selected publicism. Preface, comp. and comments by T.Sh. Bittirova]. – Nalchik: El'brus, 1991. – 287 p. (In Russian)

TEBUEV R.S., KHATUEV R.T. *Ocherki istorii karachaevo-balkartsev* [Essays on the history of the Karachay-Balkarians]. – M.: Ileksa; Stavropol': Stavropol'servisshkola, 2002. – 224 p. (In Russian)

THAPAR R. The State as Empire. IN: *The Study of the State* / Ed. by H.J.M. Claessen, P. Skalnik. – The Hague: Mouton Publishers, 1981. – P. 409–426. (In English)

ULIGOV U.A. *Iz istorii natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v Kabardino-Balkarii* [From the history of the nation-state building in Kabardino-Balkaria]. – Nalchik: El'brus, 1972. – 164 p. (In Russian)

VINOGRADOV V.B. *Genezis feodalizma na Tsentral'nom Kavkaze* [The genesis of feudalism in the Central Caucasus]. IN: *Voprosy istorii*. – 1981. – No. 1. – P. 35–50. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

УДК 947(470.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-86-107

**«ВСЯ КАБАРДА ВСТРЕТИТ ЭТОТ АКТ С ЧУВСТВОМ ВЕЛИКОГО
НРАВСТВЕННОГО УДОВЛЕТВОРЕНИЯ...». СТАТЬЯ Г. БАЕВА «О
ПРИСОЕДИНЕНИИ МАЛОЙ КАБАРДЫ К БОЛЬШОЙ»****Д.Н. ПРАСОЛОВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр 'Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук'»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: dmprasolov@gmail.com*

Аннотация. В разнообразной публицистике Г. Баева нашли отражение многие вопросы социокультурного развития народов Терской области во второй половине XIX – начале XX в. Значительное внимание осетинский общественный деятель уделял общественно-экономическим проблемам народов Нальчикского округа, в том числе и в контексте деятельности их самобытного самоуправления – Съездов доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ. В январе 1905 г. девять малокабардинских селений заключили с Г. Баевым договор о представлении их интересов в ходатайстве о восстановлении единства Большой и Малой Кабарды в рамках Нальчикского округа. В ходе решения этой задачи Г. Баев подготовил пояснительную записку и организовал информационное сопровождение. Основные положения обоснования ходатайства были изложены в статье, опубликованной в нескольких номерах «Пятигорского листка» в начале июня 1905 г. По своим содержательным качествам материал представлял собой обстоятельную работу по истории общественного самоуправления кабардинцев в жанре земской публицистики. Характеристика Г. Баевым культурно-исторических предпосылок и административной целесообразности воссоединения Большой и Малой Кабарды убедительно свидетельствовали о глубоком понимании автором общественно значимых задач и путей их достижения, необходимых для социально-политической и экономической модернизации края. Результатом ходатайства стал приказ Кавказского наместника И.И. Воронцова-Дашкова от 24 августа 1905 г. о присоединении малокабардинских селений к Нальчикскому округу. Публикация статьи Г. Баева вводит в научный оборот информативный источник, свидетельствующий о формировании в политической культуре народов Терской области конструктивных навыков общественно-государственного взаимодействия, инициаторами которого выступали представители национальной интеллигенции региона.

Ключевые слова: Г. Баяев; И.И. Воронцов-Дашков; Большая и Малая Кабарда; Нальчикский округ; Сунженский отдел; Терская область; местное самоуправление; съезд доверенных.

"THE WHOLE KABARDA WILL GREET THIS ACT WITH A SENSE OF GREAT MORAL SATISFACTION...". ARTICLE OF G. BAYEV "ABOUT JOINING OF MINOR KABARDA TO THE GREAT KABARDA

D.N. PRASOLOV

*Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budget Scientific Establishment
«Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»*

360000, Nalchik, Pushkin st., 18

E-mail: dmprasolov@gmail.com

Abstract. In publicist writings of G. Bayev were reflected many issues of socio-cultural development of the peoples of the Terek region in the second half of XIX – early XX centuries. Considerable attention Ossetian public figure paid to social and economic problems of peoples of Nalchik district. In particular they were treated in a context of functioning of their self-government – Congress of entrusted of the Great and Minor Kabarda and Five mountain societies. In January 1905, nine villages of Minor Kabarda concluded with G. Bayev an agreement to represent their interests in the petition to restore the unity of Great and Minor Kabarda within the Nalchik district. In the course of fulfilling of this task G. Bayev prepared an explanatory note and organised its information support. The basic positions of the petition's substantiation were stated in the article published in several issues of "Pyatigorskiy listok" at the beginning of June 1905. By its substantive qualities the material represented a detailed work on the history of the public self-government of Kabardians in the genre of zemstvo journalism. G. Bayev's systematic characterization of cultural and historical preconditions and administrative expediency of reunion of Great and Minor Kabarda convincingly testified to a deep understanding of socially significant tasks and the ways of their achievement necessary for socio-political and economic modernization of the territory. The result of his petition was the order of the viceroy of Caucasus I.I. Vorontsov-Dashkov of August 24, 1905 to incorporate the villages of Minor Kabarda to the Nalchik okrug. The publication of G. Bayev's article introduces into scientific circulation an informative source testifying to the formation of constructive skills of socio-state interaction in political culture of peoples of Terskaya oblast' initiated by representatives of national intelligentsia of the region.

Keywords: G. Bayev; I.I. Vorontsov-Dashkov; Great and Minor Kabarda; Nalchik District; Sunzhensky Otdel; Terskaya Oblast; local self-government; congress of proxies.

В начале июня 1905 г. в четырех номерах «Пятигорского листка» увидела свет статья Г. Баяева, посвящённая проблеме, к решению которой за предшествующие 15 лет дважды приступали доверенные сельских обществ Малой Кабарды. Согласно «Учреждению управления Кубанской и Терской областей и Черноморского округа» «высочайше утвержденному» 21 марта 1888 г., Малая Кабарда была выделена из Нальчикского округа и передана в состав Сунженского отдела. При этом в регламенте пояснялось, что «за населением Малой Кабарды сохраняется нынешнее его участие в общем кабардинском капитале», подведомственность Горскому словесному суду Нальчикского

округа, а также возможность пользования кабардинскими общественными пастбищами [ПСЗРИ 1890: 105]. Регламентация и организация деятельности этих общественных институтов осуществлялась через Съезды доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ, на которые в Нальчик окружная администрация регулярно созывала представителей, делегированных сходами сельских обществ. Административно-территориальное переустройство мотивировалось оптимизацией бюрократического и полицейского контроля над подведомственными сельскими обществами. Однако отделение от Большой Кабарды и подчинение малокабардинцев казачьим властям Сунженского отдела с неприятием было встречено местным населением. Уже в 1893 г. доверенные от 9-ти селений Малой Кабарды официально ходатайствовали об административном отнесении их к Нальчикскому округу. В апреле 1893 г. областное правление отклонило прошение, ознакомив доверенных с разъяснением: «Вся Россия для удобства управления делится на уезды и нередко случается, что отец в одном селении, а сын в соседнем, входящем в состав другого уезда или округа, что же касается сношений с Нальчиком по делам Горского словесного суда и пользования общественными пастбищами и лесом, то от причисления их в округ они не приблизятся к их селениям» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 384. Л. 1–2].

После неудачи первого обращения ходатайство было возобновлено в 1900 г. Начальник Нальчикского округа признал «вполне основательным» «желание жителей Малой Кабарды быть причисленными к Нальчикскому округу, ввиду общности бытовых и хозяйственных интересов», но высказался, что «приведение в исполнение этого желания Мало Кабардинцев представляет немаловажные затруднения» ввиду их разделения рекой Терек и юртовыми наделами Николаевской, Ново-Александровской и Котляревской станиц [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 621. Л. 3]. Атаман Сунженского отдела полагал «крайне полезным» включить сельские общества Малой Кабарды в Нальчикский округ, принимая во внимание, что «двойное положение этих 9-ти малокабардинских селений вызывает много неудобств во всех отношениях». Также было признано справедливым ходатайство кабардинских представителей «о привлечении жителей русских поселений, подчиненных в административном отношении к сельским правлениям малокабардинских селений, в районе которых находится земля русских поселений, к уплате земских сборов на расходы по содержанию сельских правлений, каковые расходы теперь несут только одни их доверители» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 621. Л. 5об. – 7об.]. Однако, одобрив последнее положение ходатайства, начальник Терской области в остальном не поддержал мнение своих подчиненных. Отказ мотивировался убежденностью, что «общность бытовых условий, родственных и хозяйственных связей, свойственное и другим туземным племенам, казачьему и всему русскому сельскому населению, не препятствуют разделению его административно-полицейского управления, как не касающегося их связей. Поэтому подчинение означенных малокабардинских селений Сунженскому отделу особенных неудобств для жителей не представляет и за протекший с

1888 года период никаких затруднений в этом отношении не встречалось» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 621. Л. 9об.].

Таким образом, до 1905 г. функциональность общественного самоуправления кабардинцев послужила основанием областному правлению для отказа в ходатайствах доверенных Малой Кабарды о присоединении к Нальчикскому округу. Необходимо было менять стратегию и аргументацию ходатайства, что и предпринял его новый организатор. В январе 1905 г. уполномоченные от 9-ти малокабардинских обществ оформили доверенность Георгию Васильевичу Баеву, присяжному поверенному округа Тифлисской судебной палаты. В документе доверители уполномочивали своего представителя «ходатайствовать перед высшим начальством об отчислении нас в административном отношении от Сунженского отдела и причислении нас к Нальчикскому округу Терской области, для чего доверяем Вам подавать прошения и всякого рода бумаги во все инстанции и учреждения» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 145. Л. 23]. Документы фонда Г. Баева в ЦГА РСО-Алания (Ф. 224) содержат материалы об этом ходатайстве, включая черновики пояснительной записки, а также ряд сопровождающих документов, к составлению которых, очевидно, был причастен общественный поверенный.

Указом Николая II 25 февраля 1905 г. на Кавказе была восстановлена должность наместника, которую занял И.И. Воронцов-Дашков. В своем обращении «К населению Кавказского края» 31 марта 1905 г. Наместник объявил об организации общественного обсуждения предстоящих перемен на совещаниях представителей населения, где будет предложено «высказаться о тех мероприятиях, которые неотложно необходимо принять для прекращения всяких разбоев, грабежей и беспорядков, выяснить, насколько ощущается необходимость в изменении ныне действующего в крае судебного устройства, обсудить возможность и целесообразность способов применения положения о земских учреждениях» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 12. Л. 4].

В марте-мае 1905 г. Г. Баев принял участие в работе «Комиссии для рассмотрения вопроса о причинах грабежей и разбоев в городе Владикавказе и для составления ходатайства ... о принятии мер к их прекращению» проблема обсуждалась применительно ко всей Терской области. Среди причин, способствующих распространению воровства и межнациональной напряженности в крае, выступавшими отмечалась «странная путаница», возникшая в результате административных преобразований 1888 г.: «Малая Кабарда, имеющая общие интересы с Большой Кабардой, горский суд и общественные суммы в слободе Нальчик присоединены к казачьему управлению» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 15. Л. 4об.].

3 мая 1905 г. на станции Беслан представители Малой Кабарды подали И.И. Воронцову-Дашкову адрес, которому, очевидно, отводилась важная роль в предпринятом ходатайстве. В полном соответствии с подданнической политической культурой документ завершался приветственным обращением к новому главе Кавказского края: «В торжественный час прибытия вашего сиятельства на Кавказ, мы, по священным обычаям дедов приветствуем вас, как дорогого будущего хозяина нашего края, посланного Государем на благо этой

лучшей части нашего общего отечества. Кабарда глубоко уверена, что всякая законная ее просьба найдет в лице вашего сиятельства лучшего своего защитника» [К путешествию... 1905].

В прошении, сопровождавшем обращение с ходатайством к Наместнику, Г. Баев выражал уверенность, что объединение принесет не только «великое нравственное удовлетворение всей Кабарде», но и «несомненную пользу общему делу административно-полицейского благоустройства Терской области». Здесь же сообщалось о поддержке предполагаемого воссоединения съездом доверенных кабардинских сельских обществ Нальчикского округа: «Первый же запрос о согласии на такое присоединение, обращенный Вашим Сиятельством к населению Большой Кабарды, встретил там живой и радостный отклик народного сбора, что будет служить лучшим показателем всей разумности настоящей просьбы моих доверителей и может послужить прочным основанием к скорейшему осуществлению этого полезного дела в жизни мирной Кабарды» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 145. Л. 32об.].

В ситуации 1905 г., когда глава Кавказского края сам инициировал активизацию общественной самодеятельности, придание ходатайству малокабардинских обществ большей публичности, сыграло значительную роль в успехе предприятия. При этом представляется немаловажным, что материал о ходатайстве вышел в свет не в официальных Владикавказских «Терских ведомостях», или Тифлисском «Кавказе». Основные положения пояснительной записки к ходатайству были изложены в начале июня 1905 г. в №№ 336, 337, 342 и 343 «Пятигорского листка» [Баев 1905b].

Публикация представляла собой яркий пример земской публицистики, приобретающей широкое распространение в региональной прессе России на рубеже XIX–XX в. Структура статьи включала характеристику этнодемографической структуры населения Сунженского отдела и Нальчикского округа, анализ административных, полицейских и фискальных проблем организации его управления в рамках всей Терской области. Через деятельность народных сборов (съездов доверенных) автор представил ретроспективный обзор истории «общественных учреждений Кабарды», иллюстрируя неразрывность жизнедеятельности кабардинских субрегионов. Апеллируя к восстановлению исторической справедливости по отношению к кабардинскому народу, не вступающей в противоречие с административно-полицейской целесообразностью для областных властей, Г. Баев вновь привлекал внимание читающей региональной общественности к наличию достаточных предпосылок и необходимости дальнейшего совершенствования в крае «земской работы»: «Вся история управления Кабардой, и некоторые учреждения этого народа указывают, что почва для широкой народно-земской работы давно подготовлена» [Баев 1905b. № 337: 2].

Едва ли можно было найти лучшего автора для публицистического представления ходатайства. обстоятельно изучивший опыт общественного самоуправления в Нальчикском округе, Г. Баев неоднократно ссылаясь на него как на образцовую модель участия народных представителей в регламентации и реализации местного хозяйственного и общественного порядка. Еще в 1901 г.,

обобщая факты «из истории обычного земского самоуправления среди горцев Терской области», Г. Баев выражал убежденность в «громадной пользе этих собраний», и указывал на необходимость упорядочить «оригинальную форму местного земского самоуправления, приобретающую все права гражданства в местной жизни и нуждающуюся лишь в более правильной организации и законодательной санкции» [Баев 2011: 122–123]. Этот сюжет неоднократно использовался в его выступлениях в поддержку введения земства в Терской области до малокабардинского проекта [Баев 1904], параллельно с ним [Баев 1905а] и особенно позже [Баев 1907а; Баев 1908], а также в параллельных проектах развития других форм общественно-экономической самоорганизации. В брошюре, посвященной проблемам и перспективам развития мелкого кредита в Терской области, Г. Баев писал: «Кабарда имеет самобытное земское самоуправление, покоящееся на целом ряде законодательных актов и полную возможность создать у себя истинно-народный банк. Мы глубоко верим в то, что культурный по своим славным историческим традициям, мирный по своему характеру, кабардинский народ и горцы Кабарды (балкарцы. – Д.П.) сумеют общими условиями повести это дело согласно потребностям жизни» [Баев 1908: 33–34].

Ходатайство, организованное Г. Баевым, было удовлетворено. Журнальным постановлением общего присутствия Терского областного правления, состоявшимся 17 августа, было принято постановление о «причислении» малокабардинских селений «в состав Управления Нальчикского округа, образовав из них особый 4-й административный участок названного округа». Воссоединение Большой и Малой Кабарды оформлено приказом по Терской области 24 августа 1905 г. «Наместник Его Императорского Величества на Кавказе упомянутое постановление изволил утвердить и лично приказал – ввести в действие с 25 сего августа» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 668. Л. 66–66об.].

А.В. Цуциев, обобщивший историю административных и этнотерриториальных изменений на Кавказе, датирует 1905 г. возвращение Малой Кабарды в состав Нальчикского округа [Цуциев 2007: 30, 46]. По оценке А.Г. Кажарова, «с историко-правовой точки зрения административное воссоединение исторических частей Кабарды в рамках Нальчикского округа произошло в 1909 г.» [Кажаров 2019: 16–21]. Однако более детальный анализ этой правовой коллизии требует внесения определённых уточнений. Мнение А.Г. Кажарова основывается на материалах III Государственной думы, которые напрямую относятся к проблеме административного обособления ингушских селений в составе Назрановского округа, выделение которого из состава Сунженского отдела началось также с вышеупомянутого распоряжения И.И. Воронцова-Дашкова. Причины возвращения российского парламента к этой проблеме могли быть связаны с т.н. «Кавказским запросом» правых партий, при рассмотрении которого в декабре 1908 – феврале 1909 г. «впервые с трибуны Думы началось обсуждение проблем национальной политики» [Сергеев 2011: 41]. В июне 1909 г. обеими палатами парламента и императором был одобрен закон об образовании в Терской области Назрановского округа. В

этот акт, наряду с решением о выделении из Сунженского отдела в новый округ ингушских сельских обществ, вошло положение: «II. Включить прочие (малокабардинские) селения 1 участка Сунженского отдела, со всеми причисленными к ним хуторами и поселениями, в состав Нальчикского округа» [История Владикавказа... 1991: 274].

А.Г. Кажаров не рассматривает августовское распоряжение Кавказского наместника в качестве окончательного правового акта, ссылаясь на Манифест 17 октября 1905 г., которым провозглашалось обязательное одобрение законодательных решений Государственной Думой и Государственным советом. Однако этот ключевой, хотя и декларативный акт не имел обратной силы и поэтому решение наместника от 24 августа 1905 г. не подпадало под его действие. Распоряжение И.И. Воронцова-Дашкова было сделано в рамках его прерогатив и принято к исполнению сразу же с 25 августа 1905 г. Об этом свидетельствует и административный процесс в Нальчикском округе, который с осени 1905 г. в полной мере включал и новообразованный 4-й участок, состоявший из сельских обществ Малой Кабарды. Например, приговоры малокабардинских сельских обществ об избрании сельских должностных лиц утверждались начальником Нальчикского округа [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 674. Т. 2. Л. 118, 135]. Наконец, об обнародовании на съезде доверенных совершённого административного объединения упоминал в своей более поздней работе и Г. Баев. В начале 1907 г. в числе наиболее успешных результатов работы кавказского наместника по приобщению народов Терской области к общероссийской гражданственности, отмечалось: «Не раз поднимался вопрос о воссоединении Кабарды на общественных сборах, не раз об этом заявлялось и официально. Не удивительно, что первую же просьбой снова был этот вопрос. Не прошло и двух месяцев, как просьба Малой Кабарды была удовлетворена и воссоединенная Кабарда на торжественном народном сборе в сентябре 1905 года приветствовала этот мудрый акт с чувством глубокой благодарности» [Баев 1907b].

Акт российского парламента, принятый в 1909 г. и предназначенный в первую очередь для правовой легитимации Назрановского округа, но формально затронувший административно-правовой статус малокабардинских сельских обществ, едва ли произвел какие-либо заметные перемены в их фактическом четырехлетнем существовании в рамках Нальчикского округа. Присоединение Малой Кабарды к Нальчикскому округу с августа 1905 г. не вызывает сомнений, но причины, вызвавшие необходимость правовой формализации этого вопроса III Государственной думой, остаются неясными. Однако возникшая правовая коллизия не дает оснований принимать за дату присоединения 1909 г., поскольку совместная административная жизнь Большой и Малой Кабарды без сомнения осуществлялась с осени 1905 г.

М. Саблиров определял ходатайства о воссоединении Кабарды как «национальное движение», которое состояло в том, что население неоднократно на съездах доверенных «требовало от вышестоящих органов управления справедливого решения территориального вопроса» [Саблиров 2001: 25]. Однако, помимо процитированных выше упоминаний Г. Баева,

никаких приговоров окружных съездов доверенных по этому поводу нам не удалось обнаружить, а рассматривать в качестве таковых ходатайства представителей 9-ти малокабардинских сельских обществ едва ли правомерно. Ж.А. Калмыков в другом контексте ссылался на публикуемую статью Г. Баева, но присоединение Малой Кабарды к Нальчикскому округу упомянул только в связи с распоряжением наместника Воронцова-Дашкова [Калмыков 2007: 72]. Признавая, что «не ясен вопрос и с национальным движением», А.Г. Кажаров не углублялся в него, уделив больше внимания обстоятельствам административного обособления ингушских сельских обществ [Кажаров 2019: 17–21]. При этом никто из авторов не упоминает об участии в событиях осетинского общественного деятеля. Интересно, что и в автобиографии Г. Баев не конкретизировал свою малокабардинскую миссию, обобщенно отметив: «Как писатель, публицист, адвокат... я защищал не только письменным и устным словом, но также и делом жизненные интересы самых разных народов нашей богатой области» [Дарчиева, Дарчиев 2019: 172].

Именно участие осетинского присяжного поверенного Г. Баева в ходатайстве 1905 г. превращало инициативу малокабардинских обществ в региональный общественный процесс. Умело используя возможности расширяющейся публичной сферы, опираясь на глубокое понимание задач и путей решения проблемы организации российского государственного управления на Северном Кавказе, Г. Баев продемонстрировал возможности конструктивного общественно-государственного взаимодействия в целях совершенствования управления культурно-сложным населением Терской области.

Публикуемая статья представляет собой значимый источник не только для изучения истории административных преобразований и не земского самоуправления народов Терской области. Она вызывает большой интерес и в контексте исследования предпосылок и генезиса модерной государственности народов Северного Кавказа. Новый для региональной политической культуры вариант публичной и публицистической подачи общественного ходатайства представлял собой редкий пример общественной мысли, воплотившейся в существенный этнополитический результат. По словам А.В. Цуциева, после воссоединения 1905 г. понятие «Кабарда» приобретает «более выраженное административно-территориальное содержание» [Цуциев 2007: 30]. Приведение к соответствию административных границ Нальчикского округа и территориальных prerogatives самоуправления через съезды доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ символически восстанавливало целостность полиэтнического пространства, составившего затем национально-территориальную основу современной Кабардино-Балкарии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Баев 1904 – Баев Г. О введении земства в Терской области // Право. – Спб., 1904. – № 16. – Стлб. 907–916.

Баев 1905а – Баев Г. О введении земских учреждений в Терской области // Пятигорский листок. – 1905. – № 226. – С. 2.

Баев 1905b – *Баев Г.* О присоединении Малой Кабарды к Большой // Пятигорский листок. – 1905. – № 336. – С. 2; №337. – С. 2; № 342. – С. 1–2; № 343. – С. 2.

Баев 1907a – *Баев Г.* О введении земского самоуправления в Терской области // Терек. – 1907. – № 38. – С. 2.

Баев 1907b – *Баев Г.* Шаги гражданственности среди горских племен Терской области // Тифлисский листок. – 1907. – № 30. – С. 2.

Баев 1908 – *Баев Г.* Народный кредит в Терской области. – Владикавказ: Тип. Сергея Назарова, 1908. – 56 с.

Баев 2011 – *Баев Г.* О введении земского самоуправления в Терской области // Известия СОИГСИ. – 2011. – № 6 (45). – С. 114–126.

Дарчиева, Дарчиев 2019 – *Дарчиева С.В., Дарчиев А.В.* Автобиографический очерк Г.В. Баева «Из моей жизни» // Известия СОИГСИ. – 2019. – № 34 (73). – С. 168–187.

История Владикавказа... 1991 – *История Владикавказа (1781–1990 гг.): Сб. документов и материалов / Составители М. Д. Бетоева, Л. Д. Бирюкова.* – Владикавказ: Сев.-Осет. ун-т, 1991 (1992). – 1013 с.

К путешествию... 1905 – К путешествию Наместника Е. И. В. на Кавказе графа Ил. Ив. Воронцова-Дашкова // Тифлисский листок. – 1905. – № 96. – С. 1.

Кажаров 2019 – *Кажаров А.Г.* Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтернативы, итоги (1917–1920-е гг.). – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2019. – 408 с.

Калмыков 2007 – *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX в.). – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 232 с.

ПСЗРИ 1890 – *Полное собрание законов Российской империи.* Собрание третье. – Т. VIII: 1888: от № 4933–5685 и дополнения. – СПб.: Государственная типография, 1890. – 1173 с.

Саблиров 2001 – *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX в. – Нальчик: Адыгэ хэку, 2001. – 232 с.

Сергеев 2011 – *Сергеев В.Н.* Кавказский запрос в III Думе: борьба фракций (1907–1912 гг.) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2011. – № 1. – С. 41–57.

Цуциев 2007 – *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – М.: «Европа», 2007. – 128 с.

УЦГА АС КБР – *Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.*

УЦДНИ АС КБР – *Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.*

ЦГА РСО-Алания – *Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.*

REFERENCES

BAEV G. *Narodnyi kredit v Terskoi oblasti* [People's loan in the Terek region] – Vladikavkaz: Tip. Sergeya Nazarova, 1908. – 56 p. (In Russian)

BAEV G. *O vvedenii zemskikh uchrezhdenii v Terskoi oblasti* [On the introduction of zemstvo institutions in the Terek region]. IN: *Pyatigorskii listok*. – 1905. – No. 226. – P. 2. (In Russian)

BAEV G. *O vvedenii zemskogo samoupravleniya v Terskoi oblasti* [On the introduction of zemstvo self-government in the Terek region] IN: *Terek*. – 1907. – No. 36. – P. 2; No. 37. – P. 2–3; No. 38. – P. 2; No. 40. – P. 2–3. (In Russian)

BAEV G. *O vvedenii zemskogo samoupravleniya v Terskoi oblasti* [On the introduction of zemstvo self-government in the Terek region]. IN: *Izvestiya SOIGSI*. – 2011. – No. 6 (45). – P. 114–126. (In Russian)

BAEV G. *O vvedenii zemstva v Terskoi oblasti* [On the introduction of zemstvo in the Terek region]. IN: *Pravo*. – 1904. – No. 16. – Column 907–916. (In Russian)

BAEV G. *Shagi grazhdanstvennosti sredi gorskikh plemen Terskoi oblasti* [Steps of citizenship among the mountain tribes of the Terek region] IN: *Tiflisskii listok*. – 1907. – No. 30. – P. 2; No. 33. – P. 2; No. 48. – P. 2. (In Russian)

DARCHIEVA S.V., DARCHIEV A.V. *Avtobiograficheskii ocherk G.V. Baeva «Iz moei zhizni»* [G.V. Baev's autobiographical essay "From My Life"]. IN: *Izvestiya SOIGSI*. – 2019. – No. 34 (73). – P. 168–187. (In Russian)

Istoriya Vladikavkaza (1781–1990 gg.): Sb. dokumentov i materialov / Sostaviteli M.D. Betoeva, L.D. Biryukova [History of Vladikavkaz (1781–1990): Collection of documents and materials. Compiled by M.D. Betoeva, L.D. Biryukova]. – Vladikavkaz: Sev.-Oset. un-t, 1991 (1992). – 1013 p. (In Russian)

K puteshestviyu Namestnika E. I. V. na Kavkaze grafa Il. Iv. Vorontsova-Dashkova [To the Journey of H.I.V.'s Viceroy to the Caucasus, Count Il. Iv. Vorontsov-Dashkov]. IN: *Tiflisskii listok*. – 1905. – No. 96. – P. 1. (In Russian)

KALMYKOV Zh.A. *Integratsiya Kabardy i Balkarii v obshcherossiiskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina 18 – nachalo 20 v.)* [Integration of Kabarda and Balkaria into the all-Russian system of administration (second half of the 18th century – beginning of the 20th century)]. – Nalchik: El'-Fa, 2007. – 232 p. (In Russian)

KAZHAROV A.G. *Stanovlenie natsional'noi avtonomii Kabardino-Balkarii: predposylki, al'ternativy, itogi (1917–1920-e gg.)* [Formation of national autonomy of Kabardino-Balkaria: preconditions, alternatives, results (1917–1920)]. – Nalchik: Kab.-Balk. un-t, 2019. – 408 p. (In Russian)

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e. – T. VIII: 1888: ot № 4933-5685 i dopolneniya [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Third Collection. Vol. VIII: 1888: from No. 4933–5685 and additions]. – SPb., 1890. – 1160 p. (In Russian)

SABLIROV M.Z. *Kul'tura narodov Kabardy i Balkarii v kontse 19 – nachale 20 v.* [Culture of the peoples of Kabarda and Balkaria in the late 19th and early 20th centuries]. – Nalchik: Adyge kheku, 2001. – 232 p. (In Russian)

SERGEEV V.N. *Kavkazskii zapros v III Dume: bor'ba fraktsii (1907-1912 gg.)* [The Caucasian Inquiry in the Third Duma: The Struggle of Factions (1907-1912)]. IN: *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*. – 2011. – No. 1. – P. 41–57. (In Russian)

TSUTSIEV A. A. *Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza (1774–2004)* [Atlas of the Ethnopolitical History of the Caucasus]. – M.: «Evropa», 2007. – 128 p. (In Russian)

TsGA RSO-A – *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russian)

UTSDNI AS KBR – *Upravlenie tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi respubliki* [Department of the Center for Documentation of Contemporary History of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Administration of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

ПРИЛОЖЕНИЕ

О ПРИСОЕДИНЕНИИ МАЛОЙ КАБАРДЫ К БОЛЬШОЙ

КАБАРДА

Кабардинцы, живущие в Терской области, разделяются на Большую Кабарду, занимающую Нальчикский округ, и Малую, с 1888 г. включенную в 1-й участок Сунженского отдела.

Общее количество Терских Кабардинцев 90 тысяч душ, – 70 тысяч в Большой Кабарде, 20 тысяч в Малой; население это живет на плоскости. К Большой Кабарде относятся сопредельные с нею пять обществ горских татар: Балкар, Чегем, Хулам, Безенгий и Урусбий с населением в 20 тыс. Последнее население живет в мало доступных ущельях Центрального Кавказа, совершенно изолировано, и представляет из себя самое мирное население среди горцев Кавказа.

Всего населения в Нальчикском округе в 1903 году было 107 тыс. душ обоего пола, из коих 90 тыс. приходилось на кабардинцев и горских татар, 17 тыс. русских крестьян и др.

Общая площадь Большой Кабарды 1 026 000 дес., из коих на плоскости находится в наделе кабардинских аульных обществ 323 тыс. дес., в частной собственности у лиц высших сословий Кабарды и других землевладельцев 91 000 дес., под слободою Нальчик, немецкой колонией и некоторыми другими участками 15 тыс. дес., а всего на плоскости Большой Кабарды 430 тыс. дес., в лесогорной полосе лесов и пастбищ 315 тыс. дес., остальную же территорию занимают горские общества. Площадь Малой Кабарды 65 тыс. дес. Разделяет оба общества р. Терек.

Кабардинский народ в 18 столетии признал добровольно русское владычество и отдал себя под высокое покровительство русских Государей. Многими Высочайшими грамотами были обеспечены права этого населения на занимаемую им территорию; при устройении быта этого населения Правительство считало его одним неразделенным обществом, в управление которым по мере административного устройства Терской области сосредотачивалось в одном округе – сперва Кабардинском, а с 1871 г. Нальчикском¹. Такое сосредоточение одноплеменного населения – единого по религии, языку, укладу жизни, историческим традициям, не могло не оказать самого благотворного влияния на все дело улучшения жизни этого племени, на воспитание целого народа в мирном гражданском духе.

Законом 24 марта 1888 г. – Учреждение управления Кубанской и Терской обл. – Малая Кабарда была отделена от Нальчикского округа (Большой Кабарды) и включена в состав Сунженского отдела, в виде особого участка, с присоединением к нему трех ингушских селений – Пседаха, Каскема и Сагопша, кумыкского селения Бековичева, многих частновладельческих земель, экономий и хуторов по правую сторону р. Курпа.

¹ Нальчикский округ был создан в 1883 г. В 1871-1876 Большая и Малая Кабарда входили в Георгиевский округ, а в 1876-1883 – в Пятигорский [Д.П.].

Такое отторжение отразилось самым печальным образом на жизни Малой Кабарды, соединенной с управлением Нальчикского округа в деле удовлетворения своих насущных потребностей гражданской жизни, и только в полицейском отношении искусственно присоединенной к Сунженскому отделу для округления границ последнего. Эта двойственность отмечена и в Положении 1888 года, в словах: «За населением Малой Кабарды сохраняется нынешнее его участие в общем Кабардинском капитале, – в делах, подлежащих горским словесным судам, население Малой Кабарды подведомо горскому словесному суду Нальчикского округа».

Опыт пятнадцатилетнего управления Областью, требования самой жизни, наконец, все данные, имеющиеся в официальных изданиях Терского областного Статистического комитета, красноречиво говорят о том, что в интересах как кабардинского народа, так и всей области, является необходимым: 1) сократить Сунженский отдел, 2) присоединить Малую Кабарду к Нальчикскому округу и в полицейском отношении.

СУНЖЕНСКИЙ ОТДЕЛ

Сунженский отдел, занимающий центр Терской области, включает в свои границы горные ущелья Центрального Кавказа от границ Тифлисской губернии, обширную лесогорную полосу и спускается к Тереку около гор. Моздока; по населению он является самым обширным в Области, а по крайней пестроте такового исключительным, что значительно осложняет дело административного управления этим отделом. По отделу проходит линия железной дороги и главные гужевые тракты области – дорога на гор. Моздок и на гор. Грозный, подъездные пути к гор. Владикавказу, он граничит с Военно-Грузинскою дорогою на Западе и с Чечней на Востоке. Такое положение отдела требует огромной полицейской деятельности по охране безопасности.

Приводимые ниже сравнительные цифровые данные по отделам и округам, взятые в круглых цифрах, могут дать общее понятие об обширности этого отдела:

Количество народонаселения в 1-му января 1904 года:

По отделам в тысячах:

Пятигорский отдел....87, 000.

Моздокский.....65, 000.

Сунженский.....130, 000.

Кизлярский.....97, 000.

По округам:

Владикавказский....103, 000.

Грозненский.....199, 000.

Нальчикский.....107, 000.

Хасав-Юртовский..74, 000.

Грозненский округ разделен по закону 1904 г. на два округа, население в нем одно чеченское, изолированно живущее, одна треть в горах.

В Сунженском отделе населения вдвое больше, чем в Моздокском, тысяч на 40 больше, чем в Пятигорском отделе, и он превосходит в этом отношении все округа; население отдела состоит из 55 тыс. казачьего населения, 4 тыс. иногородних по станицам, 50 тыс. ингушей и 20 тыс. малокабардинцев. Для управления ингушским племенем в 60-х годах был учрежден особый округ; население это крайне подвижное и требующее серьезной административной и земской работы для улучшения своего тяжелого современного положения.

Таблица населенных пунктов с сельскими и станичными правлениями:

Сунженский отдел:

станец...20

селений...32

Пятигорский отдел:

станец...14

селений...5

Моздокский отдел:

станец...15

селений...4

Кизлярский отдел:

станец...21

селений...10

Владикавказский округ:

селений и приходов...36

Хасав-Юртовский округ:

селений...26

Нальчикский округ:

селений и обществ...46

Количество дворов в 1903 г. было:

Сунженский отдел 19, 000.

Пятигорский.....10, 000

Моздокский.....11, 000.

Кизлярский....16, 000.

Нальчикский округ....14, 000.

Владикавказский.....10, 000.

Общественные расходы в 1903 году сельских обществ и станиц Сунженского отдела значительно превосходят таковые во всех округах и мало уступают отделам, что видно из следующей таблицы:

Сунженский отдел ...236, 000 р.

Моздокский128, 000 р.

Грозненский округ....99, 000 р.

Владикавказский.....144, 000 р.

Нальчикский.....103, 000 р.

Хасав-Юртовский окр.....105, 000 р.

С горского населения Сунженского отдела – с ингушей и малокабардинцев – ежегодно взыскивается оброчная государственная подать в размере 61, 000 р. и налога взамен отбывания воинской повинности 6, 000 р.

Специальных же капиталов в станицах этого отдела к 1 января 1904 г. было: мобилизационного 80 т. р., продовольственного 38, 000 руб., сиротского 53, 000 р.

Все эти цифровые данные красноречиво говорят о крайней трудности управления на такой площади таким разнородным и многочисленным населением: притом надо иметь в виду, что в Сунженском отделе является смешение управления казачьим населением с его сложной военной повинностью, особым административным и судебным управлением, ничего общего не имеющим с управлением горским населением – целым ингушским племенем и малокабардинцами, – имеющими совершенно другие сельские установления и судебные учреждения. Ни в одном отделе и округе области этого нет; везде почти однородное население и однородные главные основы управления.

Войсковое население Сунженского отдела, если и уступает немного в численности остальным отделам, то, зато по количеству станиц оно занимает одно из первых мест и притом станицы эти расположены главным образом чересполосно среди ингушей и по грани [так в тексте статьи. – Д.П.] с Чечней и разобщены большими районами – одна линия станиц тянется по р. Тереку до ст. Прохладной, другая группа занимает лесогорную полосу, а третья тянется по р. Сунже.

Насколько сложно дело управления таким смешанным населением видно из следующего.

По закону атаманам отделов присваиваются все права и обязанности, принадлежащие по общим узаконениям уездным исправникам и уездным полицейским управлениям. Сверх того, на них возлагается делопроизводство и счетоводство по земским повинностям и наблюдение за общественным управлением в казачьих станицах, селениях, горских аулах и колониях. По управлению горским населением атаманы отделов сверх всего этого пользуются еще правами, предоставленными окружным начальникам, руководствуясь при этом особыми инструкциями, издаваемыми командующим войсками округа.

Одно назначение старшин и надзор за сельскими должностными лицами, проверка денежной отчетности среди поголовно безграмотного населения – работа обширная.

Атаманам отделов подчиняются расположенные в их отделах части милиции – в Сунженском отделе две сотни. Через своих помощников по гражданской части они имеют ближайший надзор за Назрановским горским словесным судом, в котором сосредоточены судебные дела ингушского племени. Выборы судей, их увольнение, представление жалоб и объяснений по делам горского суда все это возложено на них.

С изданием «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск 1891 г.» работа канцелярий отделов значительно осложнилась, появился

станичный суд, суд почетных судей, хуторское управление; большинство приговоров хуторских и станичных сборов представляется на утверждение атамана отдела непосредственно или проходит с его представлениями в областное правление.

Обширные обязанности атаманов отделов по военной части определены особым положением. В настоящее время, когда целым рядом комиссий выяснено обеднение казачества, исправный выход на службу и надзор за этим требует огромной работы. Войсковое население, обильно снабженное землями и разного рода капиталами, нуждается в постоянном надзоре. Атаманы отделов ревизуют все части станичного управления не менее одного раза в год (ст. 156).

Все земское дело казачьих станиц подчиняется и возложено на обязанность атамана отдела, которому предоставлены весьма широкие права по надзору за станичным благоустройством.

Прямым следствием такой обширности этого отдела и трудности его управления является то, что Сунженский отдел выделяется среди всех отделов по развитию скотокрадства и разбоев, значительно превосходя в этом отношении округа Хасав-Юртовский, Нальчикский и Владикавказский с чисто горским населением. По сравнению с тем же Нальчикским округом цифры в этом отношении поразительны:

1901 г.	Число краж	Лошадей	Скота	Всего
Сунженский отдел	153	223	155	378
Нальчикский округ	43	49	68	117
1902 г.				
Сунженский отдел	283	417	239	656
Нальчикский округ	65	96	24	120
1903 г.				
Сунженский отдел	235	308	226	534
Нальчикский округ	73	105	40	145
1904 г.				
Сунженский отдел	225	359	252	611
Нальчикский округ	78	128	21	149

Эти цифры станут еще более доказательными, если сопоставить их с количеством скота. Так в 1903 году в Сунженском отделе было всего домашних животных 334 тыс. голов, из которых 41 тыс. лошадей и 144 тыс. рогатого скота, в Нальчикском округе было всего 739 тыс. голов скота, из них 58 т. лошадей и 177 тыс. крупного рогатого скота.

Итак, скотокрадство развито в Сунженском отделе в три-четыре раза больше, чем в Нальчикском округе. Если же прибавить к этому, что скотокрадство в Сунженском отделе сопровождается крупными разбоями и грабежами, чего в Нальчикском округе нет, то станет ясно, сколько должна поглощать сил у администрации отдела борьба с этим страшным бичом всего местного населения.

Цифры исходящих бумаг канцелярий управления отдела и трех начальников участков по своей колоссальности лучше всего свидетельствуют об этой работе, совершенно не дающей возможности администрации отдела быть в постоянном и близком общении с населением, как того требует инструкция для начальников участков, утвержденная в 1891 году главноначальствующим гражданскою частью на Кавказе.

Номеров исходящих бумаг было в управлении отдела и округа:

	1902 г.	1903 г.	1904 г.
Сунженский	26600	24993	25001
Нальчикский	15711	14323	12595

Такие же приблизительно цифры и входящих бумаг.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ КАБАРДЫ

Если горское население нуждается в разумной организации полицейской деятельности администрации, то не менее оно нуждается и в земской работе. Лучшая борьба с отрицательными явлениями жизни – это работа над разрешением положительных вопросов.

Вся история управления Кабардой, и некоторые учреждения этого народа указывают, что почва для широкой народно-земской работы давно подготовлена. Такими учреждениями являются – народные сборы, общественный кабардинский капитал, общественные земли, кабардинский суд, горская школа, кабардинское общ. лесничество и др.

НАРОДНЫЕ СБОРЫ

Огромное значение для правильного управления горским населением имели обычные народные сборы, на которых объявлялись населению распоряжения правительства и местного начальства, со своей же стороны население доводило до сведения правительства и местного начальства о своих народных нуждах. Народные сборы, сохранившиеся до сих пор только в Кабарде, дали возможность этому населению разрешить целый ряд важных вопросов своего благоустройства. Так, сборы выбирали судей в народный суд и депутатов, – представителей своего народа перед правительством, поверенных

для ведения своих дел в судах и у администрации. Ходатайства народных сборов не раз удостоивались Высочайшего согласия: так в 1844 году Высочайше повелено было возвратить кабардинцам Зольские пастбища; в 1863 году сословно-поземельная комиссия, руководимая графом Лорис-Меликовым, для решения поземельного вопроса созвала в слободе Нальчик представителей Малой и Большой Кабарды; после жарких прений был составлен известный акт за подписью всех представителей народа, причем вся Кабарда постановила: кабардинская территория составляет общее достояние народа, без различия сословий и народ желает пользоваться всеми землями на общинном праве и по народным обычаям, оставленным им в силе еще милостями императрицы Екатерины II и императора Александра I. При этом народный сбор просил об окончательном закреплении за ним земель, находящихся в их владении и в том числе пастбищ по реке Золке и Этоке.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗЕМЛИ

Народная просьба была уважена и приговор этот лег в основание поземельного устройства Большой и Малой Кабарды. Уже в 1864 г. возвращение кабардинцам кордонных земель получило Высочайшее одобрение и жителям Малой Кабарды был предоставлен Мало-Эшкаконский участок земли в 50 тыс. десятин, находящийся между рекою Подкумком и Эшкакном в пределах Нальчикского округа. 28 октября 1869 г. удостоился Высочайшего одобрения журнал кавказского комитета о поземельном устройстве плоскостной Кабарды. Вопрос же о лесогорной полосе и кабардинских пастбищах оставался открытым до 80-х гг., когда он был поднят снова народным сбором, возбудившим ходатайство о возвращении этих земель Кабарде и 21 мая 1889 г. состоялось Высочайшее повеление об оставлении в постоянном и неотъемлемом пользовании всей Кабарды 315 383 дес. лесов и пастбищ.

В этом законе сказано:

I. «До тех пор, пока означенное население будет вести себя, как приличествует верноподданным Его Императорского Величества, состоящие ныне в общем пользовании кабардинского населения запасные пастбищные земли и леса всего в количестве трехсот пятнадцати тысяч трехсот восьмидесяти трех десятин, считая в том числе и так называемый «Мало-Эшкаконский участок», – останутся в постоянном и неотъемлемом его пользовании.

II. Что относительно порядка пользования упомянутыми в ст. 1-й настоящего положения землями, согласно распределению, сделанному кавказским начальством, названное население обязано подчиняться тем условиям, которые имеют быть установлены главным кавказским начальником: 1, сообразно с местными потребностями и обычаями населения и в целях обеспечения возможности удовлетворения общих нужд и потребностей онаго и 2, в видах надлежащего охранения целостности общественных лесов; и

III. Что все доходы с вышеозначенных земель должны быть обращаемы в «общественный капитал кабардинского населения».

Одновременно с опубликованием этого Высочайшего повеления военный министр представил правительствующему Сенату утвержденные на основании пун. II означенного Высочайшего повеления – «Правила о пользовании кабардинцами и сопредельными с ними пятью горскими обществами предоставленными им на основании Высочайшего повеления от 21 мая 1889 г. в постоянное пользование пастбищными землями и лесными угодьями» (ст. 400 лесного Уст.).

В Правилах этих сказано: п. 1, Все пространство Высочайше дарованных в постоянное пользование кабардинцев пастбищных земель и лесов в количестве 315 тыс. десятин (состоящее из нагорных пастбищ и лесов бывшего казенного Мало-Эшкаконского участка и расположенных на плоскости по рр. Золке и Этоке пастбищных земель), распределяется по участкам между десятью группами селений в Кабарде по фамилиям, а у горцев по обществам, пропорционально количеству числящихся в каждой группе дворов.

2. Только за удовлетворением нуждающихся в пастбищных местах жителей Кабарды и горских обществ, могущие остаться свободными земли разрешается сдавать в аренду и посторонним лицам, как в этом, так и в другом случаях, плата поступает пользу сельских обществ и той группы, коей отведен участок в постоянное пользование, но с тем, чтобы выручаемые таким образом средства прежде всего обращались на уплату устанавливаемого подесятинного налога;

3. В видах облегчения жителей, преимущественно бедного класса от тяжести подворного обложения на определенные государственные и земские надобности, а также для удовлетворения некоторых народных потребностей, с каждой десятины, отводимой в пользование фамилий и обществ пастбищной земли, устанавливается ежегодный сбор в размере десяти копеек, который вместе с поступающим ежегодно доходом с запасных лесных участков обращается в «общественный капитал кабардинского народа».

4. Ближайший надзор за правильным распределением подесятинного сбора и успешным, а в особенности своевременным его поступлением, возлагается на «окружную администрацию», которая обязана следить за недопущением недоимок, а в случае образования таковых тотчас же принимать установленные законом меры к их взысканию.

5. Леса, с находящимися среди них лесными прогалинами, состоят в общем и нераздельном пользовании всех жителей Большой и Малой Кабарды и пятигорских обществ и находятся в заведывании «кабардинского общественного лесничества».

6. В отношении порядка пользования из этих лесов материалами и ведения в них лесного хозяйства устанавливаются нижеследующие правила: и б) отпуск строевых лесных материалов для ремонта и постройки туземных сакель, а также поделочного леса для собственной надобности, допускается из дач по указанию лесничего, также бесплатный, но не иначе, как по-особому каждый раз удостоверению старшины, засвидетельствованному «окружным начальником».

В экономической жизни кабардинского народа отвод этих земель и лесов сыграл огромную роль: Кабарде принадлежит пальма первенства на всем Кавказе по развитию скотоводства и в особенности коневодства, чем она благотворно влияет на хозяйственную жизнь всего окружного сельского населения края.

Из этих законов и правил видно, что Малая Кабарда имеет равные права с Большой Кабардой в заведывании и пользовании этим народным богатством сообразно своим потребностям. Ближайший надзор за всем этим обширным хозяйством сосредоточен в Управлении Нальчикского округа, которому Малая Кабарда не подчиняется.

Согласно общественному приговору уполномоченных всех обществ Кабарды от 8 ноября 1889 года, подесятинный сбор в 10 копеек с дес. поступает вместе с доходом от запасных земель и лесов, на удовлетворение некоторых общественны нужд: на содержание Нальчикской горской школы, на составление училищного капитала, на стипендии в средних и высших учебных заведениях, на содержание земских почтовых станций – 6 тыс. рублей, на взнос причитающегося ежегодно ко взысканию с населения, по подворной раскладке, налога взамен отбывания натуральной воинской повинности – 4 тыс. руб. и т.п.

Итак, из доходов этих общинных земель для облегчения народного податного бремени удовлетворятся земские потребности всей Кабарды, а так как земское хозяйство по отделам и округам точно разграничены, то от этого население Малой Кабарды значительно теряет, не имея возможности надлежащим образом отстаивать свои интересы; создавшееся положение вещей благодаря отделению Малой Кабарды от Нальчикского округа в корне парализует благотворное воздействие на всю жизнь этого населения вышеуказанной Монаршей милости, так как оно не имеет фактической возможности ею воспользоваться в полной мере; все участие этого населения в общественной жизни Кабарды происходит не путем непосредственного сношения с Управлением Нальчикского округа, а проходит через Управление Сунженского отдела. Конечно, все это страшно обременяет излишней канцелярской перепиской оба Управления, замедляет движение земского дела и административного, в управления вносит путаницу и целый ряд других нежелательных явлений.

Кабарда имеет еще общий участок весьма ценной земли – «Атажукинский сад» близ слободы Нальчик. Будучи приобретен с разрешения наместника кавказского в 1869 году кабардинским народом от полковника Атажукина, он в течение 26 лет находился в бесспорном владении кабардинского народа; слобода Нальчик предъявила иск в 1900 г. о признании за нею права собственности на этот участок, но судебною палатой право собственности признано за Малой и Большой Кабардой. В суде иск был предъявлен к «Обществу Кабардинского народа», – так как всеми вышеуказанными актами и законами Кабарда Большая и Малая признавались одним обществом с одинаковыми интересами и с общим имуществом. Конечно, защита на суде своих интересов значительно облегчена для населения, кода оно подчиняется одному общему административному управлению и в этом

отношении вся Кабарда значительно должна выиграть от присоединения Малой Кабарды к Нальчикскому округу.

КАБАРДИНСКАЯ СУММА

В середине 50-х гг. XIX столетия возник при управлении Кабардинским округом народный капитал, все управление каковым покоится на «Правилах об управлении Кабардинской общественной суммы», утвержденных Наместником князем Барятинским. Источниками умножения этого капитала должны служить: денежные штрафы, взимаемые с преступников по заведенному обычаю, пошлины с леса, извести, камня и др. материалов, добываемых на кабардинской почве, шесть процентов с занятых сумм и штрафы за просрочку занятых сумм; капитал этот должен храниться при управлении Нальчикского округа (бывший Кабардинский), при котором состоит «Отделение Кабардинской общественной суммы». Ежемесячную поверку сумм и движение их, а также инспектирование бухгалтерии, возлагается на постоянную комиссию, состоящую из Окружного начальника и двух депутатов Кабардинского суда. Часть суммы назначается в кредитное обращение для жителей Кабардинского округа, а часть на содержание Кабардинской школы.

Предписанием Командующего войсками Кавказского военного округа Начальнику Терской области от 4 декабря 1897 года за № 20675 было подтверждено строго придерживаться этих пока единственных правил об управлении Кабардинской суммы. Из этих правил вытекает то, что вся территория Большой и Малой Кабарды и ее население призываются споспешествовать усилению этого народного капитала; население имеет равные права на пользование этой суммой. В будущем вся Кабарда может поставить свое хозяйство на надлежащую высоту благодаря этой сумме; – но и здесь мы видим, что заведывание этой суммы вверено Правительством Управлению Нальчикского округа, в лице начальника последнего, при участии в заведывании ею депутатов Кабардинского народного суда. Народному суду предоставляется большая роль согласно ст. 21, 22 Правил кн. Барятинского в деле выдачи ссуд отдельным лицам из этого капитала. Суд делает оценку залога и его поручителей, выдает свидетельства об имущественной состоятельности и только при представлении такого свидетельства Окружному начальству возможно получение ссуды. Конечно, Окружное Начальство и Народный суд в отношении Малой Кабарды должны быть поставлены в более затруднительное положение, чем в отношении Большой Кабарды, не имея возможности непосредственно сноситься с ее старшинами и наводить надлежащие справки об имущественной состоятельности, – затруднительно и самое взыскание ссуд среди населения, подчиненного другому административному начальству.

КАБАРДИНСКИЙ НАРОДНЫЙ СУД

Важное значение близкого к народу скорого суда в деле борьбы с преступностью и внесения твердого гражданского правопорядка вне всякого сомнения. Большинство обычных в народной среде гражданских и уголовных

дел Малой и Большой Кабарды подчиняются ведению Нальчикского горского словесного суда. Горские суды непосредственно связаны с администрацией, они суть органы последней, подчинены ей во всех отношениях. Так, утверждение членов суда, назначение председателя и кадия, приведение в исполнение решений и приговоров, право отмены по апелляционным и кассационным жалобам, все это предоставлено администрации, причем окружная администрация во всем этом играет главную роль. Вот почему благотворное действие этого суда благодаря такому отделению Малой Кабарды, значительно стесняет все кабардинское население, связанное между собою интересами экономическими и бытовыми и вносит во все управление им крайнюю двойственность, которая печально отражается при борьбе с профессиональными скотокрадами и разного рода порочными элементами в обществе, надзор за которыми в Малой Кабарде вверен Управлению Сунженского отдела, главным образом, сельским старшинам, важное значение которых, как ближайшей правительственной власти среди горцев вне всякого сомнения. Право назначения их предоставлено законом администрации, и в этом отношении начальник нальчикского округа имеет несравненно больший выбор достойных для замещения этой должности лиц, чем атаман Сунженского отдела, так как среди населения Большой Кабарды и Малой в совокупности могут найтись лица, которые ради пользы службы могли бы быть назначаемы на эту должность то в Большой, то в Малой Кабарде; теперь же атаман Сунженского отдела крайне ограничен в таком выборе старшин.

ЧЕРЕСПОЛОСНОСТЬ

Так как юрты станиц Пришибской, Александровской и Змейской отделяют Малую Кабарду вдоль р. Терек от Большой, то может возникнуть чересполосность, – но, если принять в соображение крайне мирное население Большой и Малой Кабарды и что такая чересполосность уже допущена, – так, станицы Архонская, Ардонская и Николаеская находятся в центре владикавказского округа, а станицы Закан Юртовская, Ермоловская, Грозненская, Петропавловская, Ильинская и Кахановская Кизлярского отдела находятся в центре Грозненского округа – Чечни, – то станет ясным, что такая чересполосность решительно ничем не может отразиться на войсковом населении, которое, напротив, находясь среди Нальчикского округа, будет пользоваться вокруг себя влиянием богатого в земельном и экономическом отношении самого мирного сельского населения.

ФИНАНСОВАЯ СТОРОНА ВОПРОСА

Финансовая сторона также не может служить препятствием к осуществлению этого дела, ибо в настоящее время назначено восемь новых должностей начальников участков в Терской области; в Сунженском отделе необходимо будет образовать, с отделение Малой Кабарды, один новый участок, куда должны войти станицы Вознесенская и Терская, колония Гнаденбург, селение ногойское Бековичево, и ингушские – Пседах, Каскем, Сагопш, Ачалуки-Верхние, Ачалуки-Средние, Ачалуки – Нижние. Эта

местность давно нуждается в твердой правительственной власти и в серьезной охране главной гужевой дороги области; причисление же Ачалуков к этому новому участку облегчит значительно работу Назрановского начальника участка, которому подчинены теперь 14 плоскостных ингушских селений.

Наместник Кавказский Е.И.В. Великий князь Михаил Николаевич положил прочные основы делу гражданского благоустройства горского населения Терской области.

Эта памятная административная деятельность среди умиротворенных горских племен нашла себе высокую оценку в след[ующих] прекрасных словах рескрипта, данного императором Александром II на имя Наместника Кавказского в 1871 г.: «С окончанием Кавказской войны предстояло выполнить новую задачу не меньшей государственной важности: окончательно умиротворить покоренные народы и утвердить над горскими племенами нашу нравственную власть, залог спокойного обладания страной.

Справедливо оценивая всю важность этой задачи, Ваше Императорское Высочество посвятило ей особенные Ваши заботы. Целый ряд мероприятий, задуманных и исполненных под непосредственным Вашим руководством, привел к водворению в горских обществах прочного порядка и настолько подвинул гражданское их развитие, что ныне признано возможным многие из них подчинить общим с русским населением гражданским учреждениям».

Из всего вышеизложенного видно, что все источники «нравственной власти» Правительства над Малой Кабардой сосредоточены при Управлении Нальчикского округа и ничто бы так не повлияло на усиление этой «власти» – верного залога спокойного обладания страной, – как присоединение этих девяти селений Малой Кабарды к Нальчикскому округу.

Примерное для всего населения Кавказа мирное поведение кабардинского народа дает полную надежду на то, что и в интересах политических такое присоединение будет лучшим залогом мирного развития всего края. Вся Кабарда встретит этот акт с чувством великого нравственного удовлетворения, так как только благодаря такому присоединению этот народ будет иметь возможность воспользоваться в полной мере вышеуказанными Высочайшими милостями и Всеми общеимперскими государственными учреждениями и законами.

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Новейшая история

УДК 93/94(470.64)

DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-108-153

«РАЗНОГЛАСИЯ В САМОЙ МАССЕ НЕТ. В ВЕРХАХ ЕСТЬ...». ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ О ВЫХОДЕ БАЛКАРИИ ИЗ СОСТАВА ГОРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ОБРАЗОВАНИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

К.Ф. ДЗАМИХОВ

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр 'Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук'»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: casbolat2013@yandex.ru*

А.Г. КАЖАРОВ

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр 'Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук'»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: artur-kazharov@yandex.ru*

М.С. ТАМАЗОВ

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: muslimt@mail.ru*

Аннотация. Важным этапом процесса становления советской автономии Кабардино-Балкарии является выход Балкарии из состава Горской республики и решение вопроса о ее вхождении в объединенную автономию кабардинского и балкарского народов. Национальное самоопределение Балкарии заняло довольно продолжительный период – июнь 1921 – август 1922 г. В июне 1921 г. М. Энеев одним из первых среди государственных деятелей Кабарды и Балкарии заявил об ошибочности создания Горской республики и необходимости выхода Балкарии из ее состава. В августе 1922 г. было принято Положение об объединении Кабарды и Балкарии, которое завершило трудный процесс согласования механизмов объединения Кабарды и Балкарии. За это время проблема обсуждалась на различных уровнях. Накопился большой массив архивных документов и материалов, публикация которых будет способствовать более глубокому исследованию вопросов создания Кабардино-Балкарской автономной области в начале 1920-х гг. Анализ документов

свидетельствует о том, что попытки формирования отдельной автономной области Балкарии выявили невозможность разрешения земельного вопроса балкарского народа за счет территории Кабарды вне рамок общей этнополитической системы. Центр, выступивший инициатором объединения Кабарды и Балкарии, проводил соответствующую политику и довел данный процесс до логического завершения. При этом учитывались исторические особенности взаимоотношений кабардинцев и балкарцев, длительное пребывание в едином административно-территориальном пространстве, положительный опыт административно-политического взаимодействия элит в условиях революции, Гражданской войны и в послевоенный период, а также их национально-государственные предпочтения. Нет документов и материалов, свидетельствующих о нежелании балкарского народа войти в состав объединенной автономии Кабарды и Балкарии. Более того, решения Учредительного съезда советов Кабардино-Балкарской автономной области в декабре 1922 г. есть не что иное, как акт свободного волеизъявления балкарского народа.

Ключевые слова: Горская республика; Балкарский округ; автономия; протоколы; документы.

**“THERE ARE NO DISAGREEMENTS AMONG THE MASSES. THERE ARE
ON THE TOP...”. DOCUMENTS AND MATERIALS ON THE EXIT OF
BALKARIA FROM THE GORSK REPUBLIC AND THE FORMATION OF
THE KABARDIN-BALKAR AUTONOMOUS REGION**

K.F. DZAMIKHOV

*Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budget Scientific Establishment
«Federal Scientific Center ‘Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of
Sciences’»*

360000, Nalchik, Pushkin st., 18

E-mail: casbolat2013@yandex.ru

A.G. KAZHAROV

*Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budget Scientific Establishment
«Federal Scientific Center ‘Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of
Sciences’»*

360000, Nalchik, Pushkin st., 18

E-mail: artur-kazharov@yandex.ru

M.S. TAMAZOV

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173

E-mail: muslimt@mail.ru

Abstract. An important stage in the formation of the Soviet autonomy of Kabardino-Balkaria is the secession of Balkaria from the Mountain Republic and the solution of the issue of its entry into the united autonomy of the Kabardian and Balkarian peoples. The national self-determination of Balkaria took quite a long period – June 1921 – August 1922. In June 1921, M. Eneev was one of the first statesmen of Kabarda and Balkaria to declare the mistake of creating the Mountain

Republic and the need for Balkaria to secede from it. In August 1922, the Regulation on the unification of Kabarda and Balkaria was adopted, which completed the difficult process of agreeing on the mechanisms of unification of Kabarda and Balkaria. During this time, the problem has been discussed at various levels. A large array of archival documents and materials has accumulated, the publication of which will contribute to a deeper study of the creation of the Kabardino-Balkarian Autonomous Region in the early 1920s. Analysis of the documents indicates that attempts to form a separate autonomous region of Balkaria revealed the impossibility of resolving the land issue of the Balkar people at the expense of the territory of Kabarda outside the framework of the general ethnopolitical system. The center, which initiated the unification of Kabarda and Balkaria, pursued an appropriate policy and brought this process to its logical conclusion. At the same time, the historical features of the relationship between Kabardins and Balkars, a long stay in a single administrative-territorial space, the positive experience of administrative and political interaction of elites during the revolution, the Civil War and the post-war period, as well as their national-state preferences were taken into account. There are no documents and materials indicating the unwillingness of the Balkar people to join the united autonomy of Kabarda and Balkaria. Moreover, the decisions of the Constituent Congress of Soviets of the Kabardino-Balkarian Autonomous Region in December 1922 are nothing more than an act of free expression of the will of the Balkar people.

Keywords: Mountain republic; Balkar district; autonomy; protocols; documents.

Образование Горской республики привело к существенной дестабилизации отношений между Кабардой и Балкарией. Коллективная автономия, призванная объединить горские народы бывшей Терской области, по сути, разъединила их. Они вошли в нее как самостоятельные округа, хотя и в бывшей Терской области, и в Терской республике, и в 1920 – начале 1921 г. между ними существовало административно-политическое единство. Образование Горской республики привело к нарушению традиционной системы этнополитического взаимодействия Кабарды и Балкарии.

Инициирование в мае 1921 г. кабардинским руководством вопроса о выходе Кабардинского округа из состава Горской республики и образовании Кабардинской автономной области [Дзамихов, Кажаров 2019: 56–57] способствовало актуализации вопроса о национально-государственном статусе Балкарии. Этот вопрос обсуждался органами власти Балкарского округа, Горской республики, НКН РСФСР, ВЦИК РСФСР. В архивах отложились протоколы, докладные записки, проекты различных правовых документов, которые имеют принципиально важное значение для анализа процесса выхода Балкарии из состава Горской республики и образования Кабардино-Балкарской автономной области.

Особый интерес представляют протоколы заседаний Горского областного комитета РКП (б) от 7 августа 1921 г., 18 августа 1921 г., 16 октября 1921 г., 27 октября 1921 г., 31 октября 1921 г., информационный доклад «О выделении Балкарского округа из Горской республики в автономную административную единицу» от 9 декабря 1921 г., докладная записка балкарской делегации в НКН РСФСР от 4 января 1922 г., докладная записка В.С. Муромцева от 7 января 1922 г. в НКН РСФСР «Балкария или пять горских обществ (в связи с выделением Балкарии из Горской республики)» и др. Анализ указанных документов, извлеченных из Государственного архива Российской Федерации,

Государственного архива новейшей истории Республики Северная Осетия-Алания, свидетельствуют об остроте проблемы определения национально-государственного статуса Балкарии в 1921–1922 гг.

Впервые о возможности выхода Балкарии из состава Горской АССР было заявлено М.А. Энеевым 2 июня на объединенном заседании Кабардинского и Балкарского окружных комитетов РКП (б). Он заявил, что Балкария, «как связанная во всех отношениях с Кабардой, должна будет присоединиться к решению съезда Советов Кабардинского округа» [Боров, Кажаров 2021: 124]. На этом этапе такое заявление означало возможность объединения усилий руководства Кабарды и Балкарии по решению вопроса о выходе из состава Горской Республики, и, более того, образовании единой административно-политической единицы. Но в силу разных обстоятельств вопрос о трансформации административно-политического статуса Балкарии был на некоторое время снят с повестки дня. Однако формирование Кабардинской автономной области проблематизировало вопрос трансформации национально-государственного статуса Балкарского округа Горской республики.

7 августа 1921 г. Горский областной комитет РКП (б) обсуждал вопрос «О положении дел в Балкарии в связи с выделением Кабарды». Руководители Балкарского округа не совсем ясно себе представляли возможный сценарий дальнейшего развития ситуации. Об этом свидетельствует характер вопросов, сформулированных секретарем окружного партийного комитета Балкарского округа Масловым. Анализ основных положений его доклада показывает, что по проблеме дальнейшего национально-государственного развития балкарского народа в среде руководителей Балкарского округа сложились «разные мнения и группировки». В связи с отсутствием единого подхода, он просил Горский областной комитет РКП (б) «обсудить положение и дать ему, как секретарю Балкарского оргбюро, разъяснение о линии поведения». После обмена мнениями Горский областной комитет РКП (б) поручил «Балкарскому оргбюро строго ... придерживаться и проводить тактику и мнение Горского комитета, зафиксированных ранее по этому вопросу» [ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 4. Л. 51].

18 августа Горский областной комитет РКП (б) в очередной раз обсуждал ситуацию в Балкарском округе. На заседании с докладом выступил М.А. Энеев. Он считал, что «... в связи с выделением Кабарды в автономную область между кабардинцами и балкарцами на почве землепользования возникает ряд конфликтов и недоразумений, что положение в настоящий момент надо считать серьезным и необходимо принять меры к улаживанию этих конфликтов, принимающих резкую форму...». Горский областной комитет РКП (б) постановил довести до сведения СНК РСФСР и Кавказского бюро ЦК РКП (б) информацию «о создавшихся обостренных взаимоотношениях между кабардинцами и балкарцами». Также было принято решение «настоять на принятии срочных мер по устранению возможности дальнейших кровавых столкновений между кабардинцами и балкарцами, вызываемых на почве землепользования, для чего необходимо установление точных границ Кабарды

и Балкарии в самом срочном порядке» [ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 4. Л. 54].

После декретирования Кабардинской автономной области стало очевидно, что оставаться в составе Горской республики Балкария не могла, так как она еще больше, чем Кабарда, была оторвана от неё. Балкария имела выход на плоскость только через Кабарду [Боров, Кажаров 2007: 348, 349]. Выход Кабарды из Горской республики инициировал возникновение двух тенденций в государственно-политическом развитии Балкарии. С одной стороны, тенденция, направленная на образование Балкарской автономной области, а с другой – объединение Балкарии с Кабардой в единую автономию. Национально-государственные процессы в Балкарии развивались в благоприятных политико-идеологических условиях. После образования Кабардинской автономной области руководители Горской республики были лишены реальной возможности противодействовать руководству Балкарского округа.

16 октября 2021 г. на заседании Горского областного комитета РКП (б) Н.И. Дзедзиев, отчитываясь о результатах поездки в Москву, довел до сведения присутствующих о том, что Сталин «намерен ... способствовать выделению Карачая и Балкарии» из состава Горской АССР [ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 5. Л. 5].

27 октября 1921 г. состоялось заседание президиума Горского областного комитета РКП (б), на котором рассматривался протокол Балкарского оргбюро от 24 октября 1921 г. Судя по всему, руководство Балкарского округа вынесло на заседание вопрос о выходе Балкарии из состава Горской АССР. Проблему, которую необходимо было обсудить, сформулировал Н.И. Дзедзиев: «В связи с якобы назревшей тенденцией балкарцев выделиться в автономную область, Балкарское оргбюро решило до съезда балкарцев взять инициативу в свои руки и необходима санкция и мнение по этому вопросу Гороблпарткома». Члены президиума разделились относительно перспектив дальнейшего пребывания Балкарского округа в составе Горской республики. «Чтобы иметь определенные представления о необходимости выделения», было принято решение заслушать М.А. Эннеева, который видел решение вопроса в направлении выхода Балкарии из Горской республики. Он считал, что основными причинами выделения являются «земельный вопрос, экономическое тяготение Балкарии скорее к Тергубернии, чем к Горской республике. Географическое положение Балкарии, пример Кабарды, политический момент в связи с политикой Центра по отношению к национальностям Кавказа...». Отвечая на вопросы присутствующих, М.А. Эннеев подчеркнул важность примера Кабарды для балкарского народа. По его мнению, о «том, что Кабарда выделилась, население Балкарии мало знало до сего времени. Лишь в последнее время, когда видят, что Кабарда получает материальные блага, стали более интересоваться». М.А. Эннеев также подчеркнул, что «Балкария экономически связана с Кабардой» [ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 5. Л. 9].

Руководители Горской республики понимали необратимость процессов распада коллективной государственности. Как указано в протоколе, «Маслов в

своем выступлении доказывает целесообразность выделения Балкарии чисто хотя бы географическими условиями, то же самое можно и следует говорить о Карачае», а «Зязиков находит, что как бы не старались обойти этот вопрос, приходится считаться с фактом тенденции выделения и считать таковую жизненной и поощряемой Центром». Однако для принятия решения важное значение имела сформулированная на народном съезде позиция. На этот вопрос обратил внимание Н.И. Дзедзиев, который отметил: «... вопрос следует рассматривать в плоскости: назрел ли этот вопрос в самой массе Балкарии. В данном случае мы видим, что тенденция пока не исходит из самой массы, а сверху. Экономические, географические и прочие условия в пользу выделения. С этим приходится считаться». С его точкой зрения согласился и М. Энеев. После дальнейшего обмена мнениями было принято следующее постановление: «В случае поднятия вопроса о выделении Балкарии на съезде беспартийными, поручить Оргбюро взять в свои руки и повести в плоскости выяснения мнения широких трудовых масс Балкарии и в зависимости от результатов поставить вопрос на обсуждение следующего съезда» [ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 5. Л. 9].

Вопрос о национально-государственном статусе Карачая и Балкарии обсуждали и на заседании Горского областного комитета РКП (б) 31 октября 1921 г. Взвешенную оценку ситуации дал Назаров, который привел «ряд фактов, свидетельствующих о том, что положение в Балкарском и Карачаевском округах, само по себе требует отмежевания от Горской республики, которая фактически уже потеряла влияние над этими округами». На заседании постановили направить в Балкарию К.С. Бутаева для участия в работе съезда балкарского народа [ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 5. Л. 13, 14.].

На Учредительном съезде Советов Кабардинской АО, состоявшемся в конце ноября 1921 г., была затронута проблема этнополитического взаимодействия Кабарды и Балкарии. Судя по воспоминаниям С.М. Буденного, принимавшего участие в работе Учредительного съезда, Б.Э. Калмыков в ходе обсуждения с ним перспектив развития Кабардинской автономной области затронул вопрос об образовании Кабардино-Балкарской автономной области. Оба согласились с тем, что объединенная автономия должна стать результатом волеизъявления кабардинского и балкарского народов. С.М. Буденный так описывал свой разговор по этому вопросу с Б.Э. Калмыковым: «Говорили мы и о возможности воссоединения в единой автономной области кабардинцев и балкарцев и были едины в том, что это возможно только при проявлении желания к братскому союзу обоих народов» [Буденный 1973: 263].

По вопросу формирования объединенной автономии кабардинского и балкарского народов между руководителями Кабарды и Балкарии в свое время была достигнута предварительная договоренность. Впоследствии Б.Э. Калмыков вспоминал: «Когда Кабарда выделилась в самостоятельную область, я заявил, чтобы Балкария присоединилась и образовать совместно Кабардино-Балкарскую автономную область. Они дали мне согласие, но потом изменили свое мнение, и Балкария осталась в составе Горской республики. Через некоторое время товарищи подняли вопрос о выделении Балкарии в

самостоятельную область. Центр заявил, чтобы Балкария слилась с Кабардой» [Калмыков 1983: 65].

Представитель ВЦИК на Северном Кавказе В.С. Муромцева предложил образовать объединенную автономную область кабардинского и балкарского народов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 33. Л. 1]. 7 декабря 1921 г. Президиум исполнительного комитета Кабардинской АО, рассмотрев это предложение, признал возможным объединение Кабарды и Балкарии [УЦГА АС КБР. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 33. Л. 1].

9 декабря 1921 г. в Коллегию НКН РСФСР был направлен информационный доклад, в котором обосновывалась необходимость выделения Балкарского округа из Горской республики в автономную административную единицу [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 432. Л. 3–4об.]. Анализ его содержания показывает, что он был подготовлен человеком, хорошо знакомым с теорией и практикой национальной политики советской власти.

В докладе акцентировалось внимание на следующие обстоятельства:

во-первых, город Нальчик является единым политическим, экономическим и культурным центром для Кабарды и Балкарии;

во-вторых, на ярмарке в Нальчике происходит постоянный товарообмен балкарских шерстяных и молочных изделий на кабардинский хлеб, главным образом, на кукурузу. Кукурузы своего производства Балкарии хватает лишь на 20 дней в году;

в-третьих, весной и осенью балкарский скот должен спускаться на кабардинскую плоскость, на молодую траву, так как нагорные пастбища месяца на полтора позже освобождаются от снега и на такой же срок раньше покрываются им осенью. Своего же сена балкарцам не хватает;

в-четвертых, Кабарда и Балкария имеют общее лесное хозяйство;

в-пятых, разрешение земельного вопроса с Кабардой невозможно, оставаясь в Горской АССР, вследствие подчиненности Кабарды непосредственно центру – РСФСР [Улигов 1979: 305].

В докладе проводилась мысль об экономической взаимозависимости Балкарии и Кабарды. Примечательно, что автор говорил об отделении Балкарии от Кабарды. По его мнению, только отделение будет способствовать решению земельного вопроса между Кабардой и Балкарией. Это объяснялось тем, что при таком развитии событий предполагалось «вмешательство центрального органа, вышестоящего и имеющего возможность принудить к земельной реформе». Автор считал, что «неразрешенный земельный вопрос, остатки прежней межнациональной вражды требуют отдельного существования Балкарского округа» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 432. Л. 4, 4об.].

Содержание доклада в корне противоречило выводу о необходимости образования Балкарской автономной области. Приведенные данные свидетельствовали о тесных экономических и иных связях, развитие которых было в интересах обоих народов. Для этого необходимо было воссоздать административно-политические механизмы взаимодействия, нарушенные в период кратковременного пребывания Кабарды и Балкарии в составе Горской АССР. Образование двух самостоятельных автономных областей –

Кабардинской и Балкарской – повлекло бы за собой ухудшение земельно-территориальных отношений между кабардинским и балкарским народами. Встал бы вопрос о границах между разными субъектами РСФСР. Признание возможности объединения с Балкарией не помешало президиуму исполкома Кабардинской АО рассмотреть на своем заседании от 10 декабря вопрос «О выселении из районов г. Нальчика Балкарского окрисполкома» и принять соответствующее постановление, предлагавшее «выселиться из пределов Кабардинской АО в течение 10 дней» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1. Л. 18].

В конце декабря 1921 г. в Москве проходил 9-й Всероссийский съезд Советов, в работе которого принимали участие делегаты Кабарды и Балкарии. 4 января 1922 г. балкарская делегация съезда направила в НКН РСФСР докладную записку за подписью М. Энеева и А. Гемуева. В ней ставился вопрос о невозможности дальнейшего пребывания Балкарии в Горской республике, так как, «во-первых, она оторвана от ГССР географически и слабо связана экономически и культурно, и, во-вторых, разрешение земельного вопроса с Кабардой невозможно оставаясь в ГССР вследствие подчиненности Кабарды непосредственно центру РСФСР» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 30]. В докладной записке обосновывался тезис о необходимости формирования Балкарской автономной области, «непосредственно подчиненной центру РСФСР». Ее авторы затронули и проблему перспектив взаимоотношений Балкарии и Кабарды. Они считали, что их объединение в рамках общей автономии «в данный исторический период нецелесообразным по следующим соображениям:

Балкария представляет совершенно отдельную народность с самостоятельным языком, особыми условиями быта, характера и т.д.;

в хозяйственном отношении Балкария имеет свои особенности. В Балкарии господствует скотоводческое хозяйство, тогда как в Кабарде преобладает земледелие;

Балкария испокон веков была в полной зависимости от Кабарды экономически и политически, что является одной из причин ее отсталости в хозяйственном и культурном отношениях. Слияние с Кабардой до уничтожения экономического господства Кабарды вследствие ее многоземелья и при наличии национального неравенства означает продолжение старой политики.

Исходя из этих соображений, Балкарский съезд Советов постановил ходатайствовать перед ВЦИК о выделении Балкарии в автономную область» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 30].

Приведенные аргументы против объединения Кабарды и Балкарии в исторических условиях начала 1920-х гг. были несостоятельными. Во-первых, несмотря на то, что кабардинцы и балкарцы являлись разными народами, они имели много общего в истории и культуре. Во-вторых, различный хозяйственный уклад способствовал формированию выгодного для обеих сторон экономического взаимодействия. В-третьих, в условиях послереволюционного времени были сведены на нет условия и факторы существования зависимости Балкарии от Кабарды.

Принципиальное значение в докладной записке придавалось обоснованию тезиса о том, что «разрешение земельного вопроса с Кабардой невозможно оставаясь в ГССР» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 30]. Для существования добрососедских кабардино-балкарских отношений пребывание Балкарии в составе Горской АССР или формирование Балкарской автономной области не имели принципиальных различий. И в том и в другом случае Кабарда и Балкария представляли бы собой разные административно-политические единицы. Именно этот фактор способствовал бы воспроизведению ситуации, при которой руководители Балкарии вынуждены были обращать внимание на невозможность разрешения «земельного вопроса с Кабардой».

Балкарская делегация приложила к докладной записке проект декрета об образовании Балкарской автономной области. В нем указывалось, что Балкарский округ выделяется из Горской АССР в автономную область с административным центром в Долинском [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 29]. Представленный проект об образовании Балкарской автономной области был написан от руки и изобилует многочисленными ошибками и исправлениями. Это заставляет усомниться в том, что документ был результатом продуманной и одобренной съездом Советов Балкарского округа политики, то есть подготовленным задолго до приезда в Москву. Сам факт проведения такого съезда нельзя считать окончательно установленным. Кроме косвенных данных о том, что он должен был состояться и состоялся, нет прямых доказательств в виде конкретных материалов: решений, постановлений, резолюций. К докладной записке кроме проекта об образовании Балкарской автономной области не были приложены другие важные материалы о решениях и постановлениях съезда Советов Балкарского округа. А они, в случае их наличия, имели бы принципиальное значение, так как именно такие материалы могли лечь в основу легитимации Балкарской автономной области. Советская власть в этот период была весьма чувствительна к национальному позиционированию и волеизъявлению, поэтому она не смогла бы проигнорировать постановление съезда Советов Балкарского округа. Это заставило бы искать механизмы решения проблем, связанных с образованием Балкарской автономной области. Необходимо учитывать то обстоятельство, что к этому времени сложилась практика совместных съездов народов Кабарды и Балкарии. К осени 1921 г. состоялось только по одному отдельному съезду в Кабарде и Балкарии: в апреле 1921 г. в Балкарии, а в июне 1921 г. в Кабарде. В работе съезда в Балкарии принимали участие представители Кабарды, а в работе съезда в Кабарде – представители Балкарии. В работе данного съезда в Балкарии, если он и состоялся, представителей Кабарды не было. Нет точных сведений о том, когда и где состоялся съезд Советов Балкарского округа. Об этом можно судить только по косвенным данным. Как отмечалось ранее, Горский областной комитет РКП (б) на своем заседании, состоявшемся 27 октября 1921 г., обсуждал вопрос о том, какую линию необходимо вести на предстоящем съезде Советов Балкарского округа. А на Учредительном съезде советов Кабардинской автономной области, состоявшемся 25–30 ноября

1921 г., Б.Э. Калмыков проинформировал делегатов о том, что в Балкарии состоялся съезд, на котором постановили выделиться в автономную область, т.е. он должен был состояться в ноябре 1921 г.

Обращает на себя внимание фраза Б.Э. Калмыкова на Учредительном съезде советов Кабардинской автономной области, о котором речь шла выше, «насколько мне известно» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-376. Оп. 1. Д. 4. Л. 14]. Отсюда следует, что его и других представителей Кабарды на съезде не было. Учитывая, что съезд, если бы он состоялся, то должен был проводиться в Нальчике, так как центром Балкарского округа по декрету ВЦИК еще оставался Долинск, такая формулировка представляется, по меньшей мере, странной. О материалах съезда в Балкарском округе нет упоминаний и в постановлениях органов власти РСФСР. Даже при вынесении решения об образовании Балкарской автономной области НКН РСФСР 6 января 1922 г. не было ссылок на волеизъявление балкарского народа на съезде.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что, по всей видимости, докладная записка от 4 января и проект декрета об образовании Балкарской автономной области не были результатом решения (или однозначного решения) народного съезда. Они были подготовлены в спешке в Москве и были продиктованы тем, что к концу 1921 г. начинает усиливаться тенденция по объединению Кабарды и Балкарии.

Кабардинская делегация съезда советов, узнав о содержании указанных документов, от имени исполкома Кабардинской автономной области направила в НКН РСФСР решительный протест против отдельных положений предложенного проекта об образовании Балкарской автономной области. В частности, руководители Кабарды возражали против включения селения Хабаз в состав Балкарской автономной области, т.к. «оно находилось слишком далеко от национальной границы Балкарии и его включение в Балкарскую АО создаст чересполосицу, на которую Балкария будет претендовать». Они категорически выступили против включения Долинского в Балкарскую область. Кроме того, были возражения против включения в Балкарскую АО «многих лесных полей, входящих в территорию Кабардинской АО» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 29].

Руководители Кабардинской автономной области в данном случае не выступали против образования Балкарской автономной области. Б.Э. Калмыков на Учредительном съезде Советов Кабардинской АО заявлял, что «такого течения, чтобы присоединить их к себе, с нашей стороны нет» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-376. Оп. 1. Д. 2. Л. 14]. Не было такого «течения» и на рубеже 1921–1922 гг. Но Б.Э. Калмыков и другие руководители Кабарды считали, что «разрешение ... вопроса может последовать лишь по фактическому обследованию на местах авторитетной комиссией» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 31].

6 января 1922 г. на заседании Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР был рассмотрен проект постановления ВЦИК об образовании Балкарской автономной области. Коллегия Наркомата одобрила представленный проект [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 1]. Однако 9 января,

изменив это решение, Коллегия НКН РСФСР «признала целесообразным выделение из состава Горской республики территории, занимаемой ныне балкарцами и образование из нее вместе с Кабардой объединенной Кабардино-Балкарской автономной области, непосредственно связанной с РСФСР...». Также указывалось, что Нальчик будет «местом пребывания Балкарского, как и Кабардинского исполкомов» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 22б – 22в].

На заседании Коллегии НКН РСФСР от 6 января 1922 г. не было И.В. Сталина [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 1], а 9 января Коллегия НКН собралась практически в полном составе. Присутствовали Сталин, Карклин, Павлович, Ибрагимов, Султан-Галиев, Бройдо, Клиндер и представители заинтересованных сторон. Из всех членов Коллегии НКН РСФСР И.В. Сталин чаще бывал в регионе, а национальные лидеры Северного Кавказа стремились больше контактировать с ним, нежели с другими представителями Наркомата. Самые сложные вопросы, имевшие прямое отношение к горским народам, решались с его непосредственным участием. Поэтому И.В. Сталин имел более глубокие представления о характере и сущности происходивших событий. Вполне вероятно, что решение об объединении Кабарды и Балкарии было принято с ведома и согласия В.И. Ленина. Ведь И.В. Сталин, как показала история с созданием Горской республики, несмотря на свою компетентность, не был застрахован от ошибок при определении основных направлений политики советской власти на Северном Кавказе. Поэтому без предварительных консультаций с В.И. Лениным, который с осени 1920 г. уделял пристальное внимание решению проблем советизации Северного Кавказа, и получения от него соответствующей поддержки, Сталин вряд ли пошел бы на принятие принципиально нового решения в государственной политике на Северном Кавказе, каковым, несомненно, являлось объединение Кабарды и Балкарии в рамках единой автономии.

При вынесении решения об объединении Кабарды и Балкарии на вышеуказанном заседании НКН РСФСР от 9 января 1922 г. учитывалось мнение В.С. Муромцева, который в докладной записке от 7 января 1922 г. указывал: «В настоящее время Балкария экономически тесно связана с Кабардой. Местом сбыта продуктов горского производства – сыра, масла, шерсти и мяса, а также закупка недостающего хлеба, является город Нальчик. Нальчик в буквальном смысле слова является жизненным источником, откуда горцы черпают насущное продовольствие. В то же время Нальчик является удобным административным центром всей Балкарии. Эти данные заставляют сделать вывод о том, что Балкарию необходимо выделить из Горской республики и объединить с Кабардой, но нет оснований к ее выделению как области» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 432. Л. 6, 7].

Необходимо обратить внимание также на то обстоятельство, что, как указано в протоколе, по вопросу объединения Кабарды и Балкарии, то есть за отмену решения от 6 января 1922 г., все проголосовали единогласно, в том числе и представители Балкарии М. Энеев и А. Гемуев. Относительно границ Балкарии НКН РСФСР постановил определить их «с соблюдением земельных интересов Балкарии... специальной комиссией ВЦИК».

В результате, 16 января 1922 г. ВЦИК вынес постановление об образовании объединенной Кабардино-Балкарской автономной области [Административно-территориальные... 2000: 95–96]. Решение территориальной проблемы между Кабардой и Балкарией должно было происходить в рамках общей автономии. Но в ходе реализации положений постановления ВЦИК от 16 января 1922 г. возникли трудности, которые препятствовали формированию автономной области. Они были связаны, прежде всего, с позицией руководства Кабардинской автономной области по предложенной модели формирования объединенной автономии кабардинского и балкарского народов. Постановление ВЦИК было основано на решении НКН РСФСР от 9 января 1922 г., которое определяло принципы организации системы власти в объединенной автономии Кабарды и Балкарии. Во главе Кабардино-Балкарской автономной области должен был стоять общий областной исполнительный комитет, сформированный на паритетных началах из представителей Кабардинского и Балкарского исполнительных комитетов [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 22б – 22в.].

Руководство Кабардинской автономной области выступило против такого принципа организации структуры власти. 10 января, т.е. еще до выхода декрета ВЦИК об образовании Кабардино-Балкарской автономной области, за подписью Б. Калмыкова был направлен соответствующий документ в НКН РСФСР. В нем указывалось, что делегаты 9-го съезда Советов от Кабардинской области, обсудив протокол заседания Коллегии НКН РСФСР, признали «целесообразным и жизненно необходимым создать облисполком из представителей Кабарды, Балкарии и иногороднего населения области (казаки, русские, осетины, немцы, евреи и проч.), так как такового населения гораздо больше в области, чем балкарцев» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 84].

На самом заседании НКН РСФСР, состоявшемся 9 января, Б.Э. Калмыков не имел возражений. По-видимому, обсуждение вынесенного решения с другими представителями делегации Кабардинской автономной области, среди которых были и русские, заставило его обратиться с соответствующим заявлением в НКН РСФСР. Он осознал невозможность реализации предложенной модели организации власти в Кабардино-Балкарской автономной области. Принцип паритетности между кабардинцами и балкарцами исключал возможность представительства других народов в областном органе власти. В условиях, когда Кабардинская автономная область в силу исторических обстоятельств формировалась как национально-государственное образование всех населяющих ее народов, решение НКН РСФСР от 9 января 1922 г., а затем и постановление ВЦИК от 16 января 1922 г., привели к размыванию институциональных основ Кабардинской автономной области. Решения органов власти РСФСР требовали кардинального изменения национально-государственной сути Кабардинской автономной области. В таких условиях действия Б.Э. Калмыкова объективно вели к защите прав и интересов всех народов Кабардинской автономной области. Балкарская делегация предложила Кабардинскому исполкому предоставить иногороднему населению, которое «не занимает определенной территории, а вкраплено среди

кабардинцев», «соответствующее количество мест из причитающихся ему в облисполкоме» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 85]. Такой подход был неприемлем для руководства Кабардинской автономной области, так как еще сильнее ущемлялись права народов Кабардинской автономной области. На этом этапе руководство Кабарды решительно выступило против предложенного центром механизма объединения с Балкарией.

27 февраля было созвано объединенное совещание представителей органов власти Кабарды и Балкарии для обсуждения условий формирования объединенной автономной области. Однако «несмотря на долгие дебаты, совещание к определенному решению не пришло». Было лишь постановлено созвать объединенный пленум Кабардинского и Балкарского исполнительных комитетов. Как отмечается в документах, он не состоялся «ввиду отсутствия Энеева и других товарищей, а также по многим другим причинам» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 34].

16 марта на заседании Кабардинского областного комитета РКП (б) был рассмотрен вопрос «О проведении в жизнь постановления ВЦИК об организации Кабардино-Балкарской автономной области». Было принято решение «создать полный президиум облисполкомов и полный пленум облпарткомов Кабарды и Балкарии 10 апреля с. г., о чем сообщить Балкарскому оргбюро, к каковому сроку Балкария должна выделиться из Горской СС республики» [Возникновение... 1963: 172–173]. Однако и это постановление не было реализовано на практике.

21 апреля 1922 г. Кабардинское представительство препроводило в Президиум ВЦИК и НКН РСФСР докладную записку исполнительного комитета советов Кабардинской автономной области, в которой отмечалось, что «местные условия не позволяют сконструировать областной исполком..., причиной чему является решительный протест населения Кабарды, права коего приравнены к правам населения Балкарии численностью в десять раз меньшего». Руководство Кабарды выступило с предложением сформировать областной исполнительный комитет объединенной автономии таким образом, чтобы каждая национальность была представлена в нем пропорционально количеству населения [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 16. Л. 61].

На характер развития ситуации повлияло принятие Президиумом ВЦИК 22 июня 1922 г. постановления, которое удовлетворяло земельные интересы Балкарии. В целом оно было приемлемым и для Кабарды. Балкария получила кабардинские земли, на которые претендовала. Положительный момент для Кабарды состоял в том, что ВЦИК утвердил ее административные границы с Карачаем по реке Кич-Малка. В постановлении специально затрагивался вопрос о хуторе Долинском, являвшемся предметом противоречий между Кабардой и Балкарией. Он был признан «неотъемлемой частью г. Нальчика» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 7. Л. 39].

Согласие руководителей Кабарды на разрешение земельной проблемы Балкарии за счет кабардинских земель было продиктовано тем, что постановление ВЦИК от 22 июня 1922 г. исходило из существования объединенной автономной области. С точки зрения руководства Кабарды эти

вопросы были взаимосвязаны. Не случайно, что на состоявшемся 29 июня 1922 г. заседании Кабардинского областного комитета РКП (б) по докладу Б. Калмыкова «о поездке в Москву для разрешения земельного вопроса» было принято решение «доклад принять к сведению» и «для разрешения вопроса о слиянии Кабарды и Балкарии по советской линии создать комиссию в составе тт. Чикина, Павловича и Шведова, а также просить Балкарское оргбюро о выделении в указанную комиссию одного представителя Балкарии» [Возникновение... 1963: 207–208]. Однако ситуацию осложняло то обстоятельство, что между заинтересованными сторонами еще не было достигнуто согласие по вопросу о принципах и механизме конструирования исполнительного комитета Кабардино-Балкарской автономной области. ВЦИК 3 июля предложил НКН РСФСР рассмотреть вопрос о выделении Балкарии в автономную область [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 16. Л. 112], что, несомненно, могло привести к изменению позиции кабардинского руководства по вопросу разрешения земельной проблемы Балкарии за счет земельного фонда Кабарды.

7 июля 1922 г. Б.Э. Калмыков направил телеграмму во ВЦИК и НКН РСФСР, в которой было указано: «Принимая во внимание, что между кабардинским и балкарским народами нет серьезных разногласий в общей политической работе, с одной стороны, и что разновидность хозяйства балкарцев и кабардинцев отличительна только земледелием и скотоводством, с другой стороны, и что основной земельный вопрос между кабардинцами и балкарцами, вызывающий до сих пор недоразумения, разрешен ВЦИК, облпартком, подразделяя количество населения (кабардинцев 160 тысяч, балкарцев 26 тысяч, русских и других 80 тысяч) считает, что создание Кабардино-Балкарского областного органа на паритетных началах вызовет лишь развитие и углубление национализма, как среди балкарского, так и кабардинского и других народов. Поэтому Кабоблком, считая целесообразным создание Кабардино-Балкарского областного исполкома на основе Конституции РСФСР, просит ЦК РКП и ВЦИК постановление ВЦИК от 16 января с.г. отменить» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 16. Л. 54].

Для обсуждения создавшегося положения 9 июля 1922 г. было проведено заседание Кабардинского областного комитета РКП (б) с участием заместителя председателя Исполнительного комитета и члена оргбюро РКП (б) Балкарского округа К.Э. Ульбашева. На этом заседании Б.Э. Калмыков дал характеристику взаимоотношениям Кабарды и Балкарии в дореволюционную эпоху и в революционный период. По его мнению, исторический опыт взаимодействия показал, что Кабарда и Балкария «это две неразрывные народности, которые ни политически, ни экономически разделить нельзя» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 34]. Б.Э. Калмыков затронул вопрос о противоречиях между Кабардой и Балкарией: «... некоторые товарищи начали поднимать вопрос о том, что между Кабардой и Балкарией якобы существуют какие-то разногласия и даже вражда, с чем, конечно, я ни в коем случае согласиться не мог, так как отлично знал и настроение кабардинских крестьян и крестьян балкарских» [Калмыков 1983: 64].

Б.Э. Калмыков проинформировал участников совещания о том, что он обсуждал с руководителями Балкарии вопрос о причинах их стремления выделиться в автономную область. По его словам, они хотели «провести на местах широкую партийную и советскую работу и затем снова соединиться с Кабардой». Но, как считал Б.Э. Калмыков, «никакой работы по сей день нет, так как и самих руководителей нет» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 35]. В таком свете более понятным становится выступление возглавлявшего партийную организацию Кабарды Б. Павловича, который в начале совещания акцентировал свое внимание на том, что «... вот уже больше месяца в руководящем органе Балкарского исполнительного комитета сидит один т. Ульбашев» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 34]. Обращает на себя внимание его суждение о том, «что нет ни одного селения в Кабарде, где бы не жили балкарцы на равных началах с кабардинцами, пользуясь землями и сенокосами. То же самое происходит в Балкарии по отношению к кабардинцам. И в силу эгоизма отдельных лиц губить целую народность мы не имеем права, и это не достойно коммунистов, и мы должны высказаться за абсолютное присоединение» [Калмыков 1983: 65]. Б.Э. Калмыков также заявил, что «не надо внедрять в думу балкарца национализм, а надо создать экономическое равновесие между Кабардой и Балкарией...» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 35, 36].

К.Э. Ульбашев, отвечая на вопросы присутствующих, отметил, что «разногласия в самой массе нет. В верхах есть. Но в то время, когда мы здесь можем ругаться, крестьянин кабардинский и крестьянин балкарский работают мирно, совместно. Ни один балкарец не сказал, что выделение для него выгодно. Балкарская автономия существовать самостоятельно не может, ее экономические условия заставят слиться с Кабардой» [Возникновение... 1963: 216–220]. По вопросу об объединении Кабарды и Балкарии К.Э. Ульбашев заявил: «Такого течения в балкарских массах нет, т.к. народ сейчас не знает о выделении, но когда была организована Кабардино-Балкарская автономия, то народ рад был этому и остался очень доволен, тенденция к выделению была тогда, когда Балкария находилась в составе Горской Республики» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 36].

После всестороннего обсуждения вопроса Кабардинский областной комитет РКП (б) постановил довести до сведения центральных органов советской власти информацию о том, что «балкарские трудовые массы более склонны сотрудничать с кабардинским народом, чем выделяться в автономную область» и что «Кабардинский облпартком, состоящий в большинстве своем из присланных Центром товарищей, считает необходимым организацию Кабардино-Балкарского облисполкома на основах Конституции РСФСР» [Улигов 1979: 308]. Большой интерес вызывает пункт из постановления, сформулированный в следующей редакции: «В случае несогласия ВЦИКа на создание единого Кабардино-Балкарского облисполкома на основах Конституции РСФСР ... предложить ВЦИКу назначить Кабардино-Балкарский съезд с представителями краевой власти для разрешения этого вопроса» [Бербеков 1963: 282]. Если бы не было полной уверенности в том, что

балкарский народ поддержит на этом съезде идею объединения Балкарии с Кабардой в единую автономию, такого решения не было бы. Постановлением Центр ставился в известность, что «вопреки желанию балкарского трудового народа объединиться с Кабардой руководители балкарского народа продолжают добиваться отделения Балкарии от Кабарды в ущерб интересам балкарского трудового народа» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 37].

Вопрос о национально-государственном статусе Балкарии был рассмотрен на заседании Коллегии НКН РСФСР 10 июля 1922 г. Ее материалы показывают, что в Центре понимали глубину объективных факторов, делавших объединение Кабарды и Балкарии единственно возможным решением проблем национально-государственного устройства кабардинского и балкарского народов. Наркомат по делам национальностей РСФСР, понимая всю сложность ситуации, принял постановление: «... принимая во внимание большое число населяющих Кабардинскую область нацменьшинств, НКН находит возможным согласиться с предложением создать объединенный исполком с представительством 1/3 от Кабарды, 1/3 от Балкарии и 1/3 от нацменьшинств, населяющих Кабарду» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 16. Л. 29].

16 августа 1922 г. на заседании Кабардинского областного комитета РКП (б) в очередной раз обсуждался вопрос «О слиянии Кабарды и Балкарии». В постановлении говорится: «Ввиду поступившего заявления от балкарцев о том, что они этот вопрос у себя не обсуждали и в данный момент не подготовлены для окончательного разрешения его, перенести этот вопрос на завтра, т. е. 17 августа, предварительно обсудив его в Балкарии и Кабарде» [Возникновение... 1963: 232].

17 августа 1922 г. состоялось объединенное заседание Кабардинского областного комитета РРКП (б) и Балкарское организационное бюро РКП (б) утвердили «Положение по объединению Кабарды и Балкарии», представленный Антониовским, ответственным секретарем Кабардинского областного комитета РРКП (б). Было также принято решение «для проведения организационной работы по слиянию и созыву пленумов создать тройку в составе тт. Калмыкова, Энеева и Шведова, каковой предоставить право по мере необходимости кооптировать ответственных товарищей». Работа должна была быть окончена в течение одной недели [Возникновение... 1963: 233]. Положение предусматривало образование единого объединенного областного исполнительного комитета, состоящего на треть из кабардинцев, на треть из балкарцев и на треть из русских. При этом было решено в Балкарии иметь окружной исполком, как и в четырех округах Кабарды. По партийной линии также создавался единый аппарат обкома РКП (б). Балкарское оргбюро РКП (б) приравнивалось к остальным окружным партийным структурам Кабардино-Балкарской автономной области. Трехнациональный принцип представительства в органах власти и управления проводился и во внутренней конструкции исполкома области: в Большом и Малом президиумах, в наиболее крупных отделах облисполкома – земледелия, народного образования и внутреннего управления [Ансоков 1974: 118].

Принцип, зафиксированный в Положении, был далек от буквы решения Президиума ВЦИК от 16 января 1922 года. Первоначально построение органов власти и управления в КБАО мыслилось так: две национальности – кабардинцы и балкарцы – проводят свои съезды Советов, отдельно для Кабарды и для Балкарии и избирают на них также в отдельности свои исполнительные комитеты. Избранные исполкомы на паритетных началах образуют объединенный Кабардино-Балкарский исполнительный комитет. Кабардинский и Балкарский исполкомы при этом не целиком входили в объединенный облисполком, а посылают туда своих представителей. Складывался, таким образом, сложный порядок управления областью: отдельные исполнительные комитеты в Кабарде и Балкарии, кроме того, еще один общий объединенный облисполком. Фактически же был реализован вариант, представленный в постановлениях Коллегии Наркомнаца от 10 и 13 июля 1922 г., по которому балкарцы получили 1/3 мест в исполкоме, а население Кабарды – кабардинцы и русские – 2/3 мест [Боров, Кажаров 2007: 356].

Утверждение «Положения по объединению Кабарды и Балкарии» имело принципиальное значение и свидетельствовало о завершении процесса согласования принципов образования Кабардино-Балкарской автономной области. 29 августа 1922 г. вопрос об объединении Кабарды и Балкарии обсуждался на заседании пленума областного исполкома. В своем докладе Б.Э. Калмыков, основываясь на вышеуказанном положении, заявил, что «никаких национальных исполкомов создавать не будем, а останутся только окружные исполкомы» [Бербеков 1963: 283].

6 сентября 1922 г. состоялись выборы объединенного исполнительного комитета. Из состава пленума областного исполнительного комитета были выделены Большой президиум из семи человек (Б.Э. Калмыков, М.А. Энеев, И.Н. Боровицкий, Н.А. Катханов, А.Д. Гемуев, Ф.И. Фаддеев и секретарь обкома партии) и Малый президиум из трех человек (Б.Э. Калмыков, М.А. Энеев и Ф.И. Фаддеев). Председателем областного исполнительного комитета единогласно был избран Б.Э. Калмыков, его заместителями – М.А. Энеев и Ф.И. Фаддеев, секретарем – И.Н. Боровицкий [Документы... 1983: 722, 723].

6–9 декабря 1922 г. в Нальчике состоялся первый съезд Советов Кабардино-Балкарской автономной области. Он обсудил вопросы хозяйственного и культурного строительства, выработал меры по улучшению деятельности местных органов власти и т.д. На нем также был избран областной исполнительный комитет из 30 человек под председательством Б.Э. Калмыкова и его заместителя М.А. Энеева [История... 1967: 111, 112]. Объединенная автономия Кабарды и Балкарии стала политической и экономической формой сотрудничества и сосуществования Кабарды и Балкарии и явилась результатом осознанного национально-государственного выбора кабардинского и балкарского народов.

При анализе проблем формирования Кабардино-Балкарской автономной области необходимо принять во внимание следующие обстоятельства.

Кабардинская сторона выразило категорическое несогласие объединяться на условиях, зафиксированных в Постановлении ВЦИК от 16 января 1922 г. Руководство Кабардинской автономной области считало противоречащими интересам народов Кабарды формирование системы власти на паритетной основе. Важное значение имело Постановление ВЦИК от 22 июня 1922 г., по которому земельный вопрос в Балкарии был решен за счет территории Кабарды. Это был основной правовой акт процесса институционализации Кабардино-Балкарской автономной области. Оно сделало необратимым процесс формирования объединенной автономии кабардинского и балкарского народов. Руководство Кабарды согласилось на урезку части своей национальной территории в пользу Балкарии в силу того, что это было осуществлено в рамках единой автономии.

Важнейшим императивом, сделавшим возможным для руководителей Кабарды уступки по вопросу урезания ее территории в пользу Балкарии, явилось то обстоятельство, что указанное постановление исходило из существования объединенной автономной области. Учитывалось, что масштабные земельные уступки Кабарды могут способствовать смягчению трений и стабилизировать ситуацию, только если они будут иметь место в рамках единой автономии. Политическая воля лидеров Кабарды и Балкарии была ограничена рамками единой политической идеологии, партийной дисциплины и государственной ответственности. Тем не менее, и в этих пределах они сумели найти удачную, действительно компромиссную формулу решения проблемы этнотерриториального разграничения. Сущность ее состояла во взаимном признании как земельных интересов и нужд Балкарии, так и исторических прав Кабарды на свою территорию. Глубинные предпосылки означенного компромисса лежат в области природно-географических факторов – объективно неустранимой территориальной связанности кабардинского и балкарского народов. Создание КБАО стало формой национально-государственной институционализации этой «связанности». Принципиально значимым было «опережающее» решение вопроса о политико-административном объединении Кабарды и Балкарии по сравнению с решением проблем этнотерриториального разграничения. Объединение Кабарды и Балкарии стало средством и условием адаптации их к новым историческим реалиям постреволюционного времени. Особый аспект отношений Кабарды и Балкарии заключался в том, что разрешение противоречий было возможно в данном случае на пути объединения усилий и взаимоприемлемого соглашения в едином административно-политическом образовании.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Административно-территориальные... 2000 – *Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. Сборник документов.* – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 732 с.

Ансоков 1974 – *Ансоков М.Т.* Образование и развитие национальной государственности народов Кабарды и Балкарии (1917–1936). – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 211 с.

Бербеков 1964 – *Бербеков Х.М.* Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1964. – 536 с.

Боров, Кажаров 2007 – *Боров А.Х., Кажаров А.Г.* Становление единой Кабардино-Балкарской автономии // История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – С. 342–360.

Боров, Кажаров 2007 – *Боров А.Х., Кажаров А.Г.* Становление Кабардино-Балкарской автономной области: механизмы, этапы, значение // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 3. – С. 111–161. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-3-111-161>

Буденный 1973 – *Буденный С.М.* Пройденный путь. В 3-х кн. – М.: Воениздат, 1973. – Кн. 3. – 408 с.

Возникновение... 1963 – *Возникновение* и укрепление Кабардино-Балкарской областной партийной организации (1917–1922). Сборник документов и материалов. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. – 324 с.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2019. – № 3(42). – С. 39–58.

Документы... 1983 – *Документы* по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.). – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 800 с.

История... 1967 – *История* Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. – М.: Наука, 1967. – Т. 2. – 439 с.

Калмыков 1983 – *Калмыков Б.Э.* Статьи и речи. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 239 с.

Улигов 1979 – *Улигов У.А.* Социалистическая революция и Гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1936). – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 354 с.

ГА РФ – *Государственный архив Российской Федерации.*

ГАНИ РСО-А – *Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия-Алания.*

УЦГА АС КБР – *Управление центрального государственного архива архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.*

ЦДНИ КБР – *Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики.*

REFERENCES

Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya v Kabardino-Balkarii. Istoriya i sovremennost'. Sbornik dokumentov [Administrative and territorial transformations in Kabardino-Balkaria. History and modernity]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2000. – 732 p. (In Russian)

ANSOKOV M.T. *Obrazovanie i razvitie natsional'noi gosudarstvennosti narodov Kabardy i Balkarii (1917–1936)* [Formation and development of the national statehood of the peoples of Kabarda and Balkaria]. – Nalchik: El'brus, 1974. – 211 p. (In Russian)

BERBEKOV Kh.M. *Perekhod k sotsializmu narodov Kabardino-Balkarii* [The transition to socialism of the peoples of Kabardino-Balkaria]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964. – 536 p. (In Russian)

BOROV A.Kh., KAZHAROV A.G. *Stanovlenie edinoi Kabardino-Balkarskoi avtonomii* [Formation of a unified Kabardino-Balkarian autonomy]. IN: *Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva. K 450-letiyu soyuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii s Rossiei* [The history of

the centuries-old commonwealth. To the 450th anniversary of the union and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria with Russia]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2007. – P. 342–360. (In Russian)

BOROV A.Kh., KAZHAROV A.G. *Stanovlenie Kabardino-Balkarskoi avtonomnoi oblasti: mekhanizmy, etapy, znachenie* [Formation of the Kabardino-Balkarian Autonomous Region: Mechanisms, Stages, Significance]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2021. – No. 3. – P. 111–161. <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-3-111-161> (In Russian)

BUDENNYI S.M. *Proidennyi put'* [Distance traveled]. – M.: Voenizdat, 1973. – 408 p. (In Russian)

Vozniknovenie i ukreplenie Kabardino-Balkarskoi oblastnoi partiinoi organizatsii (1917–1922). Sbornik dokumentov i materialov [The emergence and strengthening of the Kabardino-Balkarian regional party organization]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. – 324 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. *O natsional'noi gosudarstvennosti narodov KBR: istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-kh gg.)* [On the national statehood of the peoples of the KBR: the history of formation and constitution (early 1920s)]. IN: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. – 2019. – No. 3(42). – P. 39–58. (In Russian)

Dokumenty po istorii bor'by za sovetskuyu vlast' i obrazovaniya avtonomii Kabardino-Balkarii (1917–1922 gg.) / Sost. R.Kh. Gugov i dr. [Documents on the history of the struggle for Soviet power and the formation of the autonomy of Kabardino-Balkaria (1917–1922). Compiled by R.Kh. Gugov and others]. – Nalchik: El'brus, 1983. – 800 p. (In Russian)

Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 2-kh t. T. 2 [History of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present day: In 2 vols. Vol. 2]. – M.: Nauka, 1967. – 439 p. (In Russian)

KALMYKOV B.E. *Stat'i i rechi. Izdanie vtoroe, dopolnennoe* [Articles and speeches. Second edition, supplemented]. – Nalchik: El'brus, 1983. – 239 p. (In Russian)

ULIGOV U.A. *Sotsialisticheskaya revolyutsiya i Grazhdanskaya voina v Kabarde i Balkarii i sozдание natsional'noi gosudarstvennosti kabardinskogo i balkarskogo narodov (1917–1936)* [The socialist revolution and the Civil War in Kabarda and Balkaria and the creation of the national statehood of the Kabardian and Balkarian peoples (1917–1936)]. – Nalchik: El'brus, 1979. – 354 p. (In Russian)

GA RF – *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. (In Russian)

GANI RSO-A – *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [State Archive of Contemporary History of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russian)

TsDNI KBR – *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Center for Documentation of the Contemporary History of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Administration of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

ПРИЛОЖЕНИЯ

**ИЗ ПРОТОКОЛА № 28
ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ГОРСКОГО ОБЛАСТНОГО
ПАРТИЙНОГО КОМИТЕТА**

7 августа 1921 г.

Заседание открывается в 8 часов вечера под председательством т. Дзедзиева.

Порядок дня:

5. Текущие дела. Информационный доклад т. Маслова о Балкарии.

Информационный доклад т. Маслова о положении дел в Балкарии в связи с выделением Кабарды.

Докладчик указывает, что вопрос о том, какую занять позицию занимает сильно всех партийных и советских работников Балкарии, разъясняет о разных мнениях и группировках по этому вопросу и просит Горский областной партийный комитет обсудить положение и дать ему как секретарю балкарского оргбюро о линии поведения.

После обмена мнений **постановили:** Поручить Балкарскому оргбюро строго пока придерживаться и проводить тактику и мнение Горского комитета, зафиксированных ранее по этому вопросу.

Секретарь Гороблпарткома Д з е д з и е в.

ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 4. Л. 39-51.

**ИЗ ПРОТОКОЛА № 30
ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ГОРСКОГО ОБЛАСТНОГО
ПАРТИЙНОГО КОМИТЕТА**

18 августа 1921 г.

Слушали: 3. Информационный доклад о положении дел в Балкарии.

Докладчик т. Энеев указывает, что в связи с выделением Кабарды в АО между кабардинцами и балкарцами на почве землепользования возникает ряд конфликтов и недоразумений, что положение в настоящий момент надо считать серьезным и необходимо принять меры к улаживанию этих конфликтов, принимающих резкую форму, в особенности со стороны кабардинцев. ... Замечается вообще тенденция кабардинцев спровоцировать балкарцев и создать искусственно конфликты. По его мнению, необходимо установить точные границы, а пока заставить кабардинцев считаться с границами, установленными в 1918 и 1920 гг., чего придерживаются балкарцы.

Постановили: Заслушав и обсудив доклад т. Эннеева о положении дел в Балкарии, Горский областной партийный комитет постановляет

1. Доклад т. Эннеева о создавшихся обостренных взаимоотношениях между кабардинцами и балкарцами довести до сведения совнаркома и Кавбюро ЦК, настаивая о принятии срочных мер по устранению возможности дальнейших кровавых столкновений между кабардинцами и балкарцами, вызываемых на почве землепользования, для чего необходимо установление точных границ Кабарды и Балкарии в самом срочном порядке.

ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 4. Л. 54-55.

**ИЗ ПРОТОКОЛА № 49
ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ГОРСКОГО ОБЛАСТНОГО
ПАРТИЙНОГО КОМИТЕТА**

16 октября 1921 г.

Заседание открывается в воскресенье в 8 часов вечера под председательством тов. Гикало.

Слушали: 1. Доклад т. Дзедзиева о поездке в Москву.

...По вопросу о точке зрения ЦЕКА на Горскую республику после подробного обсуждения выдвинутых положений в итоге выделенной комиссией, в которой участвовал и т. Дзедзиев, было решено присоединить Дагестанскую и Горскую республики к Югвостбюро... Вопрос о присоединении к Горской республики отдельных, желавшего этого округов, например Баталпашинского и других, остался неразрешенный, но оставшимся там представителям тов. Дзедзиевым было высказано отрицательное мнение и поручено в таком духе провести этот вопрос. Мнение о дальнейшем допущении выделения из Горской республики отдельных округов т. Сталиным поддерживается и он намерен был это мнение отстаивать и способствовать выделению Карачая и Балкарии.

...В ЦЕКА определенной точки зрения на Горскую республику не было, и тон задавал один т. Сталин, как знающий положение дел на Кавказе.

ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.

**ИЗ ПРОТОКОЛА № 51
ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ГОРСКОГО ОБЛАСТНОГО
ПАРТИЙНОГО КОМИТЕТА**

27 октября 1921 г.

Заседание открывается в 7 часов вечера под председательством Дзедзиева.

Слушали: Рассмотрение протокола Балкарского оргбюро.

Тов. Дзедзиев информирует о том, что в связи с якобы назревшей тенденцией балкарцев выделиться в автономную область, Балкарское оргбюро решило до съезда балкарцев взять инициативу в свои руки и необходима санкция и мнение по этому вопросу Гороблпарткома.

Тов. Ляшенко полагает, что Горскому областному партийному комитету надо просто санкционировать постановление оргбюро.

Тов. Шашин находит, что парткому необходимо выяснить причины и основания такого выделения.

Тов. Маслов полагает, что необходимо заслушать т. Энеева, чтобы иметь определенные представления о необходимости выделения.

Тов. Зязиков поддерживает мнение т. Маслова.

Тов. Энеев информирует, что вопрос после выделения Кабарды всплыл сам собою и, учитывая, что на предстоящем съезде беспартийными этот вопрос обязательно будет поднят Оргбюро и постановило подготовиться к этому.

Тов. Дзедзиев указывает, что перед Президиумом встал вопрос об изменении постановления Пленума по отношению выделения отдельных округов в дальнейшем и для этого необходимо созвать Пленум комитета, а пока этот вопрос оставить открытым.

Тов. Энеев делает доклад, мотивируя и разъясняя причины тенденции выделения, при чем указывает, основными принципами являются земельный вопрос, экономическое тяготение Балкарии скорее к Тергубернии, чем к Горской республике. Географическое положение Балкарии, пример Кабарды, политический момент в связи с политикой Центра по отношению к национальностям Кавказа и проч.

Отвечая на заданные вопросы, т. Энеев подчеркивает, что масса ждет директив и инициативу исполкома. О том, что Кабарда выделилась, население Балкарии мало знало сего времени. Лишь в последнее время, когда видят, что Кабарда получает материальные блага, стали более интересоваться. Балкария экономически связана с Кабардой в том, что первая скотоводы, а вторая – земледельцы.

Тов. Шашин находит, что мотивы, выдвинутые т. Энеевым не выдерживают критики и такой серьезный вопрос надо рассматривать пленумом комитета, на съезд же надо послать представителя Комитета, отстаивать принцип нецелесообразности выделения из Горской республики.

Тов. Маслов в своей речи доказывает целесообразность выделения Балкарии чисто хотя бы географическими условиями, то же самое можно и следует говорить о Карачае.

Тов. Зязиков находит, что как бы не старались обойти этот вопрос, приходится считаться с фактом тенденции выделения и считать таковую жизненной и поощряемой Центром.

Тов. Дзедзиев указывает, что предположения комитета оправдываются. Вопрос следует рассматривать в плоскости: назрел ли этот вопрос в самой массе Балкарии. В данном случае мы видим, что тенденция пока не исходит из самой массы, а сверху. Экономические, географические и прочие условия в

пользу выделения. С этим приходится считаться. Кроме того политика Центра будет доводиться до конца. В смысле экономических выгод, ожидаемых из Центра, Балкарии в настоящий момент не выгодно выделяться.

После дальнейшего обмена мнений в смысле дачи директив Оргбюро на предстоящем съезде и заключительного слова т. Энеева, присоединившегося к точке зрения т. Дзедзиева и возражавшего другим мнениям, принимают предложение т. Дзедзиева.

Постановили: Рассмотрев и обсудив постановление Балкарского Оргбюро от 24/Х о положении в Балкарии в связи с выделением Кабарды, Горский областной партийный комитет постановляет: В случае поднятия вопроса о выделении Балкарии на съезде беспартийными, поручить Оргбюро взять в свои руки и повести в плоскости выяснения мнения широких трудовых масс Балкарии и в зависимости от результатов поставить вопрос на обсуждение следующего съезда.

ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

**ИЗ ПРОТОКОЛА № 53
ЗАСЕДАНИЯ ГОРСКОГО ОБЛАСТНОГО
ПАРТИЙНОГО КОМИТЕТА**

31 октября 1921 г.

Присутствовали: Дзедзиев, Лурье, Горчханов, Назаров, Халамейзер, Эльдарханов, Хаблиев, Шилин, Зампредчека Молчанов, член коллегии НКН Ибрагимов, Мамсуров и др. всего 25 человек

Порядок дня:

- 2) О выделении Карачая.
- 8) О командировании представителя на съезд в Балкарию.

2. О выделении Карачая в АО.

В своем докладе т. Ибрагимов указывает, что вопрос о выделении Карачая возник в центре в связи с приездом в Москву черкесов, а затем и тов. Алиева. Коллегия НКН, выслушав доводы, выделила комиссию, которая решила послать на места представителя НКН для точного выяснения положения в самих округах и Горской республике. Таким представителем является докладчик, которому даны указанные выше задания Наркомнацем.

На заданный вопрос т. Ибрагимов поясняет, что вопрос о выделении Балкарии был поднят тов. Бройдо, находившимся в отпуске в Балкарии, а не НКН. Границы связаны с разрешением земельного вопроса и проч. подробности.

Тов. Дзедзиев оглашает постановление Балкарского оргбюро, диктуемые, по его мнению, фактически тов. Бройдо.

Тов. Назаров приводит ряд фактов, свидетельствующих о том, что положение в Балкарском и Карачаевском округах, само по себе требует отмежевания от Горской республики, которая фактически уже потеряла влияние над этими округами.

Тов. Довнарвич ссылаясь на обсуждение и постановление недавнего заседания парткома по вопросу о выделении Балкарии находит, что масса той или другой народности совершенно не подготовлена к выделению и это лишь стремление отдельных личностей.

Тов. Дзедзиев находит, что с разрешением парткомом вопроса о Балкарии, разрешено также выделение Карачая. Такое же мнение, которое было вынесено парткомом по отношению Балкарии, должно быть подтверждено и по отношению Карачая.

Тов. Ибрагимов указывает, что в Карачае ненормальность – отсутствие культурного центра. Возражать же против выделения Карачая не приходится, поскольку же культурные силы остаются в Горской республике. По мнению Ибрагимова, рано или поздно в силу этого и других причин, выделившиеся округа войдут в федерацию Горской республики.

Постановили: 2. Подтвердить прежнее постановление комитета о Балкарии и по отношению Карачая.

Постановили: 8. Командировать тов. Бутаева.

Председатель Д з е д з и е в.

Секретарь З а р и н.

ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 5. Л. 13-14.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ДОКЛАД О ВЫДЕЛЕНИИ БАЛКАРСКОГО ОКРУГА ИЗ ГОРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В АВТОНОМНУЮ АДМИНИСТРАТИВНУЮ ЕДИНИЦУ

9 декабря 1921 г.

§ 1

Постановление 2-го Балкарского съезда Советов, признающее желательным выделение Балкарии из состава АГССР в автономную административную единицу и подобное же предварительное и единогласное мнение партийного органа, было следствием того положения, в котором находится Балкарский округ после издания декрета ВЦИК об образовании автономной Кабардинской области.

С 1920 г. развитие горских народов прошло несколько этапов. Первый период, период существования прежней Терской области, имел своей непосредственной задачей первоначальное организационное развертывание советской работы и советских органов в крае.

Второй период, начавшийся со второй Терской партийной конференции, еще до выделения Горской республики, до сих пор не всюду изжито.

Еще в середине второго периода наметилось новое течение, лишь теперь энергично развертывающееся. Оно выявилось в мелко местном явлении – в выделении Балкарского округа из состава Нальчикского округа, в отделении Балкарии от Кабарды. Данный акт имел целью: во-первых, скорейшее разрешение земельного вопроса между Кабардой и Балкарией, что не могло явиться результатом работ местной Чрезвычайной земельной комиссии и необходимо предполагать вмешательство центрального органа, вышестоящего и имеющего возможность принудить к земельной реформе. Этим центром тогда еще мыслился Владикавказ, во-вторых, изживание национальной вражды, или мягче, отчужденности между кабардинцами и балкарцами, что тормозилось несколько второстепенной ролью балкарцев, предоставляемой им кабардинскими работниками в строительстве советской власти в объединенном округе, в-третьих, организацию родного управления.

Перечисление целей скрывает связь между выделением Балкарии из Нальчикского округа и современным распадом Горреспублики. Цели одни и те же. Разница лишь в том, что в марте 1921 г. еще не выявилась слабость центра Горреспублики, не смогшего разрешить спорные межнациональные вопросы, в силу чего не мог быть оставлен вопрос о выделении Балкарии не только из Нальчикского округа, но и из Горреспублики.

Этот третий период теперь резко обозначился после образования Кабардинской АО и состоявшегося съезда Советов Карачая и Балкарии.

Остановиться ли на этом дальнейшее развитие горских народностей? Безусловно, нет. Но данный период раздельного существования округов Горской республики должно разрешить окончательно ряд вопросов: 1. решить спорный земельный вопрос между безземельным нагорьем и землеобильной плоскостью, 2. осуществить окончательную советизацию горских народностей, возможную лишь при развитии родной школы, власти, суда. Лишь после этого изгладиться национальное недоверие и отчужденность и экономически равносильные и равноправные народности смогут начать федерироваться снизу по экономически целым и связанным районам, каковая федерация будет неизмеримо прочнее искусственной связанности округов современной Горреспублики.

Подойдя с исторической точки зрения к ряду возможных выходов из создавшегося положения в связи с выделением автономной Кабардинской области, Балкарское оргбюро остановилось на известном уже решении, отвергнув как вредные для советской работы выходы – пребывание дальнейшее в составе Горреспублики и присоединение к автономной Кабардинской области. (Данное решение оказалось мнением съезда Советов и балкарское оргбюро высказало его лишь после того, как вопрос был поднят самой беспартийной массой на съезде).

Вот мотивы.

§ 2

...ясно, что экономических связей между Балкарией и АГССР почти совершенно не существует. Да и существовать не может, т.к. с выделением автономной Кабардинской области образовалась громадная чересполосица, откинувшая Балкарию от Горреспублики на большое расстояние.

С другой стороны, между нагорной Балкарией и плоскостной Кабардой существует сильно выраженная экономическая связанность. Приведу несколько примеров: 1. На ярмарке в Нальчике происходит постоянный товарообмен балкарской шерсти и молочных изделий на кабардинский хлеб, главным образом кукурузу, которой своего производства хватает лишь на 20 дней. 2. весной и осенью балкарский скот (главным образом овцы) должны спускаться на кабардинскую плоскость... 3. общее лесное хозяйство.

Второй Балкарский съезд советов, учтя эту экономическую связанность, обратился к облисполкому Кабарды с предложением организовать постоянное экономическое совещание, регулирующее спорные вопросы и способствующее хозяйственному сближению. Дальнейшее отсутствие общих центров с Кабардой не позволяло Балкарии быстро решать спорные вопросы. Кабарда непосредственно связывалась с Москвой, Балкария же принуждена была обращаться в Горский ЦИК, не имеющий влияние на Кабарду. Встала задача получение общего центра.

§ 3

Дальнейшее развитие могло идти по двум направлениям, по пути объединения с автономной Кабардинской областью и выделением в особую административную единицу.

До момента Октябрьской революции 1917-го года в Кабарде и Балкарии довольно крепко держались пережитки феодальной эпохи. Последняя была организована в Кабарде и свои нити протянула в горные ущелья, используя экономические связи гор с плоскостью, главным образом осенний и весенний выпас балкарского скота. Балкарское дворянское сословие (таубии) находилось в свое время в вассальной зависимости от кабардинских князей. Таким образом, трудящиеся массы находились под двойным ярмом – своих собственных дворян и князей иноземных. К 1917 г. эти феодальные отношения под влиянием развития буржуазии в обеих народностях начали разрушаться, но их уничтожила лишь Октябрьская революция. Данные отношения не способствовали уничтожению племенной розни, тем менее могла ему содействовать нужда Балкарии в земле.

Еще давно, при царизме, началось у горцев тяга к плоскостным землям. Обследовав земельные отношения в Балкарии, царское правительство отвело им для переселения кабардинские земли. Так произошли балкарские общества: Гунделен, Хабас, Нижний Чегем, Кашкатау. Но этот надел не утолил земельного голода гор. Стихийно балкарская беднота спустилась из ущелий на плоскость и окружила город Нальчик своими поселками: Яникой,

Белореченское, Хасанья. Это была беднота, главным образом, из тех селений, которые по предыдущей нарезке не получили земель – ущелий Хуламо-Безенгиевского и отчасти Чегемского. Кабардинские князья их называли сбродом, попытались вытеснить обратно в горы, но переселенцы выдержали и вооруженные попытки их вытеснения и экономическую блокаду.

...Раздельное самостоятельное существование обеих народностей, мирное и спокойное разрешение всех спорных вопросов советской властью в лице своих родных представителей, быстро сможет рассеять эту отчужденность и тогда очиститься путь к объединению обеих народностей в один экономический связанный район. В настоящее же время неразрешенный земельный вопрос, остатки прежней межнациональной вражды требуют отдельного существования Балкарского округа...

§ 4

Балкарский округ имеет возможности самостоятельного советского существования. Во-1-х, несмотря на свою экономическую связанность с Кабардой, Балкария все же есть экономически целое, обрабатывающее продукты своего скотоводческого хозяйства. При лучшей организации экономических элементов балкарский скот сможет предложить центру в виде товарообменного продукта сыр, масло, шерсти, бурки, сукно, во-2-х, есть база для советского строительства. До 1917 г. одна треть населения Балкарии – батраки, абсолютно безземельные и не имеющие скота, зарабатывающем пропитание в землях Кабарды, у казачества Майкопа, Армавира. Революция несколько сравняла социальное неравенство. Классовое расслоение в Балкарии быстро движется вперед и на сходах при выборах в совет, беднота сотнями поднятых рук проваливает порой даже своего родича, кулака. В-3-х, советское и партийное строительство может вестись исключительно силами балкарских работников. В настоящее время во главе почти всех отделов исполкома стоят балкарцы, главным образом, коммунисты.

Осуществление автономии повлечет за собой укрепление советской власти и дальнейший рост балкарских работников в округе.

Уполномоченный Балкарским оргбюро
и исполкома подпись (неразборчиво)
Москва, 9 декабря 1921 г.

ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 432. Л. 3-4 об.

**В НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПО НАЦИОНАЛЬНЫМ ДЕЛАМ
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА БАЛКАРСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ***4 января 1922 г.*

Выделение Кабарды из состава ГССР в автономную область ставит перед балкарским народом вопрос о дальнейшей его судьбе. Остаться в дальнейшем в Горской республике Балкария не может, потому что, во-первых, она оторвана от ГССР географически и слабо связана экономически и культурно, и, во-вторых, разрешение земельного вопроса с Кабардой невозможно, оставаясь в ГССР вследствие подчиненности Кабарды непосредственно центру РСФСР.

Итак, Балкарии необходимо выделить из ГССР в автономную область, непосредственно подчиненную центру РСФСР.

Присоединение Балкарии к соседней Кабардинской области в данный исторически период нецелесообразно по следующим соображениям:

1. Балкария представляет совершенно отдельную народность с самостоятельным языком, особыми условиями быта, характера и т.д.

2. В хозяйственном отношении Балкария имеет свои особенности. В Балкарии господствует скотоводческое хозяйство, тогда как в Кабарде преобладает земледелие.

3. Балкария испокон веков была в полной зависимости от Кабарды экономически и политически, что является одной из причин ее отсталости в хозяйственном и культурном отношениях. Слияние с Кабардой до уничтожения экономического господства Кабарды вследствие ее многоземелья и при наличии национального неравенства означает продолжение старой политики.

Исходя из этих соображений, Балкарский съезд советов постановил ходатайствовать перед ВЦИК о выделении Балкарии в автономную область, проект при сем прилагается.

Делегаты:

Г е м у е в

Э н е е в

(подпись) неразбчиво

(подпись) Нагоров

ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 30.

В КОЛЛЕГИЮ НКН*4 января 1922 г.*

Против проекта постановления ВЦИК об образовании автономной области балкарского народа Облисполком заявляет следующий протест:

1. Нам известно, что в Балкарском округе находятся следующие: Чегем, Верхнебаксанское, б. Урусбиевское, Былым, и, кроме того, селения, находящиеся на территории Кабарды: Яникой, Белореченское, Хасанья, Гунделен, Кашкатав и Чижок-Кабак. Вхождение их в Балкарский округ с их исконно юртовыми наделами, возражений с нашей стороны не имеется. Что же касается селения Хабаз, то последнее, ввиду нахождения его слишком далеко от национальной границы и могущего своим отходом создать чрезполосицу, должно, безусловно, войти в Кабардинскую АО.

2. Дачные места под названием «Долинский», которые балкарцы предполагают устроить своим центром входят в юрт г. Нальчика и, как и сам Нальчик, представляет собой общеизвестное курортное место, дачи, которого, к слову сказать, и сады разрушены балкарцами, в доказательство чего наш представитель Назаров может представить документальные данные, ни в коем случае не могут быть предоставлены даже временно для балкарского центра. Против включения Долинского в Балкарскую область мы категорически протестуем.

3. Все остальные поселки и хутора, поименные в проекте носят имена лесных полей, входящих в территорию Кабардинской АО в ее национальных границах, они захвачены балкарцами и против включения их огульно в Балкарскую область мы заявляем категорически протест. Разрешение ... вопроса может последовать лишь по фактическому обследованию на местах авторитетной комиссии с целью установления на чьей территории они находятся, а, вследствие этого, мы протестуем против следующего выражения в первом пункте проекта: «в составе территории, фактически занимаемой ныне населением с лесами и пастбищами», ибо такое выражение слишком растяжимое и его необходимо заменить более определенной формулировкой, т.к. захватнические тенденции балкарцев особенно были развиты в этом году.

Председатель исполкома Кабарды (подпись)

Секретарь (подпись)

ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.

**В КОЛЛЕГИЮ НКН
ОТ ЧЛЕНА КОЛЛЕГИИ Ш.Н. ИБРАГИМОВА
«О ЗЕМЕЛЬНОМ ВОПРОСЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ»**

4 января 1922 г.

В данном случае я не буду вдаваться далеко по историческому обозрению земельных отношений, но буду подробно цифрами рассматривать теперешнее состояние — ограничусь лишь беглым обзором и практическими предложениями.

По всем историческим материалам, относящимся к жизни горцев Северного Кавказа до их покорения царским правительством, видно, что

земельные отношения в то время были весьма благоприятны по сравнению с настоящим положением. Вместе с этим в указанный период хозяйство горцев находилось в гораздо лучших условиях в смысле культурности и обеспеченности к человеческому существованию.

Долголетняя война горцев с царским правительством привела к падению хозяйств, поражения в дальнейшем довели до потери лучших земель, которые переходили в руки элементов, привезенных на Северный Кавказ с целью колонизации – горцы переправлялись в бесплодные земли, находящиеся на неприступных горах...

С завоеванием царским правительством Северного Кавказа политика захвата земель не окончилась, а продолжалась несколько десятков лет, что и вынудило горцев уходить в горы, где за неприступными перевалами они не подвергались издевательствам со стороны царских чиновников. Новые земли горцев не давали достаточных средств к пропитанию, что привело к постепенному вымиранию.

Царское правительство начало принимать различные меры, главным образом, направленные к перераспределению принадлежащих горцам земель, для чего в разное время создавались, распускались и вновь создавались комиссии. Последняя из них работала более продуктивно несколько лет, закончив обследование незадолго до войны. Но не провела в жизнь намеченного землеустройства.

Т.о., правительство Николая II оставило в наследство рабоче-крестьянскому правительству неразрешенным вопрос землеустройства горцев Северного Кавказа...

К сожалению, по многим причинам и советская власть еще не смогла провести коренное землеустройство... Между тем, земельная нужда горцев велика, каждый лишний год приносит им неимоверные страдания, вынуждая их отвоевывать клочки земли на горных равнинах, с риском упасть в пропасть и погубить свою жизнь...

Безземелье горцев, при отсутствии точных границ между отдельными племенами, продолжает вызывать многочисленные трения, иногда доходящие до вооруженных столкновений. Десятки таких фактов мы имеем в недалеком прошлом между Балкарией и Кабардой, не так давно мы имели сообщение о столкновении Кабарды и Карачая. Столкновения временно улаживались вмешательством центра.

В дальнейшем в таком положении нельзя оставлять земельный вопрос на Северном Кавказе. Советская власть, проводящая интенсивную работу по землеустройству, оказывающая всемерную агрономическую помощь, снабжающая крестьянские хозяйства сельскохозяйственным инвентарем наряду с другими мероприятиями в центре России и других окраинах должна обратить сугубое внимание на безотрадное положение горцев.

Землеустроительные работы требуются в Балкарии, Ингушетии, Чечне, Карачае, Черкесии, Осетии (Дигории) и Кабарде. Последняя находится в несравненно лучших условиях и наделением землей не нуждается. Не буду останавливаться на количестве имеющихся земель у указанных народов, а

также на потребном количестве, обеспечивающем их человеческое существование. При наделении последнее целиком зависит от того, к какому хозяйству перейдут горцы. Или останутся скотоводами или перейдут к земледелию.

Возникает вопрос, откуда взять недостающую землю?

Конечно, у многоземельных казаков, иногороднего элемента и частично у Кабарды. Ни в коем случае советская власть не должна в данном случае вставать на сторону контрреволюционного казачества, как было сделано одной из комиссий ВЦИК. На Кавказе советская власть, главным образом, должна опираться на горскую бедноту, которая при наделении землей явится сильнейшей опорой для революции.

В данном случае нужна продолжительная работа по обследованию земельных отношений, установление норм и прочее на местах.

Я считаю, что эта работа потребует минимум три месяца, при выделении комиссии ВЦИК и прикомандированием к ней необходимых специалистов.

Комиссия необходима, только она сможет проделать реальную работу до весны, тем самым предотвратит между народами вооруженные столкновения и развеет существующую вражду.

Исходя из вышеизложенного, я предлагаю Коллегии:

1. Просить ВЦИК в срочном порядке направить полномочную комиссию от своего имени с необходимым количеством технических работников на Северный Кавказ для разрешения земельного вопроса, связанного с Горреспубликой, Кабардой, Карачаем, Балкарией, Черкесией, Кубано-Черноморской областью, Терской губернией на месте, в составе представителей ВЦИК, НКН и Федеральной комиссии, сроком не менее, чем на три месяца.

2. Ввести от НКН т. Клингера

Член Коллегии (подпись)

ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 21-22а.

ИЗ ПРОТОКОЛА № 1 ЗАСЕДАНИЯ КОЛЛЕГИИ НКН РСФСР

6 января 1922 г.

Присутствовали: Члены Коллегии Карклин, Павлович, Ибрагимов, от отделов представительств... от Кабарды Калмыков, от Балкарии Энеев, от Карачая Алиев, от черкесов Гутекулов.

Слушали: 6. О разрешении земельного вопроса на Северном Кавказе (т. Ибрагимов).

Постановили: 6. а) просить ВЦИК командировать на Северный Кавказа полномочную комиссию из представителей ВЦИК, Федерального комитета по земельным делам и Наркомнаца для изучения, согласования и разрешения на месте спорных земельных вопросов.

б) просить ВЦИК ввести в указанную комиссию от НКН т. Клингера, кандидатура которого единогласно поддерживается представителями Кавказа.

в) поручить Ибрагимову провести это постановление в Президиум ВЦИК.

Слушали: 7. Проект постановления ВЦИК об образовании области карачаевского и черкесского народов, рассмотренный 31 / XII – 21 г. на объединенном заседании представителей НКН, Кабарды, Карачая, Балкарии, Терской губернии и черкесов (Клиnger).

Постановили: 7. Принять предложенный проект со следующими изменениями:

1. Оставить открытым вопрос о Старо-Абуковском ауле до разрешения его на месте специальной комиссией ВЦИК.

2. Утвердить Мало-Карачаевский округ с включением в него земель, фактически занимаемых населением Карачая.

3. Исключить Эльбрус, ввиду отсутствия там населенного пункта.

4. Исключить г. Кисловодск, предоставив Карачаю право войти в доброе соглашение с Терским губисполкомом относительно предоставления ему в Кисловодске помещения для учреждений Мало-Карачаевского округа.

Слушали: 9. Проект постановления ВЦИК об образовании Балкарской АО, составленный комиссией, назначенной коллегией НКН.

Постановили: 9. Принять проект комиссии, подтвердив:

1. Включить бывшие частновладельческий участок «Долинский», который признать центром Балкарии.

2. Включение аула Хабаз.

3. Решение комиссии о лесных полянах, а именно: вопрос о лесных полянах признать не имеющим отношения к существу рассматриваемого проекта, а относящимся к вопросу о размежевании землепользования, подлежащему разрешению в порядке пункта 4. декрета об образовании кабардинской АО и пункта 4. данного проекта декрета.

Впредь до окончания предусмотренных указанными декретами работ, установить землепользование в соответствии с фактическим землепользованием 1921 г.

Председатель (подпись)

Секретарь (подпись)

ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

**В НКН РСФСР
БАЛКАРИЯ ИЛИ ПЯТЬ ГОРСКИХ ОБЩЕСТВ
(В СВЯЗИ С ВЫДЕЛЕНИЕМ БАЛКАРИИ ИЗ ГОРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

7 января 1922 г.

...За неимением своих плоскостных земель под осенний и весенний выпас, горцы принуждены были снимать в аренду сенокосные и пахотные земли у кабардинцев.

Горское крестьянство живет очень бедно, питается преимущественно сыром и молоком. Культурная жизнь развита слабо, почти все население безграмотно, советского строительства почти нет...

В настоящее время отдельные граждане балкарцев настаивают на выделении Балкарии из Горской республики и образовании автономной области. Мотивы приводятся следующие:

1. Балкария в политическом и экономическом отношении оторвана от Горской республики;

2. Горская республика не справляется со своими окраинами. Также уверяют, что Балкария не сможет объединиться с Кабардой, будто бы враждебно настроенной к горцам.

Первые два мотива имеют основания, последний же не выдерживает никакой критики. Кабардинцы в земельном отношении всегда были в лучших условиях, чем балкарцы; у кабардинских обществ и частных владельцев были свободные земли, которые сдавались в аренду балкарцам для посевов или для выпаса скота весной до пахоты и осенью после уборки хлебов. Это ставило балкарцев в экономическую зависимость, балкарское скотоводство могло развиваться постольку, поскольку арендовывались земли у Кабарды. В политическом отношении балкарцы находились в состоянии рабства от кабардинских князей. Революция смела эти два фактора, создающие враждебные отношения между ними.

В настоящее время Балкария экономически тесно связана с Кабардой. Местом сбыта продуктов горского производства – сыра, масла, шерсти и мяса, а также закупка недостающего хлеба, является город Нальчик. Нальчик в буквальном смысле слова является жизненным источником, откуда горцы черпают насущное продовольствие. В то же время Нальчик является удобным административным центром всей Балкарии. Эти данные заставляют сделать вывод о том, что Балкарию необходимо выделить из Горской республики и объединить с Кабардой, но нет оснований к ее выделению как области. Без Кабарды Балкария обречена на вымирание.

Президиум Кабардинского областного исполкома высказался за возможное объединение Кабарды с Балкарией на условиях, разработанных кабардинским и балкарским съездом.

Несмотря на последнее постановление окружного балкарского съезда о выделении Балкарии в АО, имеются приговоры отдельных балкарских обществ о желании объединиться с Кабардой.

Объединение Балкарии с Кабардой дает положительную сторону и для возрождения Балкарии:

1. Уничтожает вековые земельные споры между Кабардой и Балкарией. Еще в 60-х гг. прошлого столетия пытались разрешить запутанный земельный вопрос; часть горцев были выселены на плоскость на казенные земли, так были образованы селения – Хабаз, Гунделен, Чижок-кабак, Кашкатау, отчасти

Хасаут. Для развития своего хозяйства балкарцы намерены получить прилегающие кабардинские пахотные земли. Но со стороны кабардинского землеустройства встречается ряд препятствий:

а) прилегающие к Балкарии кабардинские селения малоземельны и с предоставлением части пахотной земли балкарцам явится необходимость переселения части кабардинских сел, что нецелесообразно.

б) пахотные кабардинские земли лежат за лесом Балкарии и с отводом этих земель необходимо будет на основании правил землеустройства отвести большую часть леса Балкарии, что сильно подорвет кабардинское хозяйство.

При объединении Кабарды и Балкарии представится возможность совместного пользования, на необходимость которого было указано выше, землями Кабарды и Балкарии, и представление чересполосно балкарцам свободных пахотных кабардинских земель, сенокосов и пастбищ, что вполне удовлетворит балкарское хозяйство.

2. Центр Кабарды г. Нальчик в экономическом и административном отношении объединит все горские общества и даст возможность полному экономическому развитию.

3. В культурном отношении Кабарда стоит значительно выше Балкарии и объединение этих народов внесет новую струю в Балкарию. Нужно указать, что за последние 2 революционных года в культурном отношении Кабарда выросла и, с другой стороны, на культурный рост Кабарды оказало влияние вкрапленное в Кабарду русское и немецкое население.

4. Кабарда сможет дать балкарцам ряд опытных испытанных в советском строительстве работников, в чем Балкария нуждается. Это ускорит советизацию Балкарии и окончательно сблизит эти соседние народы.

Начатое кабардинским исполкомом почвенное, ботаническое и экономическое обследование прольет новый свет в экономическую жизнь этих народов, разрешит ряд, веками запутанных вопросов и даст путь развития сельского хозяйства и промышленности края.

М у р о м ц е в, г. Владикавказ

ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 432. Л. 6-7.

ИЗ ПРОТОКОЛА № 2 ЗАСЕДАНИЯ КОЛЛЕГИИ НКН РСФСР

9 января 1922 г.

Присутствовали: Сталин, Карклин, Павлович, Ибрагимов, Султан-Галиев, Бройдо, секретарь Клиnger, от Кабарды Калмыков и Назаров, от Карачая тт. Алиев, Батчаев, от черкесов Гутекулов, А. Калмыков и Мансуров, от Балкарии Энеев, Гемуев, от Горреспублики Авсарагов.

Председатель: Сталин, секретарь Клиnger.

Слушали: 1. О пересмотре постановления Коллегии НКН от 6. I. 22 по вопросу об образовании Карачаево-Черкесской АО (Сталин).

Постановили: 1. а) Во изменение постановления Коллегии от 6 января 1922 г. признать целесообразным, согласно ясно выраженной воле карачаевцев и черкесов, выделение из Горреспублики территории, занимаемой ныне карачаевцами (за исключением лишь спорных с Кабардой пунктов) и из Кубано-Черноморской области южной части Баталпашинского отдела, занимаемой ныне черкесами и 6-ю казачьими станицами, в автономную область с административным центром в городе Баталпашинске, непосредственно связанной с РСФСР с тем, однако, чтобы вопросы о точных границах этой области и спорных с Кабардой пунктах (земли Мало-Карачаевского округа, Старо-Абуковский аул) были разрешены специальной комиссией ВЦИК.

б) Поручить представителям Кабарды и Карачая, совместно с представителем НКН, теперь же установить бесспорные пункты, населенные карачаевцами и подлежащие включению в область.

Принято единогласно.

Представитель Кабарды т. Калмыков просит занести в протокол свое заявление, что со стороны Кабарды претензий на весь Мало-Карачаевский округ не было и не будет.

Слушали: 2. О пересмотре постановления Коллегии НКН от 6. I. 22 по вопросу об образовании Балкарской АО.

Постановили: 2. а) Во изменение постановления коллегии от 6 января 1922 г. признать целесообразным выделение из состава Горской республики территории, занимаемой ныне балкарцами и образование из нее вместе с Кабардой объединенной Кабардино-Балкарской автономной области, непосредственно связанной с РСФСР, с тем, чтобы местопребыванием Балкарского, как и Кабардинского, исполкома считать Нальчик, а точные границы Балкарии, с соблюдением земельных интересов Балкарии, были определены специальной комиссией ВЦИК.

б) Для руководства советскими органами как объединенной Кабардино-Балкарской области, так и национальных объединений установить следующие начала: 1. Во главе Кабарды, как и во главе Балкарии, иметь собственные национальные исполкомы, избираемые на общих основаниях, 2) во главе объединенной КБАО иметь общий областной исполком, составленный на паритетных началах из представителей вышеупомянутых исполкомов, в) это же правило распространить и на Карачаево-Черкесскую АО.

Принято единогласно

Председатель (подпись)

Секретарь (подпись)

ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 22 б – 22 в.

В НКН РСФСР*10 января 1922 г.*

Делегаты 9-го съезда Советов от Кабардинской области, обсудив протокол заседаний Коллегии НКН от 9-го сего января о выделении Балкарского округа из состава Горской республики и образования из него вместе с Кабардой КБАО, а равно образования общего областного исполкома из представителей упомянутых исполкомов на паритетных началах, признают целесообразным и жизненно необходимым создать областной исполком из представителей Кабарды, Балкарии и иногороднего населения области (казаки, русские, осетины, немцы, евреи и проч.), т.к. такового населения гораздо больше в области, чем балкарцев. Следовательно, Облисполком просит при разрешении вопроса о создании Областного исполкома на паритетных началах ввести в таковой и представителей иногороднего населения.

Председатель исполкома Кабарды Б. К а л м ы к о в
Секретарь
ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 84.

**ИЗ ПРОТОКОЛА
ЗАСЕДАНИЯ КОЛЛЕГИИ НКН РСФСР***не ранее 10 января 1922 г.*

Слушали: 10. О составе областного исполнительного комитета КБАО (Докл. Клингер).

Просьба делегации от Кабардинской области о введении в состав областного исполкома на паритетных началах представителей иногороднего населения.

Постановили: 10. Признать предложение делегации 9-го съезда от Кабардинской области, идущим вразрез с Конституцией РСФСР и посему отклонить.

ГА РФ Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 44.

ВО ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦИК*24 января 1922 г.*

Балкарская делегация, обсудив постановление заседания Кабардинской делегации от 10 января 1922 г., считающая целесообразным и жизненно необходимым ввести в состав Кабардино-Балкарского областного исполкома представителей т.н. иногороднего населения (русских, немцев, евреев, и т.д.)

мотивируя это тем, что будто иногородних в области гораздо больше, чем балкарцев постановляет:

Признать постановление Кабардинской делегации требованием, явно нарушающим принцип паритетности Областного исполкома, идущим вразрез с постановлением Коллегии НКН от 9 января 1922 г. и не имеющим под собой никакого основания: ибо, во-первых, иногороднее население области не занимает определенной территории, а вкраплено среди кабардинцев так, что оно может быть представлено в общем Кабардинском исполкоме, чем гарантируется защита его интересов, а во-вторых, Кабардинский исполком, объединяющий иногороднее население, может предоставить последнему соответствующее количество мест из причитающихся ему в областном исполкоме.

Председатель Балкарской делегации М. Э н е в.

ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 85.

В ПРЕЗИДИУМ ВЦИК

2 апреля 1922 г.

Несмотря на постановление ВЦИК от 16 января с.г. об образовании объединенной Кабардино-Балкарской автономной области с общим объединенным Кабардино-Балкарским областным исполкомом во главе, из сообщений с мест НКН усматривает, что фактическое проведение в жизнь этого декрета до сих пор тормозится нежеланием некоторых кабардинских работников подчиниться постановлению ВЦИК об образовании областного исполкома на паритетных началах.

НКН просит Президиум ВЦИК сделать соответствующее предписание Кабардинскому исполкому немедленно выполнить постановление ВЦИК от 16 января с.г.

Зам. Наркомнаца К а р к л и н
Член Коллегии И б р а г и м о в
Секретарь Коллегии А б у к о в

ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 16. Л. 56.

В ЦК РКП ИХ ДОКЛАДА О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ БАЛКАРИИ

Апрель 1922 г.

... Взаимоотношения с Кабардой до сего времени не урегулированы. Постановление ВЦИК от 16 января 1922 г. еще не проведено в жизнь. Образование объединенной Кабардино-Балкарской области принят

партийными работниками Кабарды весьма неохотно. Бесконечные попытки Балкарского оргбюро к образованию паритетного областного исполнительного комитета не привели к результатам. Можно с уверенностью сказать, что русские работники в Кабарде находятся под полным влиянием Калмыкова, ведут почти, что националистическую линию. Общая партийная работа и организация невозможны при данном составе работников.

Выводы:

1. Причиной всех зол является слабая партийная организация как Балкарии, так и Кабарды.
2. Необходимо усиление той и другой организации крепкими и твердыми коммунистами, прошедшие определенный стаж работы на Востоке.
3. Необходимо призвать к порядку ответственных руководителей Кабарды и Балкарии и в случае неподчинения перевести в другие места.

Секретарь оргбюро РКП А. По т е х и н.

ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 432. Л. 18 об.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 36 ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ВЦИК

3 июля 1922 г.

Слушали: 8. Объединение Кабарды и Балкарии и отпуск средств для покрытия задолженности и на оргработы (внесено Балкарским представительством).

Постановили: 8. Вопрос рассмотрением отложить. Предложить Наркомнацу обсудить вопрос о выделении Балкарии в автономную область. Предложить Малому СНК срочно рассмотреть вопрос о предоставлении Балкарии кредитов по задолженности, о выделении Балкарии аванса в установленных размерах.

Секретарь ВЦИК А. Е н у к и д з е.

ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 16. Л. 112.

ИЗ ПРОТОКОЛА № 34 ЗАСЕДАНИЯ КОЛЛЕГИИ НКН РСФСР

4 июля 1922 г.

Слушали: 4. О выделении Балкарии в автономную область (Гусейнов).

Гусейнов сообщает, что Президиумом ВЦИК поручено НКН обсудить вопрос о выделении Балкарии в автономную область.

Постановили: 4. Поручить тов. Карклину и тов. Гусейнову переговорить по этому вопросу с наркомом Сталиным, прежде чем обсудить его по существу.

Председатель подпись

Секретарь подпись.

ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

В НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПО НАЦИОНАЛЬНЫМ ДЕЛАМ РСФСР

7 июля 1922 г.

Организационный отдел ВЦИК по распоряжению Президиума ВЦИК препровождает при сем копию телеграммы из Нальчика № 105 от Председателя исполкома Калмыкова ... на ваше заключение.

Приложение: упомянутое.

Зав. орготделом ВЦИК М а к а р о в.

Приложение

Телеграмма (копия) Москва, ВЦИК из Нальчика

Срочно в Москву ЦК РКП, копия ВЦИК, копия НКН, копия Представительство КБАО.

Кабардинский исполком передает постановление Кабардинского областного партийного комитета РКП от 30 июня с.г.:

«Принимая во внимание, что между кабардинским и балкарским народами нет серьезных разногласий в общей политической работе, с одной стороны, и что разновидность хозяйств кабардинцев и балкарцев отличительно только хлебопашеством и скотоводством, с другой стороны, и что основной земельный вопрос между кабардинцами и балкарцами, вызывавший до сих пор недоразумение, разрешен ВЦИК – облпартком, подразделяя количество населения (кабардинцев – 160 тыс., балкарцев – 26 тыс., русских и других национальностей – 80 тыс.), считает, что создание Кабардино-Балкарского областного органа на паритетных началах вызовет лишь развитие и углубление национализации, как среди балкарского, так кабардинского и других народов, поэтому Кабардинский областной комитет считает наиболее целесообразным создание Кабардино-Балкарского областного исполкома на основе Конституции РСФСР, просит ЦК РКП и ВЦИК постановление ВЦИК от 16 января с.г. отменить».

Предисполкома К а л м ы к о в.

ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 16. Л. 54.

ИЗ ПРОТОКОЛА № 28 ЗАСЕДАНИЯ КАБАРДИНСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА

9 июля 1922г.

Присутствовали: Калмыков, Павлович, Шведов, Кокожев, Антониковский, Боровицкий, Руден и зам. предисполкома, член оргбюро Балкарии т. Ульбашев.

Повестка дня:

1. Телеграмма от председателя Кабардинского представительства в Москве при Наркомнаце

Слушали:

Доклад т. Павловича: По постановлению ВЦИК от 16-го января 1922 г. было декретировано объединение Кабарды и Балкарии в Кабардино-Балкарскую автономную область. С руководящим органом Кабардино-Балкарским исполнительным комитетом, организованным на паритетных началах. Для проведения в жизнь этого декрета в Нальчике 27-го февраля было созвано объединенное совещание балкарских и кабардинских властей и несмотря на долгие дебаты совещание к определенному решению не пришло и этот вопрос было поставлено перенести на объединенное заседание пленума Кабардинского и Балкарского исполкомов на 10-е апреля месяца, но ввиду отсутствия Энеева и других товарищей, а также и по многим другим причинам это заседание пленумов не состоялось и вопрос о слиянии по сей день остается открытым и не разрешенным. Несмотря, однако, на это, многие кабардинские учреждения, как-то: политотдел, военкомат и др. в силу поступающих из Центра заданий должны были взять в сферу своего влияния и Балкарию и повести там свою работу, что является, конечно, крайне ненормальным положением.

Если до сего времени главнейшую роль в слиянии этих двух народностей играл не разрешенный земельный вопрос, то теперь таковой постановлением ВЦИК разрешен и нам в данный момент остается на месте разрешить только один вопрос в более правильном слиянии аппаратов и организаций единого руководящего органа. Несмотря на это, что хотя Балкария в данный момент не вошла в общий состав Автономной области, мы как соседняя область, входящая в единую Федерацию России и как члены единой РКП весьма интересуясь жизнью небольшого народа, долгие годы жившего рука об руку с кабардинцами, должны наконец знать, что делается в Балкарии, имеется ли там на местах Советская власть, коммунистическая партия или там ничего не имеется, т.к. мы знаем, что сейчас вот уже больше месяца здесь в руководящем органе Балкарского исполнительного комитета сидит один тов. Ульбашев,

который один конечно проводить какую бы то ни было работу на местах не может, что касается партийных аппаратов, то к нам из Югвостбюро ЦК РКП поступают распоряжения об уплате содержание балкарскому партийному комитету, как округу, в то время, когда мы на месте здесь еще не произвели слияния. Дальше такое положение продолжаться не может, мы как коммунисты не имеем право бросить на произвол судьбы небольшую группу народов и сейчас здесь должно окончательно разрешить вопрос в слиянии Кабарды и Балкарии.

Доклад т. Калмыкова: Кабарда и Балкария это две неразрывных народностей, которых ни политически, ни экономически разделить нельзя и если даже мы возьмем дореволюционный период времени, то мы увидим, что крестьянин-кабардинец и балкарец жили все время мирно и никакой национальной вражды между ними не было, а если вражда и была, так это только между верхами «князьями». С момента начала революционного движения и эта последняя вражда была ликвидирована путем изгнания из Кабарды и Балкарии князей и помещиков.

В 1918 году была создана междуведомственная комиссия, которой и был разрешен земельный вопрос между Кабардой и Балкарией и часть кабардинских земель была передана балкарцам и со стороны кабардинских крестьян никаких протестов не было. В период пребывания здесь белых революционные элементы из кабардинцев и балкарцев и ответственные руководители этих народов скитались по горам, перенеся все тягости этих скитаний, жили в мире, делясь последним куском хлеба и вот уже в 1920 г., прибыв сюда после изгнания отсюда Деникина, мы опять также жили мирно вплоть до приезда т. Энеева, который с самого своего приезда начал поднимать вопрос о том, что между Кабардой и Балкарией существуют какие-то разногласия и даже вражда, с чем конечно я ни в коем случае согласиться не мог, т.к. отлично знал и настроение кабардинских крестьян и крестьян балкарских и вот в завершении всего Энеевым был поднят вопрос о выделении Балкарии в самостоятельную единицу, не уведомив даже об этом нас и все время, пока длился процесс о выделении Балкарии и был против этого, т.к. я знал, что для балкарцев это выделение не желательно и что от этого выделения они много и много теряют, но благодаря односторонней информации Энеевым Центра яркими красками нарисованную покоренную Балкарию и победительницу Кабарду, Балкария была выделена в самостоятельный округ. Разговаривая с балкарскими руководителями и причине их выделения, от них получался всегда ответ, что они выделились для того, чтобы повести на местах широкую партийную и советскую работу и затем снова соединиться с Кабардой, но никакой работы по сей день нет, т.к. и самих руководителей нет. Когда Кабарда выделилась в самостоятельную область, я заявил Энееву, чтобы Балкария присоединилась и образовать совместно Кабардино-Балкарскую Автономную область. Энеев на это дал мне согласие, но не присоединился и остался в составе Горской республики. Через некоторое время Энеев поднял вопрос о выделении Балкарии в самостоятельную область, на что Центр не

возражал и заявил им, чтобы они слились с Кабардой, я на это согласился и Балкарию выделил.

Декретирование всего выделения я не дождался и выехал из Москвы в Нальчик. При решении вопроса в ВЦИК о слиянии было решено организовать Кабардино-Балкарский исполнительный комитет на паритетных началах, там же мною было заявлено, что писать специальную конституцию для нас следует, но для сохранения дружеских взаимоотношений и чтобы не создать трений я предложил исполком создать на одинаковом представительстве, включая представительство от русских в таком же составе.

Земельный вопрос разрешен и сейчас перед нами стоит один вопрос, это о создании Кабардино-Балкарской власти и к этому вопросу мы должны отнестись со всей серьезностью, т.к. для нас коммунистов не может быть безразличным существование Кабарды и Балкарии в то время, когда здесь на месте мы знаем положение вещей гораздо лучше, чем в Центре и если в данный момент Балкария выделится в самостоятельную единицу и ее существование недолговечно и в силу того, что интересы кабардинцев и балкарцев связаны неразрывными узами, Балкария вынуждена будет присоединиться к Кабарде. И сейчас нам необходимо указать, насколько связаны эти две народности друг с другом экономически и о своем мнении доводим до сведения Центра. Не надо внедрять в думу балкарца национализм, а надо создать экономическое равновесие между Кабардой и Балкарией на началах их производства.

Нет ни одного селения в Кабарде, где бы не жили балкарцы на равных началах с кабардинцами, пользуясь землями и сенокосами и то же самое происходит в Балкарии по отношению кабардинцев. И в силу личного эгоизма одного человека губить целую народность мы не имеем нравственного права и это недостойно коммунистов, и мы должны высказаться за абсолютное объединение.

Вопрос Шведова: Оторванность Кабарды от Балкарии не создает ли национальной вражды?

Ответ Калмыкова: Да.

Вопрос т. Шведова к представителю Балкарии т. Ульбашеву: Есть ли разногласия в самой массе между кабардинцами и балкарцами и в чем они выражаются?

Ответ: Разногласия в самой массе нет. В верхах есть, но в то время когда мы здесь можем ругаться крестьянин кабардинский и балкарский мирно работают совместно.

Вопрос: Какие материальные выгоды получает балкарский народ при выделении Балкарии?

Ответ: Ни один балкарец не сказал, что выделение для него выгодно и это ему ничего не дает.

Я думаю, говорит дальше т. Ульбашев, что Балкарская автономия в условиях автономных границ существовать самостоятельно не может и ее экономические условия заставят слиться.

Вопрос: Почему балкарцы хотят выделиться в самостоятельную единицу?

Ответ: Такого течения в балкарских массах нет, т.к. народ сейчас не знает о выделении, но когда была организована Кабардино-Балкарская автономия, то народ рад был этому и остался очень доволен, тенденция к выделению была тогда, когда Балкария находилась в составе Горской Республики.

Вопрос: На какие средства думает существовать Балкария?

Ответ: Этот вопрос не обсуждался.

Вопрос: Какие аппараты существуют в Балкарии?

Ответ: Аппараты имеются, но не все, нет больниц, школы есть, но не везде, нет трибунала и др.

В отношении слияния т. Ульбашев присоединяется к мнению т. Калмыкова.

Постановили: Обсудив вопрос об объединении Кабарды с Балкарией и рассмотрев телеграмму Кабардинского представительства при Наркомнаце об отмене ВЦИКом своего постановления от 16-го января 1922 года о создании Кабардино-Балкарского областного исполкома на паритетных началах и о передаче этого вопроса вновь в Наркомнац с целью предоставления маленькой Балкарии (26 тысяч населения) автономии и констатируя, что при отсутствии в данный момент у Балкарии аппаратов как-то: здравоохранения, юстиции, финансов, политотдела, ревтрибунала, военкомата и др. отделов исполкома и что при создании этих аппаратов вызовет колоссальнейшие затраты государственных средств, а перевод на местные средства органов правления ляжет тягчайшим бременем и разорением балкарского народа и кроме того Кабардинский областной партийный комитет, исходя из того, что между кабардинским и балкарским народами в общей политической работе никаких разногласий нет и что Балкария и Кабарда всегда были экономически связаны, в силу чего Балкария одна без Кабарды, тем более в данный момент, существовать не может, что доказано отдельным существованием ее в течение полутора года, каковой период времени для балкарского народа явился полным безвластием и больше того развитием и углублением ранее никогда не существовавшего национализма между этими народами - постановил:

1. Поставить в известность ЦК РКП и ВЦИК, что балкарские трудовые массы более склонны сотрудничать с кабардинским народом, чем выделяться в автономную область.

2. Поставить в известность, что балкарский народ в период полуторалетнего существования отдельно от Кабарды убедился о невозможности и нецелесообразности существования отдельно от Кабарды.

3. Поставить в известность, что вопреки желанию балкарского трудового народа объединиться с Кабардой руководители балкарского народа продолжают добиваться отделения Балкарии от Кабарды в ущерб интересам балкарского трудового народа.

4. Вторично поставить в известность ЦК РКП и ВЦИК, что кабардинский облпартком, состоящий в большинстве своем из присланных Центром товарищей считает единственной организацией Кабардино-Балкарского облисполкома на основах конституции РСФСР.

5. В случае не согласия ВЦИКа создания единого Кабардино-Балкарского облисполкома на основах конституции РСФСР – просить ЦК РКП предложить ВЦИКу назначит Кабардино-Балкарский съезд с представителями краевой власти для разрешения этого вопроса.

Председатель Н. Ш в е д о в.

Секретарь.

ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 34-37.

ИЗ ПРОТОКОЛА № 25 ЗАСЕДАНИЯ КОЛЛЕГИИ НКН РСФСР

10 июля 1922 г.

Слушали: 5. О выделении Балкарии в автономную область (Гусейнов).

Тов. Гусейнов докладывает, постановлением ВЦИК Наркомнацу предложено обсудит вопрос о выделении Балкарии в автономную область и представить соответствующий проект.

Постановили: 5. а) Полагая, что главной причиной возникающих трений между Кабардой и Балкарией является земельный вопрос, приобретающий особо важное значение в связи с тяжелым положением скотоводческих горских племен на Кавказе вообще и стихийным переходом их к земледелию, сопровождающимся постепенным переселением на плоскость, признать выделение Балкарии из объединенной КБАО в особую автономную область не желательным и не соответствующим развитию экономических и культурных сил, как Балкарии, так и Кабарды;

б) отметить, что решение президиума ВЦИК от 20/VI исходит из существования единой КБАО, тесно объединяющей Кабарду и Балкарию, и потому выделение Балкарии потребует пересмотра земельного вопроса;

в) полагая необходимым существование объединенного Кабардино-Балкарского исполкома на паритетных началах и принимая во внимание большое число населяющих Кабардинскую область национальных меньшинств, НКН находит возможным согласиться с предложением создать объединенный областной исполком с представительством 1/3 от Кабарды, 1/3 от Балкарии и 1/3 от нацменьшинств, населяющих Кабарду.

Председатель Г у с е й н о в

Секретарь Б у л л е

ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 16. Л. 29-29 об.

ТЕЛЕГРАММА НАРКОМНАЦ СТАЛИНУ*19 июля 1922 г.*

Решение комиссии ВЦИК по фиксированию границ Балкарии и Карачая экономически и политически уничтожают Кабарду. Кабардинский исполком привести постановление в исполнение бессилён, не вызвав политических осложнений. Кабардинский исполком просит до приезда представителей Кабарды утверждение границ во ВЦИК задержать.

К а л м ы к о в

ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 231. Л. 6.

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история**

УДК 94(44) 81 (=35) – 054.72

DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-154-170

**ДЖАМАЛ БЕЙ АЛБОГАЧИЕВ:
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В ЭМИГРАЦИИ¹****И.Л. БАБИЧ**

*Институт этнологии и антропологии РАН
119334, Москва, Ленинский проспект, 32а
E-mail: babi7chi@yandex.ru*

Й. ШНЕЛЛЕ

*Германский исторический институт в Москве
109044, Москва, ул. Воронцовская, д. 8, стр. 7
E-mail: johannes.schnelle@dhi-moskau.org*

Аннотация. Статья посвящена жизни и общественно-политической деятельности ингуша Джамала Албогачиева (1894–1949 гг.). Это первое исследование о данной личности. Работа сделана на основе архивов Франции и Германии. Албогачиев получил образование в Европе, знал европейские языки, вошел в состав Зарубежной делегации Горской республики (Версаль, 1919 г.). Женился на немке из Берлина. В 1921–1928 гг. проживал в Германии. Во Франции проживал в 1929–1942 гг. Сотрудничал со многими крупными общественными деятелями: Али Мардан Топчибаши, братьями Вассан-Гирей и Магомет-Гирей Джабагиевыми. Одновременно работал танцором в русских кабаре в Париже. В 1942–1945 гг. Джамал находился в Германии, где вступил в Северокавказский национальный комитет. После возвращения во Франции полиция вела следствие, выясняла причины его пребывания в Германии. В результате он был вынужден уехать в Марокко в 1948 г., где он умер на следующий год. Изучение жизни Джамала Албогачиева, его общественно-политических взглядов и деятельности показало, что его судьба во многом оказалась драматической. Получив прекрасное европейское образование и знание европейских языков, попав в Европу, он не смог реализовать свой интеллектуальный потенциал. В общественно-политической жизни он придерживался взглядов создания независимого государства на Северном Кавказе.

Ключевые слова: Ингуши; Кавказ; Франция; Германия; танцы; русские кабаре; Париж; общественно-политическая деятельность.

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

JAMAL BEY ALBOGACHIEV: PUBLIC AND POLITICAL LIFE IN EMIGRATION

I.L. BABICH

*Institute of Ethnology and anthropology RAS
119334, Moscow, Lenin Ave., 32a
E-mail: babi7chi@yandex.ru*

J. SCHNELLE

*German Historical Institute in Moscow
109044, Moscow, st. Vorontsovskaya, 8, bldg. 7
E-mail: johannes.schnelle@dhi-moskau.org*

Abstract. The aim of this article is study social and political activities by ingush Jamal Albogachiev (1894–1949). This is the first study of this person. This article is based on the archives from France and Germany. Albogachiev was educated in Europe, knew European languages, and became a member of the Foreign Delegation of the Mountain Republic (Versailles, 1919). He married a German woman from Berlin. In 1921–1928 he and his family lived in Germany. In France (1929–1942) Albogachiev lived alone. He collaborated with many public figures: Ali Mardan Topchibashi, brothers Vassan-Girey and Mohammed-Girey Dzhabagiyev. At the same time he worked as a dancer in russian cabarets in Paris. In 1942–1945 Jamal was in Germany, where he became a member of the North Caucasian National Committee. After returning to France, the police investigated the reasons for his stay in Germany. As a result, Jamal was forced to leave for Morocco in 1948, where he died next year. The study of the life of Jamal Albogachiev, his socio-political views and activities showed that his fate was dramatic. Having received an excellent European education and knowledge of European languages, having got to Europe, he could not realize his intellectual potential, couldn't make a career in Europe. He had the views of the creation of an independent state in the North Caucasus. However, he didn't become an active member of the most famous and largest emigre movements of the North Caucasus. Despite the fact that he was part of the political North Caucasian elite, he was most often used in secondary or third roles.

Keywords: Ingush; Caucasus; France; Germany; dances; Russian cabarets; Paris; social and political activities.

Введение

Как известно, после Великой Октябрьской социалистической революции в эмиграции оказались и северокавказцы. Мотивация их отъезда была самой разнообразной, поэтому в Европе оказались представители народов Северного Кавказа из разных социальных, политических, культурных и иных слоев. Мы уже начали серию публикаций об известных северокавказцах, которые по-разному адаптировались к новой жизни [Бабич, Страйхорн 2020: 137–158; Бабич 2021: 12–19]. На основе материалов, обнаруженных нами в нескольких архивах Франции и Германии, в данной статье хотелось бы описать жизнь одного из известных представителей ингушского народа – Джамал Бей Албогачиева, проанализировать его социально-политические взгляды и деятельность в эмиграции. До сих пор в кавказском эмигрантоведении не было

исследований на эту тему. Источниками исследования стали досье из архивов Департамента полиции Франции, документы из архива азербайджанского деятеля Али Мардан Топчибаши (Франция), а также материалы из немецких архивов: Государственного архива Берлина, Берлинского звукового архива и архивов Арользена.

Джамал Албогачиев на Кавказе и в Европе: первые шаги

Джамал Бей Албогачиев родился 26 апреля 1894 г. в ауле Цечой в ингушской семье. Его родители: отец – Дауд Албогачи и мать – Тами Цечоева. На два года раньше – 20 октября 1892 г. родилась его сестра Амината. Семья Албогачиевых со временем приобрела финансовую состоятельность, и накануне революционных событий 1917 г. проживала во Владикавказе. К этому времени старшая сестра Амината вышла замуж за ингуша Магомет-Гирей Эльджиевича Джабагиева. Магомет-Гирей (1877 г. рожд.) еще до революции сумел получить высшее образование и занимал важные должности в различных учреждениях Северного Кавказа: он работал агрономом Ставропольской губернии, старшим агрономом по животноводству в Терской, Кубанской и Донской областях. К 1917 г. он получил гражданский чин коллежского асессора, соответствующий 8 классу Табеля о рангах (всего было 14 классов). Его младший брат Вассан-Гирей (1882 г. рожд., высшее образование получил в Германии и в 1918 г. стал министром финансов в Горской республике [Бабич и др. 2020]).

К революционным событиям 1917 г. Джамал Бей было 23 года (фото 1-2). В это время он находился в Германии. 21 декабря в Берлине прусская комиссия [БЗА. РК 1125/1 и. 2, РК 1126/1-3], задачей которой являлась запись языков и музыки народов, представленных в немецких лагерях для военнопленных во время Первой мировой войны, записала несколько образцов ингушского языка от Албогачиева¹. В сопроводительных листах личных данных указано, что с 20 лет (т.е. с 1914 г.) Албогачиев жил в Бельгии и Германии, владел русским, французским и немецким языками, получил высшее образование, но во время записи образцов ингушского языка еще имел статус студента. На запись в Берлин он приехал из города Зальцведеля, где находился большой лагерь военнопленных из Российской армии. Исходя из этих данных, мы можем сделать вывод, что Джамал Албогачиев еще до начала Первой мировой войны учился в Бельгии или Германии, а затем был интернирован немцами (либо как студент, либо как солдат). Как указывала впоследствии его

¹ Приведем текст. Пословицы: Бездонную бочку не наполнишь водой, белоручка любит пользоваться плодами чужого труда, горбатого могила исправила, кузнец пользуется щипцами чтобы не обжечь руки, рыба ищет глубокую воду, лошадь имеет четыре ноги, но спотыкается, ходи только по проторенной дороге, бесхозное стадо-добыча волков, безумному кажется, что вся планета его родина, по осторожному ребенку мать не плакала, быстрая река до моря не доходит, обласканная кошка обязательно нагадит. Затем шел счет от 1-10, 10-20, 20-30-40-50-60-70-80-90-100.

дочь Кармен, у отца было экономическое образование, которое, видимо, он и получил в Европе.

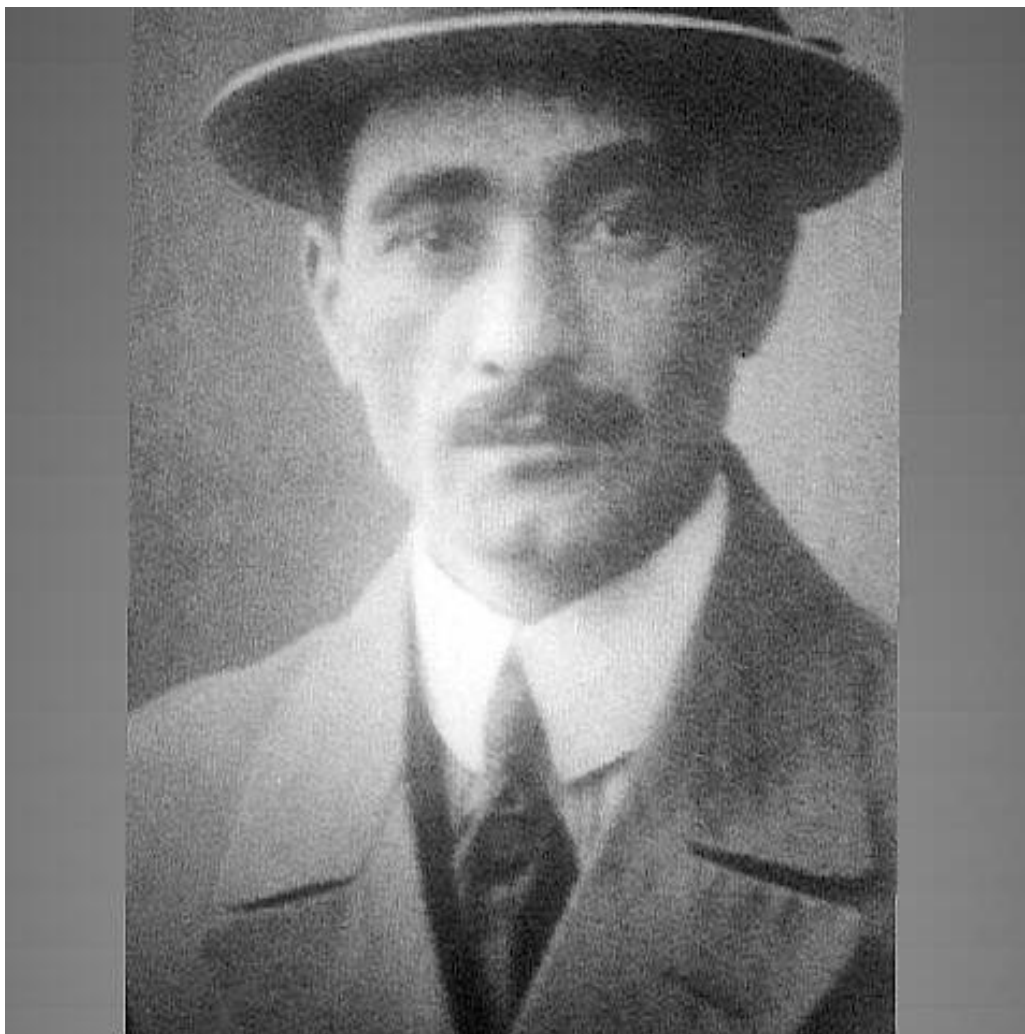

Фото 1. Дж. Албогачиев

Как указывает историк М. Вачагаев, «первые представители народов Кавказа появились во Франции в 1918 году. Тогда они еще не были эмигрантами: делегации грузин, армян, азербайджанцев, северокавказских горцев собрались во Франции к открытию Парижской мирной конференции, чтобы как-то повлиять на ее исход и защитить интересы своих народов в послевоенном мире. Первым лицом горской делегации был Абдул Меджид Чермоев, больше известный как Тапа Чермоев. Тапа успел побывать председателем первого правительства Горской республики, образованной в 1917 году на территории Дагестана и горных районов бывшей Терской области. В 1918-м именно Чермоеву было поручено возглавить Зарубежную делегацию народов Северного Кавказа на Парижской конференции и убедить мировое сообщество признать независимую Горскую республику. Но уже весной 1919 года, задолго до окончания конференции, войска генерала Деникина заняли Дагестан, и Горская республика самораспустилась» [Вачагаев 2015].

Фото 2. Дж. Албогачиев (первый слева) в кругу военных северокавказцев.

Брат мужа сестры – Вассан-Гирей Джабагиев как министр финансов Горской республики тоже вошел в состав Зарубежной Делегации. Очевидно, что ему удалось включить туда своего родственника – Джамала Албогачиева, который получил должность курьера. Как мы указывали выше, он знал европейские языки и был знаком с европейской жизнью, несколько лет прожил в Европе еще до Октябрьской революции. Любопытно, что именно Джамал в качестве члена Делегации в январе 1919 г. дал интервью турецкой газете, в котором он рассказывал о Горской республике [АМИДФ. Seria Z. Carton 653. Dossier 1. P. 12]. Как мы видим из материалов архива А. Топчибаши, Д. Албогачиев вместе с руководителем Делегации А.М. Чермоевым и остальными ее членами 14 июля 1919 г. принимал участие в торжествах, проводимых в Азербайджанском центре в Париже по случаю Французского национального праздника – «Дня взятия Бастилии» в Париже [ААМТ. Кар. II]. Таким образом, мы видим, что Джамал Бей Албогачиев в достаточно молодом возрасте начал принимать активное участие в общественно-политической жизни северокавказцев в эмиграции.

B.

Nr. 902

Charvittenburg, am 11. März im
Oktober tausend neunhundert neunzigsten

Vor dem unterzeichneten Standesbeamten erschienen heute zum Zweck der
 Eheschließung:

1. der Anton von der Heiligenstein der Kondkunka
seiner Angehörigkeit Djemal Albogacxy

der Persönlichkeit nach Christen Religion, geboren am 1. März im
Oktober tausend neunzigsten des Jahres

Oktober des Jahres tausend neunzigsten
neunzigsten zu Hadikavskas
Konkunka, wohnhaft in Tiflis im
Konkunka

Sohn des Konkunka Anton Albogacxy und
seiner Angehörigkeit Hadikavskas im neunzigsten
Oktober tausend neunzigsten des Jahres
neunzigsten zu Hadikavskas
neunzigsten wohnhaft
 in Hadikavskas

2. die Louise Felicy von der Heiligen

der Persönlichkeit nach nein der Heiligen
nein kennt,

nein Religion, geboren am nein im
Oktober des Jahres tausend nein hundert
nein zu Berlin
 wohnhaft in Charvitten

burg, Womyskowsk 23

Tochter des Louise von der Heiligen und
nein Felicy im nein Oktober
nein nein nein nein nein
nein wohnhaft
 in Charvittenburg

Nr. 902.
 Berlin - Charvittenburg
 am 11. März 1936
 Durch das am 11. März 1936

rechtskräftig gewordenen Urteil des
 Landgerichts Berlin
2. 4. 4. 11. 36.
nein

Albogacxy
nein
nein
nein

nein
nein
nein
nein

nein
nein
nein
nein

Als Zeugen waren zugezogen und erschienen:

3. d. *Georgijewitsch Felmj*
 der Persönlichkeit nach *Georgijewitsch*
unbekannt
 42. Jahre alt, wohnhaft in *Charentzenburg*
Wenigstens

4. d. *Georgijewitsch Felmj*
 der Persönlichkeit nach *Georgijewitsch*
unbekannt
 28. Jahre alt, wohnhaft in *Herzliu Königin*
Wenigstens 43

Der Standesbeamte richtete an die Verlobten einzeln und nacheinander die Frage:
 ob sie die Ehe miteinander eingehen wollen.
 Die Verlobten bejahten diese Frage und der Standesbeamte sprach hierauf aus,
 daß sie kraft des bürgerlichen Gesetzbuchs nunmehr rechtmäßig verbundene Eheleute seien.

unbekannt
 Djenal Albogatschew Leonora Albogatschew Felmj Georgijewitsch Felmj

Der Standesbeamte.
von Mühlend

Die Übereinstimmung mit dem Hauptregister beglaubigt
Charentzenburg, am *9* im *Oktober* 19*19*.

Der Standesbeamte.
von Mühlend

R.-R.

Фото 3. Свидетельство о браке Д. Албогачиева и Леоноры Фельми. 1919 г. [ГАБ. Р Rep. 553 Nr. 129, Urkunden-Nr. 902/1919].

После Версальской конференции Джамал снова оказался в Берлине. Там он 9-го октября 1919 г. женился на немке Леоноре Фельми, родившейся в Берлине в 1897 г. в семье дочери оперного певца (фото 3). Затем он вернулся на Кавказ [АА. 3.2.1.1 СМ/1Akten aus Deutschland/79525824/ ITS¹], но не на Северный, а на Южный – в Грузию. Со своей женой Леоноре Фельми Джамал приехал в Грузию не позднее июня 1920 г. 27 июня того же года в Тифлисе у супругов родилась дочь Кармен. Пребывание Д. Албогачиева в Тифлисе не было случайностью. Именно там было воссоздано «правительство Горской республики», которое самораспустилось в Дагестане в мае 1919 г. Его возглавил Ахмет Цаликов и Гайдар Баммат, но серьезной властью организация не стала. Очевидно, что Джамал контактировал с северокавказскими лидерами в Тифлисе.

Германия: 1921–1928 гг.

По данным дочери Джамала, супруги вместе с дочерью в 1921 г. эмигрировали в Германию. Обосновались в Берлине [ГАБ. Р Rep. 553 Nr. 129, Urkunden-Nr. 902/1919]. Мы не знаем, работал ли Джамал в Германии по своей экономической специальности или уже там начал зарабатывать на жизнь исполнением кавказских танцев, как это было в его дальнейшей жизни в Париже. Тем не менее нам известно, что в начале 1920-х гг. в Берлине в кавказском ресторане «Аллаверды» работал некий северокавказский танцор под псевдонимом «Куровод» [Wovon... 1923]. Может быть, это был Джамал Бей. Почему же он сразу не поехал в Париж, где обосновались все члены Зарубежной делегации Горской республики? Мы не знаем точно. Видимо супруги изначально решили обосновываться в родном городе жены, где, скорее всего, жили ее родственники, знакомые, были связи и т.д. Кроме того, в начале 1920-х годов Берлин являлся центром русской эмиграции, т.е. благополучной средой для русскоязычного эмигранта. Нельзя забывать, что он раньше уже бывал в Берлине и хорошо знал немецкий язык.

Первые данные о появлении Джамала в Париже мы имеем на начало 1923 г. Эта дата значительна. В связи с экономической дестабилизацией Германии с этого года началось переселение большей части русской колонии из Германии во Францию. Полагаем, что Джамал находился среди тех эмигрантов, которые покинули Германию по экономическим причинам в этом году. Известно, что в 1924 г. во Франции вместе со своей семьей оказалась его сестра Амината. Муж Аминаты – Магомет-Гирей Джабагиев и его брат Вассан-Гирей продолжили общественно-политическую деятельность в эмиграции, сотрудничали с Г. Бамматом, А.М. Чермоевым и др. северокавказскими лидерами.

¹ Нган, Кармен. Резюме. 02.08.1951.

Франция: 1929–1942 гг.

Опираясь на французские материалы, мы видим, что Джамал приехал в Париж 6 января 1923 г. Известно, что в 1923 г. он жил в Париже в 17-м округе по адресу 5 rue Lecluse. Однако непонятно, он стал жить там постоянно или какое-то время курсировал между Францией и Германией. Между тем нам точно известно, что свою дочь Кармен Джамал последний раз видел до 1929 г. Видимо, Джамал в течение 1923–1928 гг. посещал Германию или жил там, и лишь наездами посещал Францию. О жизни Джамала в Париже мы имеем подробные сведения с 1931 г. По данным французской полиции, на 1931 г. он был женат и имел дочь.

Известно, что в Париже Джамал Бей стал работать в русском кабаре по адресу 54 rue Pigalle (фото 4), где исполнял кавказские танцы. В этом знаменитом кавказском кабаре на ул. Пигаль исполнялись кавказская, цыганская, русская музыка. В концертах принимали участие и французские артисты. Исполнялись кавказские танцы (танцоры – Дж. Албогачиев, Норелли, Антадзе, Г.О. Джанаев) [ИЛ. 1927. № 20: 24].

Фото 4. Реклама в газете кавказского кабаре, в котором работал Д. Албогачиев. Paris. 54 rue Pigalle.

В то время в Париже несколько северокавказцев стали танцорами, исполнителями зажигательных кавказских танцев (в том числе и лезгинки) во французских кабаре и ресторанах. Это осетины: Г.О. Джанаев (он был одним из старейших членов общественной организации – «Осетинский аул во Франции»), ротмистр Осетинского эскадрона Терского полка Григорий Яковлевич (Мурад бей) Туаев. Мурад работал в парижском ресторане «Бор», в кабаре «Pile ou Face» по адресу 59 rue Pigalle, участвовал в ревю в «Casino de Paris» (фото 5) [ИЛ. 1929. № 51: 24].

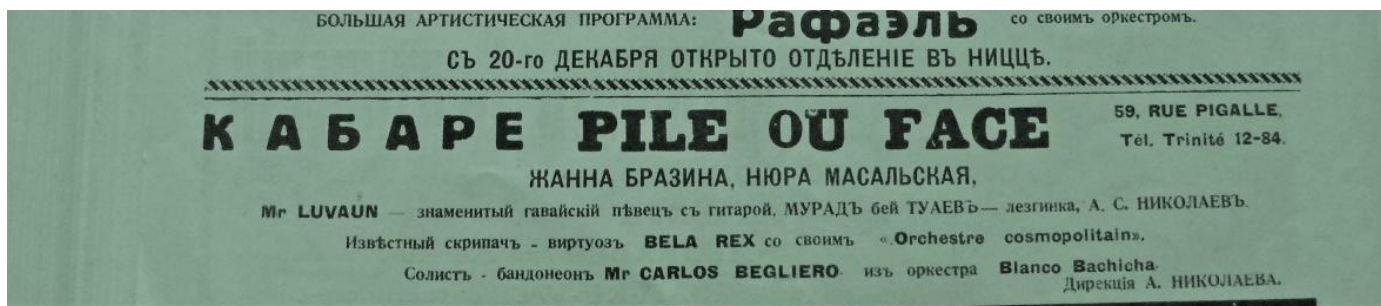

Фото 5. Реклама кабаре в газете, в котором выступал танцор Мурад бей Туаев.

Известен был и другой танцор, кабардинец Руслан Джанбеков, который выступал с кавказскими танцами на многих благотворительных концертах. Одновременно с этим Руслан был президентом общественной организации – Ассоциации беженцев-горцев Северного Кавказа (1932 г.), президентом Общества горских народов Северного Кавказа, членом-основателем масонской ложи «Прометей» (1926–1931 гг.).

В парижских кабаре работали и армянские танцоры Ашим-Хан Мануков (фото 6) и Турианц, которые также исполняли кавказские танцы. Кроме того Ашим-Хан принимал участие в балах Комитета черкесских беженцев Северного Кавказа (1925 г.), Объединения черкешенок Северного Кавказа во Франции (1928–1931 гг.), Союза армян-офицеров (1933 г.), Союза русских армянок (1935 г.), кавказского вечера Кружка по изучению Кавказа (1936 г.).

Фото 6. Танцор Ашим-Хан Мануков [ИЛ. 1927. № 12: 23].

В Париже северокавказцы пытались открывать рестораны, например, в те годы большую популярность и известность приобрел ресторан «Джигит», где также устраивались кавказские танцы (фото 7-8) [ИЛ. 1930. № 7: 24; № 20: 24].

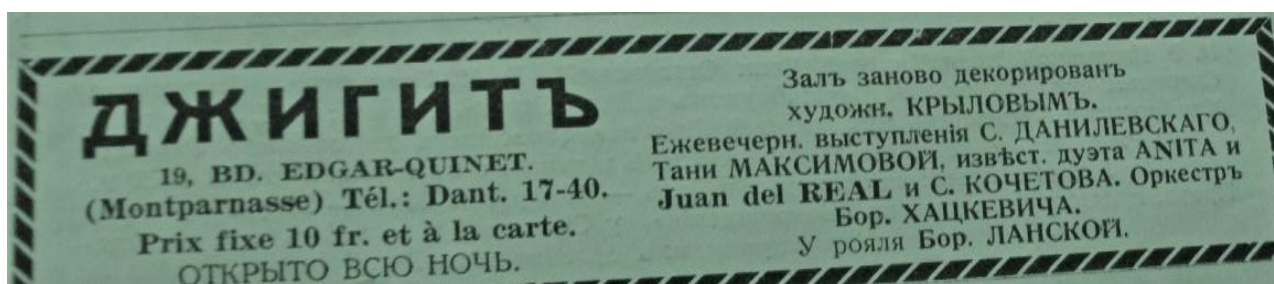

Фото 7–8. Реклама ресторана «Джигит».

Сведения об общественно-политических взглядах и деятельности Джамала появляются с 1931 г. Об этом мы узнаем из материалов архива Али Мардан Топчибаши. В том же году в Департаменте французской полиции была зарегистрирована общественная организация: «Союз горцев Кавказа», председателем которой стал муж сестры Аминаты Албогачиевой – Магомет-Гирей Джабагиев, а членом ее Совета – руководящего органа Джамал бей Албогачиев. Данная организация выступала против большевиков и объединяла сторонников независимости Кавказа. Другими членами Совета были: Асланбек Болотоков, Эльмурза Бекович-Черкасский, Магомет Аджиев и Осман Амиров. Все члены Совета была мусульманами и надеялись на поддержку своей организации со стороны мусульман. Отметим, что данная организация не стала популярной и не вела активную деятельность. Информации об этом в архивах мы не находим. И это не случайно. Очевидно, что это был «мертво рожденный ребенок». Но зачем она создавалась? Отметим, что Асланбек Болотоков, Осман Амиров, Магомет Аджиев и Джамал Албогачиев не были активными членами в общественно-политической жизни северокавказской эмиграции. Известными были лишь Эльмурза Бекович-Черкасский и Магомет-Гирей Джабагиев. Последний к этому времени разочаровался в ведущих северокавказских деятелях эмиграции: А.М. Чермоеве, Г. Баммате, К.Н. Хагондокове и др. Это мы видим из письма, которое Магомет-Гирей отправил 7 апреля 1930 г. азербайджанскому деятелю Али Мардан Топчибаши. Последний часто занимался урегулированием конфликтов между северокавказскими общественно-политическими лидерами европейской эмиграции. Приведем это письмо.

7 апреля 1930 г.

Кламар

«Глубокоуважаемый Али Мардан-Бек!

Видимо у Вас с Бамматовым ничего не вышло. Этим я объясняю то, что Вы до сих пор не смогли написать мне обещанное письмо. Кроме того, у меня имеются в настоящее время новые факты, подтверждающие, что Бамматов пытается создать общегорское объединение на началах выгодных для его личных целей и интересов, но вредных для интересов горских народов в том числе и ингушского и все это, конечно, делается скрытно от меня... Вот последнее мое заявление: возня с Бамматовым и Чермоевым мне уже надоела до тошноты. За 10 лет они ничего не сделали; хозяином горского дела в конце концов по вине Чермоева и Бамматова очутились чуждые для нас горцев иноземные организации. Причем неподходящих мер и средств против Бамматово-Хохандуковской компании в данном положении я не нахожу. Если Вам в деле связанном с благом моего народа понадобятся мои услуги, Вы можете рассчитывать на меня» [ААМТ. Кар. V].

Очевидно, что инициатором новой организации «Союза горцев Кавказа» и был Магомет-Гирей Джабагиев, который, очевидно, и привлек своего родственника – Джамала Албогачиева и нескольких известных ему горцев, которые были не «в первой обойме» общественно-политической жизни европейской эмиграции. Все они были бедны, проживали преимущественно в общежитии на улице Вьяла (15-й округ, Париж).

В 1932 г. Джамал Бей вместе с братьями Джабагиевыми стал членом правления благотворительной организации – «Ассоциации беженцев-горцев Северного Кавказа во Франции». Благотворительные организации, которые старались поддерживать северокавказцев в эмиграции, стали создаваться в Европе сразу же, после прибытия первых эмигрантов. Первая организация – Ассоциация горцев Кавказа была создана в 1919 г. И. Шаковым и А. Намитоковым [ААМТ. Кар. IV]. Наиболее активным стал Комитет взаимопомощи беженцев-черкесов северного Кавказа в Париже [ААМТ. Кар. XIII] (*La Comité de Secours aux Réfugiés Circassiens du Caucase du Nord à Paris*), который в 1925 г. часто устраивал благотворительные балы. Председателем организации был Абдул-Меджит Чермоев. Членами – многие наиболее известные горцы Северного Кавказа в эмиграции – Гайдар Баммат, Абу-Бекир Чермоев, Измаил Шаков, Константин Хагондоков, Султан Келеч Гирей, Таусултан Шакманов, Саид бей Шамиль, Айтек Намитоков, Тембот Бекович-Черкасский. Новая организация – Ассоциация беженцев-горцев Северного Кавказа во Франции [ААМТ. Кар. IV] (*La Association des Réfugiés Montagnards du Caucase du Nord en France*) появилась 27 марта 1932 г. Ее президентом стал Руслан Джанбеков, вице-президентом – Ахмед Аварский. Ее членами стали многие горцы Северного Кавказа, которые ни в каких других эмигрантских организациях не были замечены. Была создана Касса взаимопомощи горцев Кавказа для оказания помощи нуждающимся. С 1934 г. Джамал Албогачиев

вместе с родственником Вассан-Гиреем Джабагиевым принимал организационное участие в издании журнала «Северный Кавказ», который просуществовал до 1939 г. [РМ. 1949. № 171: 4].

Германия: 1942–1945 гг.

По данным французской полиции, 26 июля 1942 г. Джамал добровольно поехал в Германию. После войны он объяснил этот шаг французским властям тем, что якобы хотел навестить свою дочь Кармен. В 1942 г. ей было 22 года [АА. 3.2.1.1СМ/1Akten aus Deutschland/79525824/ITS¹]. Но семейные дела не были главной причиной его поездки. Свою дочь он не видел с 1929 г., с немецкой женой развелся в 1936 г. На самом деле, он отправился в Берлин по политическим причинам. Весной 1942 г. МИДом Германии в Берлине была созвана конференция, посвященная политическому будущему Кавказа [Dallin 1957: 135–136; Mühlen 1971: 71–73; Мамулия 2011: 214–224]. В ней приняли участие многие кавказские эмигранты, в том числе и северокавказцы. Переговоры оказались чрезвычайно сложными, и в течение всего лета 1942 г. все новые эмигранты отправлялись в столицу Германии, чтобы принять в них участие. Если верить участнику конференции Г. Баммату, то Джамал Албогачиев еще до своего отъезда из Парижа основал Национал-социалистическую партию Северного Кавказа и стал ее генеральным секретарем, тем самым сигнализируя о своей идеологической близости к немецким властям [Шнелле 2020: 230–231].

Летом 1942 г. в Берлине был создан Северокавказский национальный комитет [Mühlen 1971: 122]. В него вошли многие северокавказские деятели: А. Кантемир, А. Магома, С-К. Гирей, К.К. Улагай, Д. Тукаев, Д. Муратханов, Б. Байтуган, Х. Мусаясул, Т. Елекхоти, Жакан а также Джамал Албогачиев. После своего приезда в Германию в него вошел и А. Авторханов [Авторханов 1983: 643–644; Hoffmann 1991: 188]. В задачи комитета входило представление интересов северокавказцев перед немецкими властями, контакт и поддержка северокавказских легионеров, воюющих на стороне Германии, а также выпуск пропагандистских материалов (например, легионерской газеты «Газават») [Mühlen 1971: 91].

Джамал Албогачиев оставался в Германии до окончания Второй мировой войны. По данным на 1943 г. он проживал в Берлине по адресу Bayreuther Straße 3 [АА. 2.2.2.2/76692744/ITS²]. В Париж Албогачиев вернулся лишь 10 июля 1945 г. В Департаменте полиции Франции на Джамала было заведено дело. Следователи проводили допросы Албогачиева, во время которых он объяснял столь долгий срок пребывания в Германии тем, что немецкие власти не позволили ему вернуться во Францию. Они использовали его в качестве переводчика при переговорах с военнопленными рабочими-уроженцами Кавказа.

¹ Нган, Кармен. Резюме. 02.08.1951.

² Копия от 3 янв. 1946 г. с оригинала Свидетельства о смерти Магомеда Абукова, датированного 1 дек. 1943 г.

Франция: 1945–1948 гг.

Вернувшись в июле 1945 г. во Францию, Джамал Бей некоторое время жил в Париже по адресу 6 impasse de la Défense (18-й округ). Ему было 51 лет. Албогачиев обратился во французскую полицию с просьбой о получении новых документов. Ему было выдано удостоверение личности, действительное три года – с 1947 г. по 1950 г. Джамал вновь начал выступать с кавказскими танцами в парижском кабаре-шашлычной «Казбек» (по адресу 47 rue de La Rochefoucault, 9-й округ), владельцем которого был грузин Патаро-Вано. Еще в 1930-е годы в Париже у Патаро был ресторан «Бор» по адресу 72 rue Fondary (15-й округ) [Бабич и др. 2020].

Марокко: 1948–1949 гг.

17 сентября 1948 г. Джамал Албогачиев уехал в Касабланку (Марокко), где поселился по адресу 2 rue Antibes. В те годы многие русские и кавказские эмигранты, проживавшие во Франции в 1920–30-е годы, постепенно переехали жить и работать в Марокко. Эта страна в то время была частью Франции (до 1956 г.). Переезд в государства, принадлежавшие Франции, во многом был связан с желанием получить французское гражданство. Работа в Марокко и др. французских местах облегчала этот процесс. Выдающийся представитель российской эмиграции первой волны князь Дмитрий Георгиевич Амилахвари жил с семьей в Марокко с 1931 по 1940 гг. [Сухов 2014: 89]. В Конго многие годы врачом работал лезгин Азиз-Гирей Далгат, что позволило ему в 1939 г. получить французское гражданство [Бабич и др. 2020]. После Второй мировой войны в Марокко была большая русская колония [Антошин, Сухов 2017: 61–76].

Как нам представляется, переезд Д. Албогачиева в Марокко не был случайностью. После Второй мировой войны жизнь в Париже была трудной, работы было мало. В Марокко было легче найти работу. Кроме того, трехлетнее пребывание Албогачиева в Германии не могло не сказаться на отношении к нему французских властей. Переезд в Марокко помогал ему ослабить негативное отношение к нему со стороны Франции. К тому же у Марокко не было дипломатических отношений с СССР, поэтому сотрудничество Албогачиева с немцами в течение трех лет в Германии никак не могло повлиять на его жизнь в Марокко. Однако через год – 2 сентября 1949 г. Джамал скоропостижно скончался в Касабланке и был похоронен на местном кладбище в возрасте 55 лет [РМ. 1949. № 171: 4].

Потомки Джамала Албогачиева

Известно, что дочь Джамал Бея – Кармен Албогачиева получила в Германии образование. В 1940–1944 гг. она работала секретарем в МИД Германии. После окончания Второй мировой войны Кармен в возрасте 25 лет вышла замуж за китайского студента Газая Нгана. Их брак был зарегистрирован 29 мая 1945 г. 20 апреля 1946 г. в семье родилась дочь Тамара.

Нам известно, что Кармен в августе 1951 г. проживала в немецком городе Дармштадте по адресу Barkhausstraße 49 и пыталась вместе с семьей эмигрировать в Бразилию. Ее дальнейшая судьба нам неизвестна [АА. 3.2.1.1 CM/1Akten aus Deutschland/79525824/ITS¹].

Заключение

Изучение жизни Джамала Албогачиева, его общественно-политических взглядов и деятельности показало, что его судьба во многом оказалась драматической. Получив прекрасное европейское образование и знание европейских языков, попав в Европу, он не смог реализовать свой интеллектуальный потенциал, не смог сделать карьеру, которая бы позволила ему устроить свою жизнь в эмиграции благополучно. Многим русским и горцам с Северного Кавказа это удалось сделать. Ему же приходилось зарабатывать себе на жизнь танцами и под конец своей жизни уехать в Марокко, чтобы как-то устроиться в послевоенное время. Свою семью он не сохранил, его дочь и внучка жили в Германии, и мы не знаем, сумел ли он увидеть внуку. В общественно-политической жизни он придерживался взглядов создания независимого государства на Северном Кавказе. Однако он не стал активным членом наиболее известных и крупных эмигрантских движений горцев Северного Кавказа. Несмотря на то, что он был частью политической северокавказской элиты, чаще всего его использовали на вторых или третьих ролях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Авторханов 1983 – Авторханов А.Г. Мемуары. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1983. – 763 с.

Антошин, Сухов 2017 – Антошин А.В., Сухов Н.В. Русские эмигранты в Марокко после Второй мировой войны // Восточный архив. – 2017. – № 2 (36). – С. 61–76.

Бабич, Страйхорн 2020 – Бабич И.Л., Страйхорн К. Двадцатый век в судьбах северокавказской интеллигенции: И.М. Шаков и его потомки // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 4. – С. 137–158. – DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-137-158>

Бабич 2021 – Бабич И.Л. Михаил Николаевич Абациев: некоторые аспекты общественно-политической деятельности в эмиграции // Вестник СОГУ. – 2021. – № 1. – С. 12–19. – DOI: <https://doi.org/10.29025/1994-7720-2021-1-12-19>

Бабич и др. 2020 – Бабич И.Л., Гладкова Т.Л., Мнухин Л.А. Северокавказцы в эмиграции в XX веке. Материалы к биографическому словарю. – Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 297 с.

Вачагаев 2015 – Вачагаев М. Горская эмиграция в Европе. 27.06.2015 // Это Кавказ: сайт. URL: etokavkaz.ru/kavkaz-v-bolshom-mire/gorskaya-emigratsiya-v-evrope (дата обращения: 08.05.2021).

ИР – *Иллюстрированная Россия* [Отдел рекламы]. – 1927. – № 12, 20; – 1929. – № 51; – 1930. – № 7, 20.

Мамулия 2011 – Мамулия Г. Грузинский легион Вермахта. – М.: Вече, 2011. – 416 с.

РМ – *Русская мысль* [Некролог]. – 1949. – № 171.

¹ Нган, Кармен. Резюме. 02.08.1951.

Сухов 2014 – Сухов Н.В. История гуманитарных связей и межкультурного взаимодействия Марокко и России в XX – начале XXI вв.: дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2014. – 214 с.

Шнелле 2020 – Шнелле Й. «Интриги в самом разгаре»: пять писем кавказских политэмигрантов Г. Баммата, А. Кантемира и Х. Хасмамедова из берлинской «Адлониады» весной – летом 1942 г. // Исторический вестник. – 2020. – № 34. – С. 218–247.

Dallin 1957 – Dallin A. German Rule in Russia, 1941–1945. A Study of Occupation Policies. – London: Macmillan and Company; New York: St. Martin's Press, 1957. – 695 p.

Hoffmann 1991 – Hoffmann J. Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion. – Freiburg: Rombach, 1991. – 534 p.

Mühlen 1971 – Mühlen P. von zur. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg. – Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. – 394 p.

Wovon... 1923 – Wovon man spricht. Mondäne Weltstadtchronik // Die Unterhaltung. Beilage zu. № 18 der Berliner Nachrichten. – 1923. – P. 20–30.

АА – Архивы Арользена. – Arolsen Archives. Германия. Бад-Арользен.

ААМТ – Архив Али Мардана Бека Топчибаши (Топчибашева) // Библиотека Центра по изучению современной России, Кавказа и Центральной Европы. – École des Hautes Études en Sciences Sociales (Высшая школа социальных наук). (CERCEC, EHES). Франция. Париж.

АМИДФ – Архив Министерства иностранных дел Франции. Франция. Париж.

БЗА – Берлинский Звуковой Архив. – Lautarchiv der Humboldt-Universität zu Berlin. Германия. Берлин.

ГАБ – Государственный архив Берлина. – Bundesarchiv. Германия. Берлин.

REFERENCES

ANTOSHIN A.V., SUKHOV N.V. *Russkie emigranty v Marokko posle Vtoroi mirovoi voiny* [Russian emigrants in Morocco after World War II]. IN: *Vostochnyi arkhiv*. – 2017. – No. 2 (36). – P. 61–76. (In Russian)

AVTORKHANOV A.G. *Memuary* [Memoirs]. – Frankfurt-na-Maine: Posev, 1983. – 763 p. (In Russian)

BABICH I.L. *Mikhail Nikolaevich Abatsiev: nekotorye aspekty obshchestvenno-politicheskoi deyatel'nosti v emigratsii* [Mikhail Nikolaevich Abatsiev: some aspects of social and political activity in emigration]. IN: *Vestnik SOGU*. – 2021. – No. 1. – P. 12–19. – DOI: <https://doi.org/10.29025/1994-7720-2021-1-12-19> (In Russian)

BABICH I.L., GLADKOVA T.L., MNUKHIN L.A. *Severokavkaztsy v emigratsii v XX veke. Materialy k biograficheskomu slovaryu* [North Caucasians in emigration in the twentieth century]. – Moskva-Berlin: Direkt-Media, 2020. – 297 p. (In Russian)

BABICH I.L., STRAIKHORN K. *Dvadsyati vek v sud'bakh severokavkazskoi intelligentsii: I.M. Shakov i ego potomki* [Twentieth Century in the Destinies of the North Caucasus Intelligentsia: I.M. Shakov and his Descendants]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2020. – No. 4. – P. 137–158. – DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-137-158> (In Russian)

DALLIN A. German Rule in Russia, 1941–1945. A Study of Occupation Policies. – London: Macmillan and Company; New York: St. Martin's Press, 1957. – 695 p. (In English)

HOFFMANN J. Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion. – Freiburg: Rombach, 1991. – 534 p. (In German)

Illyustrirovannaya Rossiya (Otdel reklamy) [Illustrated Russia (Advertising department)]. – 1927. – No. 12, 20; – 1929. – No. 51; – 1930. – No. 7, 20. (In Russian)

MAMULIA G. *Gruzinskii legion Vermakhta* [Georgian Legion of the Wehrmacht]. – M.: Veche, 2011. – 416 p. (In Russian)

MÜHLEN P. VON ZUR. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg. – Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. – 394 p. (In German)

Russkaya mysl' (Nekrolog) [Russian Thought (Obituary)]. – 1949. – No. 171. (In Russian)

SCHNELLE J. «Intrigi v samom razgare»: pyat' pisem kavkazskikh politemigrantov G. Bammata, A. Kantemira i Kh. Khasmamedova iz berlinskoi «Adloniady» vesnoi – letom 1942 g. ["Intrigues at the Health": five letters of Caucasian political emigrants G. Bammata, A. Kantemir and H. Khasmamedov from the Berlin "Adloniada" in the spring and summer of 1942]. IN: *Istoricheskii vestnik*. – 2020. – No. 34. – P. 218–247. (In Russian)

SUKHOV N.V. *Istoriya gumanitarnykh svyazei i mezhkul'turnogo vzaimodeistviya Marokko i Rossii v XX – nachale XXI vv.: diss. ... kand. ist. nauk* [The history of humanitarian ties and intercultural interaction between Morocco and Russia in the 20th – early 21 centuries: dissertation ... of the candidate of historical sciences]. – M., 2014. – 214 p. (In Russian)

VACHAGAEV M. *Gorskaya emigratsiya v Evrope*. 27.06.2015 [Mountain emigration in Europe]. IN: *Eto Kavkaz*: website. URL: etokavkaz.ru/kavkaz-v-bolshom-mire/gorskaya-emigratsiya-v-evrope (access date: 08.05.2021). (In Russian)

Wovon man spricht. Mondäne Weltstadtchronik. IN: Die Unterhaltung. Beilage zu. № 18 der Berliner Nachrichten. – 1923. – P. 20–30. (In German)

AA – *Arkhivy Arol'zena* [Arolsen Archives]. Germany. Bad-Arolsen. (In German)

AAMT – *Arkhiv Ali Mardana Beka Topchibashi (Topchibasheva)* [Archive by Ali Mardan Bek Topchibashi (Topchibashev)]. IN: *Biblioteka Tsentra po izucheniyu sovremennoi Rossii, Kavkaza i Tsentral'noi Evropy. Parizh (Frantsiya)* [Library of the Center for the Study of Modern Russia, the Caucasus and Central Europe. Paris, France]. – École des Hautes Études en Sciences Sociales. (CERCEC, EHESS). *Dokumenty soderzhatsya v obshchikh korobkakh pod numeratsiei, listy ne pronomerovany* [Documents are contained in common boxes under numbering, sheets are not numbered]. France. Paris. (In French; In Russian)

AMIDF – *Arkhiv Ministerstva inostrannykh del Frantsii* [Archive of the French Ministry of Foreign Affairs]. France. Paris. (In French)

BZA – *Berlinskii Zvukovoi Arkhiv* [Lautarchiv der Humboldt-Universität zu Berlin]. Germany. Berlin. (In German)

GAB – *Gosudarstvennyi arkhiv Berlina* [Bundesarchiv]. Germany. Berlin. (In German)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история**

УДК 94(476)«1941/1944»

DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-171-184

**ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ ВОСТОЧНЫХ ЛЕГИОНОВ ВЕРМАХТА В
РЯДАХ ПАРТИЗАН ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ: ПЕРЕХОДЫ,
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА (1941–1944 гг.)¹****И.В. ЧЕРНЯВСКИЙ**

*Белорусский государственный университет
220 037, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Менделеева, д. 36
E-mail: cherny-95@mail.ru*

Аннотация. В годы войны против Советского Союза в 1941–1945 гг. руководство Германии обратилось к идее создания и использования в своих интересах формирований из кавказских и тюркских народов, проживавших на территории СССР. В историю они вошли под общим названием Восточные легионы. Подробности их организации и боевого применения на фронте нашли отражение в целом ряде работ исследователей. Чего нельзя сказать о связях Восточных легионов с советскими партизанами Западной Беларуси. Цель исследования – выявить случаи переходов из этих подразделений немецкой армии на противоборствующую сторону в данном регионе и определить их общую численность. В статье уделено внимание мотивации и вкладу в борьбу во вражеском тылу бывших военнослужащих Восточных легионов, а также рассматривается их судьба после соединения с частями Красной Армии. Научная новизна заключается в рассмотрении вопроса на территории отдельно взятого региона со своей спецификой.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; партизанское движение; Западная Беларусь; Восточные легионы; партизанские формирования; личный состав; легионеры; военнопленные.

**SOLDIERS OF THE EASTERN LEGIONS OF THE WEHRMACHT IN THE
RANKS OF THE PARTISANS OF WESTERN BELARUS: TRANSITIONS,
ACTIVITIES, FURTHER DESTINES (1941–1944)****I.V. CHARNIAUSKI**

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения проекта БРФФИ Г20Р-197 «Участие горцев Северного Кавказа в партизанском движении на территории Беларуси».

Belarusian State University
220037, Republic of Belarus, Minsk, Mendeleev st., 36
E-mail: cherny-95@mail.ru

Abstract. During the war against the Soviet Union in 1941–1945, the German leadership turned to the idea of creating and using formations from the Caucasian and Turkic peoples living on the territory of the USSR to their advantage. They went down in history under the general name of the Eastern Legions. Details of their organization and combat use at the front are reflected in a number of works by researchers. The same cannot be said about the ties of the Eastern Legions with the Soviet partisans of Western Belarus. The purpose of the study is to identify cases of transitions from these units of the German army to the opposing side in this region and determine their total number. The article focuses on the motivation and contribution to the fight in the enemy rear of the former soldiers of the Eastern Legions, and also examines their fate after joining the Red Army units. The scientific novelty lies in considering the issue on the territory of a particular region with its own specifics.

Keywords: Great Patriotic War; partisan movement; Western Belarus; Eastern legions; partisan formations; personnel; legionnaires; prisoners of war.

Идеи об использовании в своих целях народов, проживавших на территории Советского Союза (в первую очередь нерусских), присутствовали среди руководства Германии ещё до войны. Внимательно анализируя историю национальных движений в ряде регионов, а также взаимоотношения там с большевистской властью в период после распада Российской империи, в Третьем рейхе стало ясно, что работая в этом направлении, можно извлечь определённую пользу. Достаточно перспективными в этом отношении виделись кавказские и тюркские народы. Касательно них были планы по созданию ряда национальных государств под властью Германии, которые проводили бы подконтрольную ей политику. После начала боевых действий в 1941 г. вермахт столкнулся с большим количеством пленных из Красной Армии. Учитывая значительные потери в собственных рядах и необходимость их быстрого пополнения, постепенно начался процесс привлечения бывших бойцов и командиров РККА к различным вспомогательным работам. Однако в скором времени решено было создавать подразделения для использования непосредственно на фронте [Кринко 2017: 109].

Официальный приказ о начале формирования Восточных легионов появился в конце декабря 1941 г. Важно отметить, что это было общее название для такого рода подразделений. В действительности они представляли собой отдельные батальоны, выполнявшие задачи на разных участках фронта и в тыловых районах. Помимо основного состава Восточные легионы включали учебные подразделения по подготовке командного и рядового состава, образуя тем самым целую систему. По этой причине было решено разместить их на значительном удалении от линии фронта: в Польше. Общее руководство находилось сначала в г. Рембертув (ныне район в составе г. Варшава), а позже переехало в г. Радом (ныне Мазовецкое воеводство). Зимой 1942 г. были созданы Туркестанский, Кавказско-магометанский, Грузинский и Армянский легионы. Так как на поиск и отбор необходимого количества личного состава

определённых национальностей требовалось время, изначально состав подразделений был смешанным. К примеру, в Кавказско-магометанском легионе вместе были азербайджанцы, дагестанцы, ингуши, чеченцы, а в Грузинском – грузины, осетины, карачаевцы, балкарцы, кабардинцы, черкесы, абхазы, адыгейцы [Романько 2014: 27].

Следует отметить, что в отечественной и зарубежной историографии имеется ряд публикаций, посвящённых некоторым аспектам данной темы. Они были проанализированы при подготовке к написанию статьи. Из наиболее важных в рамках данного исследования можно выделить работы Е.Ф. Кринко, О.В. Романько, Н.Т. Напсо, Г. Мамулиа. Что касается основных источников, то ими являются материалы непосредственно партизанских формирований западных областей БССР, в которых воевали бывшие военнослужащие Восточных легионов. После освобождения территории Беларуси и процесса расформирования отрядов и бригад, основная их часть оказалась в Центральном партийном архиве КПБ. В независимой Республике Беларусь с середины 1990-х гг. и до настоящего времени они хранятся в фондах Национального архива (НА РБ).

Основная часть личного состава Восточных легионов была представлена советскими военнопленными, которых отбирали в лагерях. Кроме них в меньших количествах встречались перебежчики из рядов РККА и в некоторых случаях (к примеру, в отношении Грузии) лица, связанные с эмигрантскими кругами периода Гражданской войны. Если говорить о мотивации легионеров, то помимо идей о борьбе против большевизма и создании национальных государственных объединений, которые разделяла меньшая часть личного состава (в основном люди старшего возраста, помнившие досоветский период), определяющую роль играла незавидная перспектива просто умереть в ужасных лагерных условиях. Многие бойцы и командиры соглашались вступить в Восточные легионы, планируя в будущем при удобной возможности перейти на советскую сторону. Эти настроения усиливались с течением времени в виду наметившегося перелома в войне и переходе инициативы на фронтах к советской стороне.

С улучшением работы по поиску и отбору подходящих кандидатов значительно увеличилось количество личного состава необходимых национальностей. Это вызвало реорганизацию Восточных легионов. Летом 1942 г. из Кавказско-магометанского (после этого был переименован в Азербайджанский) и Грузинского легионов были забраны представители Северного Кавказа, на основе которых был сформирован Северокавказский легион. Кроме него образовали также Волжско-татарский легион. Отобранные бойцы попадали в тренировочные лагеря. Там они проходили начальную подготовку: физическую и строевую, а также учили команды и армейские правила на немецком языке. Это было нужно в будущем для действий в составе вермахта. Такие тренировочные базы имелись в каждом легионе и были рассредоточены в Восточной Польше. Ближе всего к Беларуси (в 50 км от г. Брест) находился лагерь для грузин: в г. Бяла-Подляска (ныне в Люблинском воеводстве Польши) [Напсо 2010].

После подготовительного курса личный состав отправлялся непосредственно в расположения соответствующих батальонов. Там бойцы осваивали вопросы тактики и обращение с оружием. Численность батальона в составе Восточных легионов была около 1 000. Из них до 60 чел. составляли немцы. Батальон делился на пять рот: три стрелковых, одна пулемётная и одна штабная. Осенью 1942 г. началась отправка батальонов Восточных легионов на советско-германский фронт. Части, потрепанные в боях, выводились обратно в тыл, где отдыхали и получали пополнение, а новые подразделения отправлялись на войну. Меньшая часть батальонов была задействована в тыловых районах [Мамулия 2007: 20].

Сразу следует отметить, что все обнаруженные случаи переходов из Восточных легионов к советским партизанам Западной Беларуси относятся к 1943 г. На это есть две основные причины. Во-первых, к 1943 г. был хорошо отработан механизм отбора, тренировки и распределения личного состава по подразделениям. Это повлекло за собой максимальное число сформированных батальонов именно в этот период. Во-вторых, из-за неблагонадёжности и участвовавших переходов на советскую сторону осенью 1943 г. начался перевод Восточных легионов на Западный фронт. Завершился он в достаточно короткие сроки уже к концу года.

Один из первых случаев появления части из состава Восточных легионов в Западной Беларуси связан с 835-м северокавказским батальоном. Он прибыл весной 1943 г. из Польши в г. Брест. В его задачу входила охрана железнодорожных магистралей и опорных пунктов в окрестностях города. По этой причине роты 835-го северокавказского батальона были рассредоточены по отдельности в различных местах. Весной 1943 г. на одной из улиц Бреста произошла судьбоносная встреча, определившая дальнейшую жизнь многих легионеров. Двое осетин из состава батальона случайно познакомилась со своим земляком: Батырбеком Созыркоевичем Дзабиевым¹, который был подпольщиком. На повторной встрече у него дома стало известно о настроениях части легионеров перейти на сторону партизан: они вступили в ряды противника, чтобы сохранить свою жизнь и при возможности вновь повернуть оружие против него [Гребёнкина 2005: 112–113].

Между появлением информации о существовании осетин в городе и переходом к партизанам первой группы в мае 1943 г. прошло немного времени. Это говорит в пользу того, что определённая работа с личным составом велась внутри 835-го северокавказского батальона ещё до прибытия в Брест и знакомства с местными подпольщиками. Об этом есть упоминания в ряде публикаций зарубежных авторов. В них указывается на существование в рядах этого подразделения тайной организации, которая ставила своей целью переход

¹ Дзабиев Батырбек Созыркоевич (1910 г.р.), осетин, уроженец с. Карджин (ныне в Кировском р-не Республики Северная Осетия-Алания, Россия). Член ВКП (б). Перед войной после окончания железнодорожного института приехал в г. Брест. Работал в должности заместителя начальника 6-ой дистанции пути. После начала боевых действий с лета 1941 г. состоял в подпольной группе на станции Брест-Полесский, где продолжал легально работать при немцах.

легионеров на советскую сторону [Карданов 2018: 3]. Её организаторами были два кадровых офицера РККА: лейтенант Рамазан Дзабоевич Козырев¹ и младший лейтенант Альбин Харитонович Кануков². Их военные судьбы были отчасти похожими. Фронт, окружение, плен. Важно отметить, что за организацию ночного удара по противнику лейтенант Р. Д. Козырев был награждён орденом Красной Звезды [ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 460. Л. 141–142], а мл. лейтенант А. Х. Кануков за отвагу в боях и урон, нанесённый противнику, был представлен к званию Герой Советского Союза, однако по итогу представление понизили до ордена Красного Знамени [ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 520. Л. 23–24]. Такие отличия за бои 1941 – начала 1942 гг., когда ситуация на советско-германском фронте была тяжёлой, говорят о храбрости и хороших командирских качествах обоих офицеров.

Познакомились Р.Д. Козырев и А.Х. Кануков в офицерской части лагеря военнопленных в г. Владимир-Волынский. Сошлись на мысли, что надо пытаться вырваться на свободу. Спустя некоторое время в лагере начался набор в Восточные легионы. Р.Д. Козырев понял, что это шанс, и уговорил товарища вступить туда добровольцами. Интересно, что при приёме в Северокавказский легион немцы отметили его качества и сделали пометку в документах о возможности использования на должности командира роты. По прибытии в Польшу в м. Весола (ныне район в составе г. Варшава) осетин, среди которых были Р.Д. Козырев и А.Х. Кануков, определили в штабную роту 835-го батальона. С этого времени они начали изучать сослуживцев и их настроения Звезды [ЦАМО РФ. Картотека военнопленных офицеров. Ящик 122. Карточка на лейтенанта Р.Д. Козырева].

Подпольщик Б.С. Дзэбиев, с которым установили контакт легионеры из подразделения Р.Д. Козырева, имел тесную связь с партизанским отрядом им. Чернака. Он действовал в окрестностях г. Брест. Именно в него решено было переправить северокавказцев. Единственным условием было иметь при себе оружие. По причине того, что замысел о переходе к партизанам был раскрыт, легионерам пришлось в спешном порядке осуществлять задуманное. Из-за этого уйти удалось далеко не всем. В опубликованных работах называются три близкие цифры об общей численности группы под руководством

¹ **Козырев Рамазан Дзабоевич** (1920 г.р.), осетин, уроженец с. Заманкул (ныне в Правобережном р-не Республики Северная Осетия-Алания, Россия). В РККА с 1940 г. Член ВКП (б). В 1941 г. окончил Орджоникидзевское пехотное училище. Начало войны встретил в должности помощника начальника штаба 353 горнострелкового полка 47 горнострелковой дивизии в Закавказье. С осени 1941 г. воевал на Юго-Западном фронте на территории Украины. В мае 1942 г. в составе своей части попал в окружение под г. Харьков, из которого выйти не сумел и попал в плен.

² **Кануков Альбин Харитонович** (1912 г.р.), осетин, уроженец с. Кобань (ныне в Пригородном р-не Республики Северная Осетия-Алания, Россия). В РККА с 1939 г. Член ВКП (б). Участник советско-финской войны в 1940 г. В должности помощника командира батареи 188 кавалерийского полка 66 кавалерийской дивизии с осени 1941 г. воевал на Южном фронте. Весной 1942 г. 66 кд, в которой он служил, была пущена на создание новой: 62 кавалерийской. В её составе он воевал на прежней должности в 185 кавалерийском полку. В мае 1942 г. оказался в окружении под г. Харьков, где попал в плен.

Р.Д. Козырева, перешедшей на сторону партизан и вступивших в отряд им. Чернака в мае 1943 г. Это соответственно 36, 38 и 40 человек без указания конкретных персоналий. Однако ни одна из них не подтверждается при обращении к документам периода войны. На данный момент поимённо установлены 25 легионеров-осетин, перешедших к партизанам Брестской обл. 23.05.1943 г. Из них 10 офицеров: лейтенанты А.Б. Будаев, Т.С. Газаев, П.Г. Камболов, Р.Д. Козырев, М.И. Колиев; техник-интендант 2-го ранга М.Б. Козырев; мл. лейтенанты К.Д. Варзиев, А.Х. Кануков, С. Н. Цагараев и политрук С.Д. Агаев. Кроме того, старшина Д. С. Койбаев и рядовые: Т.Х. Агузаров, Т.К. Бигаев, А.Б. Будаев, А.Г. Бурзиев, Т.А. Гаджиев, В.Г. Гамахаров, К.Б. Караев, А.М. Перисаев, К.И. Рубаев, Н.Б. Татаров, М.М. Таутиев, М.Б. Темирканов, Г.С. Цопанов, К.Б. Улубиев. Такая нестыковка в цифрах вызвана, судя по всему, двумя основными причинами. Во-первых, в годы войны партизаны зачастую переводились из одного отряда в другой, иногда даже по несколько раз. Во-вторых, массовых переходов представителей Северного Кавказа в окрестностях Бреста установлено несколько. А были ещё и одиночные. Поэтому цифра в 40 осетин скорее является общей их численностью во всех боевых единицах бригады им. Сталина Брестского соединения.

Важно отметить, что после перехода легионеров в мае 1943 г. к партизанам в 835-м батальоне остались несколько человек, которые согласились по предложению Б.С. Дзабиева вести подпольную работу. Они доставали оружие и боеприпасы, а также подготавливали ещё одну группу к уходу в лес. Однако в скором времени подпольщики были раскрыты и казнены. Имена большинства из них до сих пор остаются неизвестными [Гребёнкина 2005: 113–114].

После перехода осетин на сторону партизан командование отряда им. Чернака решило проверить их на деле. 25.05.1943 г. бывших легионеров отправили на операцию по нападению на полицейский гарнизон в д. Озяты (ныне в Жабинковском р-не Брестской обл.). Для подстраховки к осетинам, которых возглавил Р.Д. Козырев, добавили более опытных партизан. Переодевшись во вражескую форму и общаясь на родном языке, имитируя немецкий, бойцам удалось войти в расположение гарнизона и застать его врасплох. После этой успешной операции и ряда других, последовавших за ней, бывшие легионеры постепенно обрели доверие среди партизан отряда им. Чернака [Арзуманян 1974: 199–200].

Командование не могло не заметить кадровый потенциал среди перешедших людей. Одних офицеров было 10 человек. Все имели боевой опыт. И подходящая возможность не заставила себя ждать. В связи со значительным приливом новых бойцов в июле 1943 г. на базе отрядов им. Чернака и им. Ворошилова была создана бригада им. Сталина. В её состав вошли ещё две новые боевые единицы. Так, отряд им. Чернака выделил часть личного состава на формирование отряда им. Фрунзе, а отряд им. Ворошилова – для отряда им. Жукова. В ходе реорганизации некоторые из осетин были назначены на командные должности разного уровня. Среди оставшихся в рядах отряда

им. Чернака (около 15 чел.), дальше всех продвинулся Р.Д. Козырев. С июля 1943 г. он стал комиссаром, а с августа – командиром отряда. С момента перехода из Северокавказского легиона прошло всего 3 месяца, что говорит о заслуженном своими действиями доверии к бывшему легионеру [НА РБ. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 377. Л. 9–10].

Также в отряде им. Чернака Т.С. Газаев и М.И. Колиев стали командирами отделений, а С.Д. Агаев – политруком роты. М.Б. Кануков убыл в штаб бригады им. Сталина, где возглавил делопроизводство. Ещё около 10 чел. осетин перешли в отряд им. Фрунзе. Его комиссаром с июля 1943 г. стал А.Х. Кануков. Кроме того, А.Б. Будаев возглавил отделение, а Д.С. Койбаев был назначен помощником командира взвода. Назначения в большинстве своём оказали положительное влияние. В первую очередь на боевую работу, а также на укреплении дисциплины среди партизан в соответствии с нормами РККА. В течение лета-осени 1943 г. бывшие легионеры несколько раз упоминались в благодарственных приказах по своим отрядам. К примеру, Р.Д. Козырев был отмечен за хорошую организацию операции по уничтожению немецкого гарнизона, а А.Х. Кануков – за поставленную воспитательную работу среди личного состава [НА РБ. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 377. Л. 13]. Со стороны бывших северокавказских легионеров иногда случались и проступки. Примером может служить ситуация, когда 08.10.1943 г. политрук 2 роты отряда им. Чернака С.Д. Агаев без ведома командования снял людей из засады, в результате чего подразделение немцев смогло спокойно пройти по намеченному маршруту. За это ему был объявлен выговор с предупреждением [НА РБ. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 377. Л. 8].

Интересные моменты о горцах Северного Кавказа сохранились в памяти местных жителей. Они отмечали, что с представителями иной религиозной конфессии: мусульманами (таковыми являлись, к примеру, чеченцы) отношения были зачастую натянутыми. Это объяснялось в первую очередь различиями в отношении быта, обрядов, взаимодействия между людьми и т.д. С православными (те же осетины) понимания было больше. С ними можно было и обмен произвести, и выпить. На войне ничто человеческое не чуждо: горные (такое прозвище получили они среди местных жителей) могли и за местными девушками приударить¹. Такое житейское, казалось бы, дело, однажды привело к серьёзным последствиям. Был случай, когда разведчики (среди них был осетин К.И. Рубаев) увлечшись прекрасным полом, передали важное сообщение о грядущей немецкой облаве с опозданием на два дня. В результате отряд им. Чернака вовремя не успел среагировать, что привело к грабежу местного населения и захвату людей в ряде деревень [НА РБ. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 401. Л. 18].

В январе 1944 г. А.Х. Кануков был назначен командиром отряда им. Фрунзе. Таким образом, сразу 2 из 4 отрядов бригады им. Сталина возглавлялись бывшими легионерами [НА РБ. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 401. Л. 5].

¹ Осетины // VB.BY – сайт газеты «Вечерний Брест». URL: <https://vb.by/society/history/osetiny.html> (дата обращения: 12.03.2021).

В марте 1944 г. в ходе Полесской наступательной операции отдельные подразделения РККА с территории Украины вплотную подошли к южным районам Западной Беларуси. В результате налаживания контактов несколько партизанских бригад (в том числе и им. Сталина) Брестской обл. вошли в оперативное подчинение командования 70 армии и в дальнейшем вели боевые действия совместно с регулярными частями. К апрелю 1944 г. основные силы отрядов им. Чернака и им. Фрунзе отошли вместе с Красной Армией на Украину. В этот период Р.Д. Козырев стал исполнять обязанности начальника штаба бригады им. Сталина. Часть партизан рядового и сержантского состава были переданы в запасные полки, а группу офицеров, среди которых были осетины, отправили в отдел кадров фронта. В дальнейшем многие из них попали в действующие части. Там наиболее отличились: ст. лейтенант Рамазан Дзабоевич Козырев, воюя в должности помощника начальника штаба 310 стрелкового полка 8 стрелковой дивизии на 4 Украинском фронте, получил орден Красного Знамени (в 1945 г.); лейтенант Пётр Габусоевич Камбулов, командуя взводом 650 стрелкового полка 138 стрелковой дивизии на 4 Украинском фронте, был дважды награждён орденами Красной Звезды (в 1944 и 1945 гг.); красноармеец Татаров Николай Борисович, будучи наводчиком миномёта 1293 стрелкового полка 160 стрелковой дивизии на 1 Белорусском фронте, удостоился медали «За боевые заслуги» (в 1944 г.) [ЦАМО РФ. Ф. 8518. Оп. 68687. Д. 21. Л. 1].

Из оставшихся от отрядов им. Чернака и им. Фрунзе на оккупированной территории в окрестностях Бреста подрывных и разведывательных групп был создан отряд под командованием бывшего legionера Мухарбека Иосифовича Колиева¹ численностью около 100 человек. Он проводил боевые операции самостоятельно вплоть до конца мая. После возвращения из-за линии фронта отряда им. Чернака был присоединён к нему. При расформировании бригады им. Сталина летом 1944 г. основная часть бывших legionеров оказалась в рядах РККА на фронте, а некоторые (в основном представители командного состава) – на партийной и хозяйственной работе в различных советских учреждениях в тылу. Половина была представлена за партизанские действия к наградам [Памяць... 1998: 207–208].

Осенью 1943 г. произошёл ещё один переход из рядов 835-го северокавказского батальона на сторону партизан. В этот раз из подразделения, охранявшего станцию Тевли (ныне в Кобринском р-не Брестской обл.) на железной дороге Барановичи – Брест. Всего 26.09.1943 г. ушло 8 чел. (6 осетин и 2 абхазца). Из них 3 офицера: лейтенанты Р.Г. Басиев и Д.Г. Хубаев, военфельдшер Ч.М. Пухов. Кроме того, ст. сержант С.Д. Дзидзария и рядовые Т.Н. Гогичаев, Г.Д. Дзебисов, Ф.А. Каргаев, А.С. Тиркба. Все бывшие legionеры влились в ряды отряда им. Калинина бригады им. Дзержинского,

¹ **Колиев Мухарбек Иосифович** (1921 г.р.), осетин, уроженец с. Хумалаг (ныне в Правобережном р-не Республики Северная Осетия-Алания, Россия). В РККА с 1940 г. Член ВЛКСМ. В годы войны – лейтенант, командовал ротой в 655 стрелковом полку 404 стрелковой дивизии. В конце 1941 г. в составе частей Кавказского фронта высадился в Крыму. В 1942 г. в ходе боёв на Крымском фронте попал в плен.

действовавшей в основном на территории Берёзовского, Кобринского р-нов Брестской обл. и Телеханского р-на Пинской обл. Активно участвовали в боевых операциях, чем заслужили доверие среди партизан. Уже спустя месяц после перехода в октябре 1943 г. Р.Г. Басиев получил под командование отделение, а в марте 1944 г. – взвод. Такой же путь в командной иерархии отряда им. Калинина прошёл Д.Г. Хубаев. Третий офицер из состава бывших легионеров Ч.М. Пухов с июня 1944 г. руководил отделением. По итогам партизанской деятельности все 8 чел., перешедших из 835-го северокавказского батальона осенью 1943 г., были представлены к правительственным наградам. После соединения с частями РККА в июле 1944 г. их определили в запасной стрелковый полк для дальнейшего направления на службу [НА РБ. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 140. Л. 32–33].

Ещё одна группа легионеров северокавказского батальона ушла осенью 1943 г. из железнодорожной охраны в Кобринском р-не и влилась в партизанский отряд им. Суворова бригады им. Молотова, действовавший на территории Пинской обл. Она состояла из 4 осетин (лейтенант Д.А. Калагов; сержанты Б.И. Карданов и С.А. Мисиков; курсант Х.Х. Сакаев) и 1 лакца (лейтенант М.Г. Ахмедханов). Из них со временем на командную должность был назначен Б.И. Карданов: возглавил отделение. Весной 1944 г. после соединения с частями РККА бывшие легионеры оказались в армии и были отправлены на фронт [НА РБ. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 166. Л. 10–13].

Помимо представителей Северного Кавказа весной-летом 1943 г. к партизанам Западной Беларуси в одиночном порядке прибыли несколько человек из подразделений Туркестанского легиона. Наиболее интересна судьба бывшего капитана РККА киргиза С.А. Сарыбаева, который с мая 1943 г. находился в рядах отряда им. Ворошилова бригады им. Сталина. С лета он воевал в должности политрука роты, а в сентябре был назначен помощником командира отряда. Спустя месяц в октябре 1943 г. С.А. Сарыбаев возглавил специальную группу из 65 чел. по охоте за немцами. Это подразделение было достаточно маневренным и занималось в основном организацией засад на живую силу противника. Следует отметить, что партизаны группы С.А. Сарыбаева совершали вылазки на другую сторону реки Буг на польскую территорию (в среднем на 50–70 км в её глубину). За одну из таких операций весной 1944 г. весь личный состав подразделения получил благодарность. Приход Красной Армии летом 1944 г. капитан С.А. Сарыбаев встретил в должности начальника штаба отряда им. Жукова бригады им. Сталина. Убыл в запасную часть. За партизанские действия был награждён орденом Красной Звезды [НА РБ. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 179. Л. 37].

Наиболее значимый по числу участников и дальнейшему влиянию на борьбу во вражеском тылу переход из Восточных легионов связан с грузинами. В середине августа 1943 г. с территории Волыни к партизанам, действовавшим в Жабинковском р-не, прибыли три бывших офицера РККА: грузин

ст. лейтенант Константин Ясонович Гогешашвили¹, азербайджанец лейтенант Мирза Ахметович Алиев. Третьим был горский еврей ст. лейтенант Мугдаши Яхъевич Хизгилев², выдавший себя в плену за азербайджанца М.Я. Абдулалиева и ставший командиром роты в Азербайджанском легионе. Даже по прибытию в партизаны он придерживался своей легенды. Судьба свела эту троицу в тюрьме г. Демблин (ныне в Люблинском воеводстве, Польша), куда они попали соответственно из Грузинского и Азербайджанского легионов. После побега влились в состав партизанской группы в Польше. Там с ними установили связь местные антифашисты. Они посоветовали во время одной из немецких облав перейти за Буг [Хизгилев 1994: 134–135].

Как уже отмечалось ранее, тренировочный лагерь Грузинского легиона размещался в г. Бяла-Подляска недалеко от Бреста. Чуть южнее на территории Домачевского и Жабинковского р-нов действовали отряды им. Ворошилова и им. Жукова, входившие на тот момент в бригаду им. Сталина. К ним и прибыли из-за Буга три офицера, от которых брестские партизаны узнали о настроениях в лагере в Бяла-Подляске и задумке польских антифашистов по подготовке оттуда побега. Часть отобранных для Восточных легионов солдат была к этому склонна. Пришедших направили назад, снабдив агитационными материалами и обещаниями принять людей в отряды бригады им. Сталина. Также были даны указания относительно маршрута к партизанам. В результате более 200 чел., захватив вооружение и уничтожив часть охраны, ушло из лагеря в Бяло-Подляске в польские леса. Часть бывших легионеров осталась воевать за Бугом, а некоторые решили идти к брестским партизанам. Важно подчеркнуть, что уже после этих событий связь с польскими антифашистами сохранялась. К примеру, от них направлялись необходимые специалисты. Так в отряд им. Жукова прибыл В.З. Саникидзе, возглавивший медицинскую службу [НА РБ. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 186. Л. 15].

Бывшие легионеры прибывали из-за Буга на протяжении осени 1943 г. к брестским партизанам отдельными группами, чтобы не привлекать внимание противника. Основную их часть составляли грузины. К ним нередко присоединялись люди, бежавшие из других подразделений Восточных легионов и лагерей военнопленных. По этой причине личный состав имел, зачастую, смешанный вид. Наиболее крупная группа, состоявшая из 48 грузин, прибыла из-за Буга 25.10.1943 г. [НА РБ. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 179. Л. 17].

Всего же из числа бывших легионеров в отряд им. Ворошилова во второй половине 1943 г. вступило 42 человека (28 грузин, 8 осетин, 4 армянина, 2 азербайджанца). Из них 14 было бывшими офицерами РККА: 6 грузин

¹ Гогешашвили Константин Ясонович (1915 г.р.), грузин, уроженец с. Карданахи (ныне в Гурджаанском муниципалитете края Кахетия, Грузия). По образованию педагог. В РККА с 1937 г. Член ВКП (б). В годы войны – ст. лейтенант на фронте. В июле 1942 г. попал в плен.

² Хизгилев Мугдаши Яхъевич (1912 г.р.), горский еврей, уроженец г. Дербент (ныне в Республике Дагестан, Россия). Работал редактором газеты «Красная Звезда» в родном городе. В РККА с 1940 г. Кандидат в члены ВКП (б). Участвовал в советско-финской войне. С 1941 г. воевал в 106 моторизованной (позже стрелковой) дивизии. В октябре 1941 г. под г. Вязьма попал в плен.

(капитан М.В. Гурашвили; ст. лейтенант К.И. Гогешашвили; лейтенант Д.Е. Поликашвили; мл. лейтенант Т.А. Кунчулия; военврач 2 ранга С.И. Петошвили; политрук Ш.И. Кобиашвили); 4 осетина (лейтенанты М.К. Зангиев и К.Б. Тотоев; мл. лейтенанты Д.Н. Казаев и В.И. Какоев); 2 армянина (лейтенанты М.А. Маркосян и В.Л. Оганесян); 2 азербайджанца (лейтенант М.А. Алиев; техник-интендант 2 ранга Б. А. Наджафов). В отряд им. Жукова прибыло 79 бывших легионеров (57 грузин, 8 армян, 7 осетин, 3 татарина, 1 казах, 1 узбек, 1 азербайджанец и 1 аджарец). Из них 10 человек было бывшими офицерами РККА: 7 грузин (лейтенант И.И. Чхиквадзе; техник-интендант 2 ранга Л.Р. Гамцемлидзе; мл. лейтенанты К.Т. Ромишвили, Г.П. Саджая, М.М. Шелия; военврач 2 ранга В.З. Саникидзе; военврач 3 ранга Л.Д. Соселия; ст. военфельдшер Г.Г. Дигмилишвили); 1 армянин (мл. лейтенант А.К. Аракилян); 1 горский еврей (ст. лейтенант М.Я. Хизгилов). До осени 1943 г. личный состав этих партизанских формирований пополнялся в основном за счёт местной молодёжи, не служившей в армии. Кроме того, в организационном плане они входили в состав бригады им. Сталина, штаб которой находился более чем в 100 км от районов действий отрядов. По этим причинам связь и управление осуществлялись со значительными трудностями, а боеспособность была низкой. Это отмечали сами партизаны в своих документах. С приходом групп из-за Буга подразделения численно увеличились и окрепли в боевом отношении за счёт военных и их знаний. В апреле 1944 г. отряды им. Ворошилова и им. Жукова были выделены в отдельную бригаду им. Ленина, командиром которой был назначен В.В. Котков, прибывший в партизаны из казачьего полка вермахта [НА РБ. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 175. Л. 122].

Первые назначения бывших легионеров на командные должности произошли в сентябре 1943 г. Тогда в отряде им. Ворошилова М.А. Маркосян был назначен командиром взвода, а К.И. Гогешашвили стал политруком, а вскоре и командиром роты [НА РБ. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 179. Л. 13].

С увеличением числа бойцов постепенно создавались новые подразделения, которым нужны были командиры. Поэтому использование кадрового потенциала бывших легионеров было активным. К началу нового 1944 г. в отряде им. Ворошилова ряд руководящих должностей заняли грузины. Так, во главе отделений стали Д.Л. Гурули, Т.А. Кунчулия, Н.Г. Нозадзе; взводов – Ш.С. Бабунашвили, М.В. Гурашвили, Г.С. Джибути, Ш.И. Кобиашвили, Т.Ф. Тагвадзе. Чуть позже грузин М.В. Гурашвили и армянин М.А. Маркосян возглавили роты. В отряде им. Жукова бывшие легионеры стали командирами ещё большего количества подразделений. Из грузин командирами отделений были назначены Е.С. Алпаидзе, И.Б. Благодзе, И.С. Имедашвили, В.Л. Кодуа, З.З. Кумартешвили, К.Н. Липартия, В.Е. Метровели; взводов – А.Г. Гучуа, Г.П. Саджая, И.И. Чхиквадзе. Л.Р. Гамцемлидзе стал политруком роты. Медицинская служба также была сформирована в основном за счёт бывших легионеров. Врачами в отряде были В.З. Саникидзе и Л.Д. Соселия, а Г.Г. Дигмилишвили – фельдшером одной из рот. Командирами отделений являлись татары С. Гайфутдинов и Х.Х. Деникаев; осетины Д.П. Гоглаев и В.Г. Пухачев; аджарец Р.К. Джапаридзе.

Армяне А.К. Аракилян и К.А. Марданьян возглавили роты. Горский еврей М.Я. Хизгилов стал заместителем командира отряда. Наибольшего продвижения по командной иерархии из бывших грузинских легионеров достиг М.В. Гурашвили. Он был переведён в отряд им. Фрунзе бригады им. Сталина, который и возглавил в середине июля 1944 г. М.В. Гурашвили руководил последними боями с противником, а также расформированием этого подразделения [НА РБ. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 398. Л. 5].

Говоря о потерях среди бывших легионеров за период их нахождения в партизанах, то они были относительно не велики. По всем подразделениям, где эти люди воевали, насчитывается до 10 эпизодов. Часть партизан погибла в боях. К примеру, грузины рядовой З.А. Заркошвили (в декабре 1943 г.) и командир взвода Г.П. Саджая (в марте 1944 г.). Происходили несчастные случаи. Так, в феврале 1944 г. рядовой И.И. Варсимашвили погиб от невнимательного обращения с оружием, а в июне того же года командир подрывной группы К.В. Патарая и боец Р.А. Метешвили из-за неосторожности были разорваны на части собственной же миной во время выхода на диверсию. Важно отметить, что ряд представлений партизан к правительственным наградам (в том числе и на убитых) был отклонён вышестоящими инстанциями по причине легионерского прошлого. Так, азербайджанец М.А. Алиев лично участвовал в подрыве 4 эшелонов и, будучи командиром расчёта станкового пулемёта, отличился в бою с противником, где и погиб. Представлялся к ордену Красной Звезды, однако на наградном листе было начертано, что боевого подвига нет, а сам человек служил немцам¹.

Таким образом, установлено, что в 1943 г. имели место несколько случаев массовых и целый ряд одиночных переходов из подразделений Восточных легионов к советским партизанам Западной Беларуси. Произошли они на территории Брестской и Пинской областей. Объяснялось это близостью к местам тренировки и формирования батальонов Восточных легионов, а также непосредственным их применением в этих регионах. Общая численность перешедших на сторону партизан оценивается примерно в 200 человек. Основную их часть составляли грузины и горцы Северного Кавказа. Подавляющее большинство было бывшими военнослужащими Красной Армии, из которых около 15–20% – офицеры. Основной причиной переходов было нежелание части личного состава Восточных легионов воевать на стороне немцев и их союзников, а также необходимость реабилитации собственного имени за попадание во вражеский плен (особенно для командного состава, среди которого был высок процент коммунистов). Поэтому инициатива в большинстве случаев исходила изнутри подразделений, поддержанная местными антифашистами и партизанами.

После прихода в партизанские формирования Западной Беларуси бывшие легионеры на деле показали свою боеспособность и желание бороться с противником в его тылу. Заслуженное доверие и наличие большого числа

¹ Наградной лист на М.А. Алиева // PARTIZANY.BY – Подвиги и судьбы партизан в документах: сайт. URL: <https://partizany.by/partisans/96948/> (дата обращения: 15.03.2021).

военных (в том числе кадровых), имевших боевой опыт, позволили со временем занять этим людям целый ряд командных должностей разного уровня. Они значительно усилили ряды партизан и положительно повлияли на борьбу с врагом в регионе. Говоря про дисциплину и моральные качества, следует отметить, что среди бывших легионеров имелись отдельные случаи проступков, однако примеров дезертирства и воинских преступлений не обнаружено. К моменту прихода Красной Армии многие бойцы и командиры были представлены к наградам. Отдельно стоит упомянуть про бригады им. Сталина и им. Ленина Брестского соединения, в которых бывшие легионеры занимали значительную часть командных должностей: начиная от отделений и непосредственно до руководства целыми отрядами. Это в своём роде очень интересный пример для Западной Беларуси. Потери за период партизанки по отношению к общему числу перешедших людей были невелики.

После соединения с частями Красной Армии основная часть бывших легионеров попала на фронт. Гораздо меньше (в основном представители командного состава) было оставлено в советском тылу на партийно-хозяйственной работе. По изученным документам следует, что бывшим легионерам в целом на тот момент удалось избежать внимания со стороны органов по вопросам их нахождения на немецкой службе. Во-первых, по причине передачи личного состава из партизанских формирований в условиях советского наступления. Зачастую это происходило быстро и без должного оформления. Во-вторых, бывшие легионеры в целом хорошо себя зарекомендовали и имели расположение к себе со стороны партизанского руководства. Кроме того, некоторые из них сами стали командирами. Таким образом, эти люди своими поступками доказали, что они не предатели, и внесли посильную лепту в разгром врага.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Арзуманян 1974 – *Арзуманян С.Х.* Земля пылала. – Минск: «Беларусь», 1974. – 256 с.
- Гребёнкина 2005 – *Гребёнкина А.А.* Брест непокорённый. Антифашистское подполье г. Бреста и Брестского района в годы Великой Отечественной войны (1941–1944): ист. очерк. – Минск: БелЭН, 2005. – 328 с.
- Карданов 2018 – *Карданов Т.* Осетинский язык как оружие в борьбе // Стыр Ныхас. – 2018. – № 20. – С. 3.
- Кринко 2017 – *Кринко Е.Ф.* Грузинские части вермахта и германских спецслужб в годы Великой Отечественной войны // История и историки в контексте времени. – 2010. – № 7. – С. 109.
- Мамулиа 2007 – *Мамулиа Г.* Грузинский легион в борьбе за свободу и независимость Грузии в годы Второй мировой войны. – Тбилиси: Цодна, – 2007. – 411 с.
- Напсо 2010 – *Напсо Н.Т.* Северокавказские воинские формирования в германских вооружённых силах (1941–1945 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2010. – Вып. 4. – С. 103–110.
- Памяць... 1998 – *Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Брэсцкага раёна.* – Минск: БЕЛТА, 1998. – 574 с.

Романько 2014 – *Романько О.В.* Восточные легионы в силовых структурах нацистской Германии (1941–1945): организация, личный состав и численность // Мусульманский мир. – 2014. – № 4. – С. 24–56.

Хизгилов 1994 – *Хизгилов М.Я.* Чёрный капитан: легионер, партизан, патриот: воспоминания. – Нальчик: Изд. Центр «Эль-Фа», 1994. – 189 с.

НА РБ – *Національний архів Республіки Беларусь.*

ЦАМО РФ – *Центральный архив Министерства Обороны Российской Федерации.*

REFERENCES

ARZUMANYAN S.K. *Zemlya pylala* [The Earth was on fire]. – Minsk: «Belarus», 1974. – 256 p. (In Russian)

GREBONKINA A.A. *Brest nepokoronnyy. Antifashistskoye podpol'ye g. Bresta i Brestskogo rayona v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1944): ist. ocherk* [Brest is not buried. Antifascist underground in the city of Brest and the Brest region during the Great Patriotic War (1941–1944): hist. sketch]. – Minsk: BelEN, 2005. – 328 p. (In Russian)

KARDANOV T. *Osetinskiy yazyk kak oruzhiye v bor'be* [Ossetian language as a weapon in the fight]. IN: *Styr Nykhas*. – 2018. – No. 20. – P. 3. (In Russian)

KHIZGILOV M.Y. *Chornyy kapitan: legioner, partizan, patriot: vospominaniya* [Black captain: legionnaire, partisan, patriot: memoirs]. – Nalchik: Ed. Center «El-Fa», 1994. – 189 p. (In Russian)

KRINKO Y.F. *Gruzinskiye chasti vermakhta i germanskikh spetssluzhb v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Georgian units of the wehrmacht and german special services during the Great Patriotic War]. IN: *Istoriya i istoriki v kontekste vremeni* [History and historians in the context of time]. – 2010. – No. 7. – P. 109. (In Russian)

MAMULIA G. *Gruzinskiy legion v bor'be za svobodu i nezavisimost' Gruzii v gody Vtoroy mirovoy voyny* [Georgian Legion in the struggle for freedom and independence of Georgia during the Second World War]. – Tbilisi. – 2007. – 411 p. (In Russian)

NAPSO N.T. *Severokavkazskiy voinskiy formirovaniya v germanskikh vooruzhonnykh silakh (1941–1945 gg.)* [Caucasian military formations in the german armed forces (1941–1945)]. IN: *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Regionovedeniye : filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies]. – 2010. – No. 4. – P. 103–110. (In Russian)

Pamiac: Hist.-dakum. chronika Bresckaha rajona [Memory: Hist.-Doc. Chronicle of the Brest district]. – Minsk: BELTA, 1998. – 574 p. (In Belarusian)

ROMANKO O.V. *Vostochnyye legiony v silovykh strukturakh natsistskoy Germanii (1941–1945): organizatsiya, lichnyy sostav i chislennost'* [Eastern legions in the power structures of Nazi Germany (1941–1945): organization, personnel and strength]. IN: *Musul'manskiy mir* [Muslim World]. – 2014. – No. 4. – P. 24–56. (In Russian)

NA RB – *Nacyjnalny archiŭ Respubliki Bielaruś* [National Archives of the Republic of Belarus]. (In Belarusian)

TSAMO – *Tsentral'nyy arkhiv Ministerstva Oborony Rossiyskoy Federatsii* [Central archive of the Ministry of Defense of Russian Federation]. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история**

УДК 94(470.64)

DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-185-204

**ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАБАРДИНСКИХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА****А.В. КУШХАБИЕВ**

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
‘Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук’»
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: anzor-vk@mail.ru*

Аннотация. В статье показано, что земельный вопрос был приоритетным в деятельности кабардинских общественных объединений в начале ХХІ в. Кабардинские общественные объединения выступили с протестами против решений Парламента КБР в 2005–2009 гг. о ликвидации межселенных территорий и их распределения между некоторыми сельскими поселениями. Лидеры Кабардинского национального движения заявили о диспропорции при распределении «межселенных территорий» по этническому признаку – отводу свыше 90% межселенных территорий селениям с преобладающим балкарским населением, и обратились к руководству РФ и КБР с просьбами об отмене всех законов о границах муниципальных образований, принятых в КБР в 2005–2009 гг. и последующем принятии закона «Об отгонном животноводстве», с выделением горных пастбищ в отдельную категорию земель, равно принадлежащих горным и равнинным селам, независимо от национальности проживающих там людей. В условиях обострившейся общественно-политической ситуации Парламент КБР приостановил рассмотрение законопроекта об изменении границ муниципальных образований в республике (ноябрь 2009), а также принял закон (июнь 2011), согласно которому, отгонные пастбища отнесены к категории республиканской собственности и не подлежат приватизации. Но, несмотря на принятые Парламентом КБР нормативные акты, распределенные «межселенные территории» остались в пользовании некоторых сельских поселений.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария; земельный вопрос; кабардинские общественные объединения; балкарские общественные объединения; межселенные территории; межнациональные отношения.

**LAND QUESTION IN THE ACTIVITIES OF KABARDIAN PUBLIC
ASSOCIATIONS IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY****A.V. KUSHKHABIEV**

*FSBSE «Federal Scientific Center
‘Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’»
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: anzor-vk@mail.ru*

Abstract. The article shows that the land question was a priority in the activities of Kabardian public associations at the beginning of the XXI century. Kabardian public associations protested against the decisions of the Parliament of the KBR in 2005–2009 on the liquidation of inter-settlement territories and their distribution among some rural settlements. The leaders of the Kabardian national movement announced a disproportion in the distribution of «inter-settlement territories» along ethnic lines – the allocation of more than 90% of inter-settlement territories to villages with a predominantly Balkarian population, and appealed to the leadership of the Russian Federation and the KBR with requests to repeal of all laws on the boundaries of municipalities adopted in the KBR in 2005–2009 and the subsequent adoption of the law «On distant pastures», with the allocation of mountain pastures in a separate category of land, equally belonging to mountainous and lowland villages, regardless of the nationality of the people living there. In the context of the aggravated socio-political situation, the Parliament of the KBR suspended consideration of a draft law on changing the boundaries of municipalities in the republic (November 2009), and also adopted a law (June 2011), according to which distant pastures are classified as republican property and are not subject to privatization. But, despite the normative acts adopted by the Parliament of the KBR, the distributed «inter-settlement territories» remained in the use of some rural settlements.

Keywords: Kabardino-Balkaria; land question; Kabardian public associations; Balkarian public associations; inter-settlement territories; interethnic relations.

Введение

Земельные отношения, выходящие за рамки вопросов владения, распоряжения и пользования земельными ресурсами, и приобретающие политизированные формы территориального вопроса, связанного с межэтническими отношениями, находятся в эпицентре общественной жизни Кабардино-Балкарии на протяжении длительного времени. Это обусловлено объективными, исторически сложившимися обстоятельствами: общей ограниченностью земельных ресурсов; локализацией кабардинского населения в предгорно-плоскостной, а балкарского – в горной зоне; неравномерностью распределения сельскохозяйственных угодий между этими зонами; ростом населения и развитием способов хозяйствования. На эти обстоятельства накладывается своего рода субъективный фактор: меняющиеся приоритеты государственной политики и осуществляемые время от времени земельные и административные преобразования, которые ведут к слою устоявшегося порядка в поземельных отношениях и административно-территориальной организации этносоциального пространства региона.

Отсюда – периодические «обострения» земельного вопроса. Так было в 1860-х гг., когда для осуществления земельной реформы потребовалось формальное разграничение территорий Кабарды и Балкарии. После революции 1917 г. аграрная политика советской власти, основанная на принципах социализации земли и уравнительного землепользования вылилась в

масштабное перераспределение земельных ресурсов и соответствующую перекройку административно-территориальных границ в регионе. По оценкам историков это привело только за 1918–1921 гг. к сокращению земельных угодий Кабарды на 30% [Улигов 1979: 292]. Крушение советской общественно-государственной системы в начале 1990-х гг. вновь резко актуализировало проблематику земельно-территориальных отношений и поставило их в центр этнополитических коллизий. Но и в условиях стабилизации общественно-политической ситуации и укрепления российской государственности в 2000-е гг. проявили себя факторы обострения земельного вопроса в Кабардино-Балкарии.

Факторы обострения земельных отношений в Кабардино-Балкарии в конце XX – начале XXI в. и их конфликтогенный потенциал рассмотрены в ряде работ историков и политологов: Ж.А. Калмыкова [Калмыков 2010], К. Казенина [Казенин 2009], А.И. Тетуева [Тетуев 2015], М.Б. Шоровой [Шорова 2012], А.Н. Таковой [Такова 2009], А.Р. Атласкирова [Атласкиров 2019] и др.

В то же время в данных работах на наш взгляд недостаточно учитывается историческая новизна современного бытования земельного вопроса. Если в имперский и советский период государственные органы в поисках решений в этой сфере по своему усмотрению привлекали к участию в них официальных представителей местных элит (традиционных в 1860–1870-х или новых советских в 1920-х гг.), то в 1990-е и 2000-е гг. инициативную и активную роль в постановке и решении земельного вопроса зачастую играли самостоятельные общественные объединения.

Целью настоящей работы является анализ позиций и деятельности кабардинских общественных объединений в сфере обсуждений и решений по земельно-территориальному вопросу в Кабардино-Балкарской Республике в начале XXI в.

Актуализация земельного вопроса и общественно-политическая ситуация в Кабардино-Балкарии в начале 2000-х гг.

В 1991–1996 гг. территориальные споры между Кабардинским и Балкарским национальными движениями были связаны с проблемой определения границы между провозглашенными республиками – Республикой Балкария и Кабардинской Республикой. Органами государственной власти республики совместно с балкарскими общественными организациями также проводилась работа по решению проблем территориальной реабилитации репрессированного балкарского народа. Требования активистов балкарского национального движения заключались в восстановлении административных районов республики по состоянию на январь 1944 г.

В начале XXI в. в Кабардино-Балкарии начался новый виток актуализации земельного вопроса. Он вызван определенными решениями в области землепользования и административно-территориального устройства республики. В 2002 г. было принято Постановление Правительства КБР (от 03.08.2002. № 335) «О предоставлении земель государственным унитарным

предприятиям «Аурсентх» и «Хаймаша» в зоне отгонного животноводства – т. е. о передаче пастбища государственного земельного запаса Эльбрусского района в бессрочное пользование нескольким государственным унитарным предприятиям. Аналогичное решение было принято и по Зольскому району. Активисты балкарских общественных организаций восприняли эти постановления как посягательство на национальные интересы. Дополнительным фактором обострения данной проблемы послужило и намерение республиканских властей придать поселку Эльбрус статус города республиканского подчинения и возможная приватизация туристических комплексов в Приэльбрусье, что лишило бы руководство Эльбрусского района каких-либо рычагов воздействия на курортно-туристическую зону. Еще более широкий резонанс вызвало принятие Парламентом КБР Закона Кабардино-Балкарской Республики от 27.02.2005 № 12-РЗ «Об административно-территориальном устройстве Кабардино-Балкарской Республики» и Закона Кабардино-Балкарской Республики от 27.02.2005 № 13-РЗ «О статусе и границах муниципальных образований в Кабардино-Балкарской Республике», которые причислили значительное число пастбищ к категории межселенных территорий, не принадлежащих сельским муниципальным образованиям. Кроме того, четыре населенных пункта вблизи Нальчика – Адиюх, Белая Речка, Кенже и Хасанья – вводились в состав Нальчикского городского округа, вследствие чего лишались статуса самостоятельных муниципальных образований [Закон... 2005a; Закон... 2005b].

В ответ на принятие указанных законов развернулось массовое движение за ликвидацию межселенных территорий путем их включения в границы сельских муниципальных образований (поселений), в котором участвовали активисты Балкарского национального движения, население и главы балкарских сельских поселений [Межэтнические.. 2014: 18–19].

Балкарское национальное движение расценивало принятие закона «О статусе и границах муниципальных образований в КБР» как посягательство на целостность «балкарской этнической территории». Закон они квалифицировали как антиконституционный и противоречащий законодательству Российской Федерации. В конце марта 2005 г. главы двадцати балкарских селений и лидеры ряда балкарских общественных объединений подписали Обращение к руководству КБР с требованиями: отменить закон «О статусе и границах муниципальных образований в КБР»; в частности, отменить решение о присоединении сел Хасанья и Белая Речка к г. Нальчику и ликвидации их местного самоуправления; восстановить в соответствии с законом «О реабилитации репрессированных народов» (от 26.04.1996 г. (статьи 3 и 6) Чегемский и Хуламо-Безенгиевский районы, ликвидированные в результате политической репрессии в ранее существовавших границах» и др. [Шорова 2012: 105]. Был сделан запрос в Конституционный Суд РФ о правомерности выделения в КБР межселенных территорий. В своих определениях Ж71-О-П от 03.04.2007 г. и № 715-О-П от 02.10.2007 г. Конституционный суд признал соответствующие положения республиканских законов противоречащими федеральному законодательству [Определение... 2007].

15 июня 2007 г. в Верховный суд КБР был направлен иск Совета старейшин балкарского народа (далее – ССБН) о невыполнении органами власти Кабардино-Балкарии решения Конституционного суда, а также закона РФ «О реабилитации репрессированных народов». 14 июля 2007 г. был проведен несанкционированный митинг балкарской оппозиции, выдвинувший ряд требований, среди которых: 2. Реализовать право жителей сельских поселений на обладание земельными паями на безвозмездной основе; 3. Восстановить территориальные права муниципальных образований – сел, у которых отторгнуты «межселенные территории»; 4. Восстановить муниципальные органы власти сел, присоединенных к городским округам вопреки Конституции, Федеральному закону и определению Конституционного суда России; 5. Согласовать пределы пограничной зоны на территориях населенных пунктов в строгом соответствии со ст. 16 ФЗ «О государственной границе» [Казенин 2009: 94].

11 октября 2008 г. состоялся съезд ССБН, в резолюции которого воспроизводились требования балкарских съездов начала 1990-х гг.: восстановить принципы образования Кабардино-Балкарии на условиях Постановления ВЦИК РСФСР от 16.01.1922 г.; завершить до 01.02.2009 г. восстановление районов по состоянию на 8 марта 1944 г. и др. В случае невыполнения этих требований съезд предоставлял старейшинам балкарского народа полномочия обратиться к федеральным властям «...с просьбой о признании конституционного права балкарского народа на полное самоопределение в составе РФ в качестве его прямого субъекта»¹.

Представители Балкарского национального движения провели с 26 по 29 октября 2009 г. в Москве серию пикетов, которыми они хотели привлечь внимание федеральных органов власти и общественности на неисполнение властями республики Закона «О реабилитации репрессированных народов» и Закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». В качестве нерешенных вопросов они называли восстановление Хуламо-Безенгиевского района, возвращение статуса балкарским поселкам Хасанья и Белая Речка, а также полную передачу селениям земель, отнесенных к межселенным территориям [Шорова 2012: 108].

27 ноября 2010 г. в г. Нальчике прошел Съезд балкарского народа. В резолюции съезда содержится поручение, возложенное на ССБН, – совместно с другими организациями и объединениями, отстаивающими интересы балкарского народа, сконцентрировать все силы и возможности для достижения реального самоопределения балкарского народа в составе Российской Федерации².

¹ Гусейнов О. Съезд ССБН не исключил самоопределения балкарцев в составе РФ // Газета Юга. – 16.10.2008. – № 42 (763).

² Оразаева Л. Участники съезда балкарского народа заявили, что земельный вопрос в КБР не решается. 29.11.2010 [Электронный ресурс] // Электронно-периодическое издание «Кавказский узел»: сайт. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/177773/> (дата обращения: 19.09.2021).

Позиции и деятельность кабардинского национального движения в сфере земельного вопроса

Таким образом, изменения, инициированные властными структурами КБР в системе муниципальных образований, вызвали массовое движение за ликвидацию межселенных территорий путем их включения в границы сельских поселений, в котором участвовали активисты Балкарского национального движения, население и главы балкарских сельских поселений.

Все это придавало национальный «уклон», вопросам распределения земельных ресурсов и административно-территориального устройства республики, который не мог не вызвать ответной реакции Кабардинского национального движения. Начиная с 2005 г., в течение нескольких лет в КБР были учреждены кабардинские молодежные общественные объединения, которые восстановили Кабардинское национальное движение и развернули деятельность в русле общечеркесского движения. В 2005 г. в Нальчике было учреждено отделение международного общественного движения «Черкесский конгресс» (КБРОД «Черкесский конгресс», с 2011 г. ОД «Черкесский союз»). В 2005 г. в Нальчике была учреждена молодежная кабардинская ОО «Всемирное адыгское братство» (2005–2009) [Кушхабиев 2021: 117]. В апреле 2009 г. в г. Нальчике был создан Координационный совет адыгских общественных объединений КБР (далее – КСАОО), в который вошли общественные объединения: «Адыгэ хасэ», «Кабардинский конгресс», общественный комитет «За мир и межнациональное согласие в КБР», «Черкесский конгресс», «Союз абхазских добровольцев», «Союз ветеранов Афганистана», «Союз фермеров и арендаторов», «Пэрыт». Одним из приоритетных в деятельности кабардинских общественных объединений в рассматриваемое время стал земельный вопрос.

Власти республики предпринимали попытки сформировать как бы промежуточный «интернациональный» полюс общественной активности, способный уравновесить этно-национальные движения и обратить вспять тенденцию нарастания межнациональной напряженности.

С целью стабилизации общественно-политической ситуации и межнациональных отношений в республике, в апреле 2007 г. по инициативе Президента КБР А.Б. Каноква и ряда общественных организаций, в г. Нальчике было создано движение «Единая Кабардино-Балкария», в которое вошли «Адыгэ Хасэ», «Алан», 18 национально-культурных центров, Фонд культуры и Союз кинематографистов. Целью движения провозглашались консолидация всех сил и противостояние любой агрессии, политической в том числе, чтобы в Кабардино-Балкарии процветали мир, стабильность, единство. К движению не присоединился ССБН, продемонстрировав свою позицию [Раннаи 2007].

По инициативе Общественно-консультативного центра при Президенте КБР, 1 ноября 2008 г. в г. Нальчике состоялся Гражданский форум, посвященный проблемам межнациональных отношений в республике. В форуме приняли участие политические партии, общественные объединения, национально-культурные центры и творческие союзы. В проекте резолюции

форума сказано о том, что структуры гражданского общества должны солидарно противостоять явлениям, когда требования, методы, действия и акции тех или иных структур вызывают социальную напряженность, наносят ущерб межнациональному согласию и идут в разрез с требованиями закона. В данном документе также зафиксировано, что способом решения любых возникающих проблем, которые имеют этнический аспект, в Кабардино-Балкарии должен быть открытый и сдержанный диалог, направленный на поиск конкретных форм и механизмов решения этих проблем¹.

Но практические решения органов государственной власти в земельно-территориальном вопросе не могли снять озабоченность кабардинских активистов и организаций тем, что воспринималось ими как одностороннее удовлетворение притязаний одной национальной группы и ущемление интересов другой. В условиях обострения общественно-политической ситуации Парламент КБР с августа 2005 по август 2006 г. внес 18 поправок в республиканский Закон № 13-РЗ, в результате которых земли сельских поселений были увеличены за счет межселенных территорий на 284,4 тыс. га. При этом земли поселений с преимущественно балкарским населением увеличились на 272,7 тыс. га, с преимущественно кабардинским населением – на 11,2 тыс. га, с преимущественно русским населением – на 0,5 тыс. га. Но межселенные территории не были ликвидированы полностью. Вслед за решением Конституционного Суда РФ о неправомерности выделения в КБР межселенных территорий последовал очередной виток рассмотрения поправок к Закону «О статусе и границах муниципальных образований» № 13-РЗ от 27.02.2005 г. [Калмыков 2010: 135].

Позиция адыгских общественных объединений строилась на основе нескольких положений. Во-первых, они указывали, что межселенные территории не создавались за счет «изъятия» земель у сельских поселений. Концептуальная основа Закона № 13-РЗ заключалась в том, что территории поселений были определены в пределах исторически сложившихся земель населенных пунктов и фактического порядка землепользования на дату принятия закона. Кроме того статус межселенных территорий получили земли общего пользования – отгонные пастбища, государственный земельный запас, государственный лесной фонд (635,4 тыс. га). Во-вторых, признавая, что предусмотренное этими законами придание значительной части земель статуса межселенных территорий находилось в противоречии с нормами ФЗ № 131, они указывали и на другие противоречия между республиканским и федеральным законодательством. В частности, статусом сельских поселений наделен 71 сельский населенный пункт, в которых не имеется нормативной для регионов типа КБР численности населения – 3 тыс. чел., в том числе в 21 поселении проживает менее чем по 1 тыс. чел. В нарушение ч. 3 ст. 85 Федерального Закона № 131-ФЗ границы муниципальных образований КБР, установлены без предварительного законодательного определения территорий

¹ Гражданский форум обсудил вопросы межнационального согласия // Советская молодежь. – 2008.05.11. – № 44 (7326) – С. 1.

и порядка использования земель отгонного животноводства. При этом значительная часть земель традиционного отгонного животноводства в Черекском, Чегемском, Баксанском и Зольском районах, находившаяся в пользовании одних поселений, в одностороннем порядке включена в состав территорий других. Таким образом, поправки, внесенные в 2005–2006 гг. в республиканские законы РЗ-12 и РЗ-13, не только не устранили нарушения норм соответствующего федерального законодательства, а наоборот, привели к возникновению новой проблемы – нарушению норм ФЗ № 131 в части справедливого закрепления ранее имевшихся территорий земель общего пользования за сельскими поселениями КБР [Калмыков 2010: 134, 136].

В итоге, поправки, принятые Парламентом КБР к вышеуказанным законам, вызвали протест Кабардинского национального движения, заявившего о значительной диспропорции при распределении «межселенных территорий» по этническому признаку, что привело не к стабилизации, а к еще большему обострению общественно-политической ситуации и межнациональных отношений в республике.

В декабре 2008 г. несколько кабардинских общественных объединений создали комитет «За мир и межнациональное согласие в КБР» и обратились к Президенту КБР А.Б. Канокву и Председателю Парламента КБР И.Б. Бечелову в связи с обострившейся ситуацией вокруг межселенных территорий. В обращении подчеркивается, что реализация на территории КБР федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» вызывает «осложнение общественно-политической ситуации и межнациональных отношений». В обращении, в частности, сказано: «... К сожалению, Совет старейшин балкарского народа под надуманным лозунгом борьбы за устранение межселенных территорий, целенаправленно осуществляет политику расширения границ балкарских населенных пунктов за счет ущемления прав и интересов кабардинского народа и всего населения республики»¹.

В обращении сказано, что депутаты Парламента допускают трудно поправимую политическую ошибку, последствия которой могут быть катастрофическими, так как около 200 тыс. га пастбищных угодий исторически находились в общем пользовании, как при царской России, так и при Советской власти: «Никто и никогда не покушался на такой статус-кво этих угодий. Богатейшие пастбища Зольского района были закреплены за населенными пунктами во всех районах республики. До сих пор никто не смел нарушать этот демократический принцип, консолидирующий народы КБР. Решение парламента о передаче огромных территорий пастбищных и сенокосных угодий нескольким малонаселенным пунктам в ущерб основной части населения республики вызывает недоумение и может стать поводом для серьезного социального и межнационального конфликта»². Представители кабардинских

¹ Гусейнов О. «Оставляем за собой право провести акции протеста» // Газета Юга. – 25.12.2008. – № 52 (773).

² Там же.

общественных объединений просили отложить назначенную на 18 декабря 2008 г. процедуру второго чтения по внесению изменений в республиканский закон, определяющий границы между поселениями в Эльбрусском и других районах республики, и провести широкий и гласный диалог для принятия взаимоприемлемого справедливого решения. В обращении также сказано: «В случае отклонения наших справедливых требований оставляем за собой право обратиться к кабардинскому и другим народам, проживающим в Кабардино-Балкарии, с призывом провести общенациональные акции протеста»¹.

Председатель ОД «Черкесский конгресс» Р. Кешев подчеркнул: «Сегодня межселенные территории ликвидируются, и балкарские населенные пункты резко расширяют свою территорию. Булунгу получило 54 тыс. га, а плотность населения там стала чуть больше одного человека на кв. км. Более 60% территории республики занимают горы и предгорья, а проживают там 40–50 тыс. человек. Кое-кто ведет дело к разъединению республики. Мы заявляем: если будет происходить раздел, то только по исторически установленным границам 1863 г., определенным с участием Российского государства»².

18 декабря 2008 г. в повестке дня заседания Парламента КБР значились пять вопросов, среди которых – принятие во втором чтении изменений в закон «О статусе и границах муниципальных образований», касающихся границ населенных пунктов Эльбрусского района. По предложению комитета по законодательству, обсуждение всех пяти законопроектов было отложено³.

Руководители семи кабардинских общественных объединений направили Президенту КБР А.Б. Канокву обращение (от 11.01.2009), в котором содержится просьба: приостановить процедуру принятия законов о дополнениях в РЗ-12 от 27.02.05 г. в части изменения границ муниципальных образований до рассмотрения их обращений в Государственную Думу РФ; создать согласительную комиссию для выработки компромиссных предложений; дать поручение подготовить правовую оценку обоснованности передачи высокогорных пастбищ Хаймаша из состава Баксанского района в Эльбрусский [Президенту... 2010а: 102]. Они также направили Обращение к депутатам Парламента Кабардино-Балкарской Республики (от 11.01.2009), с просьбой воздержаться от голосования по законопроектам в части закрепления за малочисленными населенными пунктами высокогорных отгонных пастбищ, находящихся в Эльбрусском, Черекском и Зольском районах [Обращение... 2010а].

Форум адыгских общественных объединений КБР, состоявшийся в Нальчике 4 апреля 2009 г., принял заявления и обращения к руководителям органов государственной власти РФ и КБР по территориальной проблеме и проблеме обострения межнациональных отношений в республике. В заявлении форума «по вопросам реализации в КБР Федерального закона «Об общих

¹ Гусейнов О. «Оставляем за собой право провести акции протеста» // Газета Юга. – 25.12.2008. – № 52 (773).

² Там же.

³ Гусейнов О. Вопрос о границах отложен // Газета Юга. – 25.12.2008. – № 52 (773).

принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации...» поставлен вопрос: почему в соответствии с Законом № 13-РЗ (27.02.2005 г.) и поправками, принятыми Парламентом КБР, «площади одной группы сельских поселений увеличились на 244 тыс. га, а другой – только на 11 тыс. га. При этом 238 тыс. га земель отведено 16 населенным пунктам, правомерность наделения которых статусом сельских поселений вызывает сомнения, поскольку в каждом из них проживает менее 3 тыс. чел.». Почему на долю одной группы сельских поселений, где проживает 40,5 тыс. чел. (4,5% всего населения КБР), приходится в итоге 334 тыс. га земли (26,8% всей территории КБР), а на долю другой группы сельских поселений с населением 267 тыс. чел. (30% всего населения КБР) – 350 тыс. га (27% территории КБР)?» В заявлении содержится несколько предложений Парламенту и Президенту КБР, сущность которых заключается в том, чтобы не допустить принятия каких-либо законодательных актов, затрагивающих вопросы границ и землепользования КБР без проведения согласительных процедур с участием заинтересованных сторон, отменить Закон КБР № 13-РЗ от 27.02.2005, разработать и принять новый и т. п. [Заявление... 2010: 85–87].

В связи с обращениями кабардинских ОО в мае 2009 г. была создана согласительная комиссия по законодательным инициативам по реализации Федерального закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». В состав комиссии (36 чел.) на паритетной основе вошли представители кабардинских, балкарских и русских общественных объединений (18 чел.), а также властных структур (18 чел.). ССБН отказался от участия в работе согласительной комиссии, настаивая на том, чтобы включить отгонные пастбища в границы сельских поселений, которые находятся в непосредственной близости от них, т. е. преимущественно в балкарские населенные пункты¹.

29 октября 2009 г. на последнем заседании согласительной комиссии его участникам предложили рекомендовать Парламенту КБР принять закон, устанавливающий порядок использования земель отгонного животноводства, подготовленный властными структурами и устанавливающий республиканскую собственность на эти земли. Членами согласительной комиссии было также предложено рекомендовать парламенту принять законы о границах Верхнего Чегема, Эльбруса, Верхнего Баксана, Безенги, Бабугента и Верхней Балкарии. Представители кабардинских ОО голосовали против этих проектов, но они были поддержаны представителями балкарских и русских ОО. Был отклонен также внесенный в согласительную комиссию кабардинскими общественными объединениями законопроект, который предполагал, что земли отгонного животноводства будут находиться в собственности муниципалитетов, то есть всех населенных пунктов республики, которые получали бы на горных

¹ Оразаева Л. Участники съезда балкарского народа заявили, что земельный вопрос в КБР не решается. 29.11.2010 [Электронный ресурс] // Электронно-периодическое издание «Кавказский узел»: сайт. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/177773/> (дата обращения: 19.09.2021).

пастбищах свои участки. Таким образом, согласительная комиссия двумя третями своего состава одобрила законопроекты, внесенные властными структурами. Сопредседатель согласительной комиссии от кабардинских ОО М.И. Докшоков в знак протеста написал заявление о выходе из ее состава¹.

31 октября от имени кабардинских ОО законопроект о распределении земель отгонного животноводства между всеми муниципальными образованиями республики был внесен непосредственно в Парламент КБР. Депутаты отклонили этот документ и приняли в первом чтении законопроект аграрного комитета, в соответствии с которым эти земли остаются в собственности КБР. Вместе с тем парламент рекомендовал аграрному комитету доработать закон с учетом предложений кабардинских ОО².

В тот же день Парламент КБР внес очередные изменения в закон «О статусе и границах муниципальных образований», определил новые границы сел Верхний Баксан, Эльбрус, Верхняя Балкария, Бабугент, Безенги и Верхний Чегем. Согласно принятым законопроектам, в Черекском и Эльбрусском районах были ликвидированы межселенные территории, а все земли (около 100 тыс. га) переданы девяти селам с преимущественным балкарским населением. Принятые поправки вызвали протесты со стороны Кабардинского национального движения³.

По данным КСАОО, протест Кабардинского национального движения был вызван значительной диспропорцией при распределении «межселенных территорий» по этническому признаку. В результате указанных поправок к Закону РЗ-13, в частности, между балкарскими селениями Нижний Чегем, Яникой и кабардинским селением Лечинкай находилось 24 тыс. га межселенной территории, которые были распределены следующим образом: 23,3 тыс. га отвели балкарским селам, и только 700 га кабардинскому селу. 14 тыс. га межселенной территории, находившейся между балкарским селом Бабугент и кабардинским селом Жемтала были полностью отведены селу Бабугент. В целом, после принятия вышеуказанных поправок, территории земель в границах сельских поселений с преимущественным балкарским населением составили 334,4 тыс. га (население 41,3 тыс. чел.), площадь на 1 чел. – 8,1 га, плотность населения – 12 чел. на 1 кв км; с преимущественным кабардинским населением – 333,2 тыс. га (население 253,7 тыс. чел.), площадь на 1 чел. – 1,3 га, плотность населения – 76 чел. на 1 кв км; с преимущественным русским населением – 125,3 тыс. га (население 47,4 тыс. чел.), площадь на 1 чел. – 2,6 га, плотность населения – 38 чел. на 1 кв км [Калмыков 2010: 138–139].

Уже 31 октября 2009 г. руководители ОО «Адыгэ Хасэ», «Всемирное адыгское братство» и «Черкесский конгресс» заявили о своем несогласии с решением парламента, указывая, что в состав балкарских населенных пунктов

¹ Гусейнов О. Может стать поводом для серьезного конфликта // Газета Юга. – 05.11.2009. – № 45 (818).

² Там же.

³ Там же.

вошли все межселенные территории, тогда как близлежащим кабардинским населенным пунктам не досталось ни одного квадратного метра земли. Кроме того, кабардинские селения оказались отсеченными от горных пастбищ, которыми традиционно пользовались раньше. Они назвали на согласительной комиссии происшедшее «сговором балкарских общественных организаций и представителей власти КБР»¹. В заявлении кабардинских ОО подчеркивается, что «31 октября в результате «продавливания» законопроектов о границах балкарских сел «адыгские села лишились исторически принадлежавших им горных пастбищ в Черекском, Чегемском и Эльбрусском районах»: «На 40 тыс. балкарского сельского населения теперь приходится 430 тыс. га земель – 34% территории республики». ОО «Адыгэ Хасэ», «Всемирное адыгское братство» и «Черкесский конгресс» потребовали отмены земельных законов, принятых с 2005 г., и полного пересмотра земельной реформы².

2 ноября КСАОО дал негативную оценку изменению закона относительно границ шести балкарских селений, отметив, что они разрушают сложившиеся веками исторические традиции землепользования и угрожают целостности республики, политической и межнациональной стабильности. По сложившейся ситуации КСАОО обратился к адыгскому народу, к президентам России и Кабардино-Балкарии. Жители сел Жемтала, Зарагидж, Аушигер (с преобладающим кабардинским населением) заявили о намерении обратиться в суд, считая, что эти законопроекты лишили их горных пастбищ, которыми они пользовались традиционно³.

17 ноября 2009 г. ОО «Адыгэ Хасэ» и «Черкесский конгресс» при участии представителей МЧА и других ОО, провели митинг протеста против диспропорции в распределении межселенных территорий по этническому признаку. В митинге приняли участие свыше 2 тыс. чел.⁴ В резолюции митинга выражен протест относительно того, что согласно поправкам в РЗ-14 «О статусе и границах муниципальных образований в Кабардино-Балкарской Республике», 24 балкарских сельских поселения с населением 40,5 тыс. человек увеличили свои площади с 92 тыс. га в начале 2005 г. до 430 тыс. гектаров к 2009 г., т. е. в 4,7 раза. В то же время территория 86 кабардинских сельских поселений с населением 270 тыс. человек выросла с 340 до 350 тыс. гектаров, т. е. на 10 тыс. га. После такого распределения в среднем на одного сельского жителя-балкарца приходилось 8,1 га, а на одного сельского жителя-кабардинца – 1,3 га земли [Резолюция... 2010: 115].

¹ Парламент Кабардино-Балкарии приостановил рассмотрение законопроекта об изменении границ муниципальных образований. 28.11.2009 [Электронный ресурс] // KBRLIFE.RU: События и жизнь в КБР: сайт. URL: <http://www.kbrlife.ru/politika/700-parlament-kabardino-balkarii-priostanovil.html> (дата обращения: 11.10.2021).

² Гусейнов О. Может стать поводом для серьезного конфликта // Газета Юга. – 05.11.2009. – № 45 (818).

³ Там же.

⁴ В Нальчике прошел митинг адыгской общественности. 17.11.2009 [Электронный ресурс] // KBRLIFE.RU: События и жизнь в КБР: сайт. URL: <http://www.kbrlife.ru/news/648-v-nalchike-proshjol-miting-adygskojj.html> (дата обращения: 11.10.2021).

В резолюции зафиксирован ряд требований, среди которых:

1. Приостановить дальнейшее изменение границ каких-либо поселений КБР до законодательного урегулирования всех спорных вопросов в сфере землепользования.
2. Снять с дальнейшего рассмотрения парламентский законопроект «О статусе земель отгонного животноводства в Кабардино-Балкарской Республике».
3. Рассмотреть и принять предложенный адыгскими общественными организациями закон «О статусе территорий и порядке использования земель в целях традиционных форм отгонного животноводства в Кабардино-Балкарской Республике».
4. В законодательном порядке признать утратившими силу Законы КБР «Об административно-территориальном устройстве Кабардино-Балкарской Республики» №12-РЗ от 27.02.2005 г. и «О статусе и границах муниципальных образований в Кабардино-Балкарской Республике» №13-РЗ от 27.02.2005 г. со всеми поправками.
5. Принять новые Законы «Об административно-территориальном устройстве Кабардино-Балкарской Республики» и «О статусе и границах муниципальных образований в Кабардино-Балкарской Республике» с учетом положений вышеуказанного Закона «О статусе территорий и порядке использования земель в целях традиционных форм отгонного животноводства в Кабардино-Балкарской Республике» [Резолюция... 2010: 116–117].

В резолюции митинга также содержатся требования: проведения служебного расследования и привлечения к ответственности конкретных должностных лиц Администрации Президента КБР и Парламента КБР, а также глав администраций Черекского и Чегемского районов, администраций ряда сельских поселений, повинных в многочисленных нарушениях ФЗ № 131 при принятии законодательных актов по перераспределению межселенных территорий без обсуждения местными депутатами и согласования с населением; отзыва депутатов ГД РФ от КБР М.Ч. Залиханова и А.Л. Шхагошева. В случае невыполнения всех пунктов, изложенных в резолюции, участниками митинга принято решение добиваться отставки Президента КБР и роспуска Парламента КБР. В резолюции митинга содержится поручение КСАОО подготовить и направить обращение Президенту РФ Медведеву Д.А., Председателю Правительства РФ Путину В.В. и Председателю Госдумы Грызлову Б.В. [Резолюция... 2010: 116–117].

В Обращении участников республиканского митинга к Президенту КБР А.Б. Канокову, Председателю Парламента КБР А.А. Чеченову и Главному Федеральному инспектору по КБР Аппарата Полномочного представителя РФ А.И. Вербицкому содержатся основные пункты требований, указанные в резолюции митинга. В обращении также сказано о требовании «исправить ошибку, допущенную прежним руководством республики при создании в 1995 году Эльбрусского района, в результате которого сел. Кенделен незаконно было передано 60 тыс. га высокогорных пастбищ, ранее принадлежавших кабардинским селениям Баксанского района» [Обращение... 2010b: 122–124].

В обращении участников митинга к Президенту РФ Д.А. Медведеву, Председателю Правительства РФ, Председателю Всероссийской политической партии «Единая Россия» В.В. Путину, Председателю Государственной Думы

Федерального Собрания РФ, Председателю Высшего Совета Всероссийской политической партии «Единая Россия» Б.В. Грызлову, излагается понимание источников обострения общественно-политической ситуации в КБР и проблемы непропорционального распределения межселенных территорий. В обращении содержится просьба оказать содействие в решении нескольких вопросов, в частности, «Обеспечить реализацию 131-го Закона РФ с соблюдением принципа исторической справедливости в интересах всех народов КБР, в том числе и кабардинского [Президенту... 2010b: 127, 131]

С заявлениями относительно общественно-политической ситуации, обострившейся в КБР в связи с земельным вопросом, выступили ОД «Адыгэ Хасэ» г. Краснодара и ОО «Адыгэ Хасэ» Республики Адыгея. В их заявлениях содержится призыв к Президенту и Парламенту КБР – во взаимодействии с общественностью республики, принять исчерпывающие меры по исправлению данной ситуации и решать вопросы, возникающие между народами по такому тонкому вопросу, как земельный, в правовом поле [Заявления... 2009; Митингу... 2009].

26 ноября 2009 г. Парламент КБР, на основании обращения глав администраций сельских поселений Аушигер, Заюково, Жемтала, Лечинкай, Шалушка и КСАОО, а также предложения президиума регионального отделения партии «Единая Россия» о приостановлении рассмотрения вопросов изменения границ сельских поселений до окончательного принятия Закона КБР «О статусе земель отгонного животноводства в КБР» и определения границ отгонного животноводства, приостановил рассмотрение законопроекта об изменении границ муниципальных образований в республике¹ [Постановление... 2010].

В экспертном заключении управления Минюста РФ по КБР о Законе КБР «О статусе и границах муниципальных образований в КБР» в части изменения границ сельского поселения Бабугент отмечается, что этот закон содержит положения, противоречащие федеральному законодательству. Вопрос границ муниципальных образований будет далее решаться согласительной комиссией².

28 июня 2011 г. Парламент КБР принял закон «О порядке определения территорий и использования земель в целях отгонного животноводства», согласно которому, отгонные пастбища в Зольском, Чегемском, Черекском и Баксанском районах республики отнесены к категории республиканской собственности и не подлежат приватизации. Но работы по уточнению границ земель отгонного животноводства, которые предусматривалось завершить до 2014 г., не были проведены [Межэтнические... 2014: 19].

Вместе с тем, несмотря на принятые Парламентом КБР нормативные акты, распределенные в 2005–2009 гг. «межселенные территории» остались в пользовании сельских поселений.

¹ Парламент Кабардино-Балкарии приостановил рассмотрение законопроекта об изменении границ муниципальных образований. 28.11.2009 [Электронный ресурс] // KBRLIFE.RU: События и жизнь в КБР: сайт. URL: <http://www.kbrlife.ru/politika/700-parlament-kabardino-balkarii-priostanovil.html> (дата обращения: 11.10.2021).

² Там же.

Заключение

Изученные материалы показывают, что земельный вопрос был приоритетным в деятельности кабардинских общественных объединений в начале XXI в. Изменения, инициированные властными структурами КБР в системе муниципальных образований, вызвали массовое движение за ликвидацию межселенных территорий путем их включения в границы сельских поселений, в котором участвовали активисты Балкарского национального движения, население и главы балкарских сельских поселений.

В условиях обострения общественно-политической ситуации в республике, в 2005–2009 гг. Парламент КБР принял ряд поправок к Закону «О статусе и границах муниципальных образований», в результате которых межселенные территории были ликвидированы и перераспределены между некоторыми сельскими поселениями. Принятие данных поправок вызвало протест Кабардинского национального движения, лидеры которого заявили о диспропорции при распределении «межселенных территорий» по этническому признаку – с отводом свыше 90% межселенных территорий селениям с преобладающим балкарским населением. Кабардинскими общественными объединениями были проведены форум и республиканский митинг, направлены обращения к руководству Российской Федерации и Кабардино-Балкарской Республики с просьбами об отмене всех законов о границах муниципальных образований, принятых в КБР, начиная с 2005 г. в рамках исполнения 131-го федерального закона, и последующем принятии закона «Об отгонном животноводстве», с выделением горных пастбищ в отдельную категорию земель, равно принадлежащих горным и равнинным селам, независимо от национальности проживающих там людей. В ноябре 2009 г. Парламент КБР приостановил рассмотрение законопроекта об изменении границ муниципальных образований в республике, а в июне 2011 г. принял закон «О порядке определения территорий и использования земель в целях отгонного животноводства», согласно которому, отгонные пастбища отнесены к категории республиканской собственности и не подлежат приватизации. Но, несмотря на принятые Парламентом КБР нормативные акты, распределенные «межселенные территории» остались в пользовании некоторых сельских поселений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Атласкиров 2019 – *Атласкиров А.Р.* Проблема земельных отношений в общественной жизни Кабардино-Балкарской республики // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 1. – С. 193–212. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-1-193-212>

Закон... 2005а – *Закон* Кабардино-Балкарской Республики от 27.02.2005 № 12-РЗ «Об административно-территориальном устройстве Кабардино-Балкарской Республики». [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docview&page=1&print=1&nd=135014279&rdk=11&&empire=> (дата обращения: 15.10.2021).

Закон... 2005b – *Закон* Кабардино-Балкарской Республики от 27.02.2005 № 13-РЗ «О статусе и границах муниципальных образований в Кабардино-Балкарской Республике» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802057542?section=text> (дата обращения: 15.10.2021).

Заявления... 2009 – *Заявления* Адыгэ Хасэ г. Краснодара. 17.11.2009 [Электронный ресурс] // KBRLIFE.RU: События и жизнь в КБР: сайт. URL: <http://www.kbrlife.ru/news/648-v-nalchike-proshjol-miting-adygskojj.html> (дата обращения: 11.10.2021).

Заявление... 2010 – *Заявление* Форума кабардинских (адыгских) общественных объединений по вопросам реализации в КБР Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ // В интересах мира и согласия в КБР (Материалы форума адыгских общественных объединений КБР 4 апреля и общереспубликанского митинга 17 ноября 2009 г. / Сост. Ж.А. Калмыков. – Нальчик, 2010. – С. 82–87.

Казенин 2009 – *Казенин К.* «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. – М.: REGNUM, 2009. – 180 с.

Калмыков 2010 – *Калмыков Ж.А.* О проблемах реализации в КБР Федерального Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (аналитическая записка // В интересах мира и согласия в КБР (Материалы форума адыгских общественных объединений КБР 4 апреля и общереспубликанского митинга 17 ноября 2009 г. / Сост. Ж.А. Калмыков. – Нальчик, 2010. – С. 134–143.

Кушхабиев 2021 – *Кушхабиев А.В.* Черкесский вопрос в деятельности кабардинских общественных объединений в начале XXI века // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 2. – С. 112–134. – DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-2-112-134>

Межэтнические... 2014 – *Межэтнические* отношения и религиозная ситуация в Кабардино-Балкарской Республике. Экспертный доклад / Ред. В.А. Тишков, А.Х. Боров, В.В. Степанов. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2014. – 59 с.

Митингу... 2009 – *Митингу* адыгского народа Кабардино-Балкарской Республики. 17.11.2009 [Электронный ресурс] // KBRLIFE.RU: События и жизнь в КБР. URL: <http://www.kbrlife.ru/news/648-v-nalchike-proshjol-miting-adygskojj.html> (дата обращения: 11.10.2021).

Обращение... 2010a – *Обращение* к депутатам Парламента Кабардино-Балкарской Республики // В интересах мира и согласия в КБР (Материалы форума адыгских общественных объединений КБР 4 апреля и общереспубликанского митинга 17 ноября 2009 г. / Сост. Ж.А. Калмыков. – Нальчик, 2010. – С. 103–106.

Обращение... 2010b – *Обращение* участников республиканского митинга кабардинской общественности Кабардино-Балкарской Республики к Президенту КБР А.Б. Канокову, председателю Парламента КБР А.А. Чеченову и Главному Федеральному инспектору по КБР Аппарата Полномочного представителя РФ А.И. Вербицкому // В интересах мира и согласия в КБР (Материалы форума адыгских общественных объединений КБР 4 апреля и общереспубликанского митинга 17 ноября 2009 г. / Сост. Ж.А. Калмыков. – Нальчик, 2010. – С. 118–124.

Определение... 2007 – *Определение* Конституционного Суда РФ от 3 апреля 2007 г. № 171-О-П. [Электронный ресурс] // Гарант. Информационно-правовой портал: сайт. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12053372/> (дата обращения: 19.10.2021).

Постановление 2010 – *Постановление* Парламента Кабардино-Балкарской Республики «Об отмене постановлений Парламента Кабардино-Балкарской Республики от 31 октября 2009 года № 160-П-П-166-П-П» // В интересах мира и согласия в КБР (Материалы форума адыгских общественных объединений КБР 4 апреля и общереспубликанского митинга 17 ноября 2009 г. / Сост. Ж.А. Калмыков. – Нальчик, 2010. – С. 132–133.

Президенту... 2010a – *Президенту* Кабардино-Балкарской Республики А.Б. Канокову // В интересах мира и согласия в КБР (Материалы форума адыгских общественных

объединений КБР 4 апреля и общереспубликанского митинга 17 ноября 2009 г. / Сост. Ж.А. Калмыков. – Нальчик, 2010. – С. 99–102.

Президенту... 2010b – *Президенту* Российской Федерации Д.А. Медведеву, Председателю Правительства Российской Федерации, Председателю Всероссийской политической партии «Единая Россия» В.В. Путину, Председателю Государственной Думы Федерального Собрания РФ, Председателю Высшего Совета Всероссийской политической партии «Единая Россия» Б.В. Грызлову // В интересах мира и согласия в КБР (Материалы форума адыгских общественных объединений КБР 4 апреля и общереспубликанского митинга 17 ноября 2009 г. / Сост. Ж.А. Калмыков. – Нальчик, 2010. – С. 125–131.

Раннаи 2007 – *Раннаи Л.* Национально-культурные центры объединились в «Единую Кабардино-Балкарию» // Кабардино-Балкарская правда. – 17.04.2007. – № 116 (21991). – С. 1–2.

Резолюция... 2010 – *Резолюция* митинга адыгской общественности кабардино-Балкарской Республики // В интересах мира и согласия в КБР (Материалы форума адыгских общественных объединений КБР 4 апреля и общереспубликанского митинга 17 ноября 2009 г. / Сост. Ж.А. Калмыков. – Нальчик, 2010. – С. 113–117.

Такова 2009 – *Такова А.Н.* Политические преобразования в Кабардино-Балкарской Республике 2005-2008 гг. // Вестник РГГУ. Научный журнал. Серия «Исторические науки. История России». – 2009. – № 17 (09). – С. 157–166.

Тетуев 2015 – *Тетуев А.И.* Этнополитические процессы в Кабардино-Балкарии в начале XXI в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – № 1. – С. 36–41.

Улигов 1979 – *Улигов У.А.* Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 356 с.

Шорова 2012 – *Шорова М.Б.* Факторы и механизмы этнополитического раскола // Научная мысль Кавказа. – 2012. – № 2. – С. 104–109.

REFERENCES

ATLASKIROV A.R. *Problema zemel'nykh otnoshenii v obshchestvennoi zhizni Kabardino-Balkarskoi respubliki* [The Problem of Land Relations in the Public Life of the Kabardin-Balkar Republic]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2019. – No. 1. – P. 193–212. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-1-193-212> (In Russian)

KALMYKOV Zh.A. *O problemakh realizatsii v KBR Federal'nogo Zakona «Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii» (analiticheskaya zapiska)* [On the problems of implementation in the KBR of the Federal Law «On general principles of organizing local self-government in the Russian Federation» (analytical note)]. IN: *V interesakh mira i soglasiya v KBR (Materialy foruma adygskikh obshchestvennykh ob"edinenii KBR 4 aprelya i obshcherespublikanskogo mitinga 17 noyabrya 2009 g. / Sost. Zh.A. Kalmykov* [In the interests of peace and harmony in the KBR (Materials of the Forum of Adyghe Public Associations of the KBR on April 4 and the republican rally on November 17, 2009). Comp. by Zh.A. Kalmykov]. – Nalchik, 2010. – P. 134–143. (In Russian)

KAZENIN K. *«Tikhie» konflikty na Severnom Kavkaze: Adygeya, Kabardino-Balkariya, Karachaevo-Cherkesiya* [«Quiet» conflicts in the North Caucasus: Adyghea, Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia]. – M.: REGNUM, 2009. – 180 p. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Cherkesskii vopros v deyatelnosti kabardinskikh obshchestvennykh ob"edinenii v nachale XXI veka* [Circassian Question in the Current Activities of Kabardian Public Associations]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2021. – No. 2. – P. 112–134. – DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-2-112-134> (In Russian)

Mezhetnicheskie otnosheniya i religioznaya situatsiya v Kabardino-Balkarskoi Respublike. Ekspertnyi doklad / Red. V.A. Tishkov, A.Kh. Borov, V.V. Stepanov [Interethnic relations and

religious situation in the Kabardino-Balkarian Republic. Expert report. Ed. by V.A. Tishkov, A.Kh. Borov, V.V. Stepanov]. – Nalchik: Kab.-Balk. un-t, 2014. – 59 p. (In Russian)

Mitingu adygskogo naroda Kabardino-Balkarskoi Respubliki. 17.11.2009 [To Rally of the Adyghe people of the Kabardino-Balkarian Republic]. [Electronic resource] IN: *KBR LIFE.RU: Sobytiya i zhizn' v KBR*: website. URL: <http://www.kbrlife.ru/news/648-v-nalchike-proshjol-miting-adygskojj.html> (access date: 11.10.2021). (In Russian)

Obrashchenie k deputatam Parlamenta Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Appeal to the deputies of the Parliament of the Kabardino-Balkarian Republic]. IN: *V interesakh mira i soglasiya v KBR (Materialy foruma adygskikh obshchestvennykh ob"edinenii KBR 4 aprelya i obshcherespublikanskogo mitinga 17 noyabrya 2009 g. / Sost. Zh.A. Kalmykov* [In the interests of peace and harmony in the KBR (Materials of the Forum of Adyghe Public Associations of the KBR on April 4 and the republican rally on November 17, 2009). Comp. by Zh.A. Kalmykov]. – Nalchik, 2010. – P. 103–106. (In Russian)

Obrashchenie uchastnikov respublikanskogo mitinga kabardinskoi obshchestvennosti Kabardino-Balkarskoi Respubliki k Prezidentu KBR A.B. Kanokovu, predsedatelyu Parlamenta KBR A.A. Chechenovu i Glavnomu Federal'nomu inspektoru po KBR Apparata Polnomochnogo predstavatelya RF A.I. Verbitskomu [Appeal of the participants of the republican meeting of the Kabardian public of the Kabardino-Balkarian Republic to the President of the KBR A.B. Kanokov, Chairman of the Parliament of the KBR A.A. Chechenov and the Chief Federal Inspector for KBR of the Office of the Plenipotentiary Representative of the Russian Federation A.I. Verbitsky]. IN: *V interesakh mira i soglasiya v KBR (Materialy foruma adygskikh obshchestvennykh ob"edinenii KBR 4 aprelya i obshcherespublikanskogo mitinga 17 noyabrya 2009 g. / Sost. Zh.A. Kalmykov* [In the interests of peace and harmony in the KBR (Materials of the Forum of Adyghe Public Associations of the KBR on April 4 and the republican rally on November 17, 2009). Comp. by Zh.A. Kalmykov]. – Nalchik, 2010. – P. 118–124. (In Russian)

Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 3 aprelya 2007 g. No. 171-O-P [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 3, 2007 No. 171-O-P]. [Electronic resource] IN: *Garant. Informatsionno-pravovoi portal*: website. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12053372/> (access date: 19.10.2021). (In Russian)

Postanovlenie Parlamenta Kabardino-Balkarskoi Respubliki «Ob otmene postanovlenii Parlamenta Kabardino-Balkarskoi Respubliki ot 31 oktyabrya 2009 goda No. 160-P-P-166-P-P» [Resolution of the Parliament of the Kabardino-Balkarian Republic «On the cancellation of the resolutions of the Parliament of the Kabardino-Balkarian Republic of October 31, 2009 No. 160-P-P-166-P-P»]. IN: *V interesakh mira i soglasiya v KBR (Materialy foruma adygskikh obshchestvennykh ob"edinenii KBR 4 aprelya i obshcherespublikanskogo mitinga 17 noyabrya 2009 g. / Sost. Zh.A. Kalmykov* [In the interests of peace and harmony in the KBR (Materials of the Forum of Adyghe Public Associations of the KBR on April 4 and the republican rally on November 17, 2009). Comp. by Zh.A. Kalmykov]. – Nalchik, 2010. – P. 132–133. (In Russian)

Prezidentu Kabardino-Balkarskoi Respubliki A.B. Kanokovu [To the President of the Kabardino-Balkarian Republic A.B. Kanokov]. IN: *V interesakh mira i soglasiya v KBR (Materialy foruma adygskikh obshchestvennykh ob"edinenii KBR 4 aprelya i obshcherespublikanskogo mitinga 17 noyabrya 2009 g. / Sost. Zh.A. Kalmykov* [In the interests of peace and harmony in the KBR (Materials of the Forum of Adyghe Public Associations of the KBR on April 4 and the republican rally on November 17, 2009). Comp. by Zh.A. Kalmykov]. – Nalchik, 2010. – P. 99–102. (In Russian)

Prezidentu Rossiiskoi Federatsii D.A. Medvedevu, Predsedatelyu Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii, Predsedatelyu Vserossiiskoi politicheskoi partii «Edinaya Rossiya» V.V. Putinu, Predsedatelyu Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya RF, Predsedatelyu Vysshego Soveta Vserossiiskoi politicheskoi partii «Edinaya Rossiya» B.V. Gryzlovu [To the President of the Russian Federation D.A. Medvedev, Chairman of the Government of the Russian Federation, Chairman of the All-Russian political party "United Russia" V.V. Putin, Chairman of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of the Supreme Council of the All-Russian

political party "United Russia" B.V. Gryzlov]. IN: *V interesakh mira i soglasiya v KBR (Materialy foruma adygskikh obshchestvennykh ob"edinenii KBR 4 aprelya i obshcherespublikanskogo mitinga 17 noyabrya 2009 g. / Sost. Zh.A. Kalmykov* [In the interests of peace and harmony in the KBR (Materials of the Forum of Adyghe Public Associations of the KBR on April 4 and the republican rally on November 17, 2009). Comp. by Zh.A. Kalmykov]. – Nalchik, 2010. – P. 125–131. (In Russian)

RANNAI L. *Natsional'no-kul'turnye tsentry ob"edinyatsya v «Edinuyu Kabardino-Balkariyu»* [National and cultural centers have united in the «United Kabardino-Balkaria»]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 17.04.2007. – No. 116 (21991). – P. 1–2. (In Russian)

Rezolyutsiya mitinga adygskoi obshchestvennosti kabardino-Balkarskoi Respubliki [Resolution of the rally of the Adyghe public of the Kabardino-Balkarian Republic]. IN: *V interesakh mira i soglasiya v KBR (Materialy foruma adygskikh obshchestvennykh ob"edinenii KBR 4 aprelya i obshcherespublikanskogo mitinga 17 noyabrya 2009 g. / Sost. Zh.A. Kalmykov* [In the interests of peace and harmony in the KBR (Materials of the Forum of Adyghe Public Associations of the KBR on April 4 and the republican rally on November 17, 2009). Comp. by Zh.A. Kalmykov]. – Nalchik, 2010. – P. 113–117. (In Russian)

SHOROVA M.B. *Faktory i mekhanizmy etnopoliticheskogo raskola* [Factors and mechanisms of ethnopolitical split]. IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2012. – No. 2. – P. 104–109. (In Russian)

TAKOVA A.N. *Politicheskie preobrazovaniya v Kabardino-Balkarskoi Respublike 2005–2008 gg.* [Political transformations in the Kabardino-Balkarian Republic 2005–2008]. IN: *Vestnik RGGU. Nauchnyi zhurnal. Seriya «Istoricheskie nauki. Istoriya Rossii»*. – 2009. – No. 17 (09). – P. 157–166. (In Russian)

TETUEV A.I. *Etnopoliticheskie protsessy v Kabardino-Balkarii v nachale XXI v.* [Ethnopolitical processes in Kabardino-Balkaria at the beginning of the XXI century]. IN: *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. – 2015. – No. 1. – P. 36–41. (In Russian)

ULIGOV U.A. *Sotsialisticheskaya revolyutsiya i grazhdanskaya voyna v Kabarde i Balkarii i sozдание natsional'noi gosudarstvennosti kabardinskogo i balkarskogo narodov (1917–1937 gg.)* [The socialist revolution and civil war in Kabarda and Balkaria and the creation of national statehood of the Kabardian and Balkarian peoples (1917–1937)]. – Nalchik: El'brus, 1979. – 356 p. (In Russian)

Zakon Kabardino-Balkarskoi Respubliki ot 27.02.2005 No. 12-RZ «Ob administrativno-territorial'nom ustroistve Kabardino-Balkarskoi Respubliki» [Law of the Kabardino-Balkarian Republic of February 27, 2005 No. 12-RZ «On the administrative-territorial structure of the Kabardino-Balkarian Republic»]. [Electronic resource] IN: *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii*: website. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docview&page=1&print=1&nd=135014279&rdk=11&&empire=> (access date: 15.10.2021). (In Russian)

Zakon Kabardino-Balkarskoi Respubliki ot 27.02.2005 No. 13-RZ «O statuse i granitsakh munitsipal'nykh obrazovaniy v Kabardino-Balkarskoi Respublike» [Law of the Kabardino-Balkarian Republic of February 27, 2005 No. 13-RZ "On the status and boundaries of municipalities in the Kabardino-Balkarian Republic"]. [Electronic resource] IN: *Elektronnyi fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov*: website. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802057542?section=text> (access date: 15.10.2021). (In Russian)

Zayavlenie Forumy kabardinskikh (adygskikh) obshchestvennykh ob"edinenii po voprosam realizatsii v KBR Federal'nogo zakona «Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii ot 06.10.2003 g. No. 131-F3 [Statement of the Forum of Kabardian (Adyghe) public associations on the implementation in the KBR of the Federal Law «On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation» No. 131-F3 dated 06.10.2003]. IN: *V interesakh mira i soglasiya v KBR (Materialy foruma adygskikh obshchestvennykh ob"edinenii KBR 4 aprelya i obshcherespublikanskogo mitinga 17 noyabrya 2009 g. / Sost. Zh.A. Kalmykov* [In the interests of peace and harmony in the KBR (Materials of the

Forum of Adyghe Public Associations of the KBR on April 4 and the republican rally on November 17, 2009). Comp. by Zh.A. Kalmykov]. – Nalchik, 2010. – P. 82–87. (In Russian)

Zayavleniya Adyge Khase g. Krasnodara. 17.11.2009 [Statements by Adyghe Khase of Krasnodar]. [Electronic resource] IN: *KBRLIFE.RU: Sobytiya i zhizn' v KBR*: website. URL: <http://www.kbrlife.ru/news/648-v-nalchike-proshjol-miting-adygskojj.html> (access date: 11.10.2021). (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история**

УДК 94(5):32(470.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-205-232

**НЕЛИБЕРАЛЬНОЕ МИРОТВОРЧЕСТВО И РЕГИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ¹****А.А. ТУМОВ**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173*

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
'Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук'
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: tumovasker@gmail.com*

Аннотация. На протяжении постсоветского периода Северный Кавказ находился в фокусе миротворческой политики российского правительства. На примере Кабардино-Балкарии мы проанализировали, как стабилизационная политика федерального центра отражается на политической динамике в регионе. Действия национального правительства интерпретированы в соответствии с конфликтологическим подходом, а политический процесс в регионе – как смена политических порядков, ассоциируемых с руководителями органов власти в республике. Первый политический порядок сформировался в 1990-е гг. в результате утверждения у власти широкой коалиции элит, основу которой составила позднесоветская номенклатура. Косвенное вмешательство Москвы заключалось в бюджетных субвенциях в обмен на относительную стабильность в регионе. В первой половине 2000-х гг. политический порядок не смог эффективно отреагировать на внутренние проблемы; в условиях политики рецентрализации в республике был установлен новый политический порядок. Он характеризовался меньшей степенью инклюзивности элит и большей зависимостью от федерального центра. Этот политический порядок не смог адекватно ответить на угрозы, связанные с расколами элит и всплесками террористической активности. В 2013 г. федеральный центр сменил руководство республики; сложившийся в результате новый порядок отличался еще большим уровнем зависимости от Москвы, а также акцентом на вопросах безопасности. Таким образом, миротворческая политика центра была направлена на стабилизацию обстановки в республике; ее главным результатом стало

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32001.

установление вертикального контроля над республиканскими элитами за счет снижения уровня инклюзивности политической системы Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: миротворчество; политические порядки; авторитарный конфликт-менеджмент; Северный Кавказ; субнациональное управление.

ILLIBERAL PEACEBUILDING AND REGIONAL POLITICAL DYNAMICS IN POST-SOVIET RUSSIA

A.A. TUMOV

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173*

*FSBSE «Federal Scientific Center
‘Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’»
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: tumovasker@gmail.com*

Abstract. Over the post-Soviet period, the North Caucasus has been in the focus of Russian peacebuilding practices. Analysing the developments in Kabardino-Balkaria, we demonstrated the causal relationship between stabilisation by the federal centre and regional political dynamics. We used the framework drawn from conflict studies to interpret the strategies implemented by the national government and political settlement analysis to describe the dominant political settlements that emerged under the successive heads of the republic. The first political settlement was a result of institutional arrangement within a broad elite coalition with the late-Soviet nomenklatura in its foundation. Indirect rule by Moscow amounted to transfers of budget subventions in exchange for the provision of relative stability in the region. In the early 2000s, this political settlement failed to effectively respond to internal political problems; amidst federal recentralisation, the new political settlement was established in the republic. It was marked by reduced inclusivity of elites and greater dependence on the federal centre. This political settlement lacked success in tackling complications of elite cleavages and religious violence. In 2013, Moscow replaced the republican governor and constructed a new institutional arrangement with larger subservience to federal elites and substantial attention to security matters. Thus, peacebuilding practices implemented by the centre sought to stabilise the situation in the region; it resulted in a successful tightening of vertical elite control but at the cost of reducing the inclusiveness of the political system within Kabardino-Balkaria.

Keywords: peacebuilding; political settlements; authoritarian conflict-management; North Caucasus; subnational governance.

1. Введение

Вопреки ожиданиям адептов теории либерального миротворчества (liberal peacebuilding), на рубеже XX–XXI вв. большинство постконфликтных политических сообществ встали на траекторию становления клиентелистских порядков, характеризующихся доминированием экстрактивных институтов, направленных на исключение большей части общества из процесса принятия политических решений и ограничение доступа к экономической ренте [Lewis and oth. 2018; Keen 2021]. Подобная ситуация символизирует кризис

устоявшегося в академической среде нормативного подхода, в основе которого лежит убеждение о сочетании политической демократизации, экономической либерализации и эффективного управления (*good governance*) как единственном способе поддержания устойчивого мира в постконфликтном социуме. Новые исследования призваны переориентировать политическую науку в определении причин того, почему постконфликтные режимы полагаются на нелиберальное миротворчество (*illiberal peacebuilding*) – стратегию выстраивания иерархичных и эксклюзивных (ограничивающих доступ к власти и ренте) политико-экономических структур с целью поддержания относительно стабильных форм политического порядка [Cheng and oth. 2018]. В данной ситуации открывается широкий простор для анализа взаимозависимости нелиберального миротворчества и трансформации политических режимов в постконфликтных обществах.

В фокусе внимания государств, прибегающих к тактике нелиберального миротворчества, неизменным образом оказываются приграничные регионы – это объясняется тем фактом, что периферии являются местом концентрации противоправных видов деятельности (нелегальная миграция, контрабанда, торговля оружием и т.д.). В связи с этим присутствие государства и других агентов миротворчества в приграничных районах может быть избыточным и естественным образом оказывает влияние на политическую трансформацию местных обществ [Pearce 1999; Plonski, Yousuf 2018]. После распада СССР Северный Кавказ оказался южным фронтиром Российской Федерации. Более того, в 1990–2000-е гг. регион охватил ряд вооруженных конфликтов на этнической и религиозной почве, поэтому вопрос о влиянии миротворческих практик российского правительства на политическую арену здесь приобретает особую актуальность.

Северокавказская политика РФ на протяжении постсоветского периода характеризуется как нелиберальное миротворчество. В качестве его аспектов исследователи выделяют контр-террористические операции с использованием силовых методов [Toft, Zhukov 2012], кооптацию местных элит [Souleimanov, 2015], а также финансовые субсидии и программы развития [Holland 2016]. Сложившийся в академической среде консенсус о роли бюджетных субвенций в северокавказской политике сводится к постулату о дотациях как инструменте приведения к лояльности политического класса в республиках [Стародубровская, Соколов 2013]. В целом, комплексная стратегия российских властей по стабилизации ситуации в регионе признается как отчасти успешная, поскольку очевидно привела к значительному снижению уровня насилия [Holland and oth. 2017]. Отчасти – потому что сопровождалась кризисом институтов управления и поглощением государством всех не связанных с ним организаций в политической и экономической сфере [Стародубровская, Казенин 2016].

Что касается литературы, посвященной основным детерминантам политической трансформации северокавказских обществ в постсоветский период, можно выделить два кластера, которые не противоречат друг другу, а являются взаимодополняющими. С одной стороны, речь идет об исторической

обусловленности нынешнего положения дел, вызванного структурными характеристиками социально-экономического развития в постсоветский период, сложным многоэтническим составом населения, территориальными спорами, религиозным фактором, проблемами реабилитации депортированных этнических групп и т.д. [Литвинова 2011; Цуциев 2007; Казенин 2009; Апажева 2018; Gammer 2014]. С другой стороны – о конфигурациях местных элит и процедурных условиях режимной трансформации в регионах [Северный Кавказ... 2011; Melvin 2007; Боров, Тумов 2017; The North Caucasus... 2012; Koehler and oth. 2020].

Таким образом, обзор литературы показывает возможность изучения политической трансформации северокавказских обществ сквозь призму нелиберального миротворчества, и целью настоящей работы является поиск закономерностей в политических трансформациях Северного Кавказа как реакции на стратегию российских властей. Для построения обобщений в рамках макрорегиона требуется сконцентрироваться на изучении политического опыта развития отдельных политических единиц; в связи с этим, исследование будет проводиться на примере Кабардино-Балкарии в постсоветский период.

Стабилизационные практики правительства в постконфликтном регионе проанализированы сквозь призму конфликтологического подхода. Согласно Д. Льюису нелиберальное миротворчество (в его терминологии – авторитарный конфликт-менеджмент) представляет собой политику деэскалации или подавления вооруженного восстания посредством инструментов государственного принуждения и иерархических структур управления. Придерживающиеся подобной политики правительства исключают проведение переговоров между сторонами конфликта, отвергают посредничество со стороны международного сообщества и ограничения на насилие со стороны государства; их действия (в силу разных причин) направлены на обеспечение стабильности в краткосрочной перспективе, нежели на борьбу со структурными причинами конфликта [Lewis and oth. 2018]. Анализ стабилизационной политики нелиберального миротворчества предполагает изучение трех направлений деятельности. Во-первых, это дискурсивная политика (*discourse policy*) – комплекс мер, призванных установить контроль над дискурсом, подчинить медиа-сферу и вытеснить оппонентов из информационного пространства. Во-вторых, это пространственная политика (*spatial policy*) – совокупность таких практик, как расширение физического присутствия государственных надзорных агентств, увеличение штата органов правопорядка, создание соответствующей инфраструктуры и буквально «зачистки» территории от нелояльных групп и организаций. В-третьих, это экономическая политика (*economic practices*), суть которой заключается в увеличении потоков и сумм экономической ренты и их распределении среди лояльных акторов и организаций.

Поскольку исследование задается целью проанализировать динамику институциональных трансформаций в регионе, методологически оправданно использование неинституциональной теории, которая рассматривает институты как «правила игры в обществе» – наборы формальных и

неформальных ограничений, направляющих поведение индивидов и организаций и выбор ими стратегий для достижения своих целей. Институты предоставляют информацию организациям и индивидам и ограничивают их посредством установления формальных и неформальных правил и ритуалов. Тем не менее, институты не определяют напрямую будущие действия акторов. Наоборот, находящиеся в их распоряжении ресурсы и рычаги влияния являются важными детерминантами того, как и когда именно эти правила функционируют. В связи с этим мы берем на вооружение теорию политических порядков (*political settlements theory*) [Khan 2018]. Этот подход фокусируется на взаимодействии институтов и организационных способностей социальных акторов в пределах данной социетальной единицы и, таким образом, облегчает анализ организационной структуры возможностей для каждого участника политического процесса. В результате этих взаимодействий возникает политический порядок, который символизирует институциональное равновесие между распределением благ и распределением власти в обществе.

Источниковая база исследования состоит из нескольких групп. Во-первых, автор опирался на официальные документы и законодательные акты, регулирующие различные стороны общественной жизни Кабардино-Балкарии. Во-вторых, использовались материалы СМИ (газеты, журналы, телеграм-каналы), которые стали ценным ресурсом для выявления основных характеристик политической динамики в регионе. В третью группу вошли опубликованные воспоминания участников политических процессов – государственных деятелей, политиков, активистов общественных движений. Еще один кластер источников – это полуструктурированные глубинные интервью с представителями тех же категорий, способных дать информацию о процессах государственного строительства, функционирования политических институтов, ходе борьбы за власть, а также осуществлении экономических проектов в республике.

Структура статьи обусловлена приведенными выше рассуждениями. Вторая часть призвана объяснить динамику политических порядков в постсоветской Кабардино-Балкарии. В третьем разделе мы проанализировали практики нелиберального миротворчества, используемые российском правительством, и их влияние на переходы между политическими порядками в КБР. В заключении подведены основные итоги исследования и поставлены задачи для последующего изучения политики стабилизации в постконфликтных обществах.

2. Контекст: политические порядки в постсоветской Кабардино-Балкарии

Формирование позднесоветского политического порядка в Кабардино-Балкарии приходится на конец 1960-х гг. Его экономическим фундаментом были бюджетные субвенции, которые общесоюзный центр направлял в республику на развитие промышленности и туризма и которые впоследствии распределялись среди партийной, бюрократической и административно-хозяйственной элиты. Обком партии фактически был центром принятия

решений в республике. Политическая система была пронизана свойственными всей советской административной модели механизмами, такими как патронаж, коррупция и этническое квотирование. Экономический кризис 1980-х гг. и сокращение бюджетных субвенций, демократизация общественно-политической жизни и проведение свободных выборов 1989–1990 гг., ослабление партии и выход на арену общественных организаций обусловили кризис и демонтаж сложившейся системы.

Первый постсоветский политический порядок сформировался в период президентства В.М. Кокова (1992–2005). Хронология его учреждения и эволюции состоит из трех этапов. Первый характеризуется потерей государством монополии на насилие; доступом к этому инструменту политической борьбы обладали и официальные органы государственной власти, и претендующие на этнические организации, и процветавшие в 1990-е гг. криминальные группировки. В ходе борьбы за власть номенклатура ослабила этническую оппозицию, хотя не сумела противостоять организованной преступности. С середины 1990-х гг. наступил новый этап – этнические организации сошли с политической арены, а усиление органов правопорядка позволило начать борьбу с организованной преступностью. Консолидация режима выразилась в принятии конституции в 1997 г.; политический класс установил жесткий контроль над экономическими ресурсами в республике. Третий этап, наступивший в начале 2000-х гг., характеризуется новыми угрозами для режима – во-первых, ростом аграрного движения и реинкарнацией балкарского этнического проекта; во-вторых, популяризацией религиозных идей и вытеснением традиционных «силовых предпринимателей» мусульманскими общинами. Последние бросили вызов монополии правящей группы на насилие и экономические ренты; естественным образом они столкнулись с жестким ответом со стороны силовиков. Растущая «спираль насилия» вылилась в нападение на Нальчик 13 октября 2005 г. и совпала со сменой руководства КБР – В.М. Коков ушел в отставку по состоянию здоровья; вместе с ним канула в прошлое существующая констелляция правящих элит.

Новый политический порядок, ассоциируемый с президентством А.Б. Канокова (2005–2013), формально и институционально не отличался от предыдущего, однако действовал в соответствии с новыми параметрами. Благоприятная экономическая конъюнктура позволила снизить зависимость от дотаций из федерального бюджета; одновременно в республику хлынул поток инвестиций на развитие инфраструктуры, создавая новые источники рент для правящего класса. Состав последнего претерпел изменения – часть номенклатурной элиты «коковского» созыва была вытеснена, ее место заняла клиентела нового президента. Кроме того, силовые органы власти, которые при предыдущем политическом порядке были встроены в правящую коалицию, оказались под контролем федеральных структур и стали автономным центром принятия решений в республике. Недостаток легитимности среди отдельных сегментов правящего класса, продолжающийся аграрный конфликт между элитой и жителями сел, а также эскалация религиозного насилия были

естественным фоном политической динамики в условиях отсутствия насильственного потенциала у руководства КБР. Кульминацией кризиса модели управления стала отставка А.Б. Каноква в 2013 г.

Третий политический порядок совпадает с рамками губернаторства экс-силовика Ю.А. Кокова (2014–2018). При нем произошла секьюритизация местной политики – акцент был перенесен с вопросов экономического развития на обеспечение безопасности и предотвращение волн насилия. Значимые государственные посты распределялись среди бывших руководителей правоохранительных органов. Вооруженная исламистская оппозиция частично была ликвидирована силами спецслужб, либо вытеснена за пределы страны. Благодаря новому подходу после 2014 г. количество жертв вооруженного конфликта значительно уменьшилось; тем не менее, новая администрация не смогла разрешить существующие земельные и этнические конфликты, которые усугублялись экономической стагнацией. Как и его предшественник, в 2018 г. Ю.А. Коков был вынужден уйти в отставку. Республику возглавил сын первого президента К.В. Коков с технократическим прошлым и устойчивыми связями в местном истеблишменте. Последствия его назначения на состав правящей коалиции должны стать предметом будущих исследований.

3. Case Study

Приведенный выше обзор динамики политических порядков в Кабардино-Балкарии демонстрирует наличие «точек бифуркации» – фаз транзита между политическими порядками, которые произошли в начале 1990-х гг., первой половине 2000-х гг. и середине 2010-х гг. В качестве гипотезы мы утверждаем, что транзиты (иными словами – переходы) между политическими порядками произошли в результате реакции «центра» на дестабилизацию политической системы в республике. Подобное вмешательство позволяет говорить об ожиданиях, которые Москва возлагает на местные элиты – в первую очередь они должны играть стабилизирующую роль во вверенной политике, в частности, предотвращать вспышки насилия и не допускать проявлений сепаратизма. В разделах ниже будет уделено внимание каждому переходу между политическими порядками и их значению в антикризисной политике российских властей.

3.1. Переход от советской к современной политической системе

Во второй половине 1980-х гг. руководство СССР инициировало масштабную перестройку политической и экономической системы, сопровождаемую кризисом привычных институтов и резонно поставившую вопрос о переделе властных и экономических ресурсов как на общесоюзном, так и на региональном уровне. Советский политический класс столкнулся с необходимостью подстраиваться под новые правила игры – относительно свободные и конкурентные выборы, потеря партией ее доминирующей роли, публичное обсуждение экономических проблем и национального вопроса, а также выход на сцену новых политических кругов, ставших активными

участниками протестной политики. Экономический кризис 1980-х гг. и последующее ослабление центрального аппарата привели к нарушению потока финансовых средств; естественным образом это отразилось на благосостоянии крупных групп населения и способствовало слому устоявшейся социетальной структуры.

В республиках Северного Кавказа условия расширившейся структуры политических возможностей пробудили к жизни новую политическую оппозицию; она оформилась в виде общественных организаций, эксплуатирующих либерально-демократический и этнонационалистический дискурсы. В Кабардино-Балкарии конфронтация между удерживающей властью номенклатурой, с одной стороны, и организациями этнического толка, с другой, стала основной линией противостояния в борьбе за власть [Боров и др. 1999; Derlugian 2004; Шорова 2010]. Центральные власти в первые годы не принимали прямого участия в региональном политическом процессе ввиду отсутствия необходимых ресурсов, однако имели рычаги косвенного влияния на ситуацию. Они проявлялись в первую очередь в поддержке, которую политики федерального уровня оказывали местной оппозиции. Во-первых, принятый 26 апреля 1991 г. закон ВС РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» очевидным образом играл на руку этнической оппозиции – требования «реабилитации репрессированного балкарского народа» были доминирующим мобилизационным фактором балкарского населения, и закон обеспечивал балкарские организации инструментом давления на власти. Во-вторых, оппозиция получала от политиков федерального уровня устную поддержку, которая подрывала легитимность региональной номенклатуры – так, во время бойкота президентских выборов 1991 г. в Кабардино-Балкарии председатель ВС РСФСР Р.И. Хасбулатов призвал остановить процедуру голосования. В-третьих, во главе Конгресса кабардинского народа стоял Ю.Х. Калмыков – один из лидеров демократического движения России, соратник Б.Н. Ельцина и будущий министр юстиции РФ. Этим примеры иллюстрируют желание руководителей страны выстроить собственную клиентелу в регионах, подконтрольных номенклатуре.

Отношения правящей коалиции в Кабардино-Балкарии и властей РСФСР трудно интерпретировать в терминах «лояльность» и «нелояльность». Скорее, стратегия номенклатуры была направлена на «защиту рубежей», выразившуюся в попытках найти механизмы легитимации своего пребывания у власти в момент кризиса всей системы государственности в стране. Парадоксально, но пример подобного механизма подали сами органы управления РСФСР, утвердившие Декларацию о государственном суверенитете России 12 июня 1990 г.; регионы убедились в безопасности использования риторики суверенизации [Kahn 2000: 60]. Декларация о государственном суверенитете КБССР от 31 января 1991 г. была призвана уточнить позиции республики в новом государстве и обрести возможность заявить о себе в процессе формирования нового Союза; кроме того, она представляла из себя попытку компромисса с этнической оппозицией. Далее, во время августовского путча

ГКЧП руководители республики не предпринимали никаких активных действий; осторожность и нежелание совершить ошибки в условиях противостояния в центре перевесили неприятие преобразований и реформ. При этом официальные лица ориентировались на сторонников сохранения советского строя и провели встречи с членами ГКЧП, что стоило им потери ряда ключевых должностей после многодневного митинга, организованного этническими организациями.

Угроза окончательного вытеснения из Дома правительства после августа 1991 г. стала триггером, запустившим процесс сплочения номенклатуры и побудившим ее реформировать политическую систему республики посредством учреждения должности президента КБССР. Исследователи утверждают, что целью «импорта» этого института из западных демократических систем был осуществлен ради подтверждения суверенитета республики [Литвинова 2011: 185]. Однако президентство было и инструментом консолидации сложившейся политической системы, и способом легитимации установившегося статуса-кво в условиях нарастания центробежных сил [Боров и др. 1999: 131–133]. В условиях развала советской политической системы образовался «вакуум», который заполнили неформальные институты. Для правящей коалиции это проявилось в объединении вокруг лидера, которым в тот момент был В.М. Коков. По итогам двух туров 5 января 1992 г. он был избран на пост президента. Его неформальное лидерство с течением времени обернулось в «рутинизацию харизмы», и институт президентства был способом формализации сложившейся иерархии – президент стал арбитром внутри правящей коалиции и легитимным руководителем органов государственной власти в глазах населения; кроме того, отныне он имел все полномочия для занятия позиции медиатора во взаимоотношениях с Москвой.

Оценка антикризисного вмешательства федеральной власти в политический процесс в Кабардино-Балкарии должна начинаться с оговорки о том, что первые существенные интервенции были проведены лишь с середины 1992 г. Во-первых, с распадом СССР Кабардино-Балкария стала приграничным регионом, требующим особого внимания с точки зрения безопасности. Во-вторых, всплеск насилия на Северном Кавказе и сепаратистская кампания Чечни резко повысили в глазах центральной власти акции всех акторов, способных выступать агентами политической стабилизации. В-третьих, начало грузино-абхазского конфликта и активное участие в нем добровольцев из Северного Кавказа продемонстрировало мобилизационный и насильственный потенциал кабардинской оппозиции в КБР. На этом фоне правящая коалиция во главе с В.М. Коковым выглядела как предпочтительный союзник, способный удовлетворить запрос федеральных элит на неприсоединение к проекту независимости Чечни и стабилизацию политической обстановки любыми методами.

События осени 1992 г. поставили окончательную точку в переориентации политических сил – под предлогом охраны общественного порядка в республику были введены отряды внутренних войск РФ; организованный

кабардинской оппозицией в столице стихийный митинг сопровождался многочисленными насильственными инцидентами; попытавшиеся захватить штурмом здание правительства протестующие столкнулись с отрядами федерального ОМОНа; начались переговоры между лидерами противостоящих партий, опасавшихся реализации «чеченского сценария», и 4 октября митинг был распущен [Derlugian 2004: 265]. Альянс между региональными элитами и федеральной властью в последующем укреплялся. В октябре 1992 г. был подписан указ Б.Н. Ельцина о государственной поддержке социально-экономического положения КБР в целях стабилизации ситуации в условиях экономической реформы, согласно которому Москва обязалась выделить финансовые средства на развитие транспортной инфраструктуры, агропромышленного комплекса, тяжелой промышленности, туризма и поддержку строительства жилья; отдельным пунктом говорилось о поручении МВД и МБ РФ оказать помощь правоохранным органам КБР в обеспечении общественного правопорядка и защите объектов государственной важности [Указ Президента... 1992]. Крупнейшим бенефициаром в сложившейся ситуации стало МВД КБР как главный гарант не только безопасности населения, но и стабильного пребывания у власти правящей элиты. В составе министерства были созданы УБОП, вневедомственная охрана, полк ППС, отряд ОМОН, увеличено количество нальчикских ОВД, а общая численность штата МВД с 1992 по 2002 г. выросла с 3423 до 6144 человек [Шипилов, Кузьмина 2007: 219–220].

В это же время свои очертания приобрела дискурсивная политика властей. Показательна здесь риторика, используемая лоялистами на заседаниях Верховного Совета – оппозицию обвиняли в попытке «насильственного свержения законно избранных органов власти», «дестабилизации общественно-политической обстановки», «разрушении единства Кабардино-Балкарии», «разрыве с Российской Федерацией» и «развязывании межнациональной войны» [Шорова 2010: 145–146]. Данные положения частично были пронизаны духом наследственности по отношению к риторике советского периода, частично были реакцией на сформировавшуюся ранее риторику этнических организаций. Некоторые новые термины подчеркивали ценность стабильного политического развития республики (например, в среде сторонников правящей коалиции распространился термин «provokatory», которым обозначали оппозиционных активистов). Помимо этого, утверждение гегемонии в дискурсивном поле заключалось в ограничении доступа оппозиции к СМИ – анализ показывает, что наиболее тиражируемая в республике «Кабардино-Балкарская правда» отказалась от освещения событий с отличных от официальной точек зрения, а ряд связанных с протестными движениями газет прекратил выпуск.

В условиях противостояния между исполнительной и законодательной властью в 1993 г. руководители республики заняли выжидательную позицию, поскольку в сложных социально-экономических условиях и зависимости бюджета республики от федеральных дотаций (70% бюджета в 1993 г.) не желали «политизировать» свои отношения с Центром [Боров и др. 1999: 152].

После разгона Верховного совета РФ 3–4 октября и утверждения у власти Б.Н. Ельцина было понятно, что теперь республиканские власти могут определиться и продолжить функционирование в рамках нового порядка. В июле 1994 г. был заключен Договор о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти КБР, который стал символическим воплощением «парада демонстрации лояльности». Отныне власти республики целиком переориентировались на поддержку Кремля, перешли к риторике социального консерватизма и оказались в авангарде лоялистов на Северном Кавказе, выступив медиатором по разрешению многочисленных гражданских конфликтов в округе. В свою очередь, центр обеспечивал власти КБР бюджетными трансфертами, столь необходимыми в кризисный период.

Выстраивание системы «торга» с Москвой позволило правящей коалиции распустить Верховный Совет КБР и провести выборы в только что учрежденный Парламент, в котором не оказалось ни одного оппозиционного политика — в состав легислатуры прошли только представители исполнительной власти и крупного бизнеса и директорат государственных предприятий. Изменение формальных институтов политической власти в КБР не привело к радикальной коррекции привычного каркаса неформальных «рутин», определяющих социальный порядок в республике. Наоборот, парламентская реформа лишь закрепила существующие здесь практики, такие как доминирование исполнительной власти над законодательной, клиентелизм и этническое квотирование. Первый созыв Парламента КБР стал зримым олицетворением патронажной сети, установившей свою власть в республике и монополизировавшей доступ к финансовым потокам из федерального бюджета.

Формальное закрепление достижений предыдущего периода произошло спустя несколько лет, с принятием Конституции КБР в 1997 г., которая лишь зафиксировала сложившийся к 1994 г. статус-кво. Как и федеральная конституция, Основной закон КБР стал результатом не широкого общегражданского обсуждения, а итогом утверждения у власти одной политической группировки. Это отразилось на отдельных положениях Конституции, которые можно рассматривать как недемократические; к их числу относятся авторитарная природа института президента, поставленного над системой разделения властей. В республике установился президентский тип разделения властей при подчиненном парламенте, не обладающим возможностями контроля над кабинетом; правительство было ответственно за реализацию решений, принятых главой республики [Боров и др. 2018: 697]. Такая схема государственного управления во многом была преемственной по отношению к позднесоветской структуре органов власти КБАССР — функции президента, правительства и парламента фактически реплицировали разделение компетенций между первым секретарем обкома, Советом Министров и Верховным Советом.

3.2. Рецентрализация и корректировки постсоветской политической системы

В политологической литературе общепризнано, что период ослабления центральной государственной власти и фрагментации страны сменился на рубеже 1990–2000-х гг. политикой рецентрализации, направленной на восстановление контроля федеральных органов власти над важнейшими рычагами управления страной [Гельман 2006: 94–95]. Несколько факторов способствовало изменению политического ландшафта в России. Военная операция в Чечне искоренила последний явственный очаг сепаратизма и укрепила позиции силовиков в правящей коалиции. Кризис 1998 г. ослабил экономики регионов и способствовал концентрации экономических ресурсов в центре. Рост цен на природные ресурсы дал возможность федеральным властям запустить экономические реформы и увеличить объемы бюджетных дотаций регионам, таким образом обеспечив «замирение» местных элит в свете будущих ограничений и изменения констелляции акторов. Объединение партий «Единство» и «Отечество – вся Россия» в «Единую Россию» позволило создать «партию власти», ставшую важным инструментом на пути правящей коалиции к закреплению своих позиций в законодательных собраниях всех уровней – от федерального до муниципального. Наконец, борьба с олигархами и обеспечение государственного контроля над крупнейшими СМИ позволили правящей коалиции избавиться от сильнейших оппонентов, навязать оставшимся новые «правила игры» и интегрировать все элитные группы в свой состав [Ross 2002: 140; Gelman 2002: 356–359; Golosov 2014].

Относительно вялотекущая политическая динамика в Кабардино-Балкарии на рубеже 1990–2000-х гг. позволяла современникам использовать в отношении республики такие термины, как «островок стабильности». Правящая коалиция в республике инкорпорировала в свой состав всех значимых политических акторов и монополизировала доступ к экономическим ресурсам. Подтверждением тому стали безальтернативные президентские выборы 1997 г., легитимирующая достижения постсоветского периода Конституция, а также парламентские выборы 1999 г., в ходе которых депутатские мандаты были распределены среди представителей элиты. На фоне северокавказских соседей с их высоким уровнем протестной активности, расколами элит и кровопролитными конфликтами Кабардино-Балкария представляла из себя консолидированную политическую систему, до сих пор успешно справлявшуюся с внутренними и внешними кризисами.

Начало нового десятилетия разительно контрастировало с привычным образом «тихой гавани». Во-первых, несправедливые, по мнению сельских жителей, решения республиканских властей по поводу усека территории муниципалитетов и перевода земель в республиканскую собственность спровоцировали аграрные протесты в ряде сел (в основном населенных балкарцами). Во-вторых, в напряженной обстановке прошла ликвидация населенных пунктов вокруг Нальчика, включенных в состав столицы, что дало импульс новой волне балкарского этнического движения. С течением времени

балкарская оппозиция стала движущей силой земельных протестов; при взгляде со стороны противостояние сельских жителей и республиканских властей выглядело как очередной виток этнического конфликта между кабардинцами и балкарцами. В-третьих, широкую социальную поддержку получил Джамаат КБР, объединивший общины религиозных фундаменталистов. По ряду причин за несколько лет исламисты перешли от мирной риторики к вооруженному противостоянию с органами правопорядка, кульминацией которого стало нападение боевиков на Нальчик в октябре 2005 г. [Youngman 2020]. В-четвертых, экономическая ситуация в республике характеризовалась высоким уровнем расслоения в доходах, кризисом промышленности, монополизацией аграрного сектора и чрезмерной долей теневой экономики, в которую была вовлечена значительная часть населения.

На фоне обострения внутренней ситуации субнациональному режиму предстояло столкнуться с рядом внешних факторов, связанных с переходом федеральных властей к политике рецентрализации с 1999 г. В соответствии с ее принципами законодательство и система управления в субъектах должны были быть скорректированы в соответствии с общефедеральными принципами; страна была поделена на федеральные округа, контролируемые полномочными представителями президента (полпредами); реформа Совета Федерации была призвана ослабить губернаторов, как и появившаяся у главы государства возможность отрешать от должности президентов республик и распускать региональные парламенты. По сути, центр стал воплощать в жизнь проект унификации региональных политических машин [Golosov 2017: 556].

При этом следует отметить, что политический порядок в Кабардино-Балкарии достаточно успешно приспособивался к новому общефедеральному контексту. Во-первых, республика достаточно быстро прошла этап партизации, выразившийся в доминировании «Единой России» в законодательном собрании и муниципальных советах, а в ходе электорального цикла 2003 г. партийная система была фактически приведена в соответствие с унифицированной думской констелляцией политических сил [Тумов 2017: 120–125]. Во-вторых, местные элиты достаточно спокойно отнеслись к корректировке республиканской конституции, в ходе которой из основного закона исчезли положения, связанные с суверенитетом республики [Боров 2017]. В-третьих, региональные власти относительно быстро взяли на вооружение удобную Москве антиисламистскую риторику. Анализ официального дискурса в отношении исламских фундаменталистов демонстрирует желание официальных лиц показать членов Джамаата КБР как либо школьников, неспособных на критическое осмысление религиозных доктрин, либо уголовников-рецидивистов, «прикрывающихся верой» (опустим противоречивость обоих дискурсивных трендов). Одновременно начались притеснения «новых мусульман» со стороны правоохранительных органов. Показателен фрагмент из выступления мэра Нальчика, оправдывавшего жесткие меры правоохранителей в отношении религиозных фундаменталистов: «После Беслана и после выступления Путина на расширенном заседании

правительства мы живем в совсем другом государстве. Никто теперь с нами цацкаться не будет» [Тумов 2020: 187].

До определенного момента сложившаяся в КБР система управления воспринималась в качестве надежного проводника политики центра, утверждает Г.М. Емельянова. Анализ республиканских законов о бюджете свидетельствует об увеличивающихся федеральных субвенциях на протяжении 1999–2004 гг. Потеряв позицию вице-спикера Совета Федерации в 2000 г., В.М. Коков занял место в составе президиума новообразованного Государственного совета. Во время достаточно конкурентных президентских выборов 2002 г. он получил поддержку Москвы [Yemeljanova 2005]. Более того, хотя силовые ведомства перешли под кураторство полпреда, министерство внутренних дел КБР продолжал возглавлять глубоко встроенный в доминирующую коалицию Х.А. Шогенов, с именем которого связывают притеснения «новых мусульман».

Судя по всему, даже в контексте нарастания кризисных тенденций и рецентрализации политический порядок в КБР мог поддерживать свое существование благодаря медиаторским и лоббистским ресурсам В.М. Кокова. Его присутствие на политической арене нивелировало такие дестабилизирующие региональные тенденции, как нарастающий земельный конфликт и противостояние правоохранительных органов с религиозными фундаменталистами. В сентябре 2005 г. В.М. Коков ушел в отставку вследствие тяжелой болезни. Скорее всего, в других условиях правящая коалиция смогла бы обеспечить переход должности президента кандидату-выходцу из своей же среды. Однако строительство «вертикали власти» отразилось на статье 79 конституции – порядок избрания главы республики гражданами на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании был заменен на наделение полномочиями Президента КБР по представлению главы российского государства парламентом республики. Фактически вопрос о будущем руководителе решался в Москве – через несколько дней после отставки В.М. Кокова полпред в ЮФО Д.Н. Козак прямо заявил прессе о своей осведомленности по поводу кандидатуры следующего президента. Вскоре полномочиями главы республики был наделен бизнесмен А.Б. Каноков.

Новый президент в течение долгого времени развивал бизнес в Москве и держался на определенной дистанции от старого руководства. По сути, назначение «аутсайдера» (по отношению к правящей коалиции) исследователи объясняют антикоррупционными причинами¹. Действительно, вслед за назначением А.Б. Канокова начались перестановки в высших эшелонах органов власти. Во-первых, для оптимизации работы исполнительной власти была создана администрация президента, сосредоточившая в своих руках контроль над политической ситуацией в республике; ее возглавил соратник президента адвокат А.Х. Кажаров. Во-вторых, новым председателем правительства стал А.В. Ярин, считавшийся креатурой аппарата полпреда в Южном федеральном

¹ Казенин К.И. Кабардино-Балкария. Сколько стоит тишина // Московский Центр Карнеги: сайт. URL: <https://carnegie.ru/commentary/67769> (дата обращения: 12.09.2021).

округе. Его кадровая политика, нацеленная на обновление кабинета министров, воспринималась местными политиками враждебно – из 18 членов правительства лишь 6 человек были представителями «коковского» созыва. В-третьих, с поста министра внутренних дел был уволен Х.А. Шогенов. В 2006 г. он подвергся критике за чрезмерный прессинг исламистских радикалов, неспособность справиться с проблемой религиозного экстремизма и коррумпированность ведомства. Его преемником стал выходец из Камчатки Ю.И. Томчак, бывший креатурой аппарата полпреда. С тех пор руководители силовых органов КБР сохраняли автономное положение и не зависели от правительства, на деле подчиняясь федеральным органам власти и полпредству; на руководящие должности в УМВД и УФСБ назначались выходцы из других регионов, не встроены в существующую элиту. Как правило, новоназначенные начальники управлений выстраивали свою клиентелу, таким образом создавая фракцию в правящей коалиции, не связанную с остальными группами и целиком зависящую от федеральных источников ренты. «Оторванность» силовиков от республиканских властей была общей чертой политических режимов во всех субъектах СКФО [Тумов 2020: 217–218].

Конфликтогенный потенциал этих перестановок вкупе со стремлением А.Б. Канокова очистить политическую арену от основных конкурентов в борьбе за власть наложилась на структурные проблемы социально-экономического пространства республики (земельный вопрос, религиозное противостояние), формируя основной фон для остальных политических процессов в республике в 2006–2013 гг.

3.3. Секьюритизация в условиях общегосударственной стабильности

В последней трети 2000-х гг. российский политический режим представлял из себя консолидированную систему. Подавляющее большинство в легислатурах оставалось в руках «Единой России», а точечные перестановки не вносили особых корректировок в констелляцию субнациональных политических акторов. Тем не менее, изменилось содержание внутренней политики. Начало мирового финансово-экономического кризиса 2008 г., падение цен на сырье, а также необходимость поддерживать конструкцию тандема «Медведев-Путин» привели к попыткам федеральной власти бросить ресурсы на начало деполитизированной модернизации ради улучшения инвестиционного климата, развития инфраструктуры и упрочения позиций страны в глобальной экономике [Пабст 2010]. После 2013 г. российский политический режим столкнулся с рядом новых вызовов. Идеи авторитарной модернизации, популярные в президентство Д.А. Медведева, оказались замещены интересами ключевых акторов, вовлеченных в поиск ренты, и отсутствием социального запроса на крупномасштабные реформы, поскольку население не желало жертвовать своим благополучием ради экономических экспериментов [Гельман 2019: 41]. Помимо этого, ухудшающаяся ситуация в экономике после 2012 г. выразилась в снижении реальных доходов населения,

падении уровня потребления и дестабилизации региональных бюджетов [Политическое развитие... 2016: 51–57]¹.

Политическая динамика на Северном Кавказе находилась в фокусе особого внимания ключевых акторов на федеральном уровне. Россия получила право проведения зимних Олимпийских игр 2014 г. в Сочи, что предвещало масштабные инвестиции в местную инфраструктуру и имело важное значение для стабилизации ситуации в регионе с высоким уровнем насилия. Вооруженный конфликт в Южной Осетии 2008 г. вылился в военную реформу, укрепившую роль силовиков в политическом процессе [Gratz 2014: 4]. В 2009 г. была завершена военная кампания в Чечне. Гражданская война в Сирии оказалась напрямую связана с государственной позицией в отношении исламистского движения и черкесского вопроса, формирующих повестку дня в Кабардино-Балкарии. В это же время республики накрыла новая волна насилия, связанная с объединением экстремистских общин в террористическую организацию «Имарат Кавказ». Обеспокоенность ситуацией в сфере безопасности привела к изменению системы управления регионом. В 2010 г. 6 республик Северного Кавказа и Ставропольский край были объединены в Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО).

Вооруженный конфликт между органами правопорядка и вооруженными исламистами в Кабардино-Балкарии занял верхнюю строчку в политической повестке республики. Даже после ликвидации лидеров местная ячейка Имарата нарастила свои организационные возможности и в 2010–2012 гг. совершила ряд громких терактов и убийств; в феврале 2011 г. власти ввели на территории Баксанского и Эльбрусского района режим контртеррористической операции, который имел разрушительный эффект для индустрии туризма. При некоторых колебаниях Кабардино-Балкария удерживала второе – после Дагестана – место среди субъектов СКФО по интенсивности столкновений силовых структур с вооруженным подпольем [Тумов и др. 2019: 123]. При этом республиканские власти, как и прежде, были отчуждены от борьбы с терроризмом, которая была отдана на откуп федеральным силовикам; руководители силовых органов КБР сохраняли автономное положение и не зависели от правительства КБР, на деле подчиняясь федеральным органам власти и полпредству; кроме того, на руководящие должности в УМВД и УФСБ назначались выходцы из других регионов, не встроенные в существующую элиту – так, в 2010 г. МВД возглавил С.В. Васильев из Кемеровской области.

Как правило, на плечи губернаторов ложился экономический аспект профилактики и борьбы с экстремизмом, и бэкграунд А.Б. Канокова позволял возлагать на него надежды как на успешного бизнесмена. Тем не менее, к 2012 г. было ясно, что амбициозные планы принятой в 2007 г. «Стратегии развития КБР до 2022 года» несбыточны, а крупномасштабные проекты типа возрождения вольфрамо-молибденового комбината, создания

¹ Зубаревич Н.В. Рост турбулентности в регионах и городах России: оценка перспектив и рисков. 03.11.2015 // Политком.РУ: информационный сайт политических комментариев. URL: <http://politcom.ru/19260.html> (дата обращения: 12.09.2021).

высокотехнологичных сельскохозяйственных комплексов и строительства завода чистых полимеров «Этана» не получили развития. Правительство республики ставило себе в заслугу увеличение количественных показателей (например, рост ВРП и собираемость налогов) и снижение процента субвенций из федерального бюджета с 67,7% до 49%. Тем не менее, реальный размер федеральных трансфертов Кабардино-Балкарии был значительно выше за счет перечислений, связанных с модернизацией инфраструктуры. Более того, эксперты отмечали, что инвестиционный климат не улучшился ни с точки зрения гарантий прав собственности и соблюдения контрактов, ни с точки зрения физической безопасности, а нерешенность земельного вопроса еще больше усиливала неопределенность в возможностях модернизации региона [Стародубровская, Казенин 2013: 6; Северный Кавказ... 2012: 70]. При этом вопросы модернизации и перераспределения земель стали очередным конфликтогенным фактором политической динамики.

Попытка модернизации Северного Кавказа стала частью проекта авторитарной модернизации России, который исследователи единодушно считают неудачным [Гельман, Стародубцев 2014: 6–7]. С самого начала стратегия подверглась критике; в основном она касалась нереалистичных целей и отсутствия опоры на реальную ситуацию в регионе. Так, она практически не учитывала региональную специфику с ее высокой долей неформальной экономики и малых форм хозяйствования АПК, развитых, например, в Кабардино-Балкарии [Ашхотова 2015: 44]¹. Истинные мотивы реализации программы, видимо, лежат в плоскости распределения ресурсных потоков. К.И. Казенин утверждает, что федеральный центр согласился на выделение такой суммы ради того, чтобы местные элиты получили возможность доступа к «освоению» средств в обмен на обеспечение относительной стабильности в регионе². С ним соглашается ряд других экспертов; по их мнению, поскольку ограничение доступа к экономической ренте ограниченным количеством акторов усиливает стимулы к применению насилия среди элит, государство решило существенно расширить доступ к ренте.

Примером конфликтогенного потенциала инфраструктурных инвестиций стала программа развития местного туркластера. Ее реализацией занималась госкорпорация «Курорты Северного Кавказа» (КСК); после переговоров с правительством КБР она заявила о создании горнолыжного курорта «Эльбрус-Безенги», что требовало передачи части земель Эльбрусского, Черекского и Чегемского районов в распоряжение КСК. Однако на этой территории уже сложилась «очаговая» туристическая индустрия, в которой были

¹ The North Caucasus: Islam, Security and Politics. Meeting Summary 1 June 2012 // Chatham House – International affairs Think Tank: website. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/270612summary.pdf> (дата обращения: 09.11.2021).

² Казенин К.И. Снова в горы: что стало с курортным проектом на Северном Кавказе. 17.01.2017 // РБК – Деловое информационное агентство: сайт. URL: https://www.rbc.ru/opinions/politics/17/01/2017/587dda819a79474f241e697f?utm_source=amp_full-link (дата обращения: 12.09.2021).

преимущественно заняты местные жители; экспансия со стороны федеральных агентств и республиканских властей воспринималась ими как угроза «территории проживания балкарского народа» [Северный Кавказ... 2011: 205]. Проблема недостаточного доступа жителей сел поднималась с начала 2000-х гг. и тесно сплелась с балкарским этническим движением. Политика республиканского правительства, нацеленная на закрепление земель отгонного животноводства в республиканской собственности и передачу рекреационных территорий КСК спровоцировала волну протестов, кульминацией которых стала голодовка балкарских активистов на Манежной площади в Москве в 2011 г., ставшая попыткой перевести вопрос о земле в федеральную повестку. Впоследствии территория Приэльбрусья стала зоной проведения контр-террористической операции, а сам конфликт оказался законсервирован.

Позиции А.Б. Канокова, который в 2010 г. вновь был назначен главой КБР, не казались крепкими. Опросы показывали, что в 2012 г. около 70% жителей КБР были недовольны ситуацией в республике [Хайкин, Попов 2012: 16]. В последние годы президентства А.Б. Канокова обострилась борьба за власть; с точки зрения расстановки сил конкурирующих групп и форм их взаимоотношений показательны события лета-осени 2012 г., когда по коррупционному «делу филармонии» были привлечены к ответственности действующий глава администрации главы КБР и министр по управлению госимуществом, которые приходились родственниками президенту. Задержанные и сам губернатор обвинили в фабрикации этого дела Ю.А. Кокова, руководителя департамента по противодействию экстремизму МВД РФ, стремившегося к созданию собственной клиентелы в силовых органах КБР¹. Тезисы о неустойчивости политического режима в КБР и недовольстве федерального центра социально-экономическим положением в республике получили подтверждение 6 декабря 2013 г., когда А.Б. Каноков подал в отставку с должности главы по собственному желанию; временно исполняющим обязанности главы был назначен Ю.А. Коков.

Назначение Ю.А. Кокова врио главы произошло незадолго до истечения срока парламента. Одновременно нужно было решить вопрос о выборах главы, поскольку федеральное законодательство предоставляло альтернативные варианты – как проведение прямого голосования жителей субъекта, так и назначение руководителя субъекта законодательным органом власти. Очевидно, что, хотя принятие закона о выборах главы формально находилось в компетенции парламента, решение принималось в других кругах. Полпред А.Г. Хлопонин прямо посоветовал Ю.А. Кокову провести выборы через Парламент, а не посредством народного голосования [Юрий Коков... 2013]. В итоге была изменена часть 1 статьи 79 конституции – теперь она устанавливала, что глава КБР избирается депутатами парламента после представления кандидатуры президентом России сроком на пять лет. Назначенные на 14 сентября 2014 г. выборы парламента в связи с вышесказанным имели важное

¹ Алленова О. Все это выглядело как оскорбление республики. 25.06.2012 // Коммерсант: сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1958453> (дата обращения: 12.09.2021).

значение, так как новому созыву предстояло осуществить процедуру назначения главой КБР кандидата, предложенного президентом РФ. Состав законодательного собрания обновился на 68%, в основном за счет людей, рекрутированных в депутаты из местного чиновничества и работников бюджетной сферы – педагогов, врачей, деятелей культуры; соответственно, уменьшилась доля представителей бизнеса, численно доминировавших в «канокновском» созыве. На внеочередной сессии парламента все 70 депутатов проголосовали за наделение Ю.А. Кокова полномочиями Главы КБР.

Мотивы федерального центра, спешно меняющего руководство региона, в данной ситуации были очевидны – приближающиеся Олимпийские игры, политическая нестабильность в регионе и вооруженный конфликт с участием исламистских структур уже давно обусловили назначение губернаторами в СКФО силовиков; бизнесмен А.Б. Канокнов оставался исключением среди них. Эта же тенденция отразилась и на руководстве федерального округа – в 2014 г. полпредом в СКФО стал С.А. Меликов, выходец из внутренних войск МВД РФ. В 2016 г. на должность полпреда был назначен О.Е. Белавенцев, еще один выходец из силовых структур. Перестановки коснулись и силовых структур в республике, в первую очередь МВД КБР, которое возглавил И.К. Ромашкин, уже имеющий опыт работы на Северном Кавказе и противодействия терроризму.

Перечисленные выше перестановки сопровождались расширением присутствия государства, в частности силовых органов и спецслужб. Совокупные усилия позволили изменить динамику жертв вооруженных конфликтов – так, количество убитых и раненых среди сотрудников спецслужб и членов подполья упало с 123 в 2013 г. до 1 в 2017 г. [Тумов и др. 2019: 123]. В 2014 г. завершился судебный процесс над участниками нападения на Нальчик в 2005 г. Одновременно возрос интерес правоохранителей к расколотову черкесскому движению. Многие «несистемные» черкесские активисты, чья протестная деятельность была связана с приближающимися Олимпийскими играми, были арестованы в 2013–2014 гг.¹ Представители более умеренных организаций, сосредоточившихся на помощи и адаптации репатриантов из Сирии, столкнулись с рядом юридических и финансовых препятствий². Таким образом, консолидация политического порядка и расширение присутствия федеральных силовиков привели к тому, что внутренняя политическая динамика в губернаторство Ю.А. Кокова оказалась на определенный период времени законсервирована.

¹ Черкесский вопрос в Сочи: столица Олимпиады или геноцида? // Интернет-СМИ «Кавказский узел»: сайт. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/238010/> (дата обращения: 12.09.2021).

² Баева А. 150 лет назад Россия депортировала черкесов в Сирию. Теперь они бегут обратно – но и здесь им не рады. 24.08.2018 // SIA «Medusa Project»* – «Медуза»*: сайт. URL: <https://meduza.io/feature/2018/08/24/150-let-nazad-rossiya-deportirovala-cherkesov-v-siriyu-teper-oni-begut-obratno-no-i-zdes-im-ne-rady> (дата обращения: 12.09.2021).

* Признано Минюстом иностранным СМИ, выполняющим функции иностранного агента.

В условиях политической секьюритизации доступ к существующим экономическим рентам по-прежнему был ограничен узким кругом лиц. Тем не менее, новая государственная политика носила двойственный характер в отношении основных бенефициаров этих рент. Показательны в этом ключе два кейса, связанных с рынками недвижимости и алкоголя.

В 2010-е гг. «новые мусульмане» сформировали свою субкультуру, находящуюся в идеологическом «подполье» и занятую в не связанных с государством сегментах малого бизнеса и сферы услуг [Такова 2016: 275–276]. В их среде сформировались собственные патронажные сети, принадлежность к которым гарантировала их оторванность от остальных социальных групп. Однако отдельные представители этой структуры вошли в правящую коалицию, получив доступ к рынку недвижимости – застройщики стали бенефициарами государственных программ повышения доступности жилья. С точки зрения государственного конфликт-менеджмента очевиден стабилизирующий эффект включения сетей «новых мусульман» в экономику региона как средство повышения их лояльности.

Второй кейс связан с ликероводочным бизнесом, который на протяжении 2000-х гг. был бюджетообразующей индустрией. В 2015 г. было открыто уголовное дело, связанное с коррупцией в руководстве Росалкогольрегулирования. Впоследствии спиртовые заводы КБР потеряли свои лицензии и были обвинены в неуплате налогов и контрабанде алкоголя. Тогда же в республике появились контрольно-пропускные посты на выездах в Ставропольский край и Северную Осетию, на которых несли службу сотрудники федеральных силовых ведомств; эксперты утверждают, что КПП были открыты с целью контроля контрабандной спиртовой продукции. Как выяснилось позже, индустрия алкогольного контрафакта пользовалась неформальным покровительством со стороны руководителей республиканского УГИБДД, что объясняет присутствие федеральных силовиков¹. В результате, по утверждению Ю.А. Кокова, все ликероводочные заводы в КБР были остановлены, а доходы бюджета КБР в первой половине 2017 г. недосчитались более 2 млрд руб. за счет потери акцизов на алкоголь. Помимо этого, несколько тысяч жителей КБР потеряли работу. Учитывая, что рынок алкоголя в России продолжает расти, в республике появились слухи о том, что местная ликероводочная индустрия была уничтожена в угоду интересам «неместных» олигархов, в частности, владельцам государственной корпорации «Росспиртпром»².

¹ Чаблин А. Алкоголь ‘обезглавил’ полицию КБР. 12.07.2019 // Интернет-СМИ «Кавказ-Пост»: сайт. URL: https://capost.media/special/alkogol_obezglavil_politsiyu_kbr/ (дата обращения: 12.09.2021).

² Водочников «слили» // Кавказская политика: сайт. URL: https://kavpolit.com/blogs/obmanyue_nadezhdu/29808/ (дата обращения: 12.09.2017); Сагдиев Р. Как был создан крупнейший в России продавец дешевой водки. 27.03.2016 // «Ведомости»: сайт. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/03/28/635309-vodka-svyazyami> (дата обращения: 12.09.2021).

4. Заключение

В данной работе мы рассмотрели миротворческие и стабилизационные практики, применяемые российским правительством в одном из беспокойных пограничных субъектов на протяжении постсоветского периода. Используя эти методы, государство добилось установления гегемонного дискурса с целью делегитимации оппонентов, контроля над физическим пространством и расширения присутствия государства в регионе, а также утверждения политико-экономического порядка, характеризуемого патронажным распределением ренты.

Нелиберальное миротворчество как средство стабилизации «беспокойных» северокавказских субъектов появилось в арсенале российских властей сразу после распада Советского Союза. Даже несмотря на высокую степень децентрализации и ограниченность рычагов влияния на ситуацию в регионах, Москва выработала тактику лавирования между политическими силами с целью определения акторов, союз с которыми приносил бы наибольшие дивиденды в виде стабилизации – в случае Кабардино-Балкарии это была удерживающая власть позднесоветская номенклатура, вынужденная конкурировать с этнической оппозицией. В дискурсивном поле республиканские власти ориентировались на риторику социального консерватизма, используемую для делегитимации националистического и сепаратистского дискурсов – в условиях ухудшающейся обстановки на Северном Кавказе Москве импонировал подобный подход. Количественное и качественное увеличение государственного присутствия заключалось в первую очередь в расширении штата и финансирования правоохранительных органов, введении на территорию республики силовых подразделений, а также выделении достаточно крупных субвенций из федерального бюджета на строительство инфраструктуры. Последние были также призваны установить государство и связанные с ним организации в качестве монопольного распределителя экономической ренты, доступ к которой был бы возможен только через принадлежность к кругу лоялистов.

Кризис первого постсоветского политического порядка, вызванный внутренними объективными причинами и уходом с политической арены лидера, совпал с новыми тенденциями в российской системе управления. Дискурсивная политика в условиях рецентрализации проявилась во внедрении антитеррористического нарратива, который эксплуатировал страх населения перед деятельностью религиозных фундаменталистов. Новая пространственная политика выразилась в принудительном изменении конфигурации правительства республики, состав которого претерпел значительное обновление. Более того, правоохранительные органы были выведены из-под контроля республиканских органов власти и превратились в независимую структуру, на плечи которой была возложена война с террором. Бюджетная политика изменилась таким образом, что была нацелена на модернизацию экономического пространства – естественным образом новые источники ренты способствовали обогащению правящей коалиции и имели только

опосредованный эффект на качество жизни населения в республике. Новые тенденции в федеративных отношениях оказали прямое влияние на крушение первого политического порядка. Сформировавшаяся под покровительством нового президента А.Б. Канокова система внутриэлитных соглашений уже не была инклюзивной – место широкой коалиции элит под руководством В.М. Кокова заняла клиентела федеральных органов власти, в число которой входил и сам президент.

Неэффективность политического порядка, сформировавшегося под покровительством А.Б. Каноковым, в разрешении существующих противоречий, а также его изначально конфликтотенная природа, выразившаяся в отчуждении многих элитных акторов от доступа к власти и ренте, привели к потере доверия в глазах федерального центра. С приходом на пост главы силовика Ю.А. Кокова начавшиеся в 2000-е гг. тренды получили свое закрепление. В дискурсивном поле по-прежнему доминировала борьба с террором как главной угрозой стабильности и благополучия региона. Одновременно распространение интернета означало подрыв монополии государства на информационную политику; ясное осознание этого привело к усилению роли спецслужб и компетентных надзорных органов, призванных сформировать над республикой «экран тишины» в условиях Олимпийских игр. Видимые улучшения в сфере безопасности сопровождались консервацией внутренней политической динамики. В политике распределения рент новым стало сочетание инклюзивных (кооптация контр-элит) и эксклюзивных (интересы федеральных акторов были поставлены выше вопросов стабилизации региона) методов.

Изучение случая Кабардино-Балкарии является важным вкладом в дело изучения специфики авторитарных подходов к разрешению конфликтов в различных политических условиях. Суть нелиберального миротворчества заключается в установлении государственного контроля над господствующими дискурсами, проникновением государства в наиболее важные сферы общественной жизни и подчинении государству механизмов распределения экономических рент. Присущие конкурентной политической среде проявления открытой борьбы за власть резонно воспринимаются как угроза статусу-кво, в то время как «автократизация» и закрепление недемократических методов управления видятся «необходимым злом», удерживающим общество от наихудших последствий, вплоть до распада страны. Однако это же превращает нелиберальное миротворчество в ситуативную тактику, неспособную поддерживать стабильность в обществе на протяжении длительного периода времени – относительно частая динамика политических порядков в Кабардино-Балкарии подтверждает этот тезис. Новые подходы к разрешению конфликтов должны реалистично улавливать контекст и специфику общественных отношений. Теория политических порядков способна не только объяснить причины неудачи стратегий по разрешению конфликтов, но и предложить новые методы, учитывающие сложность местной специфики и важность неформальных институтов в стабилизации постконфликтных обществ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Апажева 2018 – *Апажева Е.Х.* Национальный вопрос и межнациональные отношения на Северном Кавказе 1985–2000 гг. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. – 200 с.

Ашхотова 2015 – *Ашхотова М.Р.* Модернизация механизма регулирования земельных отношений в условиях малоземелья: дисс. ... канд. эконом. наук. – Нальчик: КБГАУ им. В.М. Кокова, 2015. – 160 с.

Боров 2017 – *Боров А.Х.* Эволюция политических институтов Кабардино-Балкарской Республики в 1990-х – 2010-х годах: факторы, тенденции, предварительные итоги // Актуальные проблемы социально-политического и этнокультурного развития современной Кабардино-Балкарии. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2017. – С. 4–69.

Боров и др. 2018 – *Боров А.Х., Дзамихов К.Ф., Мамсилов Х.Б.* Региональный опыт политических трансформаций в новейшей истории России: Кабардино-Балкарская Республика // Новейшая история России. – 2018. – Т. 8. – № 3. – С. 691–707.

Боров и др. 1999 – *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 183 с.

Боров, Тумов 2017 – *Боров А.Х., Тумов А.А.* Элиты и постсоветская трансформация политических режимов в республиках Северного Кавказа: «случай» Кабардино-Балкарии // Исторический журнал: научные исследования. – 2017. – № 4. – С. 40–55.

Гельман 2006 – *Гельман В.Я.* Возвращение Левиафана? Политика рецентрализации в современной России // Полис. – 2006. – №2. – С. 90–109.

Гельман 2019 – *Гельман В.Я.* «Недостойное правление»: политика в современной России. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 254 с.

Гельман, Стародубцев 2014 – *Гельман В.Я., Стародубцев А.В.* Возможности и ограничения авторитарной модернизации: российские реформы 2000-х годов // Полития. – 2014. – №4. – С. 6–30.

Казенин 2009 – *Казенин К.И.* «Тихие конфликты» на Северном Кавказе. Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. – М.: REGNUM, 2009. – 180 с.

Литвинова 2011 – *Литвинова Т.Н.* Политические институты на Северном Кавказе в контексте развития российской государственности. – Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2011. – 292 с.

Пабст 2010 – *Пабст А.* «Третий путь» Дмитрия Медведева // Россия в глобальной политике. – 2010. – № 5. – С. 23–34.

Политическое развитие... 2016 – *Политическое развитие* России. 2014–2016: Институты и практики авторитарной консолидации / Отв. ред. К. Рогов. – М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 216 с.

Северный Кавказ... 2011 – *Северный Кавказ: модернизационный вызов* / Отв. ред. И.В. Стародубовская. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2011. – 328 с.

Северный Кавказ... 2012 – *Северный Кавказ: Взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития* / Отв. ред. Матвеева А.Г. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2012. – 172 с.

Стародубовская, Казенин 2013 – *Стародубовская И.В., Казенин К.И.* Северный Кавказ: Quo vadis? – М.: Комитет гражданских инициатив, 2013. – 67 с.

Стародубовская, Казенин 2016 – *Стародубовская И.В., Казенин К.И.* Северный Кавказ и современная модель демократического развития. – М.: Комитет гражданских инициатив, 2016. – 69 с.

Стародубовская, Соколов 2013 – *Стародубовская И.В., Соколов Д.В.* Истоки конфликтов на Северном Кавказе. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – 280 с.

Такова 2016 – *Такова А.Н.* «Молящаяся» мусульманская молодежь как субкультура кабардино-балкарского общества // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2016. – № 2. – С. 255–280.

Тумов 2017 – *Тумов А.А.* Избирательный процесс в современной Кабардино-Балкарии: эволюция политических условий, устойчивость политических результатов // Электронный журнал «Кавказология». – 2017. – № 2. – С. 119–139. – DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-2-119-139>

Тумов 2020 – *Тумов А.А.* Тенденции и проблемы политического развития республик Северного Кавказа в постсоветский период: опыт Кабардино-Балкарии: дисс. ... канд. ист. наук. – Нальчик: КБГУ им. Х.М. Бербекова, 2020. – 345 с.

Тумов и др. 2019 – *Тумов А.А., Татаров А.А., Машуков Х.В.* Кабардино-Балкария в 2014–2019 годах: в поисках решения старых проблем // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 4. – С. 112–127. – DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-4-112-127>

Указ Президента... 1992 – *Указ Президента РФ №1232* «О мерах по государственной поддержке социально-экономического положения КБР» от 14 октября 1992 г. // Кабардино-Балкарская правда. – 20 октября 1992. – № 202. – С. 1.

Хайкин, Попов 2012 – *Хайкин С.Р., Попов Н.П.* Протестные настроения на Северном Кавказе: общее и особенное // Мониторинг общественного мнения (часть I). – 2012. – № 4. – С. 14–28.

Цуциев 2007 – *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – М.: Европа, 2007. – 128 с.

Шипилов, Кузьмина 2007 – *Шипилов В.И., Кузьмина С.В.* История милиции Кабардино-Балкарии: этапы создания, становления и развития. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – 376 с.

Шорова 2010 – *Шорова М.Б.* Национальный вопрос в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии (середина 1980-х – 1990-е гг.): дисс. ... канд. ист. наук. – Нальчик: КБГУ им. Х.М. Бербекова, 2010. – 206 с.

Юрий Коков... 2013 – *Юрий Коков:* борьба с экстремизмом – не во вред экономике // Газета Юга. – 12 декабря 2013 г. – № 40. – С. 1.

Cheng and oth. 2018 – *Cheng C., Goodhand J., Meehan P.* Securing and Sustaining Elite Bargains that Reduce Violent Conflict. Synthesis Paper. – London: UK Stabilisation Unit, 2018.

Derlugian 2004 – *Derlugian G.M.* Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus. – New-York: Verso, 2004. – 408 p.

Gammer 2014 – *Gammer M.* Separatism in the Northern Caucasus // Caucasus Survey. – 2014. – Vol. 1. – No. 2. – P. 37–47.

Gelman 2002 – *Gelman V.* Russia's Elites in Search of Consensus: What Kind of Consolidation? // Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization. – 2002. – Vol. 10. – No. 3. – P. 343–361.

Golosov 2014 – *Golosov G.* Co-optation in the Process of Dominant Party System Building: the Case of Russia // East European Politics. – 2014. – Vol. 30. – No. 2. – P. 271–285.

Golosov 2017 – *Golosov G.* Legislative Turnover and Executive Control on Russia's Regions (2003-2014) // Europe-Asia Studies. – 2017. – Vol. 69 – No. 4. – P. 553–570.

Gratz 2014 – *Gratz J.* «Russia's Military Reform: Progress and Hurdles» // CSS Analyses in Security Policy. – 2014. – No. 152. – P. 1–4.

Holland 2016 – *Holland E.C.* Economic Development and Subsidies in the North Caucasus // Problems of Post-Communism. – 2016. – Vol. 63. – No. 1. – P. 50–61.

Holland and oth. 2017 – *Holland E.C., Witmer F.D.W., O'Loughlin J.* The Decline and Shifting Geography of Violence in Russia's North Caucasus, 2010–2016 // Eurasian Geography and Economics. – 2017. – Vol. 58. – No. 6. – P. 613–641.

Kahn 2000 – *Kahn J.* The Parade of Sovereignities: Establishing the Vocabulary of the New Russian Federalism // Post-Soviet Affairs. – 2000. – Vol. 16. – No. 1. – P. 58–89.

Keen 2021 – *Keen M.* Assessing authoritarian conflict management in the Middle East and Central Asia // Conflict, Security, and Development. – 2021. – Vol. 21. – No. 3. – P. 245–272.

- Khan 2018 – *Khan M.* Political Settlements and the Analysis of Institutions // *African Affairs*. – 2018. – No. 117. – P. 636–655.
- Koehler and oth. 2020 – *Koehler J., Gunya A., Shogenov M., Tumov A.* Violence and the Dynamics of Political Settlements in Post-Soviet Kabardino-Balkaria // *Perspectives on Terrorism*. – 2020. – Vol. 14. – No. 2. – P. 93–111, 233–236.
- Lewis and oth. 2018 – *Lewis D., Heathershaw J., Megoran N.* Illiberal peace? Authoritarian Modes of Conflict Management // *Cooperation and Conflict*. – 2018. – Vol. 53. – No. 4. – P. 486–506.
- Melvin 2007 – *Melvin N.* Building Stability in the North Caucasus. Ways Forward for Russia and the European Union. SIPRI Policy Paper No. 16. – Stockholm: SIPRI, 2007. – 59 p.
- Pearce 1999 – *Pearce J.* Peace-building in the Periphery: Lessons from Central America // *Third World Quarterly*. – 1999. – Vol. 20. – No. 1. – P. 51–68.
- Plonski, Yousuf 2018 – *Plonski S., Yousuf Z.* Borderlands and Peacebuilding: a View from the Margins. PSRP Report, Accord. Conciliation Resources, 2018 [Electronic resource]. URL: <https://www.politicalsettlements.org/wp-content/uploads/2018/11/Accord-Insight-4-Borderlands-WEB.pdf> (access date: 21.10.2021)
- Ross 2002 – *Ross C.* Federalism and Democratization in Russia. – Manchester: Manchester University Press, 2002. – 182 p.
- Souleimanov 2015 – *Souleimanov E.* An Ethnography of Counterinsurgency: Kadyrovtsy and Russia's Policy of Chechenization // *Post-Soviet Affairs*. – 2015. – Vol. 31. – No. 2. – P. 91–114.
- The North Caucasus... 2012 – *The North Caucasus: The Challenges of Integration (III): Governance, Elections, Rule of Law.* Europe Report No. 226. – 2012. – 48 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.refworld.org/pdfid/522d78cf4.pdf> (access date: 21.10.2021).
- Toft, Zhukov 2012 – *Toft M., Zhukov Y.* Denial and Punishment in the North Caucasus: Evaluating the Effectiveness of Coercive Counter-Insurgency // *Journal of Peace Research*. – 2012. – Vol. 49. – No. 6. – P. 785–800.
- Yemelianova 2005 – *Yemelianova G.* Kinship, Ethnicity and Religions in post-Communist Societies // *Ethnicities*. – 2005. – No. 5. – P. 51–82.
- Youngman 2020 – *Youngman M.* Crossing the Rubicon // *Perspectives on Terrorism*. – 2020. – Vol. 14. – No. 6. – P. 106–121.

REFERENCES

- APAZHEVA E.Kh. *Nacional'nyi vopros i mezhnacional'nye otnosheniya na Severnom Kavkaze 1985-2000 gg.* [National issue and interethnic relations in the North Caucasus, 1985–2000]. – M.: BIBLIO-GLOBUS, 2018. – 200 p. (In Russian)
- ASHKHOTOVA M.R. *Modernizatsiya mehanizma regulirovaniya zemel'nyh otnoshenii v usloviyah malozemel'ya: diss. ... kand. ekonom. nauk* [Modernisation of land tenure regulation amidst land shortage: dissertation ... of the candidate of economic sciences degree]. – Nalchik: V.M. Kokov KBGAU, 2015. – 160 p. (In Russian)
- BOROV A.Kh. *Evolutsiya politicheskikh institutov Kabardino-Balkarskoi Respubliki v 1990-h – 2010-h godah: faktory, tendentsii, predvaritel'nye itogi* [Evolution of political institutions in Kabardino-Balkarian Republic in the 1990–2010s: factors, tendencies, preliminary results]. IN: *Aktual'nye problemy social'no-politicheskogo i etnokul'turnogo razvitiya sovremennoi Kabardino-Balkarii*. – Nalchik: KBNC RAN, 2017. – P. 4–69. (In Russian)
- BOROV A.Kh., DUMANOV Kh.M., KAZHAROV V.Kh. *Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, pusti stanovleniya, problem* [Modern statehood of Kabardino-Balkaria: roots, formation, issues]. – Nalchik: El'-Fa, 1999. – 183 p. (In Russian)
- BOROV A.Kh., DZAMIKHOV K.F., MAMSIROV Kh.B. *Regional'nyi opyt politicheskikh transformatsiya v noveishei istorii Rossii: Kabardino-Balkarskaya Respublika* [Regional experience of political transformations in contemporary Russian history: the case of the Kabardino-Balkarian Republic]. IN: *Noveishaia istoriya Rossii*. – Vol. 8. – No. 3. – P. 691–707. (In Russian)

BOROV A.Kh., TUMOV A.A. *Elity i postsovetskaya transformaciya politicheskikh rezhimov v respublikah Severnogo Kavkaza: 'sluchai' Kabardino-Balkarii* [Elites and post-Soviet transformation of political regimes in the North Caucasus republics: the case of Kabardino-Balkaria]. IN: *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. – 2017. – No. 4. – P. 40–55. (In Russian)

CHENG C., GOODHAND J., MEEHAN P. *Securing and Sustaining Elite Bargains that Reduce Violent Conflict*. Synthesis Paper. – London: UK Stabilisation Unit, 2018. (In English)

DERLUGIAN G. *Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus*. – New-York: Verso, 2004. – 408 p. (In English)

GAMMER M. *Separatism in the Northern Caucasus*. IN: *Caucasus Survey*. – 2014. – Vol. 1. – No. 2. – P. 37–47. (In English)

GEL'MAN V.Y. (2006) *Vozvrashhenie Leviatana? Politika recentralizacii v sovremennoi Rossii* [The return of Leviathan? Recentralisation politics in post-Soviet Russia]. IN: *Polis*. – 2006. – No. 2. – P. 90–109. (In Russian)

GEL'MAN V.Y. 2019 *«Nedostoinoe pravlenie»: politika v sovremennoi Rossii* [Bad governance: politics in modern Russia]. – Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019. – 254 p. (In Russian)

GELMAN V.Y. *Russia's Elites in Search of Consensus: What Kind of Consolidation?* IN: *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. – 2002. – Vol. 10. – No. 3. – P. 343–361. (In English)

GEL'MAN V.Y., STARODUBTSEV A.V. *Vozmozhnosti i ogranicheniya avtoritarnoi modernizacii: rossiiskie reformy 2000-h godov* [Opportunities and limites of authoritarian modenisation: reforms in the 2000s Russia]. IN: *Politeia*. – 2014. – No. 4. – P. 6–30. (In Russian)

GOLOSOV G.V. *Co-optation in the Process of Dominant Party System Building: the Case of Russia*. IN: *East European Politics*. – 2014. – Vol. 30. – No. 2. – P. 271–285. (In English)

GOLOSOV G.V. *Legislative Turnover and Executive Control on Russia's Regions (2003–2014)*. IN: *Europe-Asia Studies*. – 2017. – Vol. 69. – No. 4. – P. 553–570. (In English)

GRATZ J. *Russia's Military Reform: Progress and Hurdles*. IN: *CSS Analyses in Security Policy*. – 2014. – No. 152. – P. 1–4. (In English)

HAJIKIN S.R., POPOV N.P. *(Protestnye nastroyeniya na Severnom Kavkaze: obshhee i osobennoe* [Disaffection in the North Caucasus: generalities and particularities]. IN: *Monitoring obshchestvennogo mneniya (chast' I)*. – 2012. – No. 4. – P. 14–28. (In Russian)

HOLLAND E.C. *Economic Development and Subsidies in the North Caucasus*. IN: *Problems of Post-Communism*. – 2016. – Vol. 63. – No. 1. – P. 50–61. (In English)

HOLLAND E.C., WITMER F.D.W., O'LOUGHLIN J. *The Decline and Shifting Geography of Violence in Russia's North Caucasus, 2010–2016*. IN: *Eurasian Geography and Economics*. – 2017. – Vol. 58. – No. 6. – P. 613–641. (In English)

KAHN J. *The Parade of Sovereignties: Establishing the Vocabulary of the New Russian Federalism*. IN: *Post-Soviet Affairs*. – 2000. – Vol. 16. – No. 1. – P. 58–89. (In English)

KAZENIN K.I. *«Tihie konflikty» na Severnom Kavkaze. Adygeya, Kabardino-Balkariya, Karachaevo-Cherkesiya* [Silent conflicts in the North Caucasus: Adygea, Kabardin-Balkaria, Karachay-Cherkesia]. – M.: REGNUM, 2009. – 180 p. (In Russian)

KEEN M. *Assessing authoritarian conflict management in the Middle East and Central Asia*. IN: *Conflict, Security, and Development*. – 2021. – Vol. 21. – No. 3. – P. 245–272. (In English)

KHAN M. *Political Settlements and the Analysis of Institutions*. IN: *African Affairs*. – 2018. – No. 117. – P. 636–655. (In English)

KOEHLER J., GUNYA A., SHOGENOV M., TUMOV A. *Violence and the Dynamics of Political Settlements in Post-Soviet Kabardino-Balkaria*. IN: *Perspectives on Terrorism*. – 2020. – Vol. 14. – No. 2. – P. 93–111, 233–236. (In English)

LEWIS D., HEATHERSHAW J., MEGORAN N. *Illiberal peace? Authoritarian Modes of Conflict Management*. IN: *Cooperation and Conflict*. – 2018. – Vol. 53. – No. 4. – P. 486–506. (In English)

LITVINOVA T.N. *Politicheskie instituty na Severnom Kavkaze v kontekste razvitiya rossiiskoi gosudarstvennosti* [Political institutions in the North Caucasus amidst evolution of Russian statehood]. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 292 p. (In Russian)

MELVIN N. Building Stability in the North Caucasus. Ways Forward for Russia and the European Union. SIPRI Policy Paper No. 16. – Stockholm: SIPRI, 2007. – 59 p. (In English)

PABST A. «Tretii put'» Dmitriya Medvedeva [‘The third path’ of Dmitry Medvedev]. IN: *Rossiya v global'noi politike*. – 2010. – No. 5. – P. 23–34. (In Russian)

PEARCE J. Peace-building in the Periphery: Lessons from Central America. IN: *Third World Quarterly*. – 1999. – Vol. 20. – No. 1. – P. 51–68. (In English)

PLONSKI S., YOUSUF Z. Borderlands and Peacebuilding: a View from the Margins. PSRP Report, Accord. Conciliation Resources, 2018 [Electronic resource]. URL: <https://www.politicalsettlements.org/wp-content/uploads/2018/11/Accord-Insight-4-Borderlands-WEB.pdf> (access date: 21.10.2021). (In English)

Politicheskoe razvitie Rossii. 2014–2016: Instituty i praktiki avtoritarnoi konsolidacii [Political development of Russia. 2014–2016. Institutions and patterns of authoritarian consolidation. Ed. By K. Rogov]. – Moscow: Fond «Liberal'naya Missiya», 2016. – 216 p. (In Russian)

President Decree No. 1232 «O merah po gosudarstvennoi podderzhke social'no-ekonomicheskogo polozheniya KBR» [On the state support for socio-economic situation in KBR], 14 October 1992 g. IN: *Kabardino-Balkarskaya Pravda*. – 20 October 1992. – No. 202. – P. 1. (In Russian)

ROSS C. Federalism and Democratization in Russia. – Manchester: Manchester University Press, 2002. – 182 p. (In English)

Severnyi Kavkaz: modernizacionnyi vyzov [The North Caucasus: the challenge of modernization. Ed. by I.V. Starodubrovskaya]. – Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANHiGS, 2011. – 328 p. (In Russian)

Severnyi Kavkaz: Vzgliad iznutri. Vyzovy i problemy social'no-politicheskogo razvitiya [The North Caucasus: The view from inside. Challenges and problems of socio-political development. Ed. By A.G. Matveeva]. – Moscow: Institut Vostokovedeniya RAN, 2012. – 172 p. (In Russian)

SHIPILOV V.I., KUZ'MINA S.V. *Istoriya milicii Kabardino-Balkarii: etapy sozdaniya, stanovleniya i razvitiya* [The history of militia in Kabardino-Balkaria: making, formation, and evolution]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh, 2007. – 376 p. (In Russian)

SHOROVA M.B. *Nacional'nyi vopros v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Kabardino-Balkarii (seredina 1980-h – 1990-e gg.): diss. ... k.i.n.* [National issue in socio-political life of Kabardino-Balkaria (mid 1980s – 1990s): dissertation ... of the candidate of historical sciences degree]. – Nalchik, 2010. – 206 p. (In Russian)

SOULEIMANOV E. An Ethnography of Counterinsurgency: Kadyrovtsy and Russia's Policy of Chechenization. IN: *Post-Soviet Affairs*. – 2015. – Vol. 31. – No. 2. – P. 91–114. (In English)

STARODUBROVSKAJA I.V., KAZENIN K.I. *Severnyi Kavkaz i sovremennaya model' demokraticheskogo razvitiya* [The North Caucasus and the contemporary trajectory of democratisation]. – Moscow: Komitet grazhdanskikh iniciativ, 2016. – 69 p. (In Russian)

STARODUBROVSKAJA I.V., KAZENIN K.I. *Severnyi Kavkaz: Quo vadis?* [The North Caucasus. Quo vadis?] – Moscow: Komitet grazhdanskikh iniciativ, 2013. – 67 p. (In Russian)

STARODUBROVSKAJA I.V., SOKOLOV D.V. *Istoki konfliktov na Severnom Kavkaze* [The origins of conflicts in the North Caucasus]. – Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANHiGS, 2013. – 280 p. (In Russian)

TAKOVA A.N. «Molyashhayasya» musul'manskaya molodezh' kak subkul'tura kabardino-balkarskogo obshchestva [‘Praying’ muslim youth as a subculture of the Kabardino-Balkarian society]. IN: *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. – 2016. – No. 2. – P. 255–280. (In Russian)

The North Caucasus: The Challenges of Integration (III): Governance, Elections, Rule of Law. Europe Report No. 226, 2012. – 48 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.refworld.org/pdfid/522d78cf4.pdf> (access date: 21.10.2021). (In English)

TOFT M.D., ZHUKOV Y.M. Denial and Punishment in the North Caucasus: Evaluating the Effectiveness of Coercive Counter-Insurgency. IN: Journal of Peace Research. – 2012. Vol. 49. – No. 6. – P. 785–800. (In English)

TSUTSIEV A.A. *Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza* [The North Caucasus atlas of ethnopolitical history] (1774–2004). – M.: Evropa, 2007. – 128 p. (In Russian)

TUMOV A.A. *Izbitatel'nyi process v sovremennoi Kabardino-Balkarii: evolyuciya politicheskikh uslovii, ustoychivost' politicheskikh rezul'tatov* [Electoral process in modern Kabardino-Balkaria: evolution of political conditions, stability of political results]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2017. – No. 2. – P. 119–139. – DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-2-119-139> (In Russian)

TUMOV A.A. *Tendencii i problemy politicheskogo razvitiya respublik Severnogo Kavkaza v postsovetskii period: opyt Kabardino-Balkarii: diss. ... k.i.n.* [Tendencies and problems of political development in the North Caucasus republics: the case of Kabardino-Balkaria: dissertation ... of the candidate of historical sciences degree]. – Nalchik, 2020. – 345 p. (In Russian)

TUMOV A.A., TATAROV A.A., MASHUKOV H.V. *Kabardino-Balkariya v 2014–2019 godah: v poiskah resheniya starykh problem* [Kabardin-Balkaria in 2014–2019: in the quest for solutions to the old problems]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2019. – No. 4. – P. 112–127. – DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-4-112-127> (In Russian)

YEMELIANOVA G.M. Kinship, ethnicity and religions in post-Communist societies. IN: *Ethnicities*. – 2005. – No. 5. – P. 51–82. (In English)

YOUNGMAN M. Crossing the Rubicon. IN: *Perspectives on Terrorism*. – 2020. – Vol. 14. – No. 6. – P. 106–121. (In English)

Yuri Kokov: bor'ba s ekstremizmom – ne vo vred ekonomike [Yuri Kokov: combatting extremism without harming the economy]. IN: *Gazeta Yuga*. – 12 December 2013. – No. 40. – P. 1. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Новейшая история

УДК 94(470.64):316:322

DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-233-245

ПОСТСОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМА В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

А.А. ТАТАРОВ

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173*

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
'Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук'
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: traveller9090@mail.ru*

Аннотация. С 1990-х годов на Северный Кавказ пережил различные конфликты между государством и религиозными акторами, иногда с устрашающими последствиями. Комплексный взгляд на эти вспышки конфликта часто ограничивается вниманием к возрождению и внутренней динамике ислама в постсоветский период. Между тем, изменения в российском государстве с 2000-х годов, которые носили характер рецентрализации, усиления государственной монополии на насилие и государственного контроля над организациями, можно также рассматривать как важный фактор, влияющий на легальное существование оппозиционных групп или организаций. Кейс Кабардино-Балкарии, традиционно стабильной республики Северного Кавказа, способствует пониманию того, как преобразование государства в России с конца 1990-х годов повлияло на развитие религиозного конфликта и институционализацию ислама на региональном уровне.

Ключевые слова: Северный Кавказ; Кабардино-Балкария; основное естественное государство; ислам; институционализация.

THE POST-SOVIET STATE AND INSTITUTIONALIZATION OF ISLAM IN KABARDIN-BALKARIA

A.A. TATAROV

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173

FSBSE «Federal Scientific Center
‘Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’»
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
Email: traveller9090@mail.ru

Abstract. Since the 1990s, the North Caucasus has experienced various conflicts between state and religious actors, sometimes with dreadful consequences. A comprehensive perspective on these outbursts of conflict is often constrained by the sole focus on the revival and internal dynamics of Islam in the post-Soviet period. The changes in the Russian state since the 2000s, which were in the nature of recentralization and strengthening of the state’s monopoly over violence and the state’s control over organizations, can be considered as an important factor influencing the legal existence of opposition groups or organizations. The case study of Kabardino-Balkaria, traditionally a stable republic of the North Caucasus, contributes to understandings of how the transformation of the state in Russia since the late 1990s influenced the development of religious conflict and the institutionalization of Islam.

Keywords: North Caucasus; Kabardino-Balkaria; basic natural state; Islam; institutionalization.

Map 1. The administrative division of the North Caucasus.

In recent decades, the North Caucasus has been consistently associated with violence, and ethnic and religious conflicts. The remarkable diversity of languages, cultures, and religions represents a grave challenge to the security concerns on this

area. Such diversity contributes to the risk of violence, and the societies of the North Caucasus encompass a fragmented institutional framework in which informal traditional institutions not only tend to run counter to the formal rules and norms, but also may contradict each other.

After the collapse of the Soviet Union and the rapid revival of religion in public spaces, the Kabardino-Balkarian Republic (KBR) faced a conflict between two alternatives to Islamic development in the late 1990s to early 2000s. The Spiritual Administration of Muslims (*Dukhovnoe upravlenie musul'man*, DUM) adhered to a position of moderate Islam, mild desecularization, and keeping religion in the private sphere. Radical fundamental Muslims conceptually united around unregistered organizations and the united *Jamaat*. The leaders of the latter preached the need to spread pure Islam and Sharia law, and opposed ethnic Islam and a compromise between ethnic traditions and religious rites, set in previous decades. Sharp disputes arose over issues of religious education, funeral and wedding ceremonies, “correct” mosques, and the preservation of non-Islamic elements in culture. Structural and institutional changes had been taking place in the Russian state, parallel to the growth of religiously-oriented violence, which led to an increase in Moscow’s control over processes in the Russian regions, especially in the conflict-ridden North Caucasus.

The issue of Islam in the North Caucasus is mainly tackled in connection with conflicts between the state and religious actors [Dannreuther 2010; Филатов 2007; Кисриев 2007; Шогенов 2011; Shterin, Yarlykapov 2011; Стародубровская, Казенин 2016], which, to one degree or another and at different times, have engulfed virtually all Muslim republics from Dagestan to Adygea. The dominance of the conflict-oriented approach is due to the ingrained academic tradition and the view of the Russian state as a guarantor of stability and development in the national republics. The question of the causes of the conflict in Kabardino-Balkaria, of why the line was cut in this republic, does not find an unambiguous answer. My research question is to examine the impact of the political institutions transformation since the late 1990s on the conflict in Kabardino-Balkaria between the Spiritual Administration of Muslims, supported by the state, and the *Jamaat* representing the interests of fundamental Muslims.

Here, I will first touch upon the problem of the state in post-Soviet Russia, which in the twenty-first century has regained assertive control over violent non-state actors and regional public organizations it had lost in the disorder of the 1990s. I will describe the development of the conflicts between the state and the official legal Muslim organization, the DUM KBR, on the one hand, and the *Jamaat* KBR, the organization that turned out to be beyond the limits of state control, on the other. This case study contributes to understandings of how the transformation of the state in Russia since the late 1990s influenced the development of religious conflict and the institutionalization of Islam in Kabardino-Balkaria.

Directions of Institutional Change in the Russian State Since the Late 1990s

The Russia of the 1990s could be said to have been in a state of decentralization, in which chaotic liberalization accompanied a weakening of the

social performance of the state and temporary loss of control by the Center over national politics. One of the decentralization effects was the growth of separation tendencies in the regions, especially in ethnic republics, with the growing mistrust of citizens toward the state and its institutions, and their preference to resort to “non-state” violence as the best way to protect their interests.

In the 2000s, the state reasserted its control over administrative and economic resources in the Russian regions and the involvement of sub-national elites in the ruling coalition. It was not only informal institutions that began to actively penetrate the structure of regional power. The central unfolding processes of structural political changes in Russia are associated with the formation of a system of vertical distribution of power, the so-called vertical of power. In a crisis of centrifugal tendencies, by the end of the 1990s the ruling coalition faced a drastic challenge to create mechanisms that could turn these trends in the opposite direction and bring together the interests of federal and regional elites. The immediate post-Soviet years demonstrated that formal institutions in the structure of power were less effective than informal rules and networks of trust.

At the end of the twentieth century, the process of re-centralization began, and the state gradually returned to fulfilling its functions, and to a more complete control over power resources, which is historically customary for the Russian state. In contrast to the 1990s, a period that began with active economic transformation, the 2000s marked the reorganization of the governmental system, which provided a fast and vigorous transformation and ideological consolidation that, in turn, increased federal control over regional resources.

To frame the analysis of institutions and their dynamics in post-Soviet Russia and the North Caucasus we refer to research of North et al. [North and oth. 2009]. All countries in the world are either open-access states or, and more often, limited-access states. The latter can be divided into fragile states (unable to support any organization except the state itself), basic states (able to support organizations but within the framework of the state), and mature states (able to support a wide range of organizations outside the immediate control of the state patron–client networks among the ruling class, based on personal relations emerging in the conditions of a fragile natural state, and aspiring to “structure the creation, gathering, and distribution of rents that can limit violence” [North and oth. 2009: 21].) This analysis implies that the transition to a more mature form of the state leads to a greater monopolization on violence on the part of the government, while rents provide economic incentives for elites to reduce violence, cooperate in the ruling coalition, and maintain social stability. Being limited-access orders, natural states are organized in such a way that access to rents is limited to non-elite actors and organizations.

The Soviet Union was an exception among basic natural states since it monopolized violence to the extent that is typical of mature natural states [Стародубровская, Соколов 2016: 21]. Russia returned to being a fragile state after the collapse of the Soviet Union. At the beginning of the 2000s, however, it retransformed into a basic state. This process was particularly difficult in the conflict-ridden regions of the North Caucasus, where the level of violence became greater than in the rest of the country.

Researchers attribute today's KBR and postwar Chechnya to the basic natural state. Concurrently, a number of features of a fragile natural state are still visible in Dagestan [Стародубровская, Казенин 2016: 67–8]. The “fragility” of the system can be an advantage as it reduces the risk of violence through bringing about more economic advantages. The level of business development, freedom of expression, and diverse social activity in Dagestan compared favorably with the more stable postwar Chechnya, until recently.

Regional and local elites consider government subsidies to be the main access to rents and are prone to organizational and financial dependence on the center, so the state has the opportunity to increase its influence at the local level. In Chechnya and Ingushetia, there was an almost complete renewal of regional elites in 1990s, while in Dagestan power was taken by representatives of new national movements and businesses. In Karachay-Cherkessia, entrepreneurs from the world of the shadow Soviet economy (*tsekhoviks*) came forward. But, in the KBR, late Soviet elites continue to dominate in the twenty-first century [Стародубровская, Казенин 2016: 22]. The mechanisms and forces that ensured the renewal of elites in the 1990s were largely dependent on regional changes and the struggle of local elites, but in the 2000s and 2010s, state strategies and decisions changed to be increasingly decisive.

The Roots of Religious Schism in the KBR

The dynamics of social order imply the consolidation of adapted changes among institutions rather than substitution of old institutions by new ones. A conflict offers a convenient presentation of the applicability of adaptive changes as criteria for accomplished institutional change. A single conflict can also contribute to the status quo in any institutional space, or to returning to the arena of those institutions that once lost their applicability. The confrontation between the Jamaat KBR and the DUM KBR reflects the opposition between the institutions of a newly resurgent Islam striving to its fundamental origins and that of traditional Islam that seeks to preserve its internal order.

In the North-West Caucasus, traditional Islam alone cannot provide an organizational alternative to fundamental Islam. Despite the fact that this role is sought by state-oriented Spiritual Administration's leaders as well as national intelligentsia calling for moderate religiosity and a return to the ideals of ethnic culture and ethical attitudes, the state and power structures are the main opponents of fundamentalists and, concurrently, investors in traditional Islam.

With the fall of the Soviet Union, new trends in Islam rapidly became popular against the background of traditional settings of beliefs such as Sunni Islam, for instance, and giving “plain and concrete answers to terrestrial problems” these trends gained success in the new “spiritual marketplace” [Pelkmans 2009: 2]. Although the republics of the North-West Caucasus did not remain aloof from the impressive and rapid growth of Muslim identity, their starting positions were less advantageous than in the east. In Chechnya, Dagestan, and Ingushetia, the pace and scale of Islamization was significantly greater, largely due to the more stable resistance of Sufi communities to the Soviet anti-religious policy, as well as geographical and other

factors. Yarlykapov [Ярлыкапов 2006] points out that in the North-West Caucasus (Adygea, Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia), it is more appropriate to speak not about rebirth but about the re-establishment of Islam; that is, re-Islamization.

By the early 2000s, there were two parallel options for the future of Islam in the KBR. The first was to maintain the status quo; that is, to keep religious institutions closer to the private sphere and allow a combination of national traditions and Islam. Despite the various organizations and commissions in the sphere of state–confessional relations, it was the DUM system that was destined to play the key role of intermediary between the power system and Muslims of all types at the regional level. However, the official clergy could not, and still cannot, gain the trust of all communities in the short run. If too closely identified with the state, official Muslim figures always risked “losing religious authority in the eyes of some Muslims and being accused of working in the interest of the state rather than representing Muslim communities” [Braginskaia 2010: 51].

The priorities of the DUM are more likely connected not with gaining prestige in society, but with trustworthy relations with the authorities. The reliance of governmental authorities on legal religious institutions leads to the latter aiming to satisfy their own corporate interests, rather than to any protest against the political system and its ideological basis [Филатов 2007: 43]. This opens Spiritual Administration up, as non-profit organizations, to access to government grants and funds, as well as the support of private sponsors.

The second option for the future of Islam in the post-soviet KBR was fundamental Islam that looked more attractive to those who aspired to establish “pure” Islam. In parallel with the formation of the DUM system in the public life of the entire North Caucasus in the 1990s, radical religious movements were becoming increasingly powerful in public spaces, receiving various names in research, the media, and official state rhetoric (Wahhabists, Salafis, fundamentalists, etc.). Basically, ambiguous terms in religious discourse in the North Caucasus reflect the region’s diversity, including the dissonance between the theological foundations of a particular religious movement and its practice in society. For some scholars the case of fundamental Islam requires a sensible and even meticulous approach to terminology, as the abandonment of a “theological” approach to understanding Wahhabism [Кисриев 2007: 107; Стародубровская, Казенин 2016: 5], or understanding the regional specifics of Islamic fundamentalism in North-West Caucasus [Ярлыкапов 2006].

In the case of the North-West Caucasus, the term “Young Muslims” is widely used, carrying both an age aspect and one of identity, opposed to “popular” Islam. An unexpected emergence of groups consisting predominantly of young people seeking to purify Islam from “superfluous” and imported traits was primarily caused by the return to the KBR of Muslims who studied at Arab universities. They often identified as “praying Muslims,” setting themselves against Muslims who stay outside the mosque and the community most of the time.

An analysis of Islamic fundamentalism in the North Caucasus shows it can have radical and moderate facets and depend not only on the adopted configuration of values and priorities in various groups of communities. Berger considers religious

fundamentalism as a “hard-to-explain thing” but, in any case, “passionate religious movement” [Berger 1999: 2]. In some social conditions, fundamentalists can quite successfully and organically adapt to the surrounding reality while maintaining their specific identity, while in other cases they become irreconcilable opponents, choosing a path of armed confrontation against the state and political power [Стародубовская, Казенин 2016: 19].

The Young Muslims in the KBR have been able to substantially challenge the dominant perspective of Islam, but it continues to prevail today. However, the move to streamline relations between the center and the regions did not become a guarantor of stability; conversely, it provoked an escalation in violence. The KBR that relatively peacefully survived the 1990s faced the threat of religious split in the following decade, and armed radicals even attempted to seize power in Nalchik in 2005. According to Luckmann, institutionally specialized religion may become a dynamic social force, causing tensions “between religious experience and the requirements of everyday affairs. Specifically religious communities may emerge, claiming loyalties that place their followers in conflict with ‘secular’ institutions – or the members of other religious communities” [Luckmann 1967: 117]. But the dynamics of the competition or violent conflict between religious movements and organizations remains an unclear issue without understanding the influencing factors such as changes in political institutions.

The State Reacting the Conflict of Religious Organizations

During its formation between 1998 and 2005, the Kabardino-Balkarian Jamaat (the Jamaat KBR) became one of the republic’s largest organizations. It came close to autonomous development and to influencing political discourse and the legal system without being controlled by the state-oriented DUM. The word *jamaat* has, since the early 1990s, been increasingly applied to a union of Muslims living in the same block (quarter) and attending the same mosque or prayer house [Бабич, Ярлыкапов 2003: 67].

With the spread of fundamental Islam, the jamaats became more associated with the Young Muslims. Being an unregistered association, the Jamaat had a rigid vertical structure; that remarkably resembled the internal structure of the DUM. The organizations bore similarities in having been impacted by the general concept of territorial administration and decision-making through the councils of religious leaders.

There were both external and internal factors related to the transformation and radicalization of the Jamaat and other similar regional and supra-regional organizations. External influence accounted for the spread of radical Salafist ideology that “prioritise[d] a Muslim over an ethnic or national identity, also provide[d] a connection with the global dynamics of radicalisation in Islamic thought and practice” [Dannreuther 2010: 122]. In this context, the Kabardino-Balkarian Jamaat was “a new religious group that turned violent as a result of a complex evolution,” whereas some other organizations – such as Caucasian Emirate (since 2007) – were

initially “designed to implement their ideology through violent means” [Shterin, Yarlykapov 2011: 321].

The 1990s saw a spontaneous emergence of various religious groups and organizations that were not initially opposed to each other. So, it is quite easy to confuse the Islamic Institute at the DUM (since 1993) – from where the future head of the DUM, Pshihachev, graduated – with the Islamic Centre opened with the DUM’s approval in 1993 and headed by Mukozhev, proclaimed by the Young Muslims as an Amir of the Kabardino-Balkarian Jamaat in 1998.

The transition from a fragile limited-access order to a basic one in the early 2000s narrowed the possibilities for organizations to exist outside the immediate control of the state. The campaign to register religious associations – stretching for several years after the adoption of the federal law “On Freedom of Conscience and Religious Associations” (1997) – was the first stage in legalizing those organizations that fell under the definition of “traditional” for Russia, and in dislodging those organizations that did not fit into the post-Soviet institutional framework. In official Russian doctrine, Russian Islamic communities are not formally restricted to represent themselves as a part of the Muslim world. But, throughout the 2000s, Muslim communities had decreasing opportunity to obtain funding from abroad and access to study in universities in Arab countries.

In the early stages of the Islamic revival, the DUM had neither the intention nor the resources to prevent the emergence of alternative structures. In the KBR there were not enough qualified and educated mullahs. Organizational and resource weakness in management consolidation of frameworks, and the simultaneous strengthening of opposition structures among Muslim communities, led the DUM to appeal for the support of secular authorities. Discrediting the Jamaat and its leaders, the official clergy regained the positions of status that had been lost in 1990-s [Шогенов 2011: 117]. Members of the Jamaat, in turn, opposed the official clergy and activities of the DUM in matters of Islam. Rather than being of a theological nature, the ripening conflict took the shape of a struggle for influence over Muslims, encompassing personal confrontations.

Control over the activities of oppositional communities proved difficult. In 2005, there were about 150 mosques that were influenced by the Jamaat and DUM supporters at the same time. As of January 2006, 110 Muslim religious organizations were registered in the republic, most of which had appeared since the beginning of the 2000s [Религии... 2008: 394, 448]. Concurrently, by the end of the Kabardino-Balkarian Jamaat’s existence in 2005 it united about 40 communities and, according to some data, extended its influence over several thousand people [Жуков 2008].

In April 2004, the DUM’s chairman, Pshikhachev, started the process of centralizing the organization he led. From then on, the DUM reserved the right to appoint, control, and dismiss imams in any mosque of the republic, thereby knocking the Jamaat out of the legal field on the ground. Increasing insurgency among the Young Muslims, coupled with violent clashes with law enforcement agencies, eventually resulted in the organized attack by the most radical segments on a number institutional targets in Nalchik on October 13th and 14th, 2005, making “underground” Islam an inevitable manifestation of protest.

The scale of this protest of the Young Muslims against the institutions of official Islam and tough counter-terrorist actions of the state demonstrated that the Jamaat had become a serious opposition force. It is noteworthy that in November 2004, about 1500 people pointedly celebrated Eid al-Fitr (the festival of breaking the fast) one day before the day set by the DUM [Религии... 2008: 150]. Strengthening the DUM's control over mosques and madrasas, supported by the participation of security services, compelled the leaders of the Jamaat to focus on their own network of mosques.

The existence and spread of the ideas of radical Islam was not just an imported trend, but a more complex process that developed in specific institutional framework. For example, nationality and language played a significant role in local networks of trust in a multi-ethnic society such as the KBR. This is due to the logic of Soviet national construction and ethnic mobilization that affected the division of interests of ethnic elites. But, in fundamentalist Islamic communities, the influence of the ethno-territorial factor can be traced, too. Jamaats cover mostly mono-national quarters outside urban areas; on a more complex organizational level, the principle of ethnic parity affects the distribution of positions in radical religious organizations (for example, the Caucasus Emirate and its regional offices), "although the local Islamists stand against dividing the areas by ethnicity" [Текушев 2015: 85].

Between 2000 and 2010, the threat of terror and murder became a daily concern within the discourse of Islam in the KBR marked with confrontation, not only between structures and organizations, but also between religious, ethnic, and civil identity models. Three resonant murders occurred in 2010: A. Astemirov, one of the leaders of the Jamaat; A. Pshihachev, the Chairman of the DUM; and A. Tsipinov, the supporter of the idea of ethnic identity's domination over religious identity.

In recent years there has been a marked decrease in the number of victims of religious conflict in the KBR (Figure 1). The official statement that tough counter-terrorist actions of the state, especially on the eve of the Sochi Olympics in 2014, yielded concrete results does not give a sufficiently complete explanation of this dynamic. Of importance is the wider discourse that reflects what Huntington [Huntington 1996] called an exhaustion of the primary participants of the conflict, and that is connected with the perception of actors – "performers" and "targets" – by "observers" [Beck 2015]. Essentially, informal cultural restrictions can penetrate deeper into issues of control over religious communities than formal policies enacted by the state [Finke, Harris 2012: 56]. In the KBR, radical Muslims's attacks targeted local police, long beards or the practice of shaving the mustache are examples of often negatively perceived scenes in urban and rural areas which dismiss the radical fundamentalism no less than the law against religious extremism. State institutions and official religious organizations do not enjoy high public confidence either. For example, the recognition of efforts to streamline funeral rites – DUM's response to the Young Muslim leaders' attempts to eliminate non-religious elements in religious practices – theoretically promised a significant reduction in tension, but neither side found sufficient support. The "observing" party – that is, the majority of the population – still prefers the old, financially and organizationally costly funeral

institution, and this is due to people's commitment to the status quo and preservation of the existing interweaving of national and religious institutions.

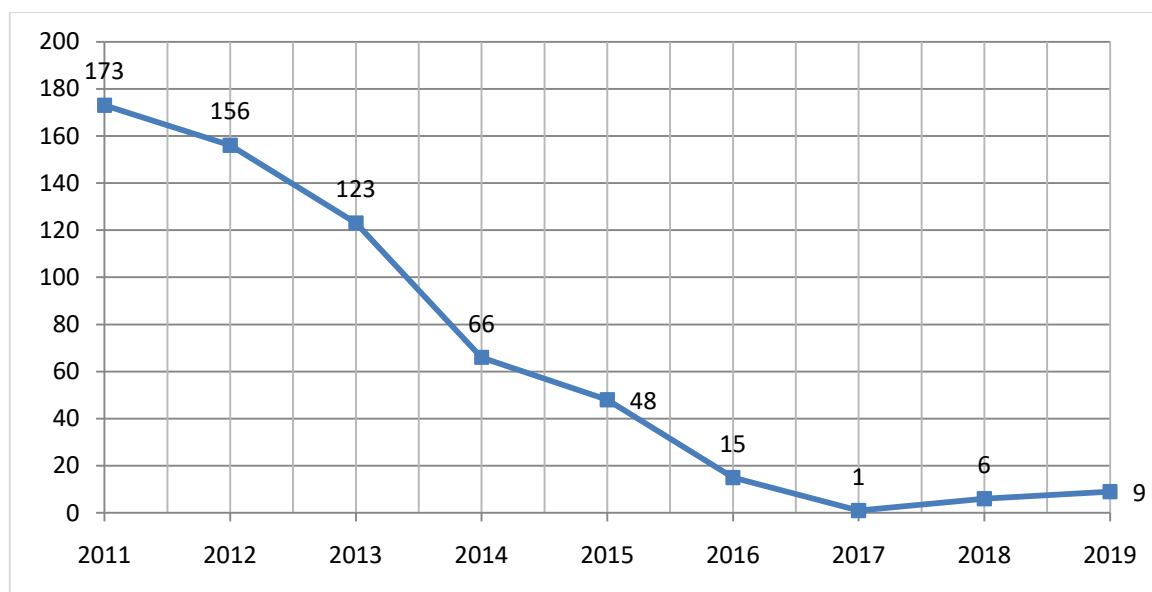

Figure 1. The number of victims of armed clashes in the KBR (Compiled from information on the website “Caucasian Knot”¹)

Conclusions

The modern Russian state positions itself as a social actor that not only wards off the danger of society turning into chaos but that also acts as a necessary external force for integration, even within individual republics, while taking into account the specificity and history of the North Caucasus. The essence of this external force lies in the institutional differences between sub-national state-building and national state-building.

Russian state's centralization in the early 2000s can be described, as a transition from a fragile order that cannot control the formation of organizations to a basic order [North and oth. 2009]. This process was marked by the fact that the vertical of power made inroads into every level of political establishment in the regions of Russia. The state sought to eliminate organizations located outside public discourse and formal constraints. The official Spiritual Administration of Muslims was not prepared to resist the new and dynamically developing alternative structures.

The conflict between the DUM and the Jamaat was an entirely new challenge for the official Islamic establishment, the solutions to which were beyond the extant

¹ В 2017 году число жертв конфликта на Северном Кавказе снизилось на 39% // Интернет-СМИ «Кавказский Узел»: сайт. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/317687/> (дата обращения: 23.09.2021); За 2018 год число жертв конфликта в Кабардино-Балкарии выросло на 500% // Интернет-СМИ «Кавказский Узел»: сайт. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/331639/> (дата обращения: 23.09.2021); В 2018 году число жертв конфликта на Северном Кавказе снизилось на 38% // Интернет-СМИ «Кавказский Узел»: сайт. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/snizhenie_chisla_zhertv_2018#n3_4 (дата обращения: 23.09.2021).

institutional framework. It was the state that emerged as the main deterrent against the evolution of Islamic fundamentalism. Despite the state's increasing interest in institutions of moderate traditional Islam and their integration potential, modern religious policy is aimed primarily at depriving Muslim fundamentalists of the ability to develop their public organizational network within the legal field. The power approach of the state played a role in the escalation of violence, but at the same time it facilitated the reduction in armed clashes that had accompanied religious violence since the early 2000s.

The institutionalization of Islam in the Russian regions is controversial, and moderate traditional Islam still retains a major influence on Muslim communities. An understanding of the dynamics of violence in the modern North Caucasus should take into account three coexisting types of identity – civil, religious, and ethnic – that manifest particularly noticeably in the course of regulatory competition. At the turn of the 21st century the deepening modernization and the state's re-centralization in the North Caucasus came across the growing Islamization of society, and also the tendency of “moderate traditionalization” associated with the preservation of the ethnic culture and language – an idea advocated by the post-Soviet ethnic intelligentsia. But after conflicts of identities the issue of a new, fourth identity capable of balancing the pluralism of multidirectional tendencies and being supported by the state's policies is growing increasingly relevant.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бабич, Ярлыкапов 2003 – *Бабич И., Ярлыкапов А.* Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия. – М.: РГБ, 2003. – 143 с.

Жуков 2008 – *Жуков А.* Кабардино-Балкария: на пути к катастрофе // Кавказский узел: вебсайт. 2008. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/142989/> (дата обращения: 21.09.2021).

Кисриев 2007 – *Кисриев Э.* Ислам и социальные конфликты на Северном Кавказе // Религия и конфликт / Под ред. А. Малащенко и С. Филатова. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 107–129.

Религии... 2008 – *Религии* и государственно-конфессиональные отношения в современной Кабардино-Балкарии. Сборник документов и материалов / Под ред. А.Х. Карова. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. – 562 с.

Стародубровская, Казенин 2016 – *Стародубровская И., Казенин К.* Северный Кавказ и современная модель демократического развития. – М.: Институт экономической политики им. Гайдара, 2016. – 69 с.

Стародубровская, Соколов 2016 – *Стародубровская И., Соколов Д.* Истоки конфликтов на Северном Кавказе. – М.: Дело, 2016. – 277 с.

Текушев 2015 – *Текушев И.* Имарат Кавказ как модель // Северный Кавказ на пороге XXI века: факторы нестабильности / Под ред. И. Текушева, К. Шевченко и С. Маркедонова. – Прага: Medium Orient, 2015. – С. 72–91.

Филатов 2007 – *Филатов С.* Традиционные религии, «русская цивилизация» и суверенная демократия // Религия и конфликт / Под ред. А. Малащенко и С. Филатова. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 15–46.

Шогенов 2011 – *Шогенов М.* От религиозной идентичности к религиозному экстремизму в Кабардино-Балкарии: идентификация и анализ конфликтных полей // От понимания локальных конфликтов к использованию шансов развития. Сборник научных трудов. Выпуск 1 / Под ред. Я. Кёлера и А. Гуни. – Берлин, Нальчик: Принт-Центр, 2011. – С. 105–125.

Ярлыкапов 2006 – Ярлыкапов А. «Народный ислам» и мусульманская молодежь Центрального и Северо-Западного ислама // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 2. – С. 59–74.

Beck 2015 – Beck T. The Eye of the Beholder: Violence as a Social Process // Vestnik RUDN. – 2015. – No. 1. – P. 100–144.

Berger 1999 – Berger P. The Desecularization of the World: A Global Overview // Resurgent Religion and World Politics / Edited by P. Berger. – Grand Rapids: Eerdmans Publishing Company, 1999. – P. 1–18.

Braginskaia 2010 – Braginskaia E. Official Discourses and Patterns of State Engagement with Muslim Communities in Britain and Russia // Diversities. – 2010. – No. 1. – P. 41–58.

Dannreuther 2010 – Dannreuther R. Islamic Radicalization in Russia: An Assessment // International Affairs. – 2010. – No. 86 (1). – P. 109–126.

Finke, Harris 2012 – Finke R., Harris J. Wars and Rumors of Wars: Explaining Religiously Motivated Violence // Religion, Politics, Society, and the State / Edited by Fox J. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 53–72.

Huntington 1996 – Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New-York: Simon & Schuster, 1996. – 367 p.

Luckmann 1967 – Luckmann T. The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society. – New-York: MacMillan, 1967. – 128 p.

North and oth. 2009 – North D., Wallis J., Weingast B. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. – New-York: Cambridge University Press, 2009. – 308 p.

Pelkmans 2009 – Pelkmans M. Post-Soviet Space and the Unexpected Turns of Religious Life // Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms, and Technologies of Faith in the Former Soviet Union / Edited by Mathijs Pelkmans. – Oxford: Berghahn Books, 2009. – P. 1–16.

Shterin, Yarlykapov 2011 – Shterin M., Yarlykapov A. Reconsidering Radicalisation and Terrorism: The New Muslims Movement in Kabardino-Balkaria and its Path to Violence // Religion, State and Society. – 2011. – No. 2–3. – P. 303–325.

REFERENCES

BABICH I., YARLYKAPOV A. *Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoj Kabardino-Balkarii: perspektivy i posledstviya* [Islamic Revival in Contemporary Kabardino-Balkaria: Outlooks and Consequences]. – Moscow: RGB Publishing, 2003. – 143 p. (In Russian)

BECK T. *The Eye of the Beholder: Violence as a Social Process*. IN: Vestnik RUDN. – 2015. – No. 1. – P. 100–144. (In English)

BERGER P. The Desecularization of the World: A Global Overview. IN: Resurgent Religion and World Politics / Edited by P. Berger. – Grand Rapids: Eerdmans Publishing Company, 1999. – P. 1–18. (In English)

BRAGINSKAIA E. Official Discourses and Patterns of State Engagement with Muslim Communities in Britain and Russia. IN: Diversities. – 2010. – No. 1. – P. 41–58. (In English)

DANNREUTHER R. Islamic Radicalization in Russia: An Assessment. IN: International Affairs. – 2010. – No. 86 (1). – P. 109–126. (In English)

FILATOV S. *Tradicionnye religii, “russkaya civilizaciya” i suverennaya demokratiya* [Traditional Religions, “Russian civilization,” and Sovereign Democracy]. IN: *Religiya i konflikt* [Religion and Conflict. Edited by A. Malashenko and S. Filatov]. – Moscow: ROSSPEN Publishing, 2007. – P. 15–46. (In Russian)

FINKE R., HARRIS J. Wars and Rumors of Wars: Explaining Religiously Motivated Violence. IN: Religion, Politics, Society, and the State / Edited by Fox J. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 53–72. (In English)

HUNTINGTON S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New-York: Simon & Schuster, 1996. – 367 p. (In English)

KISRIV E. *Islam i social'nye konflikty na Severnom Kavkaze* [Islam and Social Conflicts

in the North Caucasus]. IN: *Religiya i konflikt* [Religion and Conflict. Edited by A. Malashenko and S. Filatov]. – Moscow: ROSSPEN Publishing, 2007. – P. 107–129. (In Russian)

LUCKMANN T. *The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society*. – New-York: MacMillan, 1967. – 128 p. (In English)

NORTH D., WALLIS J., WEINGAST B. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. – New-York: Cambridge University Press, 2009. – 308 p. (In English)

PELKMAN M. *Post-Soviet Space and the Unexpected Turns of Religious Life*. IN: *Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms, and Technologies of Faith in the Former Soviet Union* / Edited by Mathijs Pelkmans. – Oxford: Berghahn Books, 2009. – P. 1–16. (In English)

Religii i gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya v sovremennoj Kabardino-Balkarii [Religions and State-Confessional Relations in Modern Kabardino-Balkaria] / Edited by A. Kh. Karov. – Nalchik: El-Fa Publ., 2008. – 562 p. (In Russian)

SHOGENOV M. *Ot religioznoj identichnosti k religioznomu ehkstreizmu v Kabardino-Balkarii: identifikaciya i analiz konfliktnykh polej* [From Religious Identity to Religious Extremism in Kabardino-Balkaria: Identification and Analysis of Conflict Fields]. IN: *Ot ponimaniya lokal'nykh konfliktov k ispol'zovaniyu shansov razvitiya. Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 1* [From Understanding Local Conflicts to Using Development Opportunities. Collection of Scientific Papers. Part 1]. – Nalchik: Print-Center Publ., 2011. – P. 105–125. (In Russian)

SHTERIN M., YARLYKAPOV A. *Reconsidering Radicalisation and Terrorism: The New Muslims Movement in Kabardino-Balkaria and its Path to Violence*. IN: *Religion, State and Society*. – 2011. – No. 2–3. – P. 303–325. (In English)

STARODUBROVSKAYA I., KAZENIN K. *Severnyj Kavkaz i sovremennaya model' demokraticheskogo razvitiya* [The North Caucasus and the Modern Model of Democratic Development]. – Moscow: Gaidar Institute for Economic, 2016. – 69 p. (In Russian)

STARODUBROVSKAYA I., SOKOLOV D. *Istoki konfliktov na Severnom Kavkaze* [The Origins of Conflicts in the North Caucasus]. – Moscow: DELO Publishing, 2016. – 277 p. (In Russian)

TEKUSHEV I. *Imarat Kavkaz kak model'* [Caucasus Emirate as a Model]. IN: *Severnyi Kavkaz na poroge XXI veka: faktory nestabil'nosti* [North Caucasus on the Threshold of the XXI Century: Factors of Instability. Edited by I. Tekushev, K. Shevchenko and S. Markedonov]. – Prague: Medium Orient, 2015. – P. 72–91. (In Russian)

YARLYKAPOV A. *“Narodnyj islam” i musul'manskaya molodezh' Central'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza* [“People’s Islam” and Muslim youth of the Central and North-West Caucasus]. IN: *Etnograficheskoe obozrenie*. – 2006. – No. 2. – P. 59–74. (In Russian)

ZHUKOV A. *Kabardino-Balkariya: Na puti k katastrofe* [Kabardino-Balkaria: On the Road to Disaster]. IN: *The Caucasian Knot*: website. 2008. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/142989/> (last accessed: 21.09.2021). (In Russian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

УДК 821.352.3/82-144

DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-246-259

ЖАНР БАЛЛАДЫ В КАБАРДИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ

**Л.Б. ХАВЖОКОВА
Р.С. АТЛАСКИРОВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр 'Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук'»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18*

E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, atlaskirovaradima@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию жанра баллады в кабардинской литературе: рассматриваются особенности его генезиса и эволюции в контексте общеадыгского литературного процесса. Впервые изучаются вопросы зарождения жанра в национальной поэзии, прослеживается весь эволюционный путь, начиная от истоков, заканчивая современностью. Исследуется специфика освоения жанра кабардинскими авторами, анализируются конкретные произведения на предмет соответствия/несоответствия его канонам. Всестороннему, комплексному анализу подвержены баллады З. Налоева, Б. Утижева, А. Оразаева, Х. Кажарова, А. Бицуева, выявлены их содержательные и структурно-композиционные особенности. В статье использован ряд научных методов, в числе главных – анализ, описание, а также сравнительно-исторический и герменевтический методы. Полученные результаты могут стать подспорьем при изучении истории жанра баллады в адыгской, в более общем плане – северокавказской – литературе, а также при составлении спецкурсов и написании квалификационных и другого рода исследовательских работ.

Ключевые слова: кабардинская литература; поэзия; лиро-эпика; баллада; жанр; содержание; структура; канон.

BALLAD GENRE IN KABARDIAN LITERATURE: GENESIS AND EVOLUTION

**L.B. KHAVZHOKOVA
R.S. ATLASKIROVA**

*Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budget Scientific Establishment
«Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of
Sciences'»*

360000, Nalchik, Pushkin st., 18

E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, atlaskirovaradima@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the ballad genre in Kabardian literature: the features of its genesis and evolution are considered in the context of the general Adyghe literary process. For the first time, the issues of the origin of the genre in national poetry are studied, the entire evolutionary path is traced, from the origins to the present. The specificity of mastering the genre by Kabardian authors is investigated, specific works are analyzed for compliance / non-compliance with its canons. The ballads of Z. Naloev, B. Utizhev, A. Orazhev, Kh. Kazharov, A. Bitsuev are subjected to a comprehensive, complex analysis, their content and structural-compositional features are revealed. The article uses a number of scientific methods, including the main ones - analysis, description, as well as comparative-historical and hermeneutic methods. The results obtained can be helpful in studying the history of the ballad genre in the Adyghe literature, more generally in the North Caucasian literature, as well as in compiling special courses and writing qualification and other types of research papers.

Keywords: Kabardian literature; poetry; lyric-epic; ballad; genre; content; structure; canon.

БАЛЛАДЭ ЖАНРЫР КЪЭБЭРДЕЙ ЛИТЕРАТУРЭМ: ЗЭРЫЗЭФИЭУВАМРЭ ЗЭРЫЗИУЖЪАМРЭ

Къэбэрдей усыгъэм и тхыдэ гъуэгуанэм уриплъэжмэ, лирикэри лиро-эпикэри зы лъэхъэнэм – XX лӀэщӀыгъуэм и 20–30 гъэхэм – кыызэдэунэхуащ, зэгъусэуи кыызэдэгъуэгурыкӀуащ. Абы и щыхъэтщ ПашӀэ Бэчмырзэрэ ЩоджэнцӀыкӀу Алийрэ я творчествэр. Усэхэм нэмышӀ, абыхэм япэ поэмэхэр я ІэдакӀэ кыщӀэкӀащ. Иужьрейхэм (поэмэхэм) я фӀыгъэкӀэ лиро-эпикэм и зыужьыныгъэр ешэжъа хъуащ, ауэ абыхэм балладэр гуэгъу шахуэхъуар нэхъ иужьыӀуэкӀащ. Япэ адыгэ (къэбэрдей) балладэр дунейм кыщытехъар нобэкӀэ зэхэгъэкӀыжыгъуейми, шӀэч зыхэмылгыр зыщ – жанрым япэ лъэбакъуэхэр щичар Хэку зауэшхуэм иужь лъэхъэнэрщ. Иджырей зэманым ар здынэсар, и къэгъуэгурыкӀуэкӀэ хъуар къэтхутэн ипэкӀэ, абы и тхыдэм хӀэплъэжыпхъэщ, и хабзэ нэхъыщхъэхэмрэ нэщэнэхэмрэ («признак», «свойство» кыидгъэкӀыу) убзыхупхъэщ.

Балладэм и тхыдэр жыжъэ кыщожъэ. Ар XV лӀэщӀыгъуэм роман къэралыгъуэхэм (романыбзэр щызекӀуэхэм – Франджы, Италие, Испание, н.) щызэфӀэувауэ щытащ: *ballade* псалъэм «кызыэрыфэ (е кызыдэфэ) уэрэд» кыикӀыу аращ, и ІукӀэкӀи купщӀэкӀи абы пэгъунэгъу *ballet*, *ballar* псалъэхэм «къафэ», «къэфэн/уджын» («плясть») мыхъэнэ яӀэщ. Зэрынэрылъагъуши, кыщыунэхуа лъэхъэнэм балладэр «ежъу зыщӀэт кызыэрыфэ уэрэду» [Давыдова, Пронин 2003: 102] ялытэу щытащ. Лирикэмрэ лиро-эпикэмрэ ящыщу жанрыр зыхуахынынур щӀэныгъэлӀхэми балладэр зи ІэдакӀэ кыщӀэкӀэ езы усаӀуэ дыдэхэми пӀалъэ кӀыхъкӀэ яхузэхэгъэкӀакъым. Гегель зэритхыгъамкӀэ, «эпикэм и нэщэнэ гуэрхэр хӀэплъагъуэми, ар нэхъыбэу лирикэ тхыгъэу гъэпсащ» [Гегель 1958: 273].

XV лэщыгъуэм балладэм и ухуэкIэр хабзэ ткIийхэм тетащ. Ар рифмэ зэщхь зиIэ строфаищу зэхэлъын хуейт. Строфар сатырийуэ зэхэтынкIэ хьунут, апхуэдэм деж сатыр къэскIэ пычыгъуий хьурт, рифмэр *ababbcbc* ухуэкIэм тетыхьэт. Строфар сатырипщIу щызэхэти къэхьурт, абы щыгъуэм сатырхэр пычыгъуипщI хьу хабзэт, рифмэр *ababbccdc* ухуэкIэм тетт. ЦIыхухьу рифмэмерэ цIыхубз рифмэмерэ зэблэдзауэ, зыр адреим ихьуэжу зэкIэлъыхьыпхьэт. Апхуэдэ гъэпсыкIэ фащэ иIэу балладэр япэ дыдэу франджы усакIуэ Вийон Франсуа и творчествэм щызэфIэувауэ щытащ [Давыдова, Пронин 2003: 102].

КъыкIэлъыкIуэ лъэхьэнэхэм жанрым и ухуэкIэ хабзэхэр нэхь къэтIэсхьащ икIи XX лэщыгъуэм ирихьэлIэу нобэкIэ иIэ нэщэнэхэр зэтеува хьуащ. Иджырей литературэ щIэныгъэмерэ теориэмерэ зэрыщыубзыхуамкIэ, балладэм и нэщэнэ нэхьыщхьэхэм ящыщц усэу зэрыгъэпсар, сюжет зэриIэмерэ конфликт зэрыхэлъымерэ. Апхуэдэуи тхыгъэр драматизмэкIэ гъэнщIа къэхьугъэ гуэркIэ, нэхьыбэрэ – лIыхьужь нэхьыщхьэм и лIэныгъэкIэ иухын хуейщ. Абы щыгъуэми лIыхьужьым и иужьрей гъуэгуанэр пщIэрэ щIыхькIэ гъэнщIауэ, абы и лIэныгъэм лIыгъэ хэлъу, гъэсэнныгъэ-ущииныгъэ мыхьэнэ щIэлърэ щапхьэгъэлыагъуэу щытыпхьэщ. КъыщынэмыщIауэ, балладэм уэрэдымерэ макъамэмерэ я нэщэнэхэр е и купщIэкIэ, е и фащэкIэ (нэхьыбэрэ – етIуанэмкIэ) къыпкьрыщыпхьэщ.

Къэдгъэлыгъуахэр жанрым и хабзэ, нэщэнэ нэхьыщхьэхэр аркъудейщ, ауэ абыхэм нэмыщI, къэзыгъэщI лъэпкъ (лъэпкъ гупсыскIэ), усакIуэ (щхьэзакъуэ дуней лъагъукIэ), къызэрагъэщI бзэм и зэхэлъыкIэ-ухуэкIэ, н. елытакIэ балладэм щхьэхуэныгъэ зэхуэмыдэхэр илэнкIэ хьунуш. Ахэр наIуэ щыхьур зы тхыгъэ хэха е зы усакIуэм и IэдакъэщIэкI зыбжанэ куууэ щызэпкьрах, сюжетымерэ поэтикэмерэ къызэщIэкъуауэ щадж къэхутэныгъэ щхьэхуэхэрщ.

Балладэр сюжет зиIэ усэм хэгъэгъуэщэн хуейкъым. Иджыри зэ къытедгъэзэжынщи, ар лиро-эпикэ жанрщ, абы и ухуэным ищхьэкIэ зи гугъу щытщIа хабзэ псори, нэщэнэхэри щызэдэлэжьапхьэщ.

Адыгэ литературэм и деж балладэр щызэфIэувэ лъэхьэнэм абы тегъэщIапIэу тIу иIащ: япэр – балладэ ухуэкIэ зиIэу лъэпкъ IуэрыIуатэм кыхьэщыж уэрэд гупырщ, етIуанэр – урыс балладэм и щапхьэхэрщ. Ди лъэпкъ балладэм а тIум я нэщэнэхэри зыщIишаш, ауэ щыхьукIи езым и зыужьыныгъэ лъагъуэ хишыжащ.

ИщхьэкIэ зэрыщыжытIащи, зи гугъу тщIы жанрым и пкъыгъуэ нэхьыщхьэхэм ящыщц уэрэдыр, макъамэр. Адыгэ балладэм ахэр пкъырышыпсыхьыныр, «къыдалъхуа хьэл» хуэхьуныр куэдкIэ зи фIыгъэр ищхьэкIэ кыхьэдгъэща IуэрыIуатэ уэрэд гупырщ. ЩIэныгъэлI Гьут Iэдэм зэритхымкIэ, «балладэ ухуэкIэ яIэу адыгэ IуэрыIуатэм жанр зэхуэмыдэхэм иту гъэпса уэрэдхэм уащрохьэлIэ – тхыдэ-лIыхьужь уэрэдхэр (псалъэм папщIэ, «Борэжь и тхьэусыхэ», «Хьэтхым и КъуэкIасэм и уэрэд», н.), лIыхьужь уэрэдхэмерэ гухэль уэрэдхэмерэ я зэхуаку дэт уэрэд лIэужьыгъуэхэр («Жамботрэ Екьубрэ я уэрэд», «Къэнэмэтрэ Къасболэтрэ я уэрэд», «Шэджемोकъуэ

Хьэсанш»), лъагъуныгъэ уэрэдхэр («Іэдииху»), аллегории уэрэдхэр («Дзыгъуищ», «Шынджийхэ я вым и тхьэусыхэ»)» [Гутов 2019: 39].

Иджырей балладэр, поэмэм хуэдэу, лиро-эпикэм и зы жанр лӕуажьыгуэщ. Ар поэмэм кызырыщхьэщыкӕр абы нэхрӕ «нэх цыкӕу зырыщытырщ» [Квятковский 1966: 59], лирикӕ уэрэдым кыщхьэщызыгъэкӕр – сюжет зӕрлӕрщ.

Къӕбӕрдей литературэм щхьэхуэу и гугъу пщӕмӕ, нэх пасэу ятхӕм икӕи балладэм и кӕупхъэм «хуэфӕлӕс» изӕгъӕм ящыщ Нало Заур и «Цыху напӕр» (1957–1980) – къӕбӕрдей литературэм и лъабжӕгъэтӕлӕ икӕи и классик Щоджӕнцыкӕу Алий фӕеплӕ хуицӕр. И купцӕрӕ и фӕцӕкӕ мыр, и пӕ нэхыфӕ кӕмыувӕн хуӕдизу, балладӕ нӕгъӕсӕ.

Балладэм зырыщыхабзӕу, «Цыху напӕм» драматизм куукӕ гъӕнцӕ конфликт щӕлӕщ, гуацӕу екӕуӕкӕ сюжет хыболъагъуӕ, персонаж нэхыщхьэм и лӕныгъӕкӕ еух. Тхыгъэм мифологии лъабжӕ иӕщ (мыри жанрым и зы нӕцӕнӕц): ажалымрӕ гъацӕмрӕ, емрӕ фӕлӕмрӕ, кӕфӕлӕгъӕмрӕ нэхугъӕмрӕ я зӕпӕщӕтыныгъӕ мыухыжыр дунейм и хабзӕ ткӕийуӕ зырыщытыр удымрӕ балладэм и лӕхъужь нэхыщхьӕ цӕимыӕу «лӕмрӕ» я образхӕмкӕ къӕгъӕлӕгъуащ.

Сюжетым кыщыхъу-кыщыщӕм куӕдыр щыгъуазӕщ, сыту жыпӕмӕ «Цыху напӕ» балладӕр еланӕ классым и хрестоматием иту курыт еджапӕхӕм щрагъӕдж.

«Цыху напӕм» и поэтикӕри, зыхуӕбгъадӕ хъун щымыӕу, гъӕцӕгъуӕнщ, екӕущ, шӕрыуӕщ. Ищхьӕкӕ кызырыхӕдгъӕщащи, уэрэдымрӕ макъамӕмрӕ я пкӕыгъуӕ гуӕрхӕр, я хьӕл хӕплъагъуӕныр балладэм и нӕцӕнӕ нэхыщхьӕхӕм ящыщ. Нало З., и тхыгъэм зы бӕуӕгъуӕкӕи кызытӕувыӕн хуӕмейуӕ, тыншу укъоджӕ, и ритмикӕр макъамӕм хуэдӕу шӕцӕлӕщ, рифмӕхӕр кӕулейщ, сатыр 204-рӕ зи кӕыхӕгъ тхыгъӕшхуӕр зырыщыту, жыпхъэм зы мацӕкӕи темыкӕу, хорейкӕ тхӕщ. Уэрэдым и гъӕпсыкӕм пӕгъунӕгъу ицӕу, балладэм зы едзыгъуӕм куӕдрӕ кыщытрегъӕзӕж («припев-рефрену» кӕокӕу): удыр лӕм и пӕщхьӕ кӕиувӕхукӕ, тхыгъэм хӕлӕ драматизмӕр щӕигъӕхуабжӕу, абы и теплӕр усакӕуӕм дигу кӕгъӕкӕж:

*Цы Іуданӕ плъыжськӕ и нӕр
Хуӕдӕщ кӕӕдыхъам,
Псалъӕу жиӕм гур еӕулӕр,
Ецхъу хуӕш хыхъам* [Нало 2013: 122, 123, 124–125].

Балладэм и хьӕл-щӕну литературӕджхӕм кыыхӕгъӕщхьӕхукӕхӕм ящыщ абы Іуӕрыӕатӕ, мифологии, таурыхъ мотивхӕр лъабжӕ хуӕхъунри. Іуӕрыӕатӕ тхыгъӕхӕм я гъӕпсыкӕмрӕ таурыхъхӕм я ухуӕкӕмрӕ пӕгъунӕгъуу тхӕщ Налом и балладӕри. Гъут Іӕдӕм пӕжу гу зырылӕитащи, «мыбы лъабжӕу авторым хуицӕ кӕӕхъугъӕр ущие псысӕм и сюжетым ещхьщ» [Гъут 2013: 65], нӕгъуӕщӕу жыпӕмӕ дидактикӕ хӕлӕщ. Таурыхъхӕр «щӕлӕщ-псӕуащ...» жиӕу кызырызӕӕуащ щӕкӕм тету ухуауӕ, ауӕ нэхъ зыубгъуауӕ «Цыху напӕм» хӕзышӕ Іыхьӕ иӕщ. Тхыгъэм и конфликтым и ублапӕм кӕщӕу щигъӕгъуӕза нӕужь, усакӕуӕм тхылӕеджӕм зыхуегъӕз:

*Ер вы бжакъуэм къызэрикIыр
 ТиIамэ, Iуэху къэхъунт?
 Ер псы фальэм зэрыхэлыр
 ИиIам, лIыр ефэнт?*

*А псы фальэм кыкIа Iуэхур
 КъэтIуэтэниц иджы.
 Ар къэфциIэну фэ фыхуеймэ,
 Мы тхыдэжбыр вджы [Нало 2013: 122–123].*

«Ер вы бжакъуэм къокI» жыхуиIэ адыгэ псалъэжбыр тхыгъэм и бзэм IэкIуэлъакIуэу зэрыхэухуэнами гу лъытапхъэщ.

Жанрым нэгъуэщI и зы щхъэхуэныгъи Налом и IэдакъэщIэкIым кыпкырыщ: тхыгъэм гыищ и пIалъэ къызэщIиубыдэми, илъэсхэр усакIуэм псынщIэ-псынщIэурэ зэкIэлъехъ, нэгъуэщIу жыпIэмэ къетхэкI лейрэ кыщымыш Iуэхурэ хэмыту ешэжъа хъуа сюжетыр еукъуэдий, конфликтым и лъэужьы кIэщIу дрегъаплъэ. Iуэхур щекIуэкI щIыпIэри убгъуауэ къэгъэлъэгъуакъым, сыту жыпIэмэ балладэм щынэхъыщхъэр конфликтымрэ абы и зэфIэхынымрэщ, ар къэзыухъуреихъ псори абы ефэгъуэкIыу гъэпсыпхъэщ: апхуэдэ ухуэкIэм тхыгъэм щIэлъ драматизмэр, психологизмэр щIегъэхуабжъэ.

Дызыхэплъа псори кIэщIу къызэщIэткъуэжмэ, жыпIэ хъунуш Нало З. и «Цыху напэр» лъэпкъ балладэм и лъагапIэу, жанрым и фIыпIэу, абы и къупхъэм къызыхуэтыншэу изагъэу).

XX лIэщIыгъуэм и 60 гъэхэм я кIэуххэм – 70 гъэхэм я пэщIэдзэм балладэм къэбэрдей литературэм нэхъ щIэгъэхуэбжъауэ зыщиужьу щIидзащ. А лъэхъэнэм кыщегъэжъауэ дунейм кытехъа тхыгъэхэм я бжыгъэр куэд дыдэ мыхъуми, я флагъкIэ жанрым и классикэу къэлъытапхъэхэр яхэтщ. Абыхэм языхэзщ, псалъэм папщIэ, IутIыж Борис и «Уэрэд» (1975) балладэр. Налом и «Цыху напэм» хуэдэу, мы тхыгъэри ЩоджэнцIыкIу Алий и фэеплъу гъэпсащ.

И фIэщыгъэм и деж кыщегъэжъауэ, IутIыжым и балладэм жанрым и хъэл-щэнхэр хыболъагъуэ. Тхыгъэм и поэтикэ и лъэныкъуэкIэ уэрэдым и нэщэнэ хэлъкъым (ежъу, рефрен сыт хуэдэхэм ущрихъэлIэркъым), ауэ абы и сюжетым уэрэдым щIыпIэ хэха щеубыд, къалэн пыухыкIа щегъэзащIэ – усакIуэм (ЩоджэнцIыкIу Алий) и псэр уэрэд мэхъури псэхэхым IэщIолъэт. А теплъэгъуэр психологизм куу хэлъу балладэм и кIэух сатырхэм кыщыгъэлъэгъуащ:

*Псэхэх губжъауэ гуцIэгъунишэр
 Цыху лIэм хуелэбыхащ.
 Псэр зэуэ хъуш уэрэд уахътыниши,
 Абы IэщIэлъэтащ [IутIыж 1987: 25].*

Дызэрыщыгъуазэщи, мыпхуэдэу драматизмэкIэ гъэнщIа кIэух иIэныр жанрым и хабзэхэм языхэзщ. Тхыгъэм щIэлъ гупсысэ нэхъыщхъэр мыбдежым

кыыщыхэкъузыкIыжащ: ЩоджэнцIыкIу Алий хуэдэ псэ нэхухэр зэрыуахътыншэр, апхуэдэ цIыхушхуэхэм я уэрэдыр зэрыкIэншэр усаkIуэм щIагъыбзэ дахэкIэ кыиуэтащ. ЩIэныгъэлI БакIуу Хъанджэрий пэжу кыызэрыхигъэащи, «кIэух гъуээзджэщ: ЩоджэнцIыкIу Алий и гъащIэр уэрэдым пещэ, гъащIэр уэрэдым хуокIуэ, ар лъэужьыншэу хэкIуэдэжыркъым» [Баков 2010: 86].

Дэтхэнэ балладэ нэми хуэдэу, IутIыжым и тхыгъэм сюжетрэ конфликтрэ хэлыщ. Сюжетыр кIэщIщ: зи псэ еджэу телъ усаkIуэм псэхэхыр кыыхуокIуэри дунейр кыибгынэну кыжреIэ, жэнэтым ишэнуи кьегъэгугъэ. АрщхъэкIэ усаkIуэм зы лъэIу иIэщ:

*Адыгэ лъахэу хэку щIэращIэм
Си нитIыр Iугъэплъэж.
Насын уэрэдкIэ си лъэпкъ мащIэм
Гур зэ хуэгъэупсэж [IутIыж 1987: 25].*

А лъэIур кыыхуищIэмэ, жыхьэрмэм кIуэнуи арэзы мэхъу. Ар имыдэу, псэхэхыр мэгубжьри усаkIуэм и псэр зыIэщIилъхьэну мэлэбэ, а напIэзыпIэм усаkIуэпсэр «уэрэд уахътыншэ» мэхъури абы IэщIолъэт.

Зэрынэрылъагъуши, дызыхэплъэ тхыгъэм мифологие мотивымрэ хэкур фIыуэ лъагъун мотивымрэ щызэхэхуэнащ, ауэ абы кыыщыхъухэр егъэлеякъым, фIэщ щIыгъуейкъым, усаkIуэ нэсым и псэр и хэкум, лъэпкъым папщIэ зэритыфынур гурыIуэгъуэши.

Тхыгъэм и конфликтыр гуащIэщ, псом хуэмыдэжу псэхэхыр усаkIуэм кыыщыхуепсых напIэзыпIэр IутIыжым гущIыхъэу, зыхыумыщIэнкIэ Iэмал имыIэу, кыигъэлъэгъуащ:

*Iуплъащи нэхэр ажал къаkIуэм,
Псалъэнишэхэу мэкIий.
Ар къокIуэ!.. Мис!.. Къэсащ!.. Шынагъуэм
Гуузу хесхъэ гур!.. [IутIыж 1987: 24]*

Балладэм зэрихъэлэу, зи гугъу тщIы тхыгъэм ущие, философии куу хэлыщ. ПэщIэдзэ сатырхэм деж гъащIэр зищIысымрэ абы и мыхьэнэмрэ ехъэлIа гупсысэхэм дыщрохъэлIэ:

*Илъэсхэр блокIри, гъэдэщIыдэ
Пшагъуэбэм хогъуэщэж.
ЦIыху гъащIэр щIыгум кыитолындэ,
А щIыгуми хокIуэдэж.
Аращ игъащIэми: ажалыр
Дэтхэнэми и кIэси.
Зы напIэзыпIэщи псэ пIалъэр,
ПхъэласкIэ гъуру мэс... [IутIыж 1987: 24]*

«Уэрэд» балладэм и гъэпсыкIэри гъэщIэгъуэнщ, жанрым и къежьапIэ дьдэм къагъэщIа тхыгъэхэм поджэж. Сатыр 44-рэ зи кIыхьагъ тхыгъэр едзыгъуэкIэ зэпыудакъым, цIыхубз рифмэхэмрэ цIыхухъу рифмэхэмрэ зэблэдзауэрэ щызэкIэлъокIуэ, сатырхэр ямб жыпхъэм итщ. Псалъэм папщIэ, зы едзыгъуэм и ухуэкIэм дыхэплъэнщ:

*Мис иджыпстуи щылъщ усакIуэр.
Псэ хэкIым зыкъеишый.
Iуплъащи нэхэр ажал къакIуэм,
Псалъэниэхэу мэкIий [IутIыж 1987: 24].*

U U / U – / U – / U – / U	<i>пир. 2 пыч.¹</i>
U – / U U / U –	<i>пир. 4 пыч.</i>
U – / U – / U U / U – / U	<i>пир. 6 пыч.</i>
U – / U U / U –	<i>пир. 4 пыч.</i>

Къэтхутахэр къызэщIэткъуэжмэ, IутIыж Б. и «Уэрэд» тхыгъэри балладэ жанрым и зы фIыпIэу лъэпкъ литературэм зэрыхэувам щыхъэт тохъуэ.

Адрей жанрхэм (псалъэм папщIэ, усэм, сонетым е поэмэм) еплъытмэ, балладэм адыгэ литературэм нэхъ мащIэу зыщиужьащ, апхуэдэу щытми, нобэкIэ абы и щапхъэ пщIы бжыгъэхэр диIэщ. ИщхъэкIэ зи гугъу щытщIахэм нэмыщI, кыхыгъэщыпхъэщ КIыщокъуэ Алим и «Бжей жыгым и балладэ», Бещтокъуэ Хьэбас и «Мкртыч Даштоян папщIэ балладэ», Бицу Анатолэ и «Бгырысыр къызэралъхуар», «ЩIакIуэ кIапэ», «Жамболэт», Къэжэр Хьэмид и «Данко жэкъуа», «Уэредадэ», «Дахагъым и сурэт», Къагъырмэс Борис и «Паганини», «Кърум папщIэ балладэ», Уэрэзей Афлик и «СурэтыщIым теухуа балладэ», Хьэвжокъуэ Людмилэ и «Псалъэ жагъуэ» жыхуиIэхэр, н.

Уэрэзей А. и «СурэтыщIым теухуа балладэ» тхыгъэм и жанрыр, и фIэщыгъэми къызэригъэлягъуэщи, езы усакIуэм иубзыхужащ икIи абы арэзы утехъуэ хъунуш. Балладэр инкъым, и сюжэтри псалъэуха зытIушкIэ къыпхуэIуэтэнущ. УсакIуэм зи цIэ иримыIуэ сурэтыщIыр бгыщхъэм дэкIуеяуэ уафэм и сурэт ещI. Пшэ фIыщIэ къытохъэри щыблэрэ уафэгъуагъуэрэ зыщIэту уэшхышхуэ къошх, ауэ сурэтыщIым и IэдакъэщIэкIым зытреубгъуэри ар зыри къыщымыщIу къызэтонэ, езыр щыблэм еукI. Апхуэдэу, балладэм и кIэухыр, зэ еплъыгъуэкIэ, гушIыхъэщ, ауэ гъуазджэм и хъугъуэфIыгъуэр – сурэтыр – къызэрызэтенар гурыфIыгъуэу, гуфIэгъуэ макъамэ щабэу тхыгъэм щIэтщ.

«СурэтыщIым теухуа балладэм» и кIуэцIкIэ усакIуэм бзэм и изобразительно-выразительнэ Iэмал зэхуэмыдэхэр (метафорэ, эпитет, зэгъэпщэныгъэ, къэгъэпсэуныгъэ) къышигъэсэбэпащ. Абыхэм я фIыгъэкIэ тхыгъэр зэрытха бзэр къулей икIи шэрыуэ хъуащ:

¹ Пиррихиер етIуанэ пычыгъуэм щытщ.

*Уафэ кѳаицхъуэм щосыр ниэ хужь Іэтэ,
Іум йоткІухъыр уэгум ит хъэуар.
Гукъыдэжыр кѳыхузэиІиІэтэу,
Кѳурири джэрпэдджэжкІэ кѳэгуоуаиц [Уэрэзей 2004: 12].*

СурэтыщІым и псэм кѳыльэІэса гузэвэгъуэр психологизм лѳэщ хэлъу тхыгъэм кѳыщыІуэтащ:

*Батэурэ ниэ фІыцІэр кѳыхуоІэгъуэ,
КѳызэиІигъэуфІыцІэу дуней псор.
Уэгур макъ шынагъуэкІэ кѳогъуагъуэ,
Игъэдийрэ игъэгъуэ псэр [Уэрэзей 2004: 12].*

ГъэщІэгъуэнц уафэгъуагъуэм и псалъэ шынагъуэхэри тхыгъэм кѳызэрыхыхъэр:

*Уафэгъуагъуэр гъуагъуэу кѳокІиехыр:
«Сэ кѳыспэхъуфыну цІыху ІэрыкІ?» [Уэрэзей 2004: 13]*

«СурэтыщІым теухуа балладэр» и пэм кѳыщыщІэдзауэ и кІэм нэс зы жыпхъэм – стопаитхуу зэхэт хорейм – итщ. Тхыгъэр сатырыплІу е тхууэ зэхэт строфакІэ тхащ:

*И кѳарур еухри йокІуэтыжыр,
Уафэ аdryицІкІэ цхъэдохыж.
Дыгъэри цэху дыдэу кѳыкѳуокІыжри,
УкІытэхуу уэгум кѳоувэж... [Уэрэзей 2004: 13]*

U U / – U / – U / U U / – U	<i>пир. 1, 7 ныч.</i>
– U / U U / – U / U U / –	<i>пир. 3, 7 ныч.</i>
– U / U U / – U / U U / – U	<i>пир. 3, 7 ныч.</i>
U U / – U / – U / U U / –	<i>пир. 1, 7 ныч.</i>

Балладэм и Іыхъэ нэхъыбэр кІэух рифмэ зэблэдзакІэ тхащ:

*И ІэрыкІым и гур кѳригъэблэ,
ЕицІри еицІыр уафэм и сурэт.
И сурэтым дыгъэр кѳыщегъаблэ,
ЩІэлъу дуней кІэниэм и кѳэуат! [Уэрэзей 2004: 12]*

Къэдгъэлъэгъуам кѳыдэкІуэу, зи гугъу тщІы тхыгъэм нэгъуэщІ рифмэ лІэужыгъуэхэми уащрохъэлІэ. Псалъэм папщІэ:

*СурэтыщІыр теубгъуащ мольбертым,
И ІэцхьитІым къыпозжыж уэшхыпс:
Мы дунейр уэлбанэм къыщикъутэм,
Зытриубгъуэжри и сурэтым,
Къытригъэшхакъым зы уэшх ткІуэпс [Уэрэзей 2004: 13].*

Мы шапхъэм деж кІэух рифмэкІэ япэ, ещанэ, еплІанэ сатырхэр, апхуэдэуи – етІуанэмрэ етхуанэ сатырымрэ зэпхащ. Япэ сатырымрэ ещанэмрэ кІэух рифмэ зэблэдзакІэ, етІуанэмрэ еплІанэмрэ *къызэщІэзубыдэ (къызэщІэзыкъуэ)* кІэух рифмэкІэ, ещанэ сатырымрэ еплІанэмрэ кІэух рифмэ зэгъуэзгъукІэ зэпхахэщ.

Уэрэзей А. и ІэдакъэщІэкІ «СурэтыщІым теухуа балладэр» усакІуэм и художественнэ Іэзагъыр, и зэчиймрэ усыгъэ хъэтІымрэ адрей усакІуэхэм ейм къазэрыщхъэщыкІыр наІуэ къэзыщІ тхыгъэщ. Ар сыт и лъэныкъуэкІи – къыщыІэта ІуэхугъуэкІи зэрыухуа щыкІэкІи – къызыухагъэщІа жанрым йозагъэ.

БжыгъэкІэ къэбгъэлыагъуэмэ, къэбэрдей усакІуэхэм ящыщу балладэ нэхъыбэ дыдэ зи Іэдакъэ къыщІэкІар Къэжэр Хъэмидщ. 1998 гъэм къыдэкІа «Усыгъэхэр» тхылъым илгъэс зэхуэмыдэхэм итха балладэ 13 хыхъащ: «Мывэ щІым телыхукІэ» (1975), «Лъэпкъ мылтку» (1977), «Гъуэгуанэ гугъу» (1986), «Лъэтэжа» (1992), «Блок зыркІуэдыкІар» (1992), «Уэредадэ» (1993), «Данко жэкъуа» (1993), «Псалгъэ зейншэхэр» (1993), «Тенджызым нэсыфынур» (1993), «Дахагъым и сурэт» (1995), «Дахэлинэ» (1996), «Налкъут щхъуантІафэ» (1997), «Пехъэжъэ» (1997).

Балладэм и нэцэнэхэр нэхъыбэу зыхэлъу усакІуэм нэхъ къехъулаэхэм ящыщ «Уэредадэр». Сюжетым лъабжъэ хуэхъуар Мстиславрэ Редадэрэ зэрызэбэна ІуэрыІуатэ хыбар цІэрыІуэрщ. Адрей балладэхэм къащхъэщыкІыу, мыбы зы щхъэхуэныгъэ хэлъщ: конфликтыр къызыхэкІыр зэдауэ е хъэл-щэнкІэ, дуней еплъыкІэкІэ зэпэщІэувэ къудейкъым, атІэ Іэпцэрыбанэщ, персонажхэр къарукІэ зэпошачэ. Бэнэныгъэр Редадэ и лІэныгъэкІэ еух: бийр лІыгъэкІэ къыщыпэмылгъэщым, гъэпцІагъэкІэ къеукІ. Балладэм абдежым кІэух щіІами, жанрым и хабзэхэр гъэзэщІа хъуат, ауэ Іыхьыхыу зэхэлъ тхыгъэм конфликтым и зыужынымрэ зэфІэхынымрэ щіубыдыр ІыхьитІщ, абы щыгъуэми адрей плІыри лейкъым.

Ещанэ Іыхьэр, зы усэ жыпхъи имызагъэ япэ, етІуанэ Іыхьэхэм я ухуэкІэ гугъусыгъум икІи кІыхылІыхьым къытокІри, ритмикэ псынщІэ щІэлъу гъэпса мэхъу, уэрэдым хуэдэу макъамэ къыщІохъэ:

*Мыр сыт лъэхъэнэ,
мыр сыт дуней:
лІыгъэм хуэхамэр
Іуащхъэм докІуей!*

*Напэ зимыІэм
бжъыпэр еубыд.
Пхэлъмэ зышыІэ,
Уохъури нэхъ нуд! [Къэжэр 1998: 151–152]*

Укыщеджэ кӳдейкӳи зэрызэхэпхщи, мыбдежым тхыгӳэм макӳамэпсэ кыӳуокӳэ. Ар зи фӳыгӳэр сатырхэм кӳабзэ дыдэу кыӳшыгӳэсэбэпа стопаитӳу зэхэт дактилым и жыпхӳэмрэ рифмэ гӳэщӳӳгӳуэнхӳэмрэ екӳуу зэрызэдэлажӳэрщ. Графикэ гӳэпсыкӳэм ухӳэплӳэмэ, кӳэтхӳа шапхӳэри, ар кызыхӳэтхӳа ӳыхӳэри зы мащӳӳкӳи кӳэдгӳэлӳгӳуа жыпхӳэм икӳыркӳым. Мис абы и ухуӳӳӳэр:

– U U / – U
 – U U / –
 – U U / – U
 – U U / –

– U U / – U
 – U U / –
 – U U / – U
 – U U / –

Кӳэжӳрым и балладэм уӳрэдымрэ макӳамӳмрэ, фащӳ кӳудейкӳэ мыхӳуу, купщӳӳкӳи пкӳырыгӳэшыпсыхӳащ: тхыгӳэм джӳгуакӳуэм и образым щӳыпӳэ хӳа щеубыд, кӳалэн пыухыкӳахӳэр щегӳэзащӳэ: бӳр кызыӳӳӳӳӳӳӳӳӳ, зылӳ и быну зӳкӳуӳуӳу кӳахуепсыхӳа бийр хагӳэщӳӳӳу кыӳхуреджӳ, езыми Редадӳ лӳыхӳужӳ уӳрэд хуиусыжыну лӳэныкӳуэ зрегӳэз. Жӳщ гупсысэм здыхӳтым, Редадӳ зыхуигӳэдӳнур, и лӳыгӳэр зригӳэпщӳӳнур кыӳхуӳмыгӳуӳту уӳрӳдусыр гугӳу йохӳ: жырым, дыгӳэм, махуӳэм, мазэм... – псоми зы дагӳуӳ гуӳр яӳӳщ, языхӳэми кыӳпӳӳӳӳӳӳ кӳару щыӳӳӳ. Нӳхуӳ хӳуауӳ и щхӳэм кӳохӳэ: «*“Редадӳ” жӳӳӳэм “ӳыгӳэ” кыӳкӳуу / кӳренӳ, лӳӳпкӳым игу имыкӳуу!*» [Кӳэжӳр 1998: 153]

Тхыгӳэм и кӳӳуӳ ӳыхӳэм гупсысӳ гӳэщӳӳгӳуэн щӳӳӳӳщ:

*Абдеж кыӳщожжӳэ: «Уӳ Редадӳ!»
 Ар мӳхӳу иужжӳӳӳӳ – уӳредадӳ.
 Абы и пӳӳӳӳӳ, и жыӳӳгӳуӳр
 лӳӳпкӳыр щыгуиухуӳ дӳрӳжжӳгӳуӳриц* [Кӳэжӳр 1998: 153].

Мыбдежым зӳ еплӳыгӳуӳкӳэ зӳхӳщӳӳӳӳӳӳӳӳӳ щӳӳӳӳӳӳӳӳӳ зӳӳӳӳӳӳӳӳӳӳӳ, ауӳ куууӳ упкӳрыплӳмӳ, гурыӳуӳгӳуӳ мӳхӳу: лӳыхӳужӳым и лӳэныгӳӳр усакӳуэм фӳым, «дӳрӳжжӳгӳуэм» хуешӳ – ар, дызӳрыщыгӳуӳӳӳӳӳӳ, балладэм и зы хӳӳӳ.

Псоми щхӳӳхуӳу дакыӳтемыувыӳӳфми, зи гугӳу тщӳӳ тхыгӳэм нӳмыщӳӳ, балладэм и кӳупхӳэм изӳгӳауӳ Кӳэжӳр Хь. и ӳӳдакӳӳӳӳӳӳ нӳхыфӳхуӳ «Дахагӳым и сурӳт», «Мывӳ щӳым телыхуӳкӳӳ», «Псалӳэ зӳиншӳхӳр» жыхуиӳӳхӳри кыӳхӳгӳӳӳӳӳӳӳ.

Дызыхӳплӳӳ жанрым хӳӳхӳӳныгӳэ нӳхӳ ин хуӳзыщӳӳхӳэм ящыщӳӳ Бицу Анатолӳ. А усакӳуэм «кӳӳбӳрдей поэзием хуищӳӳ хӳӳхӳӳныгӳӳр нӳхӳ щызу кӳӳбгӳӳӳӳӳӳӳӳ щхӳӳкӳӳ лиро-эпикӳ жанрхӳэм я гугӳу щӳыпхӳӳӳ», – етх Гӳут ӳӳдэм [Гӳут 2013: 99]. Поӳмӳхӳри хӳарзынӳу кӳехӳулӳами, Бицум и балладӳхӳр жанрыр зӳрыгӳӳӳӳӳӳ хуӳым и шапхӳӳ нӳсщ. Ахӳр илӳӳ зӳхуӳмыдӳхӳэм

дунейм кытехъаш, иужькIэ, псори кызызэщIэкъуэжауэ, 2016 гъэм кыдэкIа «Къосыр уэс» тхылъым хыхъаш. Апхуэдэхэщ: «Бгырысыр кызыэралъхуар», «ЩIакIуэ кIапэ», «Жамболэт», «НэхъыщIэ», «Лъагъуныгъэ», «ХъунщIакIуэмрэ джэгуакIуэмрэ». Ахэр псори кызызэщIэкъуэрэ адрейхэм я тхыгъэхэм кышхъэщагъэкIыу зы щIэщыгъуагъ яхэлъщ – лъэпкъ тхыдэмрэ хабзэмрэ я нэпкъыжъэ ятельщ, бгырысым и дуней лъагъукIэкIэ, щыIэкIэ-псэукIэкIэ, жыпIэнурамэ, адыгэ хьэлкIэ псыхъахэщ. Щхъэтэчэуэ я гугъу дымышIурэ дриплъэмэ, балладэ псоми адыгэ лыгъэр, бэшэчыгъэр, ижъ-ижъыж лъандэрэ лъэпкъым кыдекIуэкI щэнхабзэ екIур, цIыхугъэ лъагэр къапкърыщаш. Иджыри зы щхъэхуэныгъэм гу лъытапхъэщ: тхыгъэр романтизмэм и нэщэнэхэмрэ мотивхэмкIэ гъэнщIаш, абыхэм зи пIалъэ имыкIыж лъапIагъэхэр – напэр, щIыхьыр, пэжыгъэр, лъагъуныгъэр – щытешщэщ.

Бицум и балладэхэр я купщIэкIи фащэкIи апхуэдизкIэ зэгъэпэщазэщIэуэдащи, языхэми къэхутэныгъэ щхъэхуэ хуэфашщэщ; щIэныгъэ и лъэныкъуэкIэ абыхэм къапкърыпхыныр куэдщ, тхылъеджэр дзыыхъэх сюжеткIи къулей защIэхэщ. Зи гугъу тщIыхэр нэрылъагъу хъун папщIэ, «ХъунщIакIуэмрэ джэгуакIуэмрэ» балладэм нэхъ куууэ дыхэплъэнщ.

Тхыгъэм хэлъ конфликтыр и фIэщыгъэм деж кышхожъэ: зэрыгурыIуэгъуэщи, хъунщIакIуэр – гурымышь персонажу щыт хабзэщ, джэгуакIуэр – фIым и джакIуэщ, лъэпкъым и набдзэщ. А тIур зэрызэпэщIэувэр фIэщыгъэм кыбжеIэ, ауэ щIызэпэщIэувэ щхъэусыгъуэр гурыIуэгъуэ щыхъур сюжетырщ.

Залымхъан «хъунщIакIуэ» цIэр тelyкIами, ар захуагъэм и телъхъэщ, лыгъэ зыхэлъщ, цIыху пэжщ. Апхуэдэ цIэр кышщIилэжьари, абрэджу ежъэжын хуей щIэхъуари мырат: лей зытехъа лыщIэм кышхъэщыжу къуажэпщым и лъапсэр игъэсат, абы мылъкуу къиугъуеяри лъэщыгъэкIэ кызытрихахэм яхуигуэшыжауэ щытат. Абы лъандэрэ ар мэз гуэрэнхэмрэ бгъуэнщIагъхэмрэ щопсэу, бейхэр кыхъунщIэурэ я мылъкухэр тхъэмышщIэхэм яхуегуэщ. Залымхъан и образым романтикэ хэлъщ: зэрыхахуэм, жыру гъэжа хьэл-щэн зэтеубыда зэриIэм кыдэкIуэу, Iэпэлэсэщ – пхъэм сурэт зэмылIэужьыгъуэр кыхебзыкI, мывэм хъэпшыпхэр кыхелущIыкI, нэгъуэщIу жыпIэмэ и пхъашагъэм пэшачэ псэ къабзагъи пкърылщ.

Iыхъитхуу зэхэлъ балладэм и япэ Iыхъэр хъунщIакIуэм и образым теухуамэ, етIуанэм джэгуакIуэхэр – Къамботрэ Агънокъуэ Лашэрэ кыхохъэ. Япэрейм и унагъуэцIэр тхыгъэм кыхэхъыркъым, ауэ щыпсэуа лъэхъэнэ (Агънокъуэ Лашэ и лъэхъэнэгъуш), щIыпIэ (Джылахъстэнейм щыщ), иуса гуэрхэм я кIапэлъапэхэр кызыэргъэлъэгъуамкIэ, ар зэры-Абазэ Къамботыр гурыIуэгъуэщ. Мыбдежым кышцегъэжьауэ, усакIуэм балладэм и пкъыгъуэ нэхъыщхъэхэм языхэзу уэрэдымрэ макъамэмрэ тхыгъэм кыхешэ, лъэпкъ Iэмэпсымэхэм (шыкIэпшынэ, бжъамий), уэрэд-гъыбзэхэм я гугъу ещI, иужьрейхэм щыщ пычыгъуэхэр хеухуанэ.

Ещанэ Iыхъэм деж Лашэ и фитон гъэщIэрэщIам ису Къамбот Джылахъстэнейм здэкIуэжым, Залымхъан и гуып кытоуэри гъэр ящI, апхуэдэ щIыкIэкIэ дахагъэмрэ (джэгуакIуэм и образыр, абы кыпкърыкI эстетикэр) лыгъэмрэ (хъунщIакIуэм и образыр) зэпэщIоувэ, икIи япэрейм и къарур нэхъ

лъэщу кыщIокI, фIыр, дахагъэр токIуэ. ДжэгуакIуэм и уэрэдым зэфIэкIышхуэ бгъэдэльщ, ар джатэми полъэщ, Залымхъан хуэдэ я нэхъ лIы пхъашэми и гур къегъэтIасхъэ. Ар кыхэщу тхыгъэм дыккыщоджэ:

*ШыкIэтишынэр мэбзэрабзэ,
Абы хэлъщ джэгуакIуэм и псэр...
Залымхъан умэзэхащ,
И nanIumIыр ехуэхащ [Бицу 2016: 242].*

Балладэм кызырыхэщымкIэ, уэрэдымрэ макъамэмрэ Залымхъан гъуэгу захуэ трашэж, хъунщIакIуэнымрэ абрэджынымрэ IэщIыб ещIри, скульптор Iэзэ кыхэкIауэ, Къуэжыкыуей Ищхъэрэ къуажэм щопсэу, кIэщIу жыпIэмэ, кызырыгуэкI мамыр псэукIэм хуокIуэж.

Тхыгъэм и кIэух Iыхъэм уэрэдым и мыхъэнэмрэ джэгуакIуэм и лъэкIыныгъэмрэ иджыри зэ дигу къегъэкIыж, усакIуэм и IэдакхэщIэкIым хуиубзыхуа жанрыр кыщIыхихам и щхъэусыгъуэми щхъэтечауэ шыгъуазэ дешI:

*Мы хыбарым щIыфIэсцар
Сыт-тIэ нобэ сэ балладэ? –
Зэрытеухуариц уэрэдым,
Уэрэд нэсым иIэ пцIэм.
Ар щреIу мычэму щIылъэм,
ЩреIу уафэм, – кыигъэпсалъэу,
Абы щIэлъ макъамэм, псалъэм
ЯлъэкIыным щIэтккым щIэ [Бицу 2016: 244].*

Тхыгъэр зыхуихъа жанрым ехъэлIа гупсысэхэмкIэ усакIуэр кызырыддэгуашэри лейккым, уеблэмэ гъэщIэгъуэнщ, ауэ мыпхуэдэу зэлухауэ кыджимыIэми, «ХъунщIакIуэмрэ джэгуакIуэмрэ» зэрыбалладэр абы и ухуэкIэми, лъабжъэ хуэхъуа сюжетымрэ мотивхэмкIи гурыIуэгъуэт.

ИщхъэкIэ дызыхэплъа тхыгъэ псори, зи гугъу тщIыну дызыхунэмысахэри зэрыщыхъэтщи, балладэм лъагъуныгъэ мотивыр лъабжъэ щыхуэхъур зээмызэххэщ. Абы и лъэныкыуэкIэ Бицум и «Лъагъуныгъэ» балладэм щIэщыгъуагъ хэлъщ. Тхыгъэм кыIуэтэж хыбарым «гъэ мин» бжыгъэхэр и ныбжыщ. Зэ еплъыгъуэкIэ, сюжетыр кызырыгуэкIщ: фIуэ зэрылъэгъуа ныбжыщIэхэр – Къетыкыуэрэ Сулимэрэ – фIэкIыпIэ зимыIэ лъэпощхъэпохэм зэпэлэщIэ ящI, ахэр зэхуозэщ, псэм и бэлыхъ ягъэв, ауэ зэщIэбэгыу ирахъэкI гъащIэм и гъуэгуанэхэр зейкI зэхуэзэжырккым. Идее нэхъыщхъэм егупсысын хуэмейуэ, балладэм и кIэм деж усакIуэм кыхегъэщ:

*...И кIэухыр мыращ хыбар щыпккэм:
Жъы къепцэхукIэ ди къурихэр мэдым.
ЖаIэр ар Сулимэ и гыз маккыу...
Аращ лъагъуныгъэм и къарур [Бицу 2016: 236].*

Тхыгъэм мифологие мотив хэухуэнащ: Псыхъуэгуащэ, и анэ кыизэрилъхуауэ, псыхъуэм дэль мывэшхуэм тесу зыІэлыгъуа Къетыкъуэ, «*Уи нитІыр иугъукІ!*» [Бицу 2016: 233] жиІэу къриутІыпща гыбзэр кытохуэри нэф мэхъу, абы кыыхэкІкІи я къуажэ игъээжыну, Сулимэ дахэм хуэээжыну дзыхь ищІыжыркъым.

Балладэ жанрым иту къэбэрдей литературэм хэт тхыгъэ псори зы къэхутэныгъэм и кІуэцІкІэ куууэ щызэпкърыпхыфынукъым, мы тхыгъэми апхуэдэ къалэн зыщыхуэдгъэувыжакъым, сыту жыпІэмэ мыбы кыщытІэта Іуэхугъуэм диссертацэ лэжыгъэ псо и пщальэщ. Апхуэдэу щытми, жанрым и къежыпІэ хъуамрэ абы кыкІуа гъуэгуанэмрэ дриплъащ, абы ипкъ иткІэ нэхъыщхъэу дыкъызыхуэкІуар араши – адыгэ балладэм и зыужыныгъэр адрей лъэпкъ литературэхэм къакІэрыхуркъым, жанрым и ухуэкІэ хабзэ псори ди усакІуэхэм къагъэІэрыхуэн яхузэфІэклащ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Баков 2010 – *Баков Х.И.* Борис Утижев: поэт, писатель, драматург. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. – 344 с.

Бицу 2016 – *Бицу А.М.* Къосыр уэс... : Усэхэр. Балладэхэр. ЗэдзэкІахэр (Бицуев А.М. Снег идет... : Стихотворения. Баллады. Переводы). – Налшык: Эльбрус, 2016. – 320 н. (на каб.-черк. яз.)

Гегель 1958 – *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по эстетике. Книга третья: Сочинения, том XIV / Пер. П.С. Попова. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, «Полиграфкнига», 1958. – 440 с.

Гутов 2019 – *Гутов А.М.* Адыгский фольклор // История адыгской (кабардино-черкесской) литературы. Том I. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2019. – С. 58–109.

Гъут 2013 – *Гъут І.* Лъэпкъ усыгъэр XX лІэщІыгъуэм и 60–90 гъэхэм // Адыгэ (къэбэрдей-шэрджэс) литературэм и тхыдэ (Гутов А. Национальная поэзия в 60–90-е гг. XX в. // История адыгской (кабардино-черкесской) литературы). – Налшык: Тетраграф, 2013. – Н. 58–109. (на каб.-черк. яз.)

Давыдова, Пронин 2003 – *Давыдова Т.Т., Пронин В.А.* Теория литературы: Учебное пособие. – М.: Логос, 2003. – 232 с.

Квятковский 1966 – *Квятковский А.П.* Поэтический словарь / Науч. ред. И. Роднянская. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 375 с.

Къэжэр 1998 – *Къэжэр Хь.Хь.* Усыгъэхэр (Кажаров Х.Х. Избранное). – Налшык: Эльбрус, 1998. – 320 н. (на каб.-черк. яз.)

Нало 2013 – *Нало З.* Цыху напэ: Балладэ (Налоев З. Совесть) // Адыгэ (къэбэрдей-шэрджэс) литературэ: 7 классым и учебник-хрестоматие. 2-нэ кыдэкІыгъуэ / Зэхэзылхъахэр Тымыжъ Хь.Т., Балэ Л.Ф. (Адыгская (кабардино-черкесская) литература: Учебник-хрестоматия для 7 класса. 2 изд. / Сост. Х.Т. Тимиев, Л.Ф. Балова). – Налшык: Эльбрус, 2013. – Н. 121–127. (на каб.-черк. яз.)

Уэрэзей 2004 – *Уэрэзей А.П.* Кхъужей къудамэ: Усэхэр. (Оразаев А.П. Грушевая ветка: Стихи). – Налшык: Эльбрус, 2004. – 136 н. (на каб.-черк. яз.)

ІутІыж 1987 – *ІутІыж Б.Къу.* Си Дахэнагъуэ: Усэхэмрэ поэмэрэ (Утижев Б.К. Моя Даханаго: Стихи и поэма). – Налшык: Эльбрус, 1987. – 108 н. (на каб.-черк. яз.)

REFERENCES

- BAKOV Kh.I. *Boris Utizhev: poet, pisatel', dramaturg* [Boris Utizhev: poet, writer, playwright]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2010. – 344 p. (In Russian)
- BITSUEV A.M. *K"osyr ues... : Usekher. Balladekher. Zedzeklakher* [It is snowing... : Poems. Ballads. Translations]. – Nalchik: El'brus, 2016. – 320 p. (In Kabardin-Circassian)
- DAVYDOVA T.T., PRONIN V.A. *Teoriya literatury: Uchebnoe posobie* [Literature theory: Textbook]. – M.: Logos, 2003. – 232 p. (In Russian)
- GUTOV A.M. *Adygskii fol'klor* [Adyghe folklore]. IN: *Istoriya adygskoi (kabardino-cherkesskoi) literatury. Tom I* [History of the Adyghe (Kabardino-Circassian) literature. Volume I]. – Nalchik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2019. – P. 58–109. (In Russian)
- GUTOV A.M. *L"epk" usyg"er XX lleshchIyg"uem i 60–90 g"ekhem* [National poetry in the 60s – 90s XX century]. IN: *Adyghe (k"eberdei-sherdzhes) literaturem i tkhyde* [History of the Adyghe (Kabardino-Circassian) literature]. – Nalchik: Tetragraf, 2013. – P. 58–109. (In Kabardin-Circassian)
- HEGEL G.W.F. *Leksii po estetike. Kniga tret'ya: Sochineniya, tom XIV / Per. P.S. Popova* [Lectures on aesthetics. Book three: Works, volume XIV. Transl. by P.S. Popov]. – M.: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, «Poligrafkniga», 1958. – 440 p. (In Russian)
- KAZHAROV Kh.Kh. *Usg"ekher* [Selected works]. – Nalchik: El'brus, 1998. – 320 p. (In Kabardin-Circassian)
- KVYATKOVSKY A.P. *Poeticheskii slovar'* [Poetic Dictionary]. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1966. – 375 p. (In Russian)
- NALOEV Z. *Tslykhu nape: Ballade* [Conscience: Ballad]. IN: *Adyghe (k"eberdei-sherdzhes) literature: 7 klassym i uchebnik-khrestomatie. 2-ne k"ydekIyg"ue / Zekhezyl"kh'akher TIymyzh' Kh'.T., Bale L.F.* [Adyg (Kabardino-Circassian) literature: Textbook-reader for grade 7. 2nd ed. / Comp. by H.T. Timizhev, L.F. Balova]. – Nalchik: El'brus, 2013. – P. 121–127. (In Kabardin-Circassian)
- ORAZAEV A.P. *Kkh"uzh'ei k"udame: Usekher* [Pear branch: Poems]. – Nalchik: El'brus, 2004. – 136 p. (In Kabardin-Circassian)
- UTIZHEV B.K. *Si Dakhenag"ue: Usekhemre poemere* [My Dahanago: Poems]. – Nalchik: El'brus, 1987. – 108 p. (In Kabardin-Circassian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 821.352.3

DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-260-280

**ЛИТЕРАТУРА КАК «ФОРМА РАБОТЫ
НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ» И ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИДЕОЛОГИЗИРОВАННОГО ТВОРЧЕСТВА****И.А. КАЖАРОВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр 'Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук'»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: barsello@rambler.ru*

Аннотация. В статье на материале раннесоветской кабардинской поэзии рассматриваются аспекты исследовательской интерпретации идеологизированного творчества. К анализу привлечен сборник стихов и песен «Первый шаг». Основное внимание уделено специфике идеалов, сопряженных с насаждаемой системой ценностей, и проблеме определения аксиологических оснований интерпретации политически ангажированных произведений. Актуальность исследования обусловлена необходимостью конкретизации истории первых десятилетий адыгской советской литературы, а также тем, что знаковый для обозначенного периода поэтический сборник до настоящего времени не выступал объектом интерпретации современного литературоведения. Аксиологический аспект изучения данного сборника раскрывается в соотношении изображенных в нем событий с их культурно-историческим контекстом. В избранном исследовательском ракурсе очевидные несовершенства сборника, особенно касающиеся формальной стороны вошедших в него произведений, преобразуются в одну из составляющих его ценностного содержания, прочитываются как способ восприятия авторами знаковых явлений современной им действительности. Кроме того, исследованный материал позволяет сделать вывод о том, что в контексте преобразований рассмотренного периода драматически сосуществуют две разные реальности, которые принято одинаково обозначать словом «идеал». В одной из них идеал – это результат сложного пути, пролегающего через уровни ценностной системы, в другой – некий заданный шаблон, не отягощенный предшествовавшей ему «ценностной историей», но, тем не менее, обязанный принять на себя все функции идеала.

Ключевые слова: идеологизированное творчество; интерпретация; ценностный аспект; раннесоветский период; адыгская литература; поэзия.

LITERATURE AS «A FORM OF WORK ON THE IDEOLOGICAL FRONT» AND VALUE BASES FOR THE INTERPRETATION OF IDEOLOGIZED CREATIVITY

I.A. KAZHAROVA

*Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budget Scientific Establishment
«Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of
Sciences'»*

360000, Nalchik, Pushkin st., 18

E-mail: barsello@rambler.ru

Abstract. The article examines aspects of the research interpretation of ideologized creativity based on early Soviet Kabardian poetry. The collection of poems and songs "The First Step" is involved in the analysis. The main attention is paid to the specificity of the ideals associated with the implanted system of values, and the problem of determining the axiological foundations for the interpretation of politically engaged works. The relevance of the study is due to the need to concretize the history of the first decades of the Adyghe Soviet literature, as well as the fact that the collection of poetry, significant for the indicated period, has not yet been the object of interpretation of modern literary criticism. The axiological aspect of the study of this collection is revealed in the correlation of the events depicted in it with their cultural and historical context. In the chosen research perspective, the obvious imperfections of the collection, concerning the formal features of the works included in it, are transformed into one of the components of its value content, read as a way of perception by the authors of the significant phenomena of contemporary reality. In addition, the studied material allows us to conclude that in the context of the transformations of the period under consideration, two different realities dramatically coexist, which are commonly denoted by the word "ideal". In one of them, the ideal is the result of a difficult path that runs through the levels of the value system, in the other, it is a certain predetermined template that is not burdened by the preceding "value history", but, nevertheless, is obliged to take on all the functions of the ideal.

Keywords: ideologized creativity; interpretation; value aspect; early Soviet period; Adyghe literature; poetry.

Исходные представления

В заглавие нашей работы вынесена формулировка из статьи Джансоха Налоева «От мертвого к живому». В начале 1930-х, осмысливая промежуточные итоги писательских достижений в родной Области, критик напоминал о той миссии, которую исполняет литература в эпоху революционных преобразований: «Литературное дело стало, таким образом, общественным делом. Наконец, литература стала одной из форм нашей работы на идеологическом фронте, и ее польза возросла» [Нало 2005: 114].

Первые десятилетия советской литературы (речь, конечно, об официальной ее ветви) – время расцвета агитационно-пропагандистского творчества. Приблизительно со второй половины 20-х и в начале 30-х годов, на волне отказа от дореволюционных традиций, оно заполняет основное пространство новописьменных литератур. И в этом есть отличие от того, как оно представлено в русской советской литературе, где оно занимает хоть и

почетное, но отнюдь не монопольное положение в многосложной картине писательских поисков. За довольно короткий срок в новописьменных литературах появляются вещи однотипные и в массе своей малохудожественные. Это был «этап активного усвоения традиций русской культуры и формирования эстетических и художественных принципов культуры советской. Усвоения, носящего зачастую не творческий, а механический характер» [Базиева 2010: 82]. Потому шаблонность, предсказуемость идеалов обозначенного этапа с годами делается лишь заметней.

Понятно, что политически ангажированная литература имеет мало шансов на долгую жизнь в искусстве и на устойчивый к ней интерес. Так возникает риск оставить без должного внимания отдельный фрагмент культурной истории. Однако стремясь миновать подобный риск, мы хотели бы сосредоточиться не на поиске значимых эстетико-семантических элементов творчества, главная цель которого сведена к идеологической пропаганде (хотя и подобная работа не лишена смысла), а понять специфику идеала, сопряженного с насаждаемой системой ценностных представлений. Однако для этого необходимо ясное осознание ценностных оснований исследовательской интерпретации идеологизированного творчества.

Проблема переменчивости ценностных ориентиров исследовательского дискурса в отечественном литературоведении четко обозначена В.Е. Хализевым. Так, он обращает внимание на манеру интерпретации русской классики в литературоведении доперестроечных и постперестроечных лет. В первом случае, говорит он, создавался миф о сугубо обличительном пафосе русской литературы, «в персонажной сфере поднимались на щит бунтари и революционеры («новые люди»), порой рассматривавшиеся как единственное позитивное начало русской жизни. И такой классике, обедненной и искаженной, воздавались высочайшие хвалы» [Хализев 2005: 4], в этом свете получали тенденциозную оценку Л. Толстой, Н. Гоголь, М. Салтыков-Щедрин. Однако спустя десятилетия «то, что прежде обозначалось как революционная настроенность писателей ... предстало как утопический максимализм, далеко не безопасный. Отечественная классика стала вызывать недоверие, чтобы не сказать сильнее» [Хализев 2005: 5]. Наблюдая эти тенденции, ученый приходит к выводу, что необходимо выявлять в исследовательском дискурсе истоки жестких догм, которые впоследствии вызвали отторжение, и вводить в научный оборот суждения мыслителей, «которые в советские времена не согласовывались с официально насаждавшейся методологией и ей противостояли» [Хализев 2005: 13].

Обращаясь к исследовательской рецепции новописьменных литератур, в конкретном случае – кабардинской, мы понимаем, что возлагать надежды на альтернативные трактовки, современные рассматриваемому периоду, особо не приходится. Да и официальная линия осмысления кабардинской литературы, наметившаяся в статьях Джансоха Налоева, жизнь которого трагически оборвалась в 1937, своевременно подхвачена и развита не была, а в тех оборотах, что начинает наращивать кабардинское литературоведение

приблизительно с середины 1950-х, явственно усечение картины 20-30-х и, как результат этого – перестановка ценностных акцентов. Конечно, тому были свои причины, и мы постараемся их коснуться, но главное, что, принимая необходимость аналитического понимания «истоков жестких догм» (В. Хализев), нам не приходится рассчитывать на существование неофициальных точек зрения на нашу литературу. В таком случае, для более ясного видения литературного материала нам остается сопоставлять запечатленное в нем (в конкретном случае – образы и идеалы нового строя) с его культурно-историческим контекстом. Именно с таких позиций мы постараемся взглянуть на одно из событий адыгской литературы периода расцвета политически ангажированного творчества – стихотворный сборник «Первый шаг».

Ценностные основания исследовательской интерпретации в нашем случае опосредованы возможностью акцентировать пока еще не раскрытые нюансы развития кабардинской литературы раннесоветского периода. И речь не только о наличии «белых пятен» в ее истории. Раннесоветский период (1917–1936 гг.) состоит из существенно разных по культурному и политическому содержанию отрезков. Разумеется, разность эта, дополненная собственными оттенками, претворяется в культурной истории национальных областей. Тем не менее, с точки зрения трансформации ценностных представлений раннесоветская литература адыгов пока не рассмотрена. Бегло обозревая эти «отрезки», можно заметить, что в области культуры первые годы после Октября относительно либеральны – революционная романтика еще допускает существование писателей не только различных литературных, но и социальных групп. После 1925 года, вслед за постановлением Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», «делается шаг к тому, чтобы заключить разнообразие искусства в железные рамки идеологии» [История... 2010: 294], оговаривается «качественный» состав писательской среды, «...перед партией пролетариата стоит вопрос о том, как ужиться с крестьянством и медленно переработать его; вопрос о том, как допустить известное сотрудничество с буржуазией и медленно вытеснять ее» [Власть... 1999: 54], тогда же под опеку партии попадают национальные литературы: «необходимо обратить усиленное внимание на развитие национальной литературы в многочисленных республиках и областях...» [Власть... 1999: 57]. В 1928–1929 гг. происходит, по выражению А.И. Мазаева, «метаморфоза отечественной культуры в культуру государственно-тоталитарного толка» [Мазаев 2008: 99]. Как следует из текста совещания по вопросам агитации, пропаганды и культурного строительства при ЦК партии (май – июнь 1928 г.), «основные задачи партии в области искусства и литературы могут быть выполнены лишь при условии усиления влияния партии в организациях писателей и художников и при условии усиления марксистской коммунистической критики» [Справочник... 1930: 421]. И, наконец, в апреле 1932 постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» происходит «объединение по приказу», и литература переходит под абсолютный надзор государства.

Нам предстоит повести разговор об издании, возникшем «благодаря» постановлению 1932 года, при этом надо помнить, что в нем нашлось место и некоторым сочинениям, возникшим немного раньше.

Еще один момент, затрагивающий ценностные основания исследовательской интерпретации. Принимая как данность невысокий в большинстве своем уровень художественности раннесоветской литературы адыгов, мы исходим из того, что она не утрачивает своей информативности как факт культурной истории. В этом плане важный методологический вектор нам указывает мысль зарубежного литературоведа Антуана Компаньона о нетождественности аксиологии литературных произведений и литературы как процесса. «Оценку (сравнение, классификацию, иерархическую расстановку) литературных текстов следует отличать от вопроса о ценности литературы как таковой, – говорит он, и следом заключает: Подавляющее большинство стихов – посредственны, почти все романы впору прочесть и забыть, но тем не менее это все же стихи и романы» [Компаньон 2001: 264–265].

«Первый шаг»: запросы времени и прототипические основания идеалов

Вышедший в 1933 году, накануне Первого съезда советских писателей, он должен был стать символом вступления в новую реальность, политическую и эстетическую. Определение «первый» обладает ярко выраженной знаковостью, обусловленной обстоятельствами появления сборника (в преддверии Первого съезда советских писателей), составом участников, большинство из которых – молодые поэты, а соответственно, и доминирующим в сочинениях уровнем мастерства.

Первый сборник советских поэтов Кабарды появился весной 1933 года, если точнее – в конце апреля. Грани реальности, которые ему надлежало отразить, и ожидания, которые были с ним связаны, в редакторском вступлении определялись так: «Учитывая наши достижения в сельскохозяйственной политике, необходимость преодолеть отставание в развитии новой литературы Кабарды, а также руководствуясь постановлением ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций», впервые в Кабарде Союзом писателей, созданным 4 апреля по инициативе Кабардино-Балкарского обкома партии, предпринято издание стихов и песен «Первый шаг» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 1].

О том, что «Первый шаг» есть «как бы творческий ответ на постановление ЦК ВКП(б) и несколько обобщающий уже имеющуюся продукцию» [Нало 2005: 117], говорит и Джансох Налоев. Но если взглянуть более широко на культурно-исторический контекст, в котором появился сборник, проступят весьма значимые смысловые аспекты, на фоне которых складывалась эта поэтическая пропаганда.

Формирование писательской организации Кабардино-Балкарии и выход названного сборника происходит на фоне бедствий 1932–1933 гг., когда «...на огромной территории с населением более 50 млн. человек разразился страшный голод. Он охватил почти всю Украину, Северный Кавказ, южные районы ЦЧО

и Урала, Поволжье, Западную Сибирь и Казахстан, т.е. практически все зерновые районы СССР» [Ивницкий 2009: 191]. О причинах и трагических последствиях этого голода, об ужесточении методов административного воздействия с целью не допустить срывов плана коллективизации, начиная с 1990-х гг. написано немало [Осколков 1991; Кондрашин 2008; Ивницкий 2009]. Документальные свидетельства убеждают в том, что «пик голода 1932–1933 гг. приходился на зиму – весну 1933 г., когда больше всего и погибло людей» [Ивницкий 2009: 213]. Крайне непросто представить сведенными в едином временном промежутке трагедии голодомора и решение культурных задач, среди которых было становление советской литературы национальных областей. Тем не менее, это были реалии одного периода, и противоречивая действительность преломлялась в агитационно-пропагандистском творчестве весьма специфическим образом.

Разумеется, не случайно слова о достижениях в сельскохозяйственной политике открывают введение «Первого шага». Сущностные для этой эпохи вообще, они, если можно так сказать, конкретизировали большую часть советской действительности КБАО. Промышленные предприятия в те годы лишь начинали возводиться и основное население занималось сельским хозяйством, стало быть, жило в реалиях колхозного строительства. Оно и явилось главной темой «Первого шага». Новый мир, действительно, лишь оформлялся, и его требовалось принять единодушно. Относиться к этому единодушию сегодня можно по-разному. Предшествовавший «Первому шагу» короткий отрезок советской истории «разъяснял» вполне конкретно, чего и как следовало желать, во что свято верить, и чем грозили отклонения от заданных идеалов. Поэтому в плане мировоззренческих установок все авторы «Первого шага» едины в готовности принять новую реальность, и приблизительно одинаковый, за редкими исключениями, уровень художественности словно лишний раз подчеркивает эту общность.

Для сборника были отобраны поэтические опыты Мачраила Пшунокова, Талуста Шакова, Магомеда Афаунова, Али Шогенцукова, Хамида Карданова, Мухаж Канукоева, Лостанби Афашагова, Амирхана Шомахова. Не все произведения датированы. Однако судить об этом уверенно мы не можем, поскольку в настоящем исследовании ссылаемся не на само издание, а на его рукописную перепечатку. Попутно отметим, что последняя отпечатана кириллицей (оригинал, разумеется, был отпечатан шрифтом на основе латинской графики) и некогда находилась в личной библиотеке Хачима Теунова [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–50]. Само же издание хранится в Российской государственной библиотеке.

Ряд сочинений, представленных в сборнике, датирован 1928–1929 годами, то есть возник на этапе, когда происходил поворот «... ранней советской культуры в сторону ее полного и окончательного огосударствления, придания ей до того отсутствовавшего тоталитарного качества» [Мазаев 2007: 102]. Как характеризует этот период историк М.А. Текуева, «с 1928 года в регионе все чаще стало ощущаться ужесточение в экономической сфере, идеологическая бескомпромиссность. С этого времени, можно сказать, начался

поворот от политики «мирного сосуществования» с традиционными институтами и религиозными организациями – к политике их вытеснения, к жестким мерам по отношению к «пережиткам» [Текуева 2008: 320]. Растет социальная напряженность. «В это время в Кабардино-Балкарии, как и в других регионах страны, развернулось мощное антиколхозное движение, начало которому положили баксанские события 1928 г.» [Кармов 2019: 64]. Аграрные выступления крестьян, как показывают исследователи, имели место в КБАО в 1928, 1930-31 годах, протест вызывали хлебозаготовки, принуждение к неоплачиваемым работам по рытью мелиоративных каналов, закрытие мечетей и медресе, вмешательство коммунистов в воспитание детей, лишение служителей религиозного культа права голоса [Дзуев 2012: 20]. Причем, как пишет С.Н. Бейтуганов о составе повстанцев, «среди них было немало в прошлом активных борцов за действительно советскую – ленинскую власть»¹.

Круг литераторов, разумеется, не мог быть абстрагирован от происходящего. Однако пролетарским художникам надлежало изображать лишь парадную сторону нового строя. Ввиду этого резонно усматривать в их творчестве не только строгий отбор материала, но и идеологический ответ на обстоятельства, что нарушали гармонию социального идеала, определяющего политическую риторику той поры.

Написанное в 1928 г., в день, когда был утвержден Первый пятилетний план развития народного хозяйства страны, стихотворение Т. Шакова «11-й Октябрь» являет типичный пример идеологически избирательного взгляда на современность. Противоречивая, и к этому моменту уже окрасившаяся в трагические тона реальность коллективизации преломляется в поэтических строчках Шакова таким образом, что краткая констатация объединения крестьян в колхозы спешно преобразуется в мотив радостного овладения машинной техникой:

Ди лэжьакIэщIэу колхозым
ЛэжьакIуэр минуэрэ зэгуешэр,
Машинэ льэпкьхэр я куэдщи
ЩапхъэкIэ дахэуэ мэлажьэр.

Лэжьыгъэу яIэр нэзычэу
И чэзукIэ псори ягъуэт,
Тракторхэр кьызэIуагъащIэри

ЛIакъуэщIэр гуфIэу зэхоплъэ [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 6]. (Здесь и далее орфография оригинальных текстов сохранена. – И.К.).

¹ Бейтуганов С.Н. Восстание крестьян в Кабардино-Балкарии в 1928–31 годах. Исторический очерк // Информационный портал Фонда черкесской культуры «Адыги» им. Ю.М. Калмыкова: сайт URL: <http://fond-adygi.ru/dmdocuments/Бейтуганов%20С.Н.Восстание%20крестьян%20в%20Кабардино-Балкарии%20в%201928-31%20годах.pdf> (дата обращения: 14.09.2021).

Наш новый способ труда – колхоз,
Тружеников тысячи (он) объединяет,
Машин разных у них много,
Образцово слаженно трудятся (они).

Все, что ускорит их труд,
Вовремя они получают,
На тракторах встречая друг друга,
Молодежь весело приветствиями обменивается.
(Пер. подстр. – И.К.)

Далее внимание переключается на перечисление иных значимых явлений нового строя (ведь поэт воспекает образ одиннадцатого, после революции 1917 года, октября): учебные заведения, двери которых открыты для карахалка, возведение прочных мостов над бурными реками, строительство Акбашской ГЭС, свобода и равноправие женщин. Последнее, согласно этическим нормативам нового социального идеала, сопрягается с мотивом «прозрения» горянки и освобождения ее от религиозного угара:

Ди цыхубзхэри кьыхэдгъэхьащ,
Іуэху зэрахъэу куэди дгъэсащ,
Гъэсэнгъэми къетшэлІэфаш,
Нэфу щытами, хуиту плъэжащ.

Я нэгу хуиту жьы щІихужащ,
Молэм япцІхэм кьыщІэхужащ,
Хуитынгъэм кьигъэушыжхэри
Шэрихъэтыр хаутэжащ [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 7].

И наших женщин мы приобщили,
Работам (ответственным) многих обучили,
К воспитательному труду привлечь сумели,
Хоть были (они) слепы, теперь прозрели.

Глядят свободно они (на мир)
От обманов мулл избавленные,
Свобода их пробудила
(И) шариат они растоптали.
(Пер. подстр. – И.К.)

Поступательно развиваемая в раннесоветские годы тема женского равноправия в случае с горянкой дополняется своими аспектами. И ко времени написания приведенных строк эти аспекты особенно обострены. «Как раз на тот же период, – констатирует М.А. Текуева, – пришлась кампания по массовому закрытию мечетей. Насильственно насаждаемый государством

атеизм вызывал открытый протест женщин не только потому, что они были более религиозны в силу отсталости или консервативности сознания, но в первую очередь потому, что религиозная обрядность, переплетаясь и сливаясь с этническими традициями, упорядочивала и наполняла смыслом весь их жизненный путь. <...> Приравнивая женскую несвободу, выражавшуюся в ограничении женской самостоятельности вне дома, в «домашнем заточении» – к социальному бесправию, большевики пытались «разбудить» классовое сознание горянки, научить ее бороться за свое равенство, проявлять общественную активность. На практике же все вышло не так, как задумывалось. Едва возникла опасность (мнимая или действительная) отчуждения женщин от детей, угроза нехватки хлеба для семьи, как женщины решились на открытое сопротивление программам их «раскрепощения». Женские аграрные волнения прокатились волной по Северному Кавказу...» [Текуева 2008: 321–323].

Упомянутая здесь угроза отчуждения женщин от детей, иначе говоря, пропагандируемая коммунистами модель воспитания подрастающего поколения, в литературной «обработке» Т. Шакова (стихотворение «Детский сад», 1928) сохранила отзвук ментального противостояния, связанного с «темой» детских садов:

Мы Іуэхум псалъи къикІащ
Ди бийхэм кІийуэри жаІащ:
«Фи сабийхэр унэм щІэвгъэс –

Урыс хабзэм ар евыгъэпІ...» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 16].

И был скандал вокруг этого дела
(И) наши враги крикливо заявили:
«Ваших детей оставьте дома –
Не дайте в русских традициях их воспитать...»
(Пер. подстр. – И.К.)

Однако детсады становятся частью новой реальности, ее надо оправдать, и, чтобы прозвучать более убедительно, пропагандистское «мы» внезапно переходит в финале произведения на женскую точку зрения:

Ди бийхэм япщІхэр ткъутащ,
Сабий гъэсапІэхэр дгъуэтащ,
Къабзагъэр сабийхэм яттащ,

Гъэпсэхугъуэ анэми дгъуэтащ [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 16].

Наших врагов наветы мы разрушили,
Детские сады мы обрели,
Гигиену детям обеспечили,

И время для отдыха, мы, матери, нашли.
(Пер. подстр. – И.К.)

Обращаясь к произведениям, датированным 1933 годом, мы, конечно, не предполагаем, что принцип избирательного отражения нового строя мог в чем-то ослабиться. Однако, пусть крайне редко и в завуалированном виде, но отголоски трагедийного контекста – весны, мучительной для многих районов страны, о чем мы упоминали выше, – проскальзывают. Нам видится, что именно так следует понимать начальную строфу стихотворения Т. Шакова «Первый день мая!» (датированного началом апреля 1933):

Майм и пэцІэдзэуэ ди махуэ,
Дыгъэри хуабэкІэ нэхъ щыдзэ,
Щымахуэ благъуэм и дзапэ
Дэлъа псэ минхэри къыщыдзэ! [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 5].

Мая первый наш день,
Когда солнце начинает пригревать,
В драконьей пасти зимы
Оказавшиеся тысячи душ освободи!
(Пер. подстр. – И.К.)

Произведение, кстати говоря, вызвало недоумение Д. Налоева тем, что праздник «1 Мая» почему-то предстал как «торжествующая победа весны над суровой заморозью января», а еще – «выхолощенностью главного политического мотива борьбы» [Нало 2005: 119].

Стихотворение А. Шогенцукова «1 Мая» тоже 1933 года (как указывает А.Х. Хакуашев, впервые опубликовано в этом сборнике [ЩоджэнцЫкІу 2006: 527]), то есть, видимо, как и в предыдущем случае, было сложено в преддверии праздника.

Вслед за начальными строфами, подчиненными стандартам изображения нового мира (бесчисленное множество заводов «произносит» поздравления; назло врагам процветают колхозы; полощется на ветру сияющее майское знамя) проскальзывает нечто, похожее на мольбу. Поэт обращается к маю с просьбой о милосердии: «Май махуэ, гуцІэгъухэр / Къэралхэм егъэхъ» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 21] («День мая, милосердие / К странам яви». – Пер. подстр. – И.К. С течением времени эти строки будут преобразованы в знакомые нам «Май махуэ, гуфІэгъуэр / Къэралхэм егъэхъ» [ЩоджэнцЫкІу 2006: 527] («День мая, радость / Странам подари». – Пер. подстр. – И.К.).

Любопытно также взглянуть на продолжающие тему Дня солидарности трудящихся стихотворения «1 Мая» Х. Каданова и «Майский день» Л. Афашагова. Их датировки не указаны. Однако во втором случае трудно не заметить, насколько явно автор отдаляется от политической доминанты.

Интересно, что для Л. Афашагова, как и для Т. Шакова, май – это прежде всего освобождение от гнета суровой зимы: наконец-то она, казавшаяся бесконечной, стинула, бледная от злости, надоевшая людям; изгнанные зимней стужей, возвращаются птицы, кружат пчелы, на зеленой травке резвятся ягнята. В таком духе развиваются шесть из восьми строф произведения. Странно, что месяц май Л. Афашагов воспекает так, словно тот граничит с зимой, словно и не предшествовало ему два других весенних месяца, март и апрель. Может даже показаться, что речь вообще-то не о празднике, а всего лишь о теплом майском дне. Однако две заключительные строфы, где есть отсылка к тяжелой в недавнем прошлом доле трудящихся и призывы к классовой борьбе, свидетельствуют о том, что стихотворение все же посвящено празднику.

В противоположность этому, «1 Мая» Х. Карданова разворачивается строго в политическом ключе. Сначала предыстория Дня международной солидарности трудящихся, потом – картины классовой борьбы, и в завершение – призывы к возведению нового мира, в потоке которых есть также обещание привлечь в колхозы единоличников:

Хамэжь бзаджэуэ ди биижьхэм
Дезэуэныр дгъэзэщІэнщ,
Щхъэзэрызуэ ди лэжьакІуэхэр

Колхоз гъуэгум кытетшэнщ [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 36].

С происками иностранных врагов
Мы покончим,
Единоличных наших тружеников
На путь колхозный наставим.
(Пер. подстр. – И.К.)

Отслеживая наиболее разработанные тематические линии сборника, можно заметить, что произведения о «новой женщине» – «Женское стихотворение» Т. Шакова, «Женское стихотворение» М. Афаунова, «Женщины!» Х. Карданова «складываются» в один общий сюжет: узница-горянка, доведенная до полусмерти царизмом, домашним гнетом и шариатом, наконец-то обретает свободу и полноценное, полезное новому строю бытие. Ее эмансипация изображается через перечисление новых социальных ролей, подчеркнуто презрительное отношение к исламу и его служителям, преображение внешнего облика, из которого убывают значимые детали национального костюма (платок, корсет, нагрудник, пояс).

Не только уровнем художественности, но и мерой отдаленности от смысловых клише, с помощью которых решают «женскую тему» перечисленные произведения, отличаются «Лина-тракторист» (название «Лина-трактористка», как известно, появится позднее), «Несчастья империалистической войны, выпавшие на долю бедной женщины» и «Жизнь Мадины» Али Шогенцукова. Впрочем, два последних произведения (ныне

известные как поэмы «Зимняя ночь» и «Мадина») вовсе и не о новой женщине, скорее о страданиях женщин, каждая из которых оказалась беззащитна перед силой жестоких обстоятельств.

Как пишет А.Х. Хакушев, работу над поэмой «Жизнь Мадины» Шогенцуков начал в 1928, над поэмой «Несчастья империалистической...» – в 1929, первые их публикации относят к рассматриваемому сборнику [Хакушев 2006: 531, 533]. Обе поэмы явно выбиваются из агитационно-пропагандистского контекста «Первого шага». И дело не только в яркости поэтического таланта А. Шогенцукова. Просто лиризм, психологизм – характеристики, для пропагандистского творчества совершенно не типичные. Однако трагическая судьба простой горянки из недалекого прошлого, несомненно, укрупняла одну из сторон оппозиции, без которой на рубеже 1920–30-х в советской литературе Северного Кавказа не обходился образ «новой женщины». В этом отношении примечательно увиденное Ю.М. Тхагазитовым в сюжетной ситуации, легшей в основу поэмы «Несчастья империалистической...» («Зимняя ночь»): «Али Шогенцуков изображает ситуацию, присущую романтической балладе, но невозможную в адыгском обществе даже периода первой мировой войны. Село, живущее по адыгскому этикету, не могло оставить на произвол судьбы вдову воина, павшего на поле битвы. Именно поэтому автор вынужден как бы «изъять» дом вдовы и ее сына из «пространства» села и дать его в оппозиции городу» [Тхагазитов 1996: 132]. Можно сказать, что с точки зрения идеологических ожиданий времени изображенная ситуация очень выразительна. Она как довод в пользу того, что в новом, коммунистическом, обществе, где все равны, подобное случиться не может. Вероятно, в таком же духе могла быть воспринята и «Жизнь Мадины»: в обществе, которое предоставляет женщине право самой делать выбор, трагическая судьба Мадины повториться не может.

В абсолютном большинстве случаев авторы «Первого шага» обращены к конкретике современных преобразований, ведь выбор сюжетов подчинялся целям пропаганды нового. Явный перевес в сторону повествовательности, нескладная подражательная образность, редкие и невыразительные фольклорные аллюзии – «особенности», которыми отмечены популярные сюжеты сборника. Сегодня было бы странно критиковать его художественный уровень, тем более что в русле актуальных для своей эпохи представлений это уже было сделано Джансохом Налоевым. Важно лишь заметить, что в нынешнем прочтении эти бросающиеся в глаза несовершенства – отсутствие цельности образов, сумбурность построения стиха – становятся одним из элементов содержания «Первого шага», *преобразуются в средство передачи особенностей восприятия авторами явлений, о которых они ведут речь.*

То, что мы обобщенно называем строительством новой жизни, в большинстве случаев изображено как устройство колхозов. Это сюжет, как мы уже говорили, наиболее популярный. Его разрабатывают Талустан Шаков, Магомед Афаунов, Али Шогенцуков, Хамид Карданов, Мухаж Канукоев, то есть почти все представленные авторы. Мотивы, сквозные для данного сюжета – преданность партии, межнациональная и международная сплоченность

трудящихся, преимущества коллективного труда, опережающее осуществление плана пятилетки, прокладывание водных каналов, выявление враждебных элементов.

Немногим по степени развернутости уступают колхозному строительству два других сюжета – вступление в общественную жизнь женщины-горянки и борьба с религией и ее служителями. Причем последние упоминаются и в теме эмансипированной горянки, и «прорабатываются» отдельно («Курман» Х. Карданова, «Мулла негодный» М. Канукоева).

Помимо этого, значительное место занимает пропаганда школьного образования, детских садов, национальной письменности. Сюжетный центр ряда произведений определяют знаменательные события – съезды, праздники (Октябрь, Первомай, Восьмое марта), как некая временная точка, с которой открывается ретроспектива уже достигнутого.

Общие закономерности прослеживаются в поэтизации времени и пространства. Излюбленным временем изображения становится весна – пора многообещающего сева и символ новой жизни, праздник трудящихся. Как правило, весне противопоставлена зима, не только эмоционально (как в стихотворении А. Шогенцукова «Урожайная»), а в большей степени идеологически. Она ассоциирована с темным и жестоким прошлым народа («Несчастья империалистической...» А. Шогенцукова, «Первое мая» Т. Шакова).

При том, что большинство изображаемых событий и явлений наблюдается непосредственно в родном крае, для авторов важно осознание своей малой родины как части грандиозного строительства, отсюда расширение географических масштабов: «Россиешхуэ» (Великая Россия) у М. Пшунокова, «Дуней псом и Ыхьэ ханэр», «щЫ хьурейм и Ыхьэ ханэр» («Мира шестая часть», «шестая часть земного шара») у Т. Шакова и Х. Карданова. Этому миру противостоит враждебное пространство, именуемое «Европэжьыр» (Старая негодная Европа), «Европэжьуэ биильэр» (Европа, полная врагов) и т.п.

Героя, усилиями которого и во имя которого создается новый мир, разглядеть и охарактеризовать непросто. Для агитационно-пропагандистской поэзии индивидуализированный герой, личностное начало вообще мало характерны, и кабардинская поэзия придерживается этого принципа очень строго. Индивидуализацию субъекта можно отметить лишь в произведениях А. Шогенцукова.

Разумеется, в «Первом шаге» фигурируют имена политических лидеров эпохи – Ленин, Сталин, Бетал Калмыков, но здесь не столько образ конкретного человека, сколько имя как маркер абсолютной ценности развертываемого сюжета. Во всех же остальных случаях присутствие субъекта выражается обобщенно: карахалк (беднота), большевики, трудящиеся. Новые ценности, к которым устремлена эта поэзия, проецируются на некоего собирательного, массового героя. Общество превалирует над личностью. Главная сила нового общества – пролетарии и колхозники – может обозначать себя как в «Памяти Ленина» М. Пшунокова «мы рабочие, двое нас братьев» («дэ лэжьакIуэу дэ ээшитIым»), или как в стихотворении «Несколько слов моих» М. Канукоева

«мы двое братьев из бедноты» («къэрэхьэлъкъыуэ дэ зэшитыр»), но в основном просто вести речь от обобщенного «мы».

Подчеркнутая множественность создает впечатление густонаселенности этого мира. Понятно, что «мы» в риторике обозначенного периода также подразумевает политическую надэтническую общность, к идеалу которой устремлен новый строй. «Концепция массового действия» (А.И. Мазаев), за очень редкими отступлениями, организует реальность, изображенную в «Первом шаге». «Мы» – апелляция к абсолютному и общечеловеческому в обход частного. Подобная множественность была востребована политической риторикой и легко перенималась поэтическим сознанием – она сразу переводила провозглашаемое во всеобщность, скрадывая тем самым возможные «шероховатости», неубедительность нового. Ведь «мы» – это то, чего придерживается абсолютное большинство, а потому достойно доверия.

Здесь же присутствует образ антагониста. В основании новой реальности заложена классовая борьба, поэтому «мы» воинственно в той же мере, сколь жизнерадостно. Собирательный образ классового врага, внешнего и внутреннего, возникает постоянно. Он склонен к вариациям. Возможно его прямое название (враги, кулаки, богачи, князья, дворяне, чужеродные), чаще – доведение до гротеска. Так, в «Памяти Ленина» М. Пшунокова упоминаются «беременные драконы Европы», в «1 мая» А. Шогенцукова – «старые драконы Запада». Часто мелькает внешняя характеристика врага – «толстобрюхий», «с брюхом саранчи». Особое внимание в перечне враждебных элементов отводится духовенству, что неудивительно, ведь именно его принято было считать главным подстрекателем антиколхозных выступлений.

Драконы, саранча, пауки, враги нартов... Мифологический антураж творимых классовым врагом притеснений способен причудливо переплетаться с каррикатурностью его внешнего облика: «А бэджыжхэр псэухункIэ / Дунейм икIэу дытетащ» (Къардэн Хь.) [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 40] («Пока существовали эти старые пауки / В мире этом мы влачили ничтожное существование». – Пер. подстр. И.К.); «Блэщхъуэжь дзапэм дынэщIэлът, / Лыуэ тцIэтыр тцIафыкIат, / ПкIауэжь ныбэу нарт биижхэм / Дэ дыпхауэ даыгъат» (АфIэунэ М.) [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 19]. «В драконьей пасти находились мы, / Нас обескровили они, / С саранчовым брюхом закоренелые враги нартов / Держали связанными нас». – Пер. подстр. И.К.).

Устойчив мотив распознавания классового врага. В разработке этого мотива некоторые авторы «Первого шага» словно пытаются превзойти друг друга. Приведем ряд эпизодов.

Стихотворения «Серп и молот» (1929) и «Съезд стариков» (1933) Т. Шакова:

Тщымыш фIейуэ ди IуэхуцIапIэм

КъыщIэхуари щIэддыжащ [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 8].

Грязь, чуждую нам, в наши учреждения
Проникшую, мы изгнали.
(Пер. подстр. И.К.)

Партыр пашэт,
Мызэшыжт,
Дэ нэ жанкІэ кытхэплъащ.
Тщымышц тхэтуэ кьальэгъуами,
Я гъэувыпІэр кыджиІащ [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13.
Л. 14].

Партия вела нас,
Неустанно,
Зорко вглядываясь в наши ряды,
Если ж замечала постороннего,
Подсказывала нам, где его место.
(Пер. подстр. И.К.)

«Песнь героев» М. Афаунова:
Лыхъужь пашэуэ, лы шэрыуэ,
Большевикхэр хэкум кьокІ.
ПкІауэжь ныбэуэ бий кытхэкІхэр,
Хабзэм теткІэ зэхагъэкІ [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13.
Л. 14].

Герои-вожаки, мужи, не знающие промаха,
Большевики в отчизне нашей объявляются.
С саранчовым брюхом врагов, средь нас обнаруженных,
По закону они карают.
(Пер. подстр. И.К.)

«Несколько слов моих» М. Канукоева:
Уэркыжь Іэджэр ІутпІащ
Щэхууэ лажьэр кьэнахэм
Я хуэмэбжымэр дгъэткІунщ [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13.
Л. 45].

Дворян негодных много мы уничтожили,
На подпольном положении оставшихся
(Их) признаки существования мы сотрем.
(Пер. подстр. И.К.)

Трудно сказать, насколько сильна была убежденность авторов «Первого шага» в тех ценностях, которые они пытались проповедовать, насколько они вдохновляли их самих, несомненно одно – *представленная в сборнике*

действительность с ее идеалами являлась не столько творческим отображением реально существующей, сколько попыткой поэтического оформления, оправдания воздвигаемой действительности.

Отзвук традиции

«Первый шаг» был заявлен как сборник стихов и песен [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 1а]. Можно сказать, что уже на уровне формы просматривается обоснованность ценностными представлениями новой эпохи. О том, что «хорошая, нужная» песня – особо востребованный жанр в деле строительства новой жизни на Северном Кавказе, в те годы упоминал П. Максимов, подкрепляя свои наблюдения словами одного ростовского рабочего: «Песня – такое же оружие в руках пролетариата, как и штык!» [Максимов 1933: 103]. Особое место песни и хоха (здравицы) ретроспективно подмечал и Х. Теунов. Он выделял их в контексте поэзии как ведущего жанра кабардинской литературы той поры: «Широкое распространение в первые годы советской власти, в период кипучей активности народных масс приобретают хох и песня. Они наиболее популярны, оперативны, и в период острой классовой борьбы, митингов и сборищ хох нередко заменял агитационную речь» [Теунов 1955: 106].

Во всем этом присутствует любопытный аспект: если политическая агитационная риторика в творчестве поэтов являлась тем новым, пришедшим извне канон, что на рациональном уровне требовал бесспорного признания, то востребованность песни и хоха для воплощения этого канона скорее предопределялась произвольно, по инерции традиционного восприятия стихотворства народным сознанием адыгов. На начальном этапе кабардинской советской литературы эта инерция все еще ощутима. Как подчеркивал Аскербий Шортанов, «Для поэтов более старшего поколения было традицией сочинять мелодию к своим стихам. Так стихотворение становилось песней. Раньше, еще до революции, устное народное творчество адыгов не знало исполнения стихов без мелодического сопровождения. Стихотворение популяризировалось в песне благодаря мелодии. Так оно становилось достоянием народа. По такому же образцу создавались и произведения наших первых советских поэтов» [Первые... 1968: 26]. Как яркий пример – творчество Мачраила Пшунокова: «Все стихотворения Мачраила Пшунокова имели мелодии, сочиненные им же самим. Одно из них – «Памяти Ленина» [Первые... 1968: 26].

Иными словами, новое надстраивалось над тем, что было не просто хорошо знакомо и понятно широким массам, но имело претензию на аутентичность. Ведь для адыгов в тот период песня (уэрэд) – форма наиболее удобопонятная, ассоциированная с традицией фольклора, что должно предопределять ее авторитетность и вызывать доверие. Хотя разумеется, что по сути это уже была лишь имитация традиции. Таким образом, на обозначенном этапе *эстетическая ценность, ассоциированная с прежними идеалами, становится элементом формы, «обслуживающей» новое содержание.*

Стереотипы восприятия. Их истоки

По настоящее время это издание ускользает из поля зрения исследователей. И неудивительно. «Первый шаг» давно стал библиографической редкостью. Можно предположить, что «труднодоступным» он оказался уже через несколько лет после опубликования, когда подверглись репрессиям некоторые из представленных в нем поэтов. Так, Мачраил Пшуноков, чье стихотворение открывает стихотворную подборку, Магомед Афаунов – ответственный редактор, автор вступительной статьи и ряда стихотворений, Талустан Шаков – один из авторов и технический редактор сборника, были репрессированы в 1937. Несколькими годами позже по политическим мотивам вне писательской «обоймы» оказалось еще одно имя – Лостанби Афашагов [Кажарова 2018: 142–147].

Из современников о сборнике успел отозваться Джансох Налоев в статье «От мертвого к живому». Однако Налоев, о чем упомянуто выше, пал жертвой репрессий в 1937 году, и имя его, равно как и труды, долгое время замалчивалось.

Название сборника начинает звучать в «Очерках истории кабардинской литературы» (1965) и хрестоматии «Первые писатели Кабарды» (1968).

Вынужденные умолчания и сила их инерции ощущаются в первых трудах по истории кабардинской литературы, появление которых приходится на середину 1950-х. В них несложно заметить весьма ограниченное число «действующих лиц» поэзии раннесоветского периода и весьма быстрый переход к обстоятельному разговору о поэзии периода Великой Отечественной. Причем «пробелы», возникающие на раннесоветском отрезке, восполняются развернутой характеристикой творчества Али Шогенцукова – новатора и лидера кабардинской поэзии. И, что примечательно, оценивается он не в окружении поэтов своего поколения, а в «смешанных рядах», состоящих из старцев – мастеров народного стихотворства (Бекмурза Пачев, Амирхан Хавпачев, Пшемахо Кешоков и др.) и, условно говоря, поколения «последующих поэтов» (Алим Кешоков, Адам Шогенцуков, Бетал Куашев) [Теунов 1955: 115].

Подобная картина наблюдается в монографиях Хачима Теунова «Кабардинская литература и кабардинские писатели» (1955) и «Литература и писатели Кабарды» (1955). Но уже в 1959 году, на реабилитационной волне, в переработанном исследовании Теунова «Литература и писатели Кабарды» повествование о раннесоветской поэзии пополняется новыми именами. Появляются короткие характеристики творчества Туты Борукаева, Пшикана Шекихачева, Абдула Пшенокова, упоминаются Мачраил Пшуноков и Мухамед Афаунов. В конце 60-х они же войдут в «Очерки истории кабардинской литературы» (1965) и хрестоматию «Первые писатели Кабарды» (1968), где большая часть имен – из числа тех, кто попал в жернова репрессий. Помимо этого, появится ряд отдельных статей, в которых будут воссозданы события жизни и творчества некоторых из них. Но важно сказать, что уже в трудах

данного периода закрепляется некоторая обособленность этой плеяды писателей. Обособленность, обусловленная на этот раз недостаточной информацией о них, неполной представленностью или же недоступностью их творческого наследия.

Не умаляя важности всех связанных с историей культуры событий, обозначившихся сразу после реабилитации и развернувшихся в конце 60-х годов, заметим, что и они совершались избирательно, в строгом соответствии с идеологическими рамками своего времени, вне учета неоднозначности того культурно-исторического контекста, в котором формировалось литературное творчество раннесоветского периода.

Проблема идеала

Как мы уже сказали, представленная в сборнике действительность с ее идеалами являлась не столько творческим отображением реально существующего, сколько процессом оформления, оправдания нового мира. И дело не только в том, что зарождавшийся мир пока не имел отчетливых очертаний, – для идеала подобные условия типичны.

Если исходить из того, что «...идеал есть соответствие знания субъекту, ибо он дает нам картину мира не таким, какой он есть, а таким, каким он *должен быть согласно нашему желанию*» [Бранский 1999: 243], можно уловить явный диссонанс между присущим человеческой природе желанием преобразования действительности, неприятием ее несовершенств, и «желанием», предписанным сверху, культивируемым искусственно.

Все идеалы, что вкупе составляли идеал нового мира, пропагандировались как массовые, как высшая цель, к которой устремлено «мы», подразумевающее трудящийся народ. Но в строгом смысле народные массы не были творцами этого идеала.

Явления, которые в эти годы претендовали на то, чтобы составить ценностный ряд нового мира, были слишком неоднозначны, чтобы внушать к себе доверие. Поэтому 1920–30-е можно назвать временем целенаправленной «экспансии идеала» (В.П. Бранский) нового бытия, внедрения его в массы. Это период его настойчивой манифестации, главным образом через отвержение прошлого, в конкретном случае – тех традиционных ценностей, которые доминировали в адыгском обществе незадолго до того. Этот нюанс строительства новой жизни отмечает В.Г. Шнайдер: «В 30-е гг. формируется идея «социалистического отечества». Этот, казалось бы, надэтнический образ, во-первых, надэтническим был только внешне. В действительности он все более соотносился с русскими историческими и этнокультурными традициями. Во-вторых, этот образ вполне соответствовал задачам государства, стоявшего перед необходимостью создания политической нации» [Шнайдер 2007: 65]. Разумеется, сказанное не отрицает того, что стандарты (которым надлежало играть роль идеала) могли также восприниматься с предубеждением в той культурной среде, которая их транслировала, и в которой они насаждались первоначально. Но здесь, на периферии, их восприятие усложнялось тем, что

они исходили от чужой культуры, не похожей на адыгскую. И за короткое время это «чужое» надлежало сделать «своим».

Заключение

Всматриваясь в актуализированный эпохой «набор идеалов» сборника «Первый шаг», важно понимать: он более сложен и неоднозначен, чем кажется на первый взгляд, хотя бы потому что идеал первых десятилетий советского строя в большей мере насаждаемый, нежели постепенно формирующийся, в то время как природа идеала подразумевает восхождение на высшую ступень ценности. Пользуясь формулировкой И.Г. Сухины, «идеалы – это вершины иерархии ценностей, ее семантические приоритеты» [Сухина 2011: 131]. О спорном характере насильно насаждаемых ценностей говорить излишне, но, так или иначе, в обозначенный период они претворялись в жизнь и, можно сказать, распространялись на все уровни бытия общества. Далеко не всегда они были «источником положительных эмоций», которые, по идее, должны сопровождать ценность как один из ее атрибутов [Бранский 1999: 530].

Таким образом, в контексте бурных преобразований этого периода драматически сосуществуют две разные реальности, которые принято равно обозначать словом «идеал». В одной из них идеал – это результат сложного пути, пролегающего через уровни ценностной системы, в другой – некий заданный шаблон, не отягощенный предшествовавшей ему «ценностной историей», но, тем не менее, обязанный принять на себя все функции идеала. Понятно, что обозначение «идеал» во втором случае имеет определенную долю условности, но все же оно стало традицией, и ее оспаривание едва ли актуально.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Базиева 2010 – *Базиева Г.Д.* Художественная культура Кабардино-Балкарии в полиэтническом пространстве России. – Нальчик: Издательство КБИГИ, 2010. – 296 с.

Бранский 1999 – *Бранский В.П.* Искусство и философия. – Калининград: Янтарный сказ, 1999. – 704 с.

Власть... 2009 – *Власть* и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. – М.: МФД, 2009 – 872 с.

Дзуев 2012 – *Дзуев Г.К.* Без права на обжалование: Документальные очерки по материалам ЧК, ГПУ, НКВД, КГБ, ФСБ 1920 – 1940 гг. – Нальчик: Эльбрус, 2012. – 192 с.

Ивницкий 2009 – *Ивницкий Н.А.* Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. – М.: Собрание, 2009. – 288 с.

История... 2010 – *История* адыгской (кабардино-черкесской) литературы. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – 490 с. (на каб.-черк. яз.)

Кажарова 2018 – *Кажарова И.А.* Обретение письменности как сюжет духовной культуры адыгов и личность Л. Г. Афашагова // Научный диалог. – 2018. – № 7. – С. 138–150. – DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-7-138-150>

Кармов 2019 – *Кармов А.Х.* К вопросу о сплошной коллективизации крестьянских хозяйств в Кабардино-Балкарии // Вестник КБИГИ. – 2019. – № 3. – С. 59–71. – DOI: <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2019-3-42-59-71>

- Компаньон 2001 – *Компаньон А.* Демон теории. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. – 336 с.
- Кондрашин 2008 – *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 гг.: трагедия российской деревни. – М.: РОССПЭН, 2008. – 519 с.
- Максимов 1933 – *Максимов П.* Поэты Кабарды и Балкарии // На подъеме. – 1933. – Кн. 6–8. – С. 103–110.
- Нало 2005 – *Нало Жансэхъу.* Литературей щІэиныр (Налоев Д. Литературное наследие. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 225 с. (на каб.-черк. и рус. яз.)
- Осколков 1991 – *Осколков Е.Н.* Голод 1932–1933. Хлебозаготовки и голод 1932–1933 в Северо-Кавказком крае. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1991. – 96 с.
- Первые... 1968 – *Первые* писатели Кабарды / Сост. Е. Машитлова. – Нальчик: Эльбрус, 1968. – 377 с. (на каб.-черк. яз.)
- Справочник... 1930 – *Справочник* партийного работника. Вып. 7, ч. 1. – М.–Л.: Государственное издательство, 1930. – 599 с.
- Сухина 2011 – *Сухина И.Г.* Идеал и его место в культуре: аксиологический аспект проблемы роли и значения идеала в культуре // Культура народов Причерноморья. – 2011. – № 200. – С. 129–134.
- Текуева 2009 – *Текуева М.* «Решение» женского вопроса в Кабардино-Балкарии (1917–1941 годы) // Социальная история. Ежегодник. 2008. – СПб.: Алетейя, 2009. – С. 303–326.
- Теунов 1955 – *Теунов Х.И.* Литература и писатели Кабарды. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1955. – 360 с.
- Тхагазитов 1996 – *Тхагазитов Ю.М.* Эволюция художественного сознания адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 251 с.
- Хализев 2005 – *Хализев В.Е.* Ценностные ориентации русской классики. – М.: «Гнозис», 2005. – 432 с.
- Шнайдер – *Шнайдер В.Г.* Советское нацистроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. – 416 с.
- ЩоджэңцЫкІу 2006 – *ЩоджэңцЫкІу* Алий (Шогенцуков А. Произведения). – Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года, 2006. – 541 с. (на каб.-черк. яз.)

Архив ИГИ КБНЦ РАН – *Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.*

REFERENCES

- BAZIEVA G.D. *Khudozhestvennaya kul'tura Kabardino-Balkarii v polietnichnom prostranstve Rossii* [Artistic culture of Kabardino-Balkaria in the multiethnic space of Russia]. – Nalchik: Izdatel'stvo KBIGI, 2010. – 296 p. (In Russian)
- BRANSKY V.P. *Iskusstvo i filosofiya* [Art and philosophy]. – Kaliningrad: Yantarnyi skaz, 1999. – 704 p. (In Russian)
- DZUEV G.K. *Bez prava na obzhalovanie: Dokumental'nye ocherki po materialam ChK, GPU, NKVD, KGB, FSB 1920–1940 gg.* [Without the right to appeal: Documentary sketches based on the materials of the Cheka, GPU, NKVD, KGB, FSB 1920–1940]. – Nalchik: El'brus, 2012. – 192 p. (In Russian)
- Istoriya adygskoi (kabardino-cherkesskoi) literatury* [History of the Adyghe (Kabardino-Circassian) literature]. – Nalchik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2010. – 490 p. (In Kabardin-Circassian)
- IVNITSKY N.A. *Golod 1932–1933 godov v SSSR: Ukraina, Kazakhstan, Severnyi Kavkaz, Povolzh'e, Tsentral'no-Chernozemnaya oblast', Zapadnaya Sibir', Ural* [Famine of 1932–1933 in the USSR: Ukraine, Kazakhstan, the North Caucasus, the Volga region, the Central Black Earth region, Western Siberia, the Urals]. – Moscow: Sobranie, 2009. – 288 p. (In Russian)

KARMOV A.Kh. *K voprosu o sploshnoi kollektivizatsii krest'yanskikh khozyaistv v Kabardino-Balkarii* [On the question of the complete collectivization of peasant farms in Kabardino-Balkaria]. IN: *Vestnik KBIGI*. – 2019. – No. 3. – P. 59–71. – DOI: <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2019-3-42-59-71> (In Russian)

KAZHAROVA I.A. *Obretenie pis'mennosti kak syuzhet dukhovnoi kul'tury adygov i lichnost' L. G. Afashagova* [The acquisition of writing as a subject of the spiritual culture of the Circassians and the personality of L. G. Afashagov]. IN: *Nauchnyi dialog*. – 2018. – No. 7. – P. 138–150. – DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-7-138-150> (In Russian)

KHALIZEV V.E. *Tsennostnye orientatsii russkoi klassiki* [Value orientations of the Russian classics]. – Moscow: Gnozis, 2005. – 432 p. (In Russian)

KOMPAN'ON A. *Demon teorii* [Demon theory]. – Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh, 2001. – 336 p. (In Russian)

KONDRASHIN V.V. *Golod 1932–1933 gg.: tragediya rossiiskoi derevni* [The famine of 1932–1933: the tragedy of the Russian countryside]. – Moscow: ROSSPEN, 2008. – 519 p. (In Russian)

MAKSIMOV P. *Poety Kabardy i Balkarii* [Poets of Kabarda and Balkaria]. IN: *Na pod"eme*. – 1933. – Book 6–8. – P. 103–110. (In Russian)

NALO D. *Literaturei shchleinyr* [Literary heritage]. – Nalchik: El'-Fa, 2005. – 225 p. (In Kabardin-Circassian; In Russian)

OSKOLKOV E.N. *Golod 1932–1933. Khlebozagotovki i golod 1932–1933 v Severo-Kavkazkom krae* [Famine 1932–1933. Grain Procurement and Famine 1932–1933 in the North Caucasian Territory]. – Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1991. – 96 p. (In Russian)

Pervye pisateli Kabardy / Sost. E. Mashitlova [The first writers of Kabarda. Edited by E. Mashitlova]. – Nalchik: El'brus, 1968. – 377 p. (In Kabardin-Circassian)

SHNAIDER V.G. *Sovetskoe natsiestroitel'stvo na Severnom Kavkaze (1917 – konets 1950-kh gg.): zakonomernosti i protivorechiya* [Soviet nation-building in the North Caucasus (1917 – late 1950s): patterns and contradictions]. – Armavir: RITs AGPU, 2007. – 416 p. (In Russian)

SHOGENTSUK A. *Proizvedeniya* [Works]. – Nalchik: Poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 goda, 2006. – 541 p. (In Kabardin-Circassian)

Spravochnik partiinogo rabotnika [Reference book of the party worker]. Issue 7. Part 1. Moscow – Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1930. – 599 p. (In Russian)

SUKHINA I.G. *Ideal i ego mesto v kul'ture: aksiologicheskii aspekt problemy roli i znacheniya ideala v kul'ture* [The ideal and its place in culture: the axiological aspect of the problem of the role and meaning of the ideal in culture]. IN: *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. – 2011. – No. 200. – P. 129–134. (In Russian)

TEKUEVA M. *«Reshenie» zhenskogo voprosa v Kabardino-Balkarii (1917–1941 gody)* [“Solution” of the women's issue in Kabardino-Balkaria (1917–1941)]. IN: *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik*. 2008. – St. Petersburg: Aleteiya, 2009. – P. 303 – 326. (In Russian)

TEUNOV Kh.I. *Literatura i pisateli Kabardy* [Literature and Writers of Kabarda]. – Nalchik: Kabardinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1955. – 360 p. (In Russian)

TKHAGAZITOV YU.M. *Evolutsiya khudozhestvennogo soznaniya adygov* [The evolution of the artistic consciousness of the Circassians]. – Nalchik: El'brus, 1996. – 251 p. (In Russian)

Vlast' i khudozhestvennaya intelligentsiya. Dokumenty TsK RKP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoi politike. 1917–1953 [Power and artistic intelligentsia. Documents of the Central Committee of the RCP (b) – VKP (b), VChK – OGPU – NKVD on cultural policy. 1917–1953]. – Moscow: MFD, 2009. – 872 p. (In Russian)

Arkhib Instituta gumanitarnykh issledovaniy KabardinoBalkarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk [Archive of the Institute of Humanitarian Researches of the Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Kabardin-Circassian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

УДК 821.352.3

DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-281-295

БАСЕННОЕ НАСЛЕДИЕ БАРАСБИ ТХАМОКОВА: ПОЭТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА

К.О. ХАШИР

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

E-mail: cara.khashir@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется басенное наследие кабардинского писателя Барасби Тхамокова. Актуальность исследования связана с отсутствием в адыгском (черкесском) литературоведении научных работ, посвященных не только басням, но и в целом литературному творчеству Б. Тхамокова, также впервые автором статьи сделан художественный перевод басен на русский язык. В центре исследовательского внимания – басни из поэтического сборника писателя «Спокойное слово»: «Лягушка и Дракон» («Хьэндьркъуакъуэмрэ Благъуэмрэ»), «Сурепка и Пырей ползучий» («Хьэкъыршымрэ Шыдудзымрэ»), «Землянка и Родник» («Щыунэмрэ Псынэмрэ»), «Утиная голова» («Бабыщыщхь»), «Оса и пчелы» («Хьэдзыгъуанэмрэ Бжъэхэмрэ»), «Насекомое и капуста» («ХьэпIацIэмрэ Къэбыстэмрэ»), «Медведь и Волк» («Мыщэмрэ Дыгъужьымрэ»), «Почтительность и Счастье» («Нэмысымрэ Насыпымрэ»). В обозначенных произведениях прослеживаются идейные взгляды Б. Тхамокова, его философское осмысление жизни и опора на черкесский этический кодекс «Адыгъ хабзэ». В исследовании применен метод литературоведческого анализа. Полученные результаты могут быть использованы при составлении спецкурсов по адыгской литературе.

Ключевые слова: Б. Тхамоков; адыгская литература; кабардинская поэзия; басня; философская лирика.

FABLES IN THE LITERARY HERITAGE OF BARASBI TKHAMOKOV: POETICS AND PROBLEMS

K.O. KHASHIR

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173

E-mail: cara.khashir@gmail.com

Abstract. The article examines the fable heritage of the Kabardian writer Barasbi Tkhamokov. The relevance of the study is associated with the absence of scientific works in Adyghe (Circassian) literary criticism, devoted not only to fables, but in general to the literary work of B. Tkhamokov, and for the first time the author of the article made an artistic translation of fables into Russian. Fables from the poetry collection of the writer «Quiet Word» namely «The Frog and the Snake» («Хьэндьркъуакъуэмрэ Благъуэмрэ»), «Barbarea and Grass» («Хьэкъыршымрэ Шыдудзымрэ»), «Dugout and a spring» («Щыунэмрэ Псынэмрэ»), «Duck head» («Бабыщыщхь»), «Wasp and bees» («Хьэдзыгъуанэмрэ Бжьэхэмрэ»), «Insect and cabbage» («ХьэпIацIэмрэ Къэбыстэмрэ»), «Bear and Wolf» («Мыщэмрэ Дыгъужьымрэ»), «Respect and Happiness» («Нэмысымрэ Насыпымрэ») are in the center of research attention. B. Tkhamokov's ideological views, his philosophical understanding of life and reliance on the Circassian code of ethics «Adyghe khabze» are traced in the designated works. The study used the method of literary analysis. The results obtained can be used in the preparation of special courses on the Circassian literature.

Keywords: B. Tkhamokov; Circassian literature; Kabardian poetry; fable; philosophical lyrics.

Несмотря на значительный вклад различных исследователей в расширение и обогащение кабардинской литературной критики, все еще сохраняется внушительный пласт авторов оригинальных художественных текстов, чья роль в развитии адыгской культуры остается по сей день малоизученной. В их число входит поэт-философ, детский писатель, пробовавший себя также в драматургии и публицистике, Барасби Гумарович Тхамокв (1940–2010), который не только оставил после себя значимое творческое наследие, но и заработал репутацию «человека интересной судьбы, яркого жизненного пути и безукоризненной честности» [Эфендиев 2010: 392]. В его жизни и творчестве не было притворства, только подлинная элегантность, делающая его строки запоминающимися. Никаких изощренных словесных игр, остроумных этимологизаций или экспериментов с формой, в основе его поэтики лежат простая синтаксическая организация текста и не теряющаяся от этого глубина смыслового содержания: «В стихах Тхамокова, чему бы они ни посвящались, всегда присутствует эта удивительная простота и душевная щедрость» [Алхасова 2019: 75].

При жизни Б. Тхамокв успел издать четыре книги: сборник рассказов для детей «Цветы» («Удз гъэгъэхэр», 1980), сборник рассказов «Неделимое счастье» («Насыпыр Ихьэ мыгуэщ», 1989), поэтический сборник «Спокойное слово» («Псальэ Iэсэ», 1994) и труд «Избранное» («Тхыгъэхэр», 2000).

Свой творческий путь Б.Г. Тхамокв начал в эпоху, которую принято называть «оттепелью» (50–70-е годы XX в). Для кабардинской литературы этот период характеризуется в первую очередь активным расширением деятельности переводчиков, что закладывает основу для более обширного взаимодействия русской и адыгской культур. Однако данный факт не приводит к растворению одной культуры в другой, наоборот, кабардинские писатели постепенно отходят от литературного подражания и развивают собственный оригинальный стиль: «С полным правом можно говорить о взаимовлиянии литератур. Без преувеличения отметим, что в кабардинской литературе еще

встречались отдельные, небольшие подражательные произведения. Но в общей сложности в кабардинской литературе появились свои, уходящие корнями в народное творчество, в национальный менталитет, чисто адыгские сочинения» [Алхасова 2019: 73].

В становлении и развитии творчества писателей того времени одну из ключевых ролей играли публикации в литературных журналах, знакомивших читателей с новинками оригинальной или переводной литературы и имевших тогда значительное влияние на формирование общественного мнения. Рассказы «Мысхуд во хмелю» («Мысхьуд чэфыжьыпкъэт»), «Гроздь калины» («Зэрыджэ Ёрамэ»), современные сказки «Как искали свиной волос» («Кхъуэц кызыэралъыхъуар»), «Петух попал в кипяток» («Адакъэр псывэм хэупIащ»), одноактная пьеса «В стане – волнение» («Псэжьхэр зэрызохъ»), поэма «Светлая притча» («Псысэжь нур») и многие другие произведения Б. Тхамоков публиковал в одном из значимых литературно-художественных и общественно-политических журналов на кабардинском языке – «Iуащхъэмахуэ» («Ошхамахо»).

В целом журналистская деятельность являлась важной частью жизни писателя, работавшего в таких газетах, как «Вперед», «Каменский рабочий» и «Адыгэ псалъэ» («Адыгское слово»). Знакомство с периодическими изданиями происходит у Б. Тхамокова еще в раннем возрасте. В газете «Кабардино-Балкарская правда» С. Моттаева указывает: «Со студенческих лет [Тхамоков] активно сотрудничал с республиканскими газетами и журналами. Его любимыми жанрами в то время были стихи и басни» [Моттаева 2015: 3].

Басенное наследие Б. Тхамокова до этого времени ни разу не являлось темой для отдельного исследования, более того, отсутствуют переводы басен писателя и их адаптации для русскоязычных читателей. В связи с этим автором в данной работе впервые выполнен анализ басен Б. Тхамокова и их художественный перевод.

В сборнике «Спокойное слово» приведены басни Б. Тхамокова «Лягушка и змея» («Хьэндыркъуакъуэмрэ Благуэмрэ»), «Сурепка и Пырей ползучий» («Хьэкъыршымрэ Шыдудзымрэ»), «Землянка и Родник» («ЩIыунэмрэ Псынэмрэ»), «Утиная голова» («Бабыщыщхъ»), «Оса и пчелы» («Хьэдзыгъуанэмрэ Бжьэхэмрэ»), «Насекомое и капуста» («ХьэпIацIэмрэ Къэбыстэмрэ»), «Медведь и Волк» («Мыщэмрэ Дыгъужьымрэ»), «Почтительность и Счастье» («Нэмысымрэ Насыпымрэ»), которые написаны в поэтической форме [Тхамоков 1994: 49–52].

В предисловии к данному сборнику («ЩIэдзэкIафIэ») поэт Лиуан Губжоков пишет: «Когда читаешь стихи Барасби Тхамокова, сразу замечаешь душевность автора, мягкость его сердца, его тихий, словно песня, разговор с читателем. Его красивые мысли притягивают, увлекают и делают тебя своим собеседником. Для многих поэтов подобное является заветной мечтой» [Тхамоков 1994: 4].

Для стихотворений Тхамокова действительно характерна общая лирическая направленность, однако поэт склонен выражать не только субъективные чувства и переживания, связанные с частной жизнью.

Социальные проблемы, в частности тема несправедливости общественных отношений, также входят в сферу его творческих интересов, что позволяет нам говорить и о реалистической стороне его басенной поэтики.

В басне «Оса и пчелы» [Тхамоков 1994: 51] показаны отрицательные стороны общественного строя, связанные с взаимодействием руководителя и его подчиненных.

Сюжет основан на том, что оса, воображая себя большим начальником, прилетает к пчелиным ульям, отвлекает пчел от работы и, будучи при этом несведущей в вопросах изготовления меда, долго наставляет их, чтобы увеличить количество данного продукта и повысить его качество:

Жила-была жужжливая оса
И вдруг начальником себя вообразила.
К пчелиным ульям полетев, она
Трудолюбивых пчел с рвением учила:
«Друзья, я не умею делать мед, как вы,
Но прилетела передать вам знания,
Как можно больше меда получить
И качество его повысить при старании».
Очки сверкали, речь лилась рекой,
А пчелы слушали и молча усмехались:
Какая польза им от этих жарких слов?
Оса держала их, работать не давая.
Она твердила: «Знания важны!»
А время шло, пока она жужжала...
Прошла пора мед делать. Где же мед?
Кого винить, что в ульях пусто стало?
Забыв про наставления, оса,
Покинув улья, навсегда пропала.
(Пер. подстр. – К.Х.)

Под пчелами, по сути, автор имеет в виду простой трудящийся народ, благосостояние которого во многом зависит от поведения власти. Сам народ при этом зачастую не позволяет себе идти наперекор начальству, несмотря на дальнейшие потери, которые в связи с этим может понести. Пчелы здесь лишь набираются терпения и молча созерцают: «А пчелы слушали и молча усмехались».

В результате действий осы улей остается на определенное время без внимания, что приводит к разорению пчел. Данную ситуацию можно считать примером невежества руководящего звена, которое стремится, подобно осе, получить в последующем прибыль в большем размере, но из-за собственной некомпетентности способно лишь разрушать уже имеющееся. Также важным выводом из басни является осознание того, что наставления людей, которые по факту несведущи в обсуждаемых вопросах, деструктивны и не несут в себе никакой пользы.

Выбор пчел в качестве персонажей может быть обусловлен не только их традиционным аллегорическим значением (представление о пчеле на ассоциативном уровне прочно связано с трудолюбием и усердием), но и тем, что пчеловодство было одним из древнейших занятий адыгов, а мед был одним из их основных продуктов питания. Пчела (бжьэ – каб.) имеет сакральный, кодификационный характер в системе адыгских мифопоэтических воззрений. [Кудаева 2012: 40]. В частности, археолог и путешественник Ф.Д. де Монпере отмечает: «У них [черкесов] есть Мерисса, защитница пчел. Они утверждают, что, когда все пчелы погибли, в живых осталась только одна, которая спряталась в рукаве Мериссы, и та ее спасла, после чего от той пчелы произошли все пчелы, которые сейчас существуют» [Монпере 1937: 55].

Пчела также выступает в качестве главной героини басни поэта и главного редактора газеты «Черкес Хэку» («Родина черкесов») Увжуко Тхагапсова «Пчела и мухи» [Тхьэгъэпсэу 1989: 9]. Тематика басен во многом совпадает, однако следует отметить и особенности каждой из них:

Толпа голодных мух однажды
Пустилась в путь, чтобы набить живот.
Увидели пчелу, которая трудилась,
Откладывая в норку сладкий мед.

Давно пустыми были животы,
Ну как грабителям мимо еды пройти?
Но разве мухам разрешит пчела
Взять то, что собирала, берегла?
(Пер. подстр. – К.Х.)

В данном случае антагонистами выступают мухи, решившие отобрать мед у усердной пчелы. Если пчелы у Б. Тхамокова избирают для себя роль пассивных наблюдателей, не решившихся возражать осе, здесь пчела выражает активную жизненную позицию и не желает отказываться от своего труда:

Скажу наперед вам такие слова:
Пчелиному роду я буду верна.
И я не сложу пред врагами меч свой,
И пот мой не станет лентяям едой.
(Пер. подстр. – К.Х.)

По нелепой случайности ее крыло попадает в мед, застревает, и она оказывается в ловушке, будучи вынужденной в дальнейшем прислуживать обидчикам и лишенной возможности заниматься своим ремеслом. Однако даже в такой ситуации она старается сохранить свою истинную сущность:

Пчеле так часто снится по ночам,
Как мед усердно делает она.

И образ жизни пчел, пчелиные труды
Ей прямо в сердце, в душу залегли.
И это с каждым днем сильнее ощущает,
Сегодня очень важным то считает.
(Пер. подстр. – К.Х.)

Под осой же подразумевается не умеющее трудиться, бесполезное существо, способное лишь к пустому наставлению, как и многие начальники, о которых говорит с помощью этой аллегории Тхамоков. О бесполезности осы говорится также в басне русского поэта К. Берегова «Пчела и оса»:

Хотя по внешности на пчел похожи осы,
Но главного ты не учла,
Что пользу разную наш труд приносит.
От Ос нет выгоды народу –
Ни воску, и ни меду!
Вы, может, трудитесь немало,
Но для себя самих.
А для других
Не жалко только жала...
Кто для себя весь век живет,
Надеяться не может на почет [Берегов 1997: 11–12].

Б. Тхамоков не включает в текст басни психологические подробности, ограничивается минимумом диалога (во всей басне встречается только два предложения, оформленных как прямая речь). Басня достаточно проста по содержанию и имеет легкий, без лишних подробностей сюжет и классическую форму, что является необычным в двадцатом веке, ведь с приходом модернизма наивное чтение, то есть способность читать без специальных навыков, становится редкостью.

Для Б. Тхамокова крайне важна воспитательная роль басни, ее нравоучительное значение. Например, басня «Медведь и Волк» [Тхамоков 1994: 52] сразу начинается с морали, автор обращается к читателям:

Людьми бессовестными быть никак нельзя!
И мы относимся к таким с большим презреньем.
Но если в их делах кто помогает им,
То разве он достоин уваженья?
В пример историю хочу вам рассказать,
Мораль сей басни помогу понять.
Соседи знали все: волк вором был большим.
Медведь жалел его и прикрывал его деянья:
«Не трогайте его, он бедный, нищий волк,
Не обращайтесь на него вниманья!»
Волк так привольно под защитой жил.

Соседи ту привычку переняли
И друг у друга стали воровать...
Я слышал, что медведя-то украли!
(Пер. подстр. – К.Х.)

Поучительный рассказ баснописец завершает гиперболически шутливо: украден сам медведь, поощрявший воровство: «Я слышал, что медведя-то украли!».

Здесь Б. Тхамоков выносит на обсуждение не только человеческие пороки: непорядочность и воровство, но и социальную проблему попустительства преступлению, ведь малые уступки в таких случаях могут привести в итоге к большим потерям.

Воровство, как правило, критикуется и является позорным для большинства народов, однако следует отметить и категоричное отношение к этому действию конкретно у адыгов. Несмотря на наличие у них социального института наездничества (зекIуэ), носящего ритуальный характер и основанного на военных походах, где адыги стремились в первую очередь проявить свою боевую доблесть и вследствие которых получали трофеи, имущество побежденных, само по себе воровство в частной жизни строго наказывалось. Исследователь адыгской этики Б. Х. Бгажноков отмечает: «Строго наказывали за воровство. Преступника водили по селу, повесив на него украденное (или какие-либо атрибуты украденного), громко выкрикивая его имя и сообщая подробно о содеянном. Эти и подобные им формы диффамации практиковались вплоть до 20-х годов нынешнего столетия» [Бгажноков 1999: 70].

Б. Тхамоков возвращается к вопросу несправедливости общественного порядка и социального неравенства в басне «Лягушка и Дракон» [Тхамоков 1994: 49]:

Усевшись на корягу среди воды,
Лягушка мнением своим делилась:
«Сильнее, лучше всех дракон наш старый,
А с ним давным-давно я подружилась.
Уже три века он живет в воде,
И он отлично знает свое дело.
Подумайте: три века, старше всех,
И жизнь его пусть длится без предела!»
Дракон, услышав данные слова,
Вдруг поднял голову и говорит квакушке:
«Ничтожество! Кто право дал тебе
Тут речи обо мне вести?
И съел лягушку!
(Пер. подстр. – К.Х.)

В данной басне автор ясно демонстрирует понимание общественных противоречий, выводит проблему противопоставления права и бесправия.

Дракон олицетворяет человека, обладающего силой и пользующегося своим положением, показывающего своим поведением пренебрежение к правилам и понимание собственной безнаказанности. Герой проявляет грубость в отношении лягушки, оскорбляя ее и раскрывая свою истинную сущность одними только словами: «Ничтожество! Кто право дал тебе / Тут речи обо мне вести?».

Концовка басни соотносится с термином «катастрофа», использованным Л.С. Выготским в рассуждениях о баснях И.А. Крылова: «Каждая басня включает в себе непременно еще особый момент, который условно называют катастрофой басни по аналогии с соответствующим моментом трагедии и который, может быть, правильнее было бы назвать по аналогии с теорией новеллы *pointe* (по Брику – шпилька) – ударное место новеллы – обычно короткая фраза, характеризующаяся остротой и неожиданностью». [Выготский 1986: 144]. В басне Б. Тхамокова конфликт всемогущего дракона и ничтожной лягушки ближе к концу собирается в одну точку и разрешается последней строкой, катастрофой-шпилькой: «И съел лягушку!».

У множества различных народов существуют мифы и сказки, в которых главный герой оказывается поглощенным драконом. В адыгском нартском эпосе мифический *благъуэ* (дракон) часто выступает олицетворением зла, хозяином водной стихии, перекрывает путь к водоемам, требуя за доступ к воде платы девушками.

С помощью образа другой героини басни, лягушки, автор показывает, к чему приводят недальновидность и неумение строить выводы исходя не из исключительно своих соображений, но также из опыта. Лягушка переоценила загадочный мир своего соседа и решила, что, если он молчит и никого не трогает уже три века, значит, он по природе своей добр. В данном случае уместным кажется приведение русской народной пословицы: в тихом омуте черти водятся.

В басне «Утиная голова» Б. Тхамокова [Тхамоков 1994: 50] также поднимается тема недальновидности и вместе с тем злорадства:

Однажды налетел ужасный ураган,
И все в курятнике от страха закричали.
А Утка, насмехаясь, им сказала:
«Что раскудахтались? Иль яйца потеряли?»
Вот снова дождь полил, как из ведра,
Замерзли лужи, холоднее стало.
Попала эта Утка в ураган
И чуть дыша в курятник прибежала.
Со смехом куры встретили ее:
«Добро пожаловать, красавица, жива ли?
И яйца с нами будешь ты нести,
Не зря же ты в курятник забежала!»
(Пер. подстр. – К.Х.)

Мораль басни не подается напрямую и растворена в тексте, однако ее суть можно передать с помощью крылатого выражения – хорошо смеется тот, кто смеется последним. Автор наглядно показывает, что человек не должен злорадствовать, радоваться несчастью другого, ведь всегда может оказаться на его месте: утка в басне насмеялась над курами, испугавшимися непогоды, однако в итоге попала в такую же ситуацию и терпела насмешки уже от них.

Мораль басни можно выразить и кабардинскими пословицами: узэльэпауэр кьольэпэуэжынщ – кем пренебрегаешь, тот сам станет тобой пренебрегать, япэ джалэм ущымыдыхьэшх – над тем, кто первым упал, не смейся (не зная, что тебя ждет впереди, не радуйся, если у кого-то горе).

Б. Тхамокова также можно назвать поэтом-философом, так как в его стихотворных сочинениях выражены оригинальные взгляды на мир и человеческое место в нем, что является основной темой изучения для философской науки, и отличием здесь является лишь обращенность к личному, а не общему: «По сути, как философ, так и поэт в своих произведениях стремятся создать мир, разве что философ обращен к познанию нашего Универсума, поэт же творит свой Универсум, в котором знание об этом мире, истина – лишь одна из стадий, границ, которые поэт преодолевает в творческом порыве» [Столетов 2007: 19].

Если игнорировать лирические качества и рифму, можно сказать, что Тхамоков-баснописец порой выступает именно как чистый философ, пытающийся исследовать различные измерения жизни, то, что находится в ее пределах, а также метафизические элементы.

Литературовед и критик А.И. Павловский отмечает: «Философская лирика в основе своей всегда размышление, цепь умозаключений, с логической, подчас достаточно обнаженной, последовательностью, подводящих к определенному выводу. Следовательно, философской лирике свойственна известная обязанность едва ли не первую среди остальных видов поэтического творчества формулировать в чувственнообразной форме общественно-значимую идею-обобщение... Вместе с тем, подлинно поэтическое произведение философского склада, чтобы остаться художественным произведением и не перейти в трактат, должно заключать и развивать в себе не просто мысль, но мысль-образ, мысль-чувство, мысль-картину, а значит, порождать в душе читателя по возможности широкую цепь эмоционально-смысловых ассоциаций, не сводящихся к однозначному выводу» [Павловский 1981: 188–189]. В лирике Б. Тхамокова размышления и выводы из них представлены не в форме трактата: они наполнены поэтически образным содержанием, это не просто мысли, а мыслеобразы.

Яркой иллюстрацией данных тезисов может служить басня об относительности счастья «Насекомое и капуста» [Тхамоков 1994: 51–52], несущая в себе глубокий философский смысл:

По скользкой дорожке ползла сороконожка,
Жизнь на верху капусты мечтой ее была.
Она достигла цели (предел ее мечтаний!)

И без забот и горя там счастливо жила.
Вдруг люди химикатами обрызгали капусту,
Ударилась о землю, осталась чуть жива.
Но вот она залезла обратно в свою норку
И, выжив, под капустой вновь счастье обрела.
Живешь ты на вершине иль в самой темной норке,
Тут как узнать, где лучше? кто может дать совет?
Мир может измениться всего в одно мгновение,
И жизнь все расшифрует: и темноту, и свет.
(Пер. подстр. – К.Х.)

Окружающий мир переменчив, и, оказавшись в пограничной экзистенциальной ситуации, насекомое меняет свои представления о том, что является истинно ценным. Создание эпизода, где героиня находится между жизнью и смертью, дает возможность автору показать относительность того, что люди называют счастьем. Также образ сороконожки может быть олицетворением человека, который в любой ситуации старается смотреть на происходящее с ним (на взлеты и падения) в позитивном, благостном ключе.

Таким образом, басня «Насекомое и капуста» настраивает вдумчивого читателя на мысли о вечных философских вопросах, например: «Что есть счастье и что по-настоящему ценно?».

Желание настроить читателей на мысли о незыблемом и вечном можно прочувствовать и в басне Б. Тхамокова «Сурепка и Пырей ползучий» [Тхамоков 1994: 49]:

Сурепка и пырей ползучий, обнявшись на лугу,
Друг друга долго от души хвалили
И, не жалея слов красивых, говорили:
– Как ты прекрасно выглядишь, мой друг,
Таких красивых наш не видел луг!
– И лучше нас нет никого на свете!
– Не верь другим, не забывай об этом!
От идеала оба были далеки:
Пырей с сурепкой – просто сорняки...
(Пер. подстр. – К.Х.)

Бездарные, ограниченные люди нередко хвалят друг друга, потому что обоим это приятно и выгодно, как в известной басне И.А. Крылова кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку. При этом очевидно, что герои Б. Тхамокова не обладают теми достоинствами и талантами, о которых идет речь: оба являются сорняками.

Понятно человеческое стремление нравиться самому себе, а также нравиться другим, и эту потребность в одобрении невозможно удовлетворить самостоятельно. Взаимная похвала даже в условиях несоответствия комплиментов реальному положению дел способна предохранять от

негативных чувств и послужить укреплению самооценки, однако автор с помощью последних строк четко дает понять читателям свое неприятие подобных действий: даже если герои искренне верят в свои дифирамбы, их слова не соответствуют действительности.

Философской также можно назвать басню Б. Тхамокова «Землянка и Родник» [Тхамоков 1994: 49–50]:

«В жару прохладно у меня,
А в холода тепло.
И хоть похожа на тебя,
Но мне не повезло.
В душе нет счастья у меня,
А ты доволен, друг.
Скажи мне, отчего тебя
Все радует вокруг?
И настроение твоё
Всегда на высоте»...
Развеселился тут родник:
«Послушай мой ответ:
Не буду спорить, на земле
Меня счастливей нет.
Я весел, счастлив оттого,
Что вижу солнца свет,
Смотрю свободно на него,
И лучше жизни нет!»
(Пер. подстр. – К.Х.)

В басне недовольной жизнью землянке противопоставляется родник, обладающий той внутренней свободой, которая позволяет ему ощущать себя счастливым. Свобода для кавказских народов в целом имеет жизненно важное значение, и это находило отражение во множестве художественных произведений различных авторов. Известнейший поэт М.Ю. Лермонтов называл Кавказ «суровым краем свободы», даже богом, то есть самым важным, незыблемым для кавказских народов, по его мнению, была свобода: «Им бог – свобода» [Лермонтов 1955: 153–154]. Также мораль басни может быть связана с умением ценить то, что у тебя есть, что отсылает нас к адыгскому аскетизму, выражающемуся в довольствовании тем, что уже имеешь.

Идеалы честности, нравственного долга, умеренности и благонамеренности, пропагандирующиеся в баснях Б. Тхамокова, во многом восходят к этическому кодексу адыгов «Адыгэ хабзэ». В этом отношении особенно характерна басня: «Почтительность и Счастье» [Тхамоков 1994: 50]:

Почетным местом за столом Почтительность гордилась
И тем, что Счастье вслед за нею появилось,
Что так их посадили за столом:

Она на первом месте, Счастье – на втором.
Благополучие своей заслугой считала
И свысока на всех из-за стола взирала.
Сидело Счастье, тихо усмехаясь,
Над Почтительностью про себя смеялось.
И вдруг сломало Счастье тишину:
«Ты чем гордишься? Что-то не пойму.
Живешь ты только на устах людей,
А я – у них в сердцах!
Так кто из нас важней?»
(Пер. подстр. – К.Х.)

В басне Б. Тхамоков не только говорит о том, что тщеславие и высокомерие не красят человека, но и поднимает философский вопрос: что важнее – почтительность или счастье?

Неслучайно сюжет басни развивается за столом, ведь застолье в адыгском этикете обладало высокой социальной значимостью, существовала детальная регламентация обряда трапезы. Кабардинский писатель З. М. Налоев указывал, что помещение, в котором принимали гостей и устраивали застолья, – кунацкая – была «и концертным залом, и кабинетом, где решались политические проблемы, и университетом для подрастающего поколения» [Налоев 1978: 49]. Поведение за столом многое могло сказать о человеке, и правилам столового этикета адыгов учили с раннего детства.

Обычно за столом почетное место занимал глава застолья: «Почетное место, наиболее удаленное от входной двери, занимал глава застолья. Остальные рассаживались в порядке убывания возраста и ранга» [Бгажноков 1987: 92]. Главе застолья традиционно подчинялись все присутствующие.

Как мы видим в басне Тхамокова, на почетное место посадили Почтительность (нэмыс). Почтительность крайне важна и является частью пяти постоянств адыгской этики, даже реализация человечности, другого постоянного «хабзэ», не может осуществляться без почтительности – уважения к окружающим людям, к их чести и достоинству.

Счастье также тесно связано с почтительностью, что выражается кабардинскими пословицами:

Нэмыс зымыІэм насып иІэкъым – В ком нет почтения, у того нет счастья;
Нэмысыншэр насыпыншэц – Непочтительный несчастлив.

Поведение Почтительности в басне выражает пословица: «Нэмыс-къэмыс тІысыпІэ щІэкъуц» («Не имеющий почтительности, стремится обрести место за столом»). Не имеет почтительности тот, кто не соблюдает обычаев и не проявляет уважения к людям, что иронично в контексте басни, учитывая, что именно так поступает в ней сама Почтительность.

Мораль басни в целом раскрывается в пословице: «Нэмысым насып къыдокІуэ» («С почтительностью приходит счастье»).

В художественном строе данных басен Б. Тхамокова складывается «философический» дидактизм при отсутствии в них «лишних» эмоциональных красок, бытовых подробностей.

Обращение Барасби Тхамокова к дидактическому жанру может быть связано в целом с его жизненными ориентирами и неизменной опорой на идеи нравственного совершенствования, которые аллегорически были им переданы читателям с помощью стихотворных басен. Прожив яркую жизнь, поэт сумел сохраниться в сердцах множества людей как человек истинно светлый: «Добрые люди не стареют», – слышал я не раз от отца, будучи ещё мальчишкой. Тезису этому являются подтверждением жизнь, душевный настрой и внешний облик Барасби Гумаровича Тхамокова», – пишет в своих мемуарах знаменитый общественный деятель К. Эфендиев [Эфендиев 2010: 394]. Там же мы можем прочесть и слова, более полно раскрывающие ориентированность Б. Тхамокова на решение социальных проблем современного общества: «В высокой порядочности Барасби Гумаровича, его человеколюбии и принципиальности я убедился в 1994 году, когда Верховный суд Кабардино-Балкарии рассматривал уголовное дело одного молодого наркомана и хулигана, зверски убившего моего, ни в чем абсолютно неповинного тридцатилетнего племянника, инженера-строителя Александра Жираслановича Эфендиева. Барасби Гумарович участвовал в этом тяжелом судебном процессе в качестве народного заседателя. С глубокой признательностью хочу отметить здесь, что этим трудным делом он занимается на общественных началах более двадцати лет. Не счесть, сколько переживаний связано с этим занятием. Надо, конечно, быть мужественным человеком, чтобы выдержать их» [Эфендиев 2010: 393].

Журналистка Светлана Моттаева в статье, посвященной дню рождения поэта, пишет: «В жизни Барасби Тхамоков, которого я хорошо знала, был на редкость скромным интеллигентным человеком. Воспитанный в лучших традициях адыгэ хабзэ, он никогда не кичился талантом и принадлежностью к высокому званию литератора, оставил о себе не только хорошую память, но и заметное наследие» [Моттаева 2015: 3].

Следует отметить и роль религиозной культуры как нравственного ориентира в жизни Б. Тхамокова: «В течение многих лет журналистской работы Барасби постоянно думал о месте и роли религии в жизни общества. И в итоге в 2000 году отправился в Мекку и Медину на хадж, после чего, как он говорит, «стал жить в другом мире (без спиртных напитков, шумных встреч, с твердой установкой не совершать грехов, быть добрым к людям...)» [Эфендиев 2010: 394]. Он также работал над книгой «Хазин (Тафсир (толкование) к Корану)»¹, над ее переводом и адаптацией для кабардиноязычного читателя. Однако его произведения не носят религиозного характера и не тяготеют к определенной конфессии, в отличие, например, от адабов известного кабардинского писателя

¹ Хъазин (Къур'эным и тафсир). 2007 [Электронный ресурс] // Духовное управление мусульман Кабардино-Балкарской республики: сайт. URL: <http://www.kbrdum.ru/PDF/hazin.pdf> (дата обращения: 21.10.2021).

А. Дымова, их мораль является квинтэссенцией всего мирового нравственного опыта.

Проанализировав творчество Б. Тхамокова, мы можем утверждать, что он стремился к максимальной стилистической гладкости, к «нагоде» басенного сюжета, очищению басни от просторечия и натуралистических подробностей. Его басни служат примером кабардинской нравоучительной философской лирики. Среди его достоинств хочется отметить также и образность языка, его умение создать целую картину или охарактеризовать героя всего несколькими словами. Б. Тхамоков использовал всю гамму необычайного богатства звуков, которые придают кабардино-черкесскому языку его красоту и разнообразие, в то же время сохранив простоту и естественность выражения, которые усиливают «душевный» характер его творчества: «Поэтические произведения Тхамокова Б. тематически можно разделить на несколько групп: о дружбе; о любви; о родном крае. Каждая тема раскрыта оригинально, наполнена богатством оттенков чувств и ощущений. Однако при внимательном рассмотрении можно заметить общую тенденцию, пожалуй, главную их особенность – стихи Б. Тхамокова не содержат словесных излишеств, надуманных красот. Стихи ясны и просты, это живые образцы доступного адыгского языка» [Алхасова 2019: 75].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алхасова 2019 – *Алхасова С.М.* Обогащение кабардинской литературы новыми именами в период «оттепели» // Вестник КБИГИ (KBIGR Bulletin). – 2019. – № 1 (40). – С. 72–77. DOI: <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2019-1-40-72-77>

Бгажноков 1987 – *Бгажноков Б.Х.* Традиционное и новое в застольном этикете адыгских народов // Советская этнография. – 1987. – № 2. – С. 89–100.

Бгажноков 1999 – *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 97 с.

Берегов 1997 – *Берегов К.С.* Пчела и оса: басня // Отечества родного седые ковыли: сборник стихов и прозы литераторов г. Орска. – Калуга: Золотая аллея, 1997. – С. 11–12.

Выготский 1986 – *Выготский Л.С.* Психология искусства / Предисл. А.Н. Леонтьева. – М.: Искусство, 1986. – 573 с.

Кудаева 2012 – *Кудаева З.Ж.* Пчела в адыгских мифопоэтических воззрениях // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2012. – № 1 (96). – С. 39–41.

Лермонтов 1955 – *Лермонтов М.Ю.* Измаил-Бей: Восточная повесть / Подгот. текста К.Н. Григорьян // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 3: Поэмы, 1828-1834. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 153–225.

Монпере 1937 – *Монпере Ф. Дюбуа де.* Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму / Перевод с французского Н.А. Данкевич-Пушиной. – Сухуми: АБГИЗ, 1937. – 180 с.

Моттаева 2015 – *Моттаева С.М.* Памятные даты мая // Кабардино-балкарская правда. – 2015. – 28 мая. – № 95 (24137). – С. 3.

Налоев 1978 – *Налоев З.М.* Из истории культуры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 192 с.

Павловский 1981 – *Павловский А.И.* Философская лирика // Русская советская литература 50–70-х годов. – М.: Просвещение, 1981. – 224 с.

Столетов 2007 – *Столетов А.И.* Философия и поэзия: точки пересечения // Вестник ТГПУ. – 2007. – № 11. – С. 18–23.

- Тхьэгъэпсэу 1989 – Тхьэгъэпсэу У. Бжьэмрэ бадзэхэмрэ (Пчела и мухи) // Советская молодежь. – 1989. – 28 апр. – С. 9. (на каб.-черк. яз.)
- Тхамоков 1994 – *Тхамоков Б.Г.* Спокойное слово: Стихи / Вступ. ст. Л.М. Губжокова. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 80 с. (на каб.-черк. яз.)
- Эфендиев 2010 – *Эфендиев К.К.* Годы, события, люди: в 2 т. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. – Т. 2. – 492 с.

REFERENCES

- ALKHASOVA S.M. *Obogashchenie kabardinskoi literatury novymi imenami v period «ottepeli»* [The Enrichment of the Kabardian literature of new names in the period of «thaw»]. IN: *Vestnik KBIGI* (KBIHR Bulletin). – 2019. – No. 1 (40). – P. 72–77. DOI: <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2019-1-40-72-77> (In Russian)
- BEREGOV K.S. *Pchela i osa: basnya* [The bee and the wasp: a fable]. IN: *Otechestva rodnogo sedye kovyli: sbornik stikhov i prozy literatorov g. Orska* [Homeland's gray feather grass: a collection of poems and prose writers of Orsk]. – Kaluga: Zolotaya alleya, 1997. – P. 11–12. (In Russian)
- BGAZHNOKOV B.Kh. *Adygskaya etika* [Adyghe ethics]. – Nalchik: El'-Fa, 1999. – 97 p. (In Russian)
- BGAZHNOKOV B.Kh. *Traditsionnoe i novoe v zastol'nom etikete adygskikh narodov* [Traditional and new in the table etiquette of the Adyghe people]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1987. – No. 2. – P. 89–100. (In Russian)
- EFENDIEV K.K. *Gody, sobytiya, lyudi: v 2 t.* [Years, events, people: in 2 volumes]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2010. – Vol. 2. – 492 p. (In Russian)
- KUDAEVA Z.Zh. *Pchela v adygskikh mifopoeticheskikh vozzreniyakh* [The bee in the mythoepic views of the Adyghe]. IN: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2012. – No. 1 (96). – P. 39–41. (In Russian)
- LERMONTOV M.Yu. *Ismail-Bey: Vostochnaya povest' / Podgot. teksta K. N. Grigor'yan* [Ismail-Bey: Eastern tale. Edited by K.N. Grigoriyan]. IN: LERMONTOV M.Yu. *Sochineniya: v 6 t. T. 3: Poemy, 1828-1834* [Works: in 6 volumes. Vol. 3: Poems, 1828-1834]. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1955. – P. 153–225. (In Russian)
- MONPERE F. DYUBUA de. *Puteshestvie vokrug Kavkaza u cherkesov i abkhazov, v Kolkhide, v Gruzii, v Armenii i v Krymu / Perevod s frantsuzskogo N.A. Dankevich-Pushchinoi* [Voyage around the Caucasus, among the Circassians and the Abkhazians, in Colchis, Georgia, Armenia and in the Crimea. Translation from French by N.A. Dankevich-Pushchina]. – Sukhumi: AbGIZ, 1937. – 180 p. (In Russian)
- MOTTAIEVA S.M. *Pamyatnye daty maya* [Memorable days of may]. IN: *Kabardino-balkarskaya pravda*. – 2015. – May 28th. – No. 95 (24137). – P. 3. (In Russian)
- NALOEV Z.M. *Iz istorii kul'tury adygov* [From the history of the Circassian culture]. – Nalchik: El'brus, 1978. – 192 p. (In Russian)
- PAVLOVSKY A.I. *Filosofskaya lirika* [Philosophical lyrics]. IN: *Russkaya sovetskaya literatura 50–70-kh godov* [Russian Soviet literature of the 50s-70s]. – M.: Prosveshchenie, 1981. – 224 p. (In Russian)
- STOLETOV A.I. *Filosofiya i poeziya: tochki peresecheniya* [Philosophy and poetry: points of intersection]. IN: *Vestnik TGPU*. – 2007. – No. 11. – P. 18–23. (In Russian)
- TKHAMOKOV B.G. *Spokoinoe slovo: Stikhi / Vstup. st. L.M. Gubzhokova* [Quiet Word: Poems. Foreword by L.M. Gubzhokov]. – Nalchik: El'brus, 1994. – 80 p. (In Kabardin-Circassian)
- TKHEGEPSEU U. *Bzh'emre badzekhemre* [Bee and Flies: Fable]. IN: *Sovetskaya molodezh'*. – 1989. – 28 apr. – P. 9. (In Kabardin-Circassian)
- VYGOTSKY L.S. *Psikhologiya iskusstva / Predisl. A.N. Leont'eva* [Psychology of art. Foreword by A.N. Leonteva]. – M.: Iskusstvo, 1986. – 573 p. (In Russian)

Наши авторы

Азикова Юзанна Мартиновна – канд. истор. наук, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»; старший научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Российская Федерация

E-mail: i.azikova@kbsu.ru

Алхасова Динара Муратовна – аспирант Научно-образовательного центра Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», Нальчик, Российская Федерация

E-mail: alkhasova.dinara@mail.ru

Атласкирова Радима Суфьяновна – аспирант Научно-образовательного центра Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», Нальчик, Российская Федерация

E-mail: atlaskirovaradima@yandex.ru

Бабич Ирина Леонидовна – д-р истор. наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

E-mail: babich@iea.ras.ru

Боров Аслан Хажисмелович – канд. истор. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Российская Федерация

E-mail: aslan-borov@mail.ru

Дзамихов Касболат Фицевич – д.и.н., профессор, директор Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Российская Федерация

E-mail: kbigi@mail.ru

Кажаров Артур Гусманович – д-р истор. наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Российская Федерация

E-mail: artur-kazharov@yandex.ru

Кажарова Инна Анатольевна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», Нальчик, Российская Федерация

E-mail: barsello@rambler.ru

Кушхабиев Анзор Викторович – д-р истор. наук, заведующий Центром социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Российская Федерация

E-mail: anzor-vk@mail.ru

Мирзоев Асланбек Султанович – канд. истор. наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», Нальчик, Российская Федерация
E-mail: marzeibach@mail.ru

Муратова Елена Георгиевна – д-р истор. наук, профессор, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»; ведущий научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Российская Федерация
E-mail: lenga_gm@mail.ru

Прасолов Дмитрий Николаевич – канд. истор. наук, доцент, заведующий сектором этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», Нальчик, Российская Федерация
E-mail: dmprasolov@gmail.com

Тамазов Муслим Султанович – канд. истор. наук, директор Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: muslimt@mail.ru

Татаров Азамат Амурович – канд. истор. наук, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»; научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Российская Федерация
E-mail: traveller9090@mail.ru

Тумов Аскер Асланбекович – канд. истор. наук, начальник отдела грантов УНИИД ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»; научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Российская Федерация
E-mail: tumovasker@gmail.com

Хавжокова Людмила Борисовна – канд. филол. наук, зав. сектором кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», Нальчик, Российская Федерация
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Хашир Кара Оскаровна – аспирант ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Российская Федерация
E-mail: cara.khashir@gmail.com

Чернявский Илья Валерьевич – аспирант Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь
E-mail: cherny-95@mail.ru

Шнелле, Йоханнес (Schnelle, Johannes) – Master of Arts, ассистент проекта «Советские и немецкие военнопленные и интернированные» «Германского исторического института в Москве», Москва, Российская Федерация
E-mail: johannes.schnelle@dhi-moskau.org

Электронный журнал
«Кавказология»

Caucasology

№ 4 / 2021

DOI: 10.31143/2542-212X-2021-4